

ФЕРДИНАНД ОПЛЬ
ФРИДРИХ
БАРБАРОССА

FERDINAND OPLL

FRIEDRICH BARBAROSSA

Wissenschaftliche Buchgesellschaft
Darmstadt
1998

ФЕРДИНАНД ОПЛЬ

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(0)4
УДК 94(430).024
О61

Научный редактор
к.и.н. Ермаченко И. О.

Фердинанд Опль

О61 Фридрих Барбаросса. Пер. с нем. Ермаченко И. О.,
Некрасова М. Ю. — СПб: Евразия, 2010. 512 с.

ISBN 978-5-91852-014-7

Монография современного австрийского историка Фердинанда Опля посвящена одной из самых известных личностей XII столетия и всего европейского Средневековья — правителю Священной Римской империи Фридриху I Барбароссе. Труд, первое издание которого было приурочено к 800-летней годовщине со дня смерти монарха, сочетает в себе яркое и подробное изложение биографии императора (первая часть книги) с комплексным описанием своеобразия его политической деятельности, взаимодействия с разными сословиями и институтами средневекового общества (второй раздел). Барбаросса представлен автором как политик мирного времени и военный организатор, в борьбе за власть и на вершине своего могущества, на фоне разнообразных событий в немецких землях и во время шести походов в Италию, во главе III крестового похода, принесшего ему гибель, и как мифологизированный образ многовековой исторической памяти.

ISBN 978-5-91852-014-7

ББК 63.3(0)4
УДК 94(430).024

©3rd edition, WBG (Wissenschaftliche
Buchgesellschaft), Darmstadt, 1998

©Ермаченко И. О., Некрасов М. Ю.,
перевод с немецкого, 2010

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2010

© Издание на русском языке, оформление,

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Обращение к жизни, личности и эпохе столь прочно вошедшего в коллективную историческую память властителя, каким является Фридрих Барбаросса, вне всякого сомнения, исполнено особой привлекательности для историка. Так что наше решение предложить читателю биографию этого первого императора из династии Штауфенов не нуждается в каких-либо особых обоснованиях — они очевидны для всех. Особое обязательство, и даже бремя, налагает на автора тот факт, что Барбаросса издавна и не раз оказывался в центре внимания биографических описаний и сочинений. В предлагаемой ниже биографии наряду с частью, ориентированной на традиционные образцы этого литературного жанра и построенной согласно хронологической последовательности событий, имеется вторая, в которой освещаются и анализируются основные структурно значимые реалии описываемой эпохи, дабы с их помощью пролить свет на политическую обстановку, в которой разворачивалась деятельность первого штауфеновского императора. Остается только объяснить, каким образом автор настоящей работы пришел к осознанию профессиональной необходимости взяться за сочинение труда подобного рода. Со времени учебы в Венском университете изучение эпохи ранних Штауфенов занимало в моей научной работе особое место. Еще будучи студентом, я был привлечен моим будущим научным руководителем, профессором Генрихом Аппельтом, к участию в подготовке публикации дипломов Фридриха Барбароссы, осуществля-

емой Венским отделением серии *Diplomata* издания «Исторические памятники Германии» («Monumenta Germaniae historica»). После окончания учебы мне была доверена переработка «Регест» Бёмера («Regesta Imperii») для времени правления этого государя, следствием чего стало особенно углубленное изучение всей дошедшей до нас документальной традиции эпохи ранних Штауфенов. Плодом этой деятельности явился изданный в 1980 году первый том, охватывавший период до 1158 года. После моего поступления на службу в Архив города и земли Вены эта работа «по совместительству» была продолжена и продолжается до сих пор. В настоящее время близится к завершению подготовка второго тома (до 1167–1168 годов). Работа в архиве способствовала более основательным занятиям городской историей, в результате чего показалось весьма разумным объединить два основных направления моей деятельности в докторской диссертации «Город и Империя в XII веке».

Мой высококочтимый учитель профессор Аппельт после своего ухода на пенсию продолжал с интересом следить за моей работой и благосклонно оказывать мне поддержку. Когда появилась возможность непосредственно обратиться к истории Фридриха I, именно он неизменно поддерживал меня в решении написать эту книгу. С большим участием он следил за ее созданием и обогатил ее множеством ценнейших идей. Как выражение моей глубочайшей признательности я посвящаю ему этот труд.

Фердинанд Опль.
Вена, лето 1989

Предисловие к третьему изданию

Любой автор испытывает особую радость и чувство удовлетворения, когда его произведения вызывают продолжительную заинтересованность публики, проявлением чего служит и целесообразность переизданий, признаваемая издательством. Уже в 1994 году одновременно вышли в свет второе немецкое издание (без изменений) и итальянский перевод книги (Federico Barbarossa. Traduzione a cura di Roberta Castrucci. Genova, 1994).

Своей книгой, вышедшей в 1990 году, в 800-летнюю годовщину со дня смерти Фридриха Барбароссы, я мог обобщить и преподнести читателю собственный многолетний опыт изучения эпохи и правления первого императора из дома Штауфенов. Хотя исследовательский интерес, который сегодня во многом ориентирован на юбилей, за истекшее с тех пор время несколько спал, тем не менее дополнение, сделанное к списку источников и литературы, демонстрирует дальнейшие шаги, предпринятые в изучении этой темы (см. с. 410 и далее). В 1990 году Генриху Аппельту удалось завершить монументальное издание грамот Фридриха Барбароссы, год спустя я отдал в печать вторую часть тома «Regesta Imperii», посвященного периоду правления этого государя. В настоящее время уже существенно продвинулась работа над третьей частью этого тома (за 1168–1180 годы).

Я приношу благодарность моей семье, которая всегда оставляет мне время, необходимое для исследований, издательству, проявляющему большую заботу о своем авторе, но прежде всего моим читательницам и читателям, для которых задумана эта книга.

Фердинанд Опль.
Вена, осень 1997.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. ФУНДАМЕНТ НАШЕГО ЗНАНИЯ

Биография является столь же традиционным, сколь и распространенным жанром сочинений в научной, а равно и в популярной литературе: написанные в этом жанре произведения востребованы читателем. Изучение личности, исследование ее реакций и поступков в современном ей историческом окружении издавна вызывали широкий интерес. Причем именно личности властителей, представляющих все времена и культуры, всегда стояли и стоят в центре подобных сочинений. Хотя в этом отношении и произошел существенный поворот, когда вследствие взлета исследований по общественной и экономической истории среди историков утвердился значительно более широкий и глубокий взгляд на проблематику исторического окружения той или иной персоны.

Личность Фридриха Барбароссы, первого императора из дома Штауфенов, уже с момента появления первых научных исторических сочинений встретила внимание и интерес со стороны авторов исторических биографий. Правда, как правило, далеко не последнюю роль играл исторический фон, современный самим биографам. В результате далекие времена императора нередко изображались своего рода идеалом — в противоположность современному состоянию государства, мыслимого автором как пребывающее в упадке¹, или когда вообще вся эпоха Штауфенов описывалась — в ту же эпоху романтизма — в таких выражениях, как «ослепительное сияние и непревзойденная вершина»².

Точно так же исторические исследования второй половины XIX века черпали новый импульс из актуальных политических обстоятельств, из обсуждения вопроса о смысле и правомочности штауфеновской итальянской политики, поднятого в связи с созданием на основе Пруссии Второй Германской империи. Упрек в том, будто бы Штауфены, делая акцент на итальянской компоненте своей политики, слишком мало уделяли внимания немецким территориям, в первую очередь проблеме восточной колонизации, и даже прямо пренебрегали ими, настойчиво отвергал мюнхенский историк Вильгельм фон Гизебрехт. Его монументальный труд «История эпохи германских императоров», пятый и шестой тома которого (последний после смерти Гизебрехта был закончен Бернардом фон Зимзоном, 1880–1895) посвящены эпохе Фридриха Барбароссы, по сей день представляет собой лучшее, с точки зрения обеспеченности источниками, сочинение о времени правления первого императора из дома Штауфенов³.

Если осмысление современных дискуссий на фоне «великой», с точки зрения современников, исторической эпохи нередко давало важный импульс к детальным, фундированным исследованиям, то в нашем столетии подобные прецеденты вели к идеологически мотивированным перегибам и даже прямым извращениям в интерпретации истории. Не в последнюю очередь именно деконструкция традиционного противопоставления Барбароссы как «итальянского политика» и его кузена со стороны Вельфов, Генриха Льва, как «восточного политика» дала возможность назвать русский поход Адольфа Гитлера «Планом Барбаросса»⁴. Таким образом, после окончания Второй мировой войны Штауфен, подчас с неизбежностью, должен был восприниматься как «символ общеизвестной агрессивности немцев»⁵. В связи с этим одной из основных задач медиевистики после 1945 года стало заново представить исторический образ Барбароссы в неискаженном све-

те. Однако для выполнения этой задачи было настоятельно необходимым новое осмысление источников. Ряд биографий Штауфена, вышедших в свет с тех пор, можно признать показательными в этом отношении⁶. Порой — в противоположность прежнему превознесению и героизации эпохи Штауфена — возникала в высшей степени критическая точка зрения, заметная, например, в труде Фридриха Хеера. Негативную оценку Барбароссы этим исследователем следует рассматривать во многом как реакцию на предшествующее прославление, возможно, также завышенное. Чрезвычайно характерным является то обстоятельство, что именно в это время усилия по публикации грамот этого государя, предпринимавшиеся в рамках серии *Diplomata* «Исторических памятников Германии» еще с конца XIX века⁷, и переработка «Регест» Бёмера⁸ дали, наконец, возможность составить адекватную картину его эпохи. И, собственно, вершиной популяризации образа Штауфена явилась необыкновенная по своему размаху посвященная ему выставка, открытая в 1977 году в Штутгарте, поводом к которой — типичным ввиду пиетета нашего времени к юбилеям — стало 25-летие федеральной земли Баден-Вюртемберг⁹.

Подобную в некоторых отношениях эволюцию можно заметить и в итальянской историографии. И там на образ Штауфена начиная с середины XIX века наложило печать Рисорджименто с его стремлением к политическому единству и самоопределению. Что могло быть проще, чем рассматривать длившуюся десятилетиями яростную борьбу городов-государств против императора — во всех ее сколь жестоких, столь же и героических аспектах — в качестве прообраза собственной эпохи и видеть в императоре Штауфене просто «врага»? Отмеченная здесь черта, так сказать, мировоззренческого свойства, нашла свое отражение в непревзойденной до сих пор ни одним современным исследованием работе Чезаре Виньяти о союзе североиталь-

янских коммун, так называемой Ломбардской лиге¹⁰. Однако и в Италии историческая наука в конце концов отказалась от такой интерпретации образа императора и его эпохи и перешла на базе строгого следования источникам к объективному рассмотрению исторического развития. Работы Джини Фазоли¹¹ и Паоло Бреucci¹² — упомянем здесь лишь некоторые имена, опустив многие другие, — сделали решающие шаги в этом подлинно прогрессивном направлении. Дальнейшие исследования показали, что политику коммун¹³ нельзя рассматривать как единую и постоянную, напротив, среди населения городов, как, впрочем, и среди знати¹⁴, существовали различные партии. И только дифференцированное и дифференцирующее изучение может сделать понятным историческое развитие во всей его многогранности.

В этом обзоре историографии эпохи Штауфенов нам постоянно приходится отмечать, в какой мере близки к источникам упоминаемые работы. Очевидным недостатком многих биографий является то, что их авторы не ссылаются на исторические источники в том объеме и с теми подробностями, с каковыми следовало бы. Впрочем, это не в последнюю очередь может быть объяснено ограниченным объемом подобных работ¹⁵ и, без сомнения, касается и настоящей книги. Чтобы хоть в некоторой степени компенсировать это обстоятельство, следует хотя бы в общих чертах обрисовать проблемы, связанные с рукописной традицией, и указать на многообразие источников, относящихся к данной эпохе и заслуживающих рассмотрения, и на то, какие трудности при этом следует иметь в виду.

Центральное значение для наших представлений об эпохе ранних Штауфенов имеют, без сомнения, правовые акты того времени, и в особенности императорские грамоты или дипломы. Они представляют собой прочный фундамент любой исторической рукописной традиции, и они же демонстрируют нам все пространство Империи эпохи вы-

сокого Средневековья посредством упоминания в них не только отдельных получателей — духовных лиц и мирян, но и целых городов. Они позволяют нам взглянуть на правовые отношения Империи. Упомянутые в них имена свидетелей демонстрируют общественную структуру окружения штауфеновского двора, а указанием на место подписания и дату совершения акта они отмечают перемещения императора внутри Империи¹⁶. При этом последний пункт служит гораздо большему, нежели простому удовлетворению культурно-исторического интереса к «путешествиям» двора. Отсутствие в Империи разветвленной системы административного управления в эту эпоху приводило монарха к необходимости осуществлять свои властные полномочия непосредственно через свое личное присутствие. Он правил, разъезжая по Империи, и его итинерарий — тот путь, который он проделывал в течение своего правления, можно, следовательно, с полным правом назвать «каркасом имперской истории»¹⁷. В результате исследования императорских актов можно также составить представление об отношениях внутри имперской канцелярии, этого функционального ядра типично средневековой формы администрирования. Это учреждение, институциональный характер которого никак не может быть определен в современных категориях, было во многих отношениях чем-то вроде «пульта управления», определявшего развитие событий в Империи. Наиболее важные советники государя — крупные исторические фигуры, определявшие штауфеновскую политику, — так или иначе поддерживали связь с канцелярией: сами входили в ее штат или же когда-то сделали в этом учреждении свою карьеру, чтобы потом быть привлеченными императором к осуществлению более важных задач¹⁸.

Наряду с императорскими актами следует назвать документы папской канцелярии и, конечно же, необозримое море так называемых «частных актов» (грамот, изданных

от имени архиепископов, епископов, аббатов, настоятелей, князей, знати и городов), которые тоже нельзя не упомянуть. Папские акты, относящиеся ко времени Барбароссы¹⁹, имеют значение для истории Империи отнюдь не только когда речь идет о непосредственных контактах Апостольского престола с императором. Вследствие продолжавшейся с 1159 по 1177 годы схизмы и связанного с ней вынужденного пребывания папы Александра III во Франции эти документы становятся ценными свидетельствами касательно различных партий в среде клира на территории Империи, а также отражают папский итинерарий. Упомянутые выше «частные акты»²⁰ тоже существенным образом дополняют наши знания об истории Империи. Нередко духовные и светские князья издавали документы «по поручению государя» (*iussu / mandato domini imperatoris*). «Частные акты», которые составлялись на придворных съездах (хофтагах), расширяют наши представления о составе их участников, а также очерчивают круг обсуждавшихся на них политических вопросов. Городские акты, особенно исходящие от итальянских коммун с их самостоятельной политикой, являются важными документальными свидетельствами об отношениях имперской власти и этих новых общественных сил. Здесь в первую очередь следует назвать союзные договоры²¹, заключавшиеся с 1167 года в рамках Ломбардской лиги. Наконец, особое место занимают составленные в правление Барбароссы, прежде всего в Италии, акты имперских легатов²², этот важнейший исторический источник, свидетельствующий о попытках выстроить имперское управление.

Если актовый материал представляет главным образом правовые, экономические и социальные отношения эпохи, и благодаря ему зачастую можно лишь опосредованно представить картину политической реальности, то многочисленные послания, дошедшие до нас от эпохи ранних Штауфенов, напротив, следует рассматривать как первостепен-

ные источники, свидетельствующие именно о политике императора. Связь этих документов с рукописной традицией — в подавляющем большинстве случаев они дошли до нас в составе так называемых «письмовников»²³ — не всегда позволяет с легкостью дать им соответствующую интерпретацию и удовлетворительно ответить на вопрос об их исторической достоверности²⁴. Как пример собрания, не оставляющего никаких подозрений относительно его исторической достоверности, следует упомянуть переписку Вибальда, аббата Стаvlo и Корвея, — пожалуй, самого крупного государственного деятеля времени Конрада III и первых лет правления Фридриха Барбароссы. Его переписка имеет основополагающее значение для истории взаимоотношений Империи и папства, равно как Империи и Византии²⁵. Письма Иоанна Солсберийского²⁶ — при всей их пристрастности и неприязни «немецкого тирана», — в свою очередь, во многом способствуют пониманию развития схизмы и отношений Империи с Англией и Францией. В обоих случаях — как Вибальда, так и Иоанна — речь идет о достаточно информированных людях, суждения которых, с учетом их тенденциозности в ряде моментов, могут претендовать на высочайшую степень достоверности. Существуют, правда, и другие «собрания писем» того времени, в отношении которых анализ и оценка содержащихся в них посланий несравнимо труднее²⁷. Но даже тексты, которые однозначно следует квалифицировать как «стилистические упражнения» — подразумевая под ними составленные в целях обучения образцы писем, — имеют, при соответствующей интерпретации, большую историческую ценность и заключают в себе важные сведения об эпохе²⁸.

Для всех описанных выше носителей рукописной традиции характерно отсутствие такого значимого элемента их исторического содержания, как последовательное изображение происходящего. В противоположность этому есть огромное количество собственно исторических описаний,

памятников историографии²⁹, для которых как раз этот элемент является основополагающей характеристикой. При всей осторожности, необходимой в отношении тенденциозно искаженных сведений, и при всем внимании, требующемся для бережной и дифференцирующей их интерпретации, эти источники с давних пор представляют главный интерес для исследователей. В них биографии находят своих, уже собственно исторических, восходящих ко временам Барбароссы, предшественников. Раз уж мы хотим сделать несколько замечаний об историописании эпохи ранних Штауфенов, то следует полностью отдавать себе отчет во фрагментарности находящегося в нашем распоряжении материала. Однако мы полагаем, что в главе о фундаменте нашего исследования нельзя обойтись без нескольких примеров.

Если мы ограничимся немецким кругом и будем двигаться от сочинений, современных событиям, к трудам, возникшим позднее, то в первую очередь следует указать на епископа из дома Бабенбергов, бывшего по матери сводным братом Конрада III и, следовательно, дядей Барбароссы — на Оттона Фрейзингенского³⁰ и на его «Деяния Фридриха» («Gesta Friderici»). Уже в своем первом историческом произведении, «Хронике», он проявил себя подлинным мастером в изображении широких исторических взаимосвязей. Находясь со Штауфеном в особо доверительных отношениях благодаря своему родству с ним, Оттон получил в 1157 году официальное поручение составить «Деяния» государя. Труд Оттона, продолженный после его смерти в 1158 году его секретарем Рагвином до 1160 года (а в приложении доведенный вплоть до конца 1160-х годов), является главным памятником раннештауфеновской историографии, на который так или иначе опираются все позднейшие описания. В «Деяниях», составленных Оттоном по желанию его племянника-императора, отразились разнообразные аспекты многогранной личности автора. Будучи цистерцианцем, теснейшим образом связанным с рели-

гиозными идеалами и духовным миром своей эпохи, он был при этом имперским епископом, умевшим очень вдохновенно и убедительно представлять интересы своей церкви. Связи Оттона при дворе не выходили за пределы обычного, но благодаря его прежней историографической деятельности именно ему в глазах государя было предназначено составление исторического описания монарших деяний.

Если «близость ко двору» можно расценивать как особое специфическое свойство составленных Оттоном «Деяний»,³¹ то существует также целый ряд других созданных его современниками произведений, имеющих явный «придворный» отпечаток, значение которых не меньше, но рассматривать которые следует несколько иначе. Они — и это также справедливо в отношении огромного числа анналов — содержат сообщения о фактах общеимперского масштаба только в тех случаях, когда речь идет о «великих» событиях (выборы короля, коронация императора, подчинение Милана, заключение в Венеции мира с Александром III и т. д.), или если имперская власть непосредственно вторгается в преимущественно описываемое ими пространство, или когда стоящая в центре повествования личность вступает в контакт с государем (участие в общеимперских походах, придворных съездах и т. п.). В качестве примера подобного вида источников можно привести «Славянскую хронику» Гельмольда из Босова и ее продолжение, написанное Арнольдом Любекским. Как будто в результате следования определенной модели подобная схема присутствует и в анналах пражского каноника Винцента, который, благодаря неизменному участию богемцев в ранних итальянских походах Барбароссы 1158–1166/67 годов, неоднократно становился очевидцем событий, в связи с чем, вероятно, сообщает о них из первых рук.

Не только «придворность», но и большая временная удаленность от описываемых событий является характерной чертой некоторых сочинений конца XII — начала XIII

веков, которые тем не менее способствуют — при критической оценке их известий — расширению наших познаний. В особенности это относится к «Деяниям» («Gesta») графов Геннегау, авторства Гислеберта Монского, а также к хроникам Оттона Санкт-Блазинского и Бурхарда Урсбергского³². Некоторыми особо ценными сведениями мы обязаны именно им. При этом произведение настоятеля Урсберга отличается широким использованием более ранних исторических сочинений: в основе его лежит не только названная хроника Санкт-Блазинской обители, присутствуют извлечения и из итальянских хроник.

С только что упомянутыми источниками, которые нередко следует отнести к литературно преувеличенным изложениям событий, соседствует такой в высшей степени характерный для средневековой историографии тип произведения, как «анналы»³³. К ним постоянно приходится обращаться при биографических исследованиях. В противоположность хроникам и «Деяниям» мы не встречаем здесь связного описания, напротив, как правило, речь идет о кратких и четких единичных сообщениях, для исторической оценки которых важную роль играют такие уже отмеченные прежде моменты, как уровень и значение сообщаемой информации. И здесь, как правило, удастаиваются записи только «крупные» события имперской истории. В иных случаях они повествуют о происходящем в их узком мире, то есть «Регенбургские анналы» сообщают о событиях баварских или регенбургских, «Магдебургские анналы» — о саксонских или магдебургских, и т. д.

«Кёльнская королевская хроника» («Chronica regia Coloniensis») занимает пограничное положение между хрониками и анналами, отличаясь детальными, подробными, наиболее достоверными сообщениями о событиях имперской истории.³⁴ Осведомленность ее автора является не в последнюю очередь результатом «близости к королю» Кёльнского архиепископа.

Немецкое историописание высокого Средневековья по преимуществу представляет собой выражение исторического интереса со стороны клира и потому складывается, как правило, в окружении тех или иных церковных институтов. В качестве примера исторического труда, который, напротив, происходит из мира дворянства и сконцентрирован на истории одной знатной фамилии и ее судьбе, можно назвать повествование о семействе Вельфов с особым акцентом на южнонемецкой ветви этого дома — «*Historia Welforum*»³⁵. Единственное, что полностью отсутствует в немецкой историографии XII века, — это настоящее городское историописание.

Зато итальянская историография эпохи ранних Штауфенов, напротив, представлена преимущественно этим последним типом. Структурные различия между севером и югом, проявляющиеся на уровне политических реалий эпохи, неизменно возникают и здесь. Этот историографический феномен определенным образом отражает ключевое значение итальянских городов-государств. В качестве основных мотивов, нашедших выражение в появлении этих исторических сочинений, следует назвать интерес к главенствующей в жизни коммун политике с имперской властью, осознание значения собственной городской истории, любовь к городской «отчизне», а также очарование, исходившее от личности Фридриха Барбароссы. И само собой разумеется, что в этих сочинениях отражается про- или антиштауфеновская позиция той или иной коммуны. Классические примеры такого рода историописания прежде всего дала Ломбардия. С одной стороны — миланские «Деяния Фридриха» («*Gesta Frederici*»), название которых, никак не обоснованное, в позднейшем издании³⁶ с полным правом было заменено на «Повесть об утеснении и покорении Ломбардии» («*Narratio de Longobardie obpressione et subiectione*»). С другой — историческое сочинение двух граждан Лоди, Оттоне и Ачербо Морены, а также его аноним-

ное продолжение, доходящее до 1168 года³⁷. Изложение истории Империи предшествует в нем шаблонному изображению городской истории коммуны Лоди, находившейся в постоянном конфликте с Миланом³⁸. Подобно обоим авторам из Лоди, игравшим в своем родном городе видные роли, генуэзец Каффаро, бывший государственным деятелем, полководцем и флотоводцем, также имел в высшей степени влиятельное положение. Его «Генуэзские анналы»³⁹, в подавляющей своей части сосредоточенные прежде всего на истории великого морского города, сообщают об Империи только в случае тех или иных контактов с государем. Тем не менее труд Каффаро, особенно в сочетании с «Пизанскими анналами» Бернардо Марагоне⁴⁰, является необычайно важным источником по эпохе ранних Штауфенов и проливает свет на богатые кризисами отношения двух приморских городов, разворачивавшиеся на фоне имперской политики.

В отмеченных выше источниках превалируют события, разворачивавшиеся внутри Империи, в то время как внешнеполитическое измерение, так же как и отношения со священством, оказываются скорее на периферии повествования. Поэтому в заключение стоит упомянуть еще несколько важных сочинений, касающихся именно этих направлений исторического развития. В центре «Понтификальной книги» (*Liber pontificalis*)⁴¹, которую продолжал в эпоху ранних Штауфенов кардинал Бозон, стоят жизнеописания римских пап. Это чрезвычайно значимый исторический источник, свидетельства которого, впрочем, ввиду частых трений между папой и императором, нередко тенденциозны и нуждаются в коррекции.

Продолжая разговор о Средиземноморье, отметим, что не отличающиеся постоянством отношения с королевством норманнов в Сицилии являлись значимым фактором в имперской политике, который, в свою очередь, был теснейшим образом завязан на отношения Империи с папством и

с Восточной Римской империей Комнинов. Основным источником здесь является хроника архиепископа Салернского Ромуальда, первая известная всемирная хроника средневековой Италии, которую следует назвать также главным источником в отношении Сицилии. Ромуальд начинает более подробный рассказ с 1125 года и дает чрезвычайно детальные сведения высочайшей степени достоверности, прежде всего о мирных переговорах в Венеции в 1177 году; этот фрагмент составляет по меньшей мере десятую часть всего сочинения⁴².

Историография Византийской империи Комнинов XII века — представленная историческими сочинениями Иоанна Киннама и более молодого Никиты Хониата — дает ценные сведения о политике Империи эпохи Штауфенов в отношении Восточного Рима⁴³. С нею связано также решающее представление о Венгерском королевстве как о государстве, являющемся буфером между Востоком и Западом. Определенную трудность при обращении к византийской рукописной традиции далеко не в последнюю очередь составляет несовершенная хронологическая привязка тех или иных известий. Нельзя отбрасывать и вопрос об исторической достоверности этой традиции, в связи с чем необходима ее перепроверка по данным других источников. Следующую находящуюся за пределами Империи территорию, важность которой определялась главным образом как раз нестабильностью политических отношений в описываемом регионе — отношений между Византией, Венгрией, Сицилей и папством, — представляет собой приморский город Венеция. В XII веке она переживает решающий этап своего превращения в великую экономическую и политическую державу Европы. Сведения из «Истории венецианских дождей» (*Historia ducum Veneticorum*) являются главным источником по этому вопросу⁴⁴.

Наконец, если мы обратим свое внимание на окружение штауфеновской Империи на западе и на севере, то

следует задаться вопросом об источниках, характеризующих отношения с королевствами Франция, Англия и Дания. С одной стороны, следует, конечно же, указать на принципиальную необходимость привлечения источников, местом происхождения которых является сама Империя, особенно те из ее областей, которые граничат с тем или иным «зарубежьем». Это касается не только, например, уже упомянутого сочинения Гельмольда из Босова, когда речь идет об отношениях с Данией. То же самое справедливо и в случае с различными восточносреднемецкими анналами и тем, что они сообщают по поводу отношений с Польшей. Во-вторых, конечно, имеются источники из соответствующих политических образований за пределами Империи. Этим историографическим сочинениям — так же как и в отношении уже описанных источников, принадлежащих к типу посланий (письмовник Иоанна Солсберийского), — свойственна, в сущности, та же характерная черта, какую мы уже отметили для источников, обозначенных как «придворные». Они не отражают никакого прямого интереса к происходящему в Империи, ограничиваясь скорее фиксацией «международно-значимых» событий (коронация императора, разрушение Милана) и — прежде всего — известиями о непосредственных контактах своих стран, и, соответственно, их правителей, с главой Империи. Для этого типа исторических текстов весьма показателен пример сочинения Саксона Грамматика, который носит явно антиимператорский и национально-датский отпечаток⁴⁵. Из круга французских произведений следует указать на историю монастыря Везеле, принадлежащую перу Гуго из Пуатье, значение которой для истории Империи объясняется единственно тем обстоятельством, что не только переговоры между Фридрихом Барбароссой и Людовиком VII о прекращении схизмы происходили поблизости от монастыря — в местечке Сен-Жан-де-Лон на Соне, — но и тем, что именно через монастырь в эти дни и недели

шел основной поток сведений¹⁶. Близость к событиям «мирового политического» значения и возможность получить о них детальную информацию привела к тому, что важность локального исторического источника необыкновенно возросла.

На этом примере с территории французского королевства мы бы хотели остановиться. Пусть обзор дошедшей до нас исторической традиции, относящейся к эпохе ранних Штауфенов, дан в виде отдельных примеров; несмотря на свою фрагментарность, он все же призван показать возможности и условия исторического поиска и анализа. Наше знание о Барбароссе покоится на пестрой, разрозненной мозаике источников разных видов — мозаике, элементы которой не всегда просто подогнать один к другому. Эти источники есть и будут фундаментом этого знания, и их следует использовать во всей их совокупности для любого исторического описания эпохи, интерпретируя с максимальной осторожностью и вниманием.

I.ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ ФРИДРИХА БАРБАРОССЫ

В первом разделе этой книги на передний план выступают традиционные черты любого биографического повествования. Речь идет об изображении жизни и деятельности первого императора из династии Штауфенов в их хронологическом течении. Поэтому в центре внимания находятся этапы его жизни — так, как они следовали один за другим, с начала до конца, включая описание успешных периодов и тяжелых времен его правления. Этот способ описания, в принципе, ориентирован на итинерарий Штауфена, то есть на характерное для тогдашнего способа правления перемещение от пфальца к пфальцу, от замка к замку, от города к городу, что призвано сообщить повествованию особую живость и непосредственность. Однако желательное представление о существенных структурных связях изложение такого рода вынуждает порой давать слишком кратко или вообще опускать его. Эти аспекты мы попытаемся осветить во второй части нашего биографического труда.

С происхождением и личностью Барбароссы знакомит вводная глава, которая во временном отношении охватывает эпоху от возвышения дома Штауфенов, когда они стали швабскими герцогами, до конца правления первого Штауфена, занявшего королевский престол, — Конрада III. Собственно время правления Фридриха I описано в семи главах, каждая из которых соответствует важнейшему периоду его деятельности как государя. Период консолидации внутренних сил продлился в основном до 1158 года. Затем следуют борьба с Миланом и начало схизмы. Подъем и пораже-

ние сменяют друг друга на протяжении шести лет между победой над Миланом и возвращением из четвертого итальянского похода (1162–1168 годы). Под знаком глубоких перемен проходит следующее десятилетие (1168–1178 годы). Столкновение с Генрихом Львом и его низложение, равно как и усилия по обеспечению власти своего сына Генриха, получившего в 1169 году королевскую корону, определяют правление Фридриха в период с 1178 по 1184 год. Затем, в результате его последнего итальянского похода (1184–1186 годы), на основании мира, заключенного в Констанце с городами Ломбардской лиги, по новому были урегулированы отношения в императорской Италии. Наконец, в последние годы правления (1186–1190 годы), но особенно в связи с его смертью во время крестового похода, власть и авторитет первого императора из дома Штауфенов получают, вне всякого сомнения, «мировое признание».

1. СЕМЬЯ, ЮНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ

Прежде чем приняться за описание жизни и деятельности первого императора Штауфена, попробуем обстоятельно осветить его происхождение и вопросы, связанные со структурой личности, сущностью и характером Фридриха Барбароссы. О первых представителях дома Штауфенов источники говорят скупо⁴⁷. Первый крупный немецкий историограф середины XII века епископ Оттон Фрейзингенский проявляет к ним интерес начиная лишь с первого герцога Штауфена — умершего в 1105 году деда Барбароссы, тоже Фридриха. Возможностью судить о более раннем периоде жизни семьи Штауфенов мы обязаны родословной («*Tabula consanguinitatis*»), сообщенной в собрании писем Вибальда, аббата Ставло и Корвея, в связи с расторжением первого брака избранного в 1152 году государя. Наши знания дополняются также данными так называемой «Красной книги» конца XV века из монастыря Лорх. Она представляет собой перечень имен тех членов дома Штауфенов, останки которых около 1140 года были перевезены из приюта каноников, основанного в деревне Лорх примерно в 1060 году, в возникший поблизости в 1102 году бенедиктинский монастырь. Из нее мы узнаем, во-первых, о том особом значении, какое имя Фридрих имело в истории этой семьи, а во-вторых, в ней открывается история возвышения этой фамилии — превращение ее представителей в хозяев огромного графства и быстрое обретение ими титула пфальцграфов Швабии. Будучи баварцами по происхождению, ранние «Штауфены» — в ту эпоху это имя еще не

встречается — входили в свиту императора Генриха II. Довольно быстро они обрели на востоке Швабии свою новую родину и сумели закрепить там свои позиции. В любом случае как получение пфальцграфского достоинства, так и заключение брака Фридриха фон Бюрена, отца первого швабского герцога из дома Штауфенов, прадеда Фридриха Барбароссы, с графиней Хильдегардой фон Шлеттштадт из дома Муссон-Монбельяр (Муссон-Мёмпельгард) (умерла в 1094 году) — и то, и особенно другое не было обусловлено одной лишь принадлежностью этой семьи к высшей знати на юго-западе Германии. И то, и другое было следствием обретенного уже к середине XI века прочного и отнюдь не низкого властного статуса⁴⁸.

У этого последнего из названных Фридрихов, то есть уже в третьем поколении упомянутой родословной, в составной части имени «фон Бюрен» обнаруживается ясное указание на замок (очевидно, современный Вешенбойрен вблизи Гёппингена) — на родовую резиденцию формирующегося аристократического господства, что является типичным для эволюции имперской знати высокого Средневековья. Строительство замков становится в эту эпоху типичной чертой политики знати, нашедшей в нем инструмент для усиления и концентрации своего господства. Другим средством расширения и упрочнения властного статуса семьи следует, несомненно, считать политику брачных союзов. Можно проследить, что уже брак Фридриха фон Бюрена с Хильдегардой является своего рода мостом к установлению господства Штауфенов над Рейном. Именно в эту раннюю эпоху в Эльзасе образуется главный опорный пункт этого знатного швабского дома.

Таким образом, судьба дома Штауфенов оказывается вписанной в рамки всеобщих и глубоких структурных изменений в устройстве Империи этой эпохи. Это время ознаменовало начало процесса превращения прежнего государства личного союза в государство территориальное,

расцвет которого, выразившийся в установлении земельного господства, пришелся на период с начала XII столетия. Одновременно с ним происходит упразднение старых родовых герцогств. И прежде всего именно графские фамилии все чаще выходят за пределы крупных родовых союзов, приобретая свои собственные, ни с чем не сравнимые, характерные черты — посредством создания властных резиденций, а кроме того через основание монастырей, в связи с устанавливаемыми над ними правами фогтства. Еще более явно прослеживаются усилия по округлению земель, благодаря чему нередко распыленные владения сливались в одну крупную, пронизанную единой властью вогчину. Возникновение новых поселений и раскорчевка новн являются еще одним признаком описанного здесь в общих чертах феномена.

По этому же пути, проложенному его отцом, пошел и Фридрих «фон Штауфен», дед Барбароссы, именем которого Оттон Фрейзингенский отмечает начало истории Штауфенов. Он воздвиг на холме Гогенштауфен свой родовой замок, от которого и пошло соответствующее имя. Основав в долине реки Ремс монастырь Лорх в дополнение к основанной здесь ранее обители каноников, он создал, таким образом, для своего дома и собственный монастырь. Смута, вспыхнувшая в Империи при Генрихе IV как следствие затруднительного положения государя из-за предпринятой Григорием VII реформы папства и охватившей широкие круги знати оппозиции, должна была привести к решительному повороту в судьбе семейства Штауфенов. Несмотря на то что анафема, наложенная папой на представителя Салического дома, была с него снята в 1077 году в Каноссе, в тот же самый год на съезде князей в Форххайме был избран антикороль, которым стал швабский герцог Рудольф фон Райнфельден. Вскоре для поддержания своих позиций в Швабии Рудольф прибег к помощи Церингенов, одной из многих фамилий юго-запада Герма-

нии, во многих отношениях сопоставимой с ранними Штауфенами, и в 1079 году выдал за Бертольда фон Церингена свою дочь.

Эта ситуация, представлявшая, с очевидностью, большую угрозу для короля из Салической династии, должна была стать для семейства Штауфенов исходным пунктом их возвышения. И именно в 1079 году Генрих IV отдал свою дочь Агнессу в жены Фридриху Штауфену и одновременно возвел его в герцоги Швабии. Тем самым он подчеркнул, с одной стороны, свои нерушимые полномочия в отношении швабского герцогства, а с другой стороны, связал себя теснейшим образом с новым герцогом, равно как и с его домом. Правда, в это время Штауфен не был уже мелким графом, скорее речь шла о главе одного из ведущих семейств Швабии. Его дом был возведен на прочном фундаменте разного рода властных прав и обширных владений, простиравшихся по обе стороны Рейна. Напряжение, однако, продолжало сохраняться. Частое отсутствие государя, направившего свою деятельность в последующие годы главным образом на Италию, в значительной степени лишало герцога Штауфена поддержки со стороны трона. В 1092 году Бертольд фон Церинген, наследовав сыну антикороля, был возведен в герцоги Швабии. Только шесть лет спустя удалось достигнуть компромисса, согласно которому герцогство окончательно осталось за Штауфенами, но Церингенам предоставлялся герцогский титул и переходило наместничество в Цюрихе, при этом им гарантировалось в значительной степени самостоятельное положение посредством освобождения их от соответствующих обязательств по отношению к швабскому герцогу⁴⁹.

Значение акта 1079 года для семейства Штауфенов, несомненно, следует усматривать в увеличении их власти, престижа и обретении ими новых политических возможностей. Правда, в политическом смысле Штауфены ступали, таким образом, на весьма опасную почву. Ввиду чрез-

вычайной близости исходных позиций их конкурентов Церингенов сохранение и упрочение их собственного нового положения становилось особенно важным и требовало максимальных усилий. Тесные связи с правящим Салическим домом были теперь им особенно необходимы. С другой стороны, вследствие объема возложенных на них задач Штауфены не только существенно расширяли горизонт своего влияния, но и все больше приобретали свой собственный облик. К концу правления первого герцога Штауфена сложилось полное разделение интересов с двумя другими господствующими в Швабии знатными семействами — Церингенами и Вельфами. Штауфены направляли свое внимание преимущественно на северную часть своего герцогства, где они использовали влияние своего дома в Эльзасе и сумели через приобретение полномочий фогтов (имперский монастырь Вайсенбург, епископство Шпайер) обеспечить свои владельческие права в территориальном плане. В то же время юг герцогства оставался, в значительной степени, предоставлен амбициям Вельфов и Церингенов.

В 1105 году умер герцог Фридрих. Его наследником в Швабии стал его сын, носивший то же имя. Вдова первого герцога из дома Штауфенов, дочь императора Агнесса, вышла впоследствии замуж за Леопольда III Бабенберга, который благодаря этому браку в конце правления Генриха IV связал себя с его сыном и наследником Генрихом V. Благодаря этой связи установились родственные отношения между Штауфенами и Бабенбергами. Среди многочисленных детей Агнессы от второго брака были маркграф Леопольд IV (с 1139 года — герцог Баварии), Генрих Язомирготт (сначала пфальцграф Рейнский, затем герцог Баварии, а с 1156 года — первый герцог Австрии) и епископы Оттон Фрейзингенский и Конрад Пассауский (с 1164 года — архиепископ Зальцбургский). Все они, соответственно, являлись сводными братьями как отца Барбароссы,

герцога Фридриха II, так и короля Конрада III. Барбаросса приходился племянником представителям этого поколения Бабенбергского дома⁵⁰.

Фридрих II Швабский Одноглазый⁵¹ продолжал политику своего отца. Определяющими компонентами ее были тесное сотрудничество с его дядей из Салического дома, императором Генрихом V, и усилия по достижению компромисса с Вельфами и Церингенами в рамках территориально-политических принципов его правления. Прежде всего он сыграл важную роль в жизни Империи во время второго итальянского похода Генриха (1116 год), когда император оставил его одним из регентов вместе с пфальцграфом Лотарингским, Готфридом фон Кальвом⁵². Как раз к этим годам относится известное изречение Оттона Фрейзингенского о Штауфене, который «на хвосте своей лошади всегда везет замок»⁵³. Оно отражает энергичную территориальную политику герцога, главным пунктом которой вновь стало строительство замков. При этом он проявил себя как политик, который опирался не только на традиционные способы распространения своего господства, но и, с очевидностью, готов был принимать во внимание новые возможности, предоставляемые временем, — прежде всего способствуя развитию раннегородских форм поселения и их хозяйственной жизни. Примером может служить начало городской истории североэльзасского Хагенау. Его становление хотя и находит документальное подтверждение лишь в дипломе Барбароссы 1164 года, не во всех подробностях поддается реконструкции, и, прежде всего, трудно прояснить вопрос, какие мероприятия были осуществлены здесь Фридрихом II. Тем не менее имеются указания, что уже отец первого императора из дома Штауфенов предпринял инициативы в направлении раннегородского развития этого поселения⁵⁴. При этом непременно нужно иметь в виду возможность влияния примера Церингенов, поскольку в непосредственной близости имелся достойный

подражания образец развития Фрайбурга в Брейсгау. Сюда же относится и высказывание современника о сущности и характере герцога, которое, как кажется, говорит нам об определенной открытости характера Штауфена в широком смысле. Герцох Райхерсбергский приводит в своем комментарии к Псалмам⁵⁵ анекдот о Фридрихе II Швабском, показывающий его склонность к разоблачению чужих промахов и даже тайных грехов, что можно понять как обвинение в дурном характере. Если, однако, это означает, что Штауфен был «человеком, склонным к придворной жизни, к мирским радостям, чтобы не сказать к ничтожным удовольствиям», то, кажется, мы имеем здесь ценное указание на то, что этот Штауфен, искушенный и ловкий в своих действиях человек, умел блюсти свою выгоду. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что при приобретении двух замков во внутренней Швабии герцог не постеснялся отдать в качестве платы за них дорогой византийский реликварий в виде креста — фамильную драгоценность его первой жены Юдифи из дома Вельфов. Хотя именно этот крест как знак защиты и спасения он прежде брал с собой на поля сражений, он, не задумываясь, воспользовался им для достижения целей своей владельческой политики. Здесь Фридрих II вновь демонстрирует себя как человек взвешенных и рациональных поступков — еще одно подтверждение краткой, но в высшей степени точной характеристики, данной ему его сводным братом Оттоном Фрейзингенским: «в борьбе мужественен, а в делах изобретателен»⁵⁶.

Поручение герцогу Штауфену своего рода центральной роли в имперской политике, без сомнения, имело со стороны императора твердое основание в том доверии, которое с давних пор существовало между Салическим домом и домом Штауфенов. Этот шваб, как и его брат Конрад, возведенный в целях борьбы с оппозицией епископа Эрлунга Вюрцбургского в достоинство герцога Франконии, доверие

оправдывали. Однако нельзя исключать, что государь мог быть не во всем согласен с тем, что предпринималось братьями Штауфенами. С другой стороны, есть указания на то, что Штауфены не во всем действовали в соответствии с церковной политикой Салического дома. С полным правом Одило Энгельс, обратив внимание на передачу Лорха, фамильного монастыря Штауфенов, под юрисдикцию папы (1102 год), расценил эту акцию как указание на то, что «внутренняя поддержка дела Салиев имела определенные границы»⁵⁷.

И действительно, нельзя не отметить определенного отчуждения между швабским герцогом и его дядей-императором, начиная примерно с 1120 года. Отчуждение это было порождено, с одной стороны, неизбежностью политики Салического дома, нацеленной на окончательное урегулирование церковного вопроса — с ее вынужденными компромиссами, с другой же стороны, растущим могуществом Штауфенов. Примирение Генриха V с епископом Вюрцбургским и, впоследствии, вопрос о замещении этой кафедры привели к заметному охлаждению, хотя до формального разрыва было еще далеко. Примерно в то время, когда впервые упоминается звучный титул Фридриха «герцог Эльзаса»⁵⁸ (несомненно, отразивший его положение на левом берегу Рейна, достигнутое с большими усилиями, прежде всего в период его регентства в 1116 году), он женился на дочери герцога Баварского Генриха Черного из дома Вельфов, Юдифи. В этом брачном союзе нашел отражение достигнутый в Швабии с начала XII века внутренний баланс сил. Таким образом — в том числе и благодаря браку Бертольда III Церингена (умер в 1112 году) с Софией из дома Вельфов⁵⁹ — сложились тесные родственные связи между тремя семействами, задававшими тон в Швабском герцогстве.

Когда же в 1125 году, со смертью императора, не имевшего детей от брака с дочерью английского короля Матильдой, Салическая династия пресеклась, то ввиду своего

тесного родства с домом государя Штауфены воспринимались как наиболее вероятные претенденты на императорский трон⁶⁰. Хотя и Леопольд III, благодаря своему браку с матерью братьев-Штауфенов Агнессой, тоже имел в некотором отношении сопоставимые с ними позиции. Пусть Генрих V на смертном одре и передал свои собственные владения, как и опеку над своей супругой, герцогу Фридриху «словно своему наследнику»⁶¹, однако никакой формальной рекомендации в отношении наследования власти в Империи сделано не было. Сообщения поздних источников о передаче герцогу императорских инсигний едва ли правдоподобны. Во время тех выборов, о ходе которых источники дают исчерпывающую информацию, определяющую роль играл архиепископ Адальберт Майнцкий, отношение которого к Штауфенам как к претендентам на императорскую корону определенно было отрицательным. Уже в послании, отправленном князьям с приглашением на выборы, которое было подписано в том числе и герцогом Фридрихом, ясно выражалось желание устранить в будущем притеснение церкви внутри Империи, имевшее место при покойном государе, то есть содержалась отчетливая критика власти Салической династии. Когда же в результате добровольного выбора князей (а наряду со Штауфеном были выставлены кандидатуры маркграфа Леопольда III Бабенберга и герцога Лотаря Саксонского) новым королем стал саксонец, герцог Швабии дал понять, что он расстроен и разочарован. Впрочем, следует согласиться с результатами новейших исследований в том, что как раз с его стороны не было предъявлено никаких претензий, связанных с правом наследования по крови⁶².

Хотя герцог Фридрих и присягнул впоследствии новому государю, не оставалось сомнения, что существовавшее напряжение очень скоро должно было проявиться в вопросе о передаче имперской собственности. Поскольку имело место определенное смешение имперского и фамиль-

ного имущества, разграничение их было делом сложным. Штауфены как частные наследники Салического дома заняли со своей стороны бескомпромиссную позицию, что привело к затяжным конфликтам. Десять лет длилось противостояние братьев Штауфенов государю. Особенно тяжелый ущерб понесли в результате южные области Империи между Рейном и восточнофранкскими территориями. Резкое обострение противоречий последовало в результате провозглашения антикоролем Конрада Штауфена (18 декабря 1127 года), вернувшегося летом 1127 года из длительного паломничества в Святую землю⁶³. Почему во главе оппозиции — юридически, а не фактически — встал таким образом не швабский герцог, а его брат, ответить трудно, но ответ, скорее всего, надо искать в восприятии правовых отношений того времени. Одни в качестве объяснения приводят темперамент Конрада, другие указывают на то обстоятельство, что его брат был одноглазым. Решающим, однако, следует признать тот факт, что швабский герцог, сначала принесший клятву верности королю Лотарю, а затем отказавшийся передать ему имперское имущество, в декабре 1125 года был объявлен вне закона.

Разумеется, провозглашение Штауфена антикоролем не могло никоим образом улучшить его положение в немецких областях, он натолкнулся, скорее всего, на широкое сопротивление. Дальнейшее развитие событий во многом характеризует то обстоятельство, что Конрад уже весной 1128 года отправился в Италию, чтобы предъявить там претензии на «Матильдино наследство» — обширные владения графини Матильды Тосканской, которые Генрих V после ее смерти в 1116 году пытался сохранить за Империей. Несмотря на коронацию, проведенную в Монце и в миланском соборе Святого Амвросия, он мог рассчитывать только на поддержку города Милана и весной 1130 года вынужден был вновь покинуть Италию⁶⁴. Между тем и на немецких территориях счастье изменило Штауфенам. Пос-

ле первых военных неудач в 1129 году король Лотарь смог добиться успехов на Верхнем Рейне и в Эльзасе. Прочие внутренние конфликты были затем несколько сглажены из-за разразившейся в 1130 году папской схизмы. Кроме того, государю удалось благодаря целому ряду политических мер ослабить территориальную основу могущества своего противника: в 1127 году Церингены, традиционные швабские противники Штауфенов с XI века, получили в лен созданный специально по этому случаю Бургундский ректорат. К началу 1130-х годов в Верхнем и Нижнем Эльзасе, а также в Шпайергау возникли самостоятельные ландграфства, которые еще более сократили область влияния Штауфенов.

Лотарь III сумел укрепить свое положение не в последнюю очередь благодаря заключению в 1127 году брака своей единственной дочери Гертруды с могущественным баварским герцогом Генрихом Гордым. Тем самым на его сторону наряду с Церингенами были перетянуты и Вельфы. Так в ходе своего первого итальянского похода в 1133 году он смог добиться императорского титула. Длющаяся годами оппозиция Штауфенов, как и эпизод с возведением одного из основных противников владычества Лотаря в антикороли, создавали все меньше шансов к возникновению действительно сильной оппозиции в Империи. В ходе совместных военных мероприятий императора и его зятя Вельфа против Штауфенов в 1134 году пал Ульм — последний надежный оплот сопротивления. Годом позже покорились братья Штауфены: весной — герцог, а осенью — антикороль. Они были помилованы государем в обмен на обещание участвовать в его будущем итальянском походе. Таким образом, в последние три года правления Лотаря III между ним и Штауфенами восстановилось согласие, а в Империи — мир.

Подобно тому как в 1125 году швабский герцог Штауфен возлагал большие надежды получить в наследство Империю, так же и после смерти Лотаря, скончавшегося

на обратном пути из своего второго итальянского похода близ тирольского местечка Ройтте в 1137 году, зять императора, Генрих Гордый, очевидно, видел себя готовым государем. Будучи верным сподвижником Супплинбурга, главным образом в последние годы его правления, Генрих испытал на себе его благосклонность, которая необыкновенно возвысила род Вельфов. В их руках оказались герцогство Саксония и маркграфство Тоскана, а вместе с ним и значительные владения самой Матильды. Без сомнения, способствовать осуществлению чаяний Генриха оказаться на престоле входило в намерения Лотаря III. Об этом прежде всего говорит не подлежащая сомнению — в противоположность событиям 1125 года — передача императорских инсигний Вельфу. В отличие от Генриха Гордого, Штауфены, сразу после смерти императора взявшись за обеспечение своих претензий на королевский титул, действовали иначе: они стремились заручиться поддержкой со стороны князей Империи. Хотя съезд электоров был назначен на Троицу 1138 года (22 мая) в Майнце, уже в начале марта этого года князья съехались в Кобленц. Среди собравшихся были архиепископ Альберон Трирский, кёльнский избранник (то есть избранный, но еще не посвященный в архиепископы) Арнольд, епископ Буккон Вормсский, герцог Фридрих Швабский и некоторые неназванные представители лотарингской знати, а также Вибальд, аббат Ставло. В ходе проведенных собравшимися выборов, которые с полным основанием были квалифицированы как «государственный переворот», новым королем стал бывший антикороль Конрад⁶⁵.

Как и в 1125 году, даже, возможно, в большей степени, чем тогда, стало неизбежным начало нового тяжелого конфликта. Для того чтобы сломить сопротивление герцога из рода Вельфов, король Штауфен, признанный в конце мая 1138 года многочисленными представителями знати на рейхстаге в Бамберге, первоначально употребил законода-

тельные средства. После отказа принести ему присягу Генрих Гордый был изгнан и лишился обоих своих герцогств. Саксония была пожалована Альбрехту Медведю из рода Асканиев, Бавария — сводному брату нового короля из семейства Бабенбергов, маркграфу Леопольду IV Австрийскому. Империи вновь предстояли черные времена. Сильные потрясения и вооруженное противостояние характеризуют ее историю последующих лет. Им суждено было закончиться только со смертью Конрада III. Неудачи правления Штауфена были, во-первых, вызваны постоянной враждой со стороны брата Генриха Гордого, Вельфа VI, который создал в Южной Германии надежный оплот и отсюда предпринимал разного рода действия против королевской власти. С другой стороны, целый ряд неожиданных смертей сказался на малодушных и нерешительных действиях Конрада, которые не способствовали успеху его дела. Так, сторонники Штауфенов не сумели добиться признания, несмотря на смерть Генриха Гордого осенью 1139 года в Саксонии. Слишком сильны были там оппозиционные им настроения, концентрировавшиеся вокруг вдовы Лотаря III, императрицы Рихенцы. Надежды на мир в Империи вновь возникли два года спустя, вследствие ухода из жизни Рихенцы и — чуть позже — баварского герцога из дома Бабенбергов. Герцогство Бавария перешло к брату покойного Бабенберга Генриху Язомирготту, бывшему с 1140 года пфальцграфом Рейнским, который одновременно с этим женился на вдове Генриха Гордого Гертруде. Саксония была передана несовершеннолетнему сыну Гертруды Генриху Льву, после того как от нее отказался Асканий. Этот достигнутый весной 1142 года компромисс вскоре снова оказался разрушен. Причинами стало, с одной стороны, то, что король хотел подчинить своему влиянию имперские владения в Баварии, а с другой — то, что Гертруда, центральная фигура во всей этой политической игре, вскоре после свадьбы умерла при родах.

В то время многочисленных мятежей и тяжелых смут впервые из мрака источников выступает на свет племянник короля Фридрих, которого позднее итальянцы из-за его рыжей бороды будут называть Барбароссой⁶⁶. Уже весной 1138 года, несколько недель спустя после избрания королем Конрада III, юный Штауфен, которому было тогда 16 лет, выступает в качестве свидетеля в императорских дипломах. В первый раз — в привилегии монастырю Мария-Лаах, выданной в апреле 1138 года. Вплоть до 1145 года он постоянно фигурирует рядом со своим отцом-герцогом и притом исключительно на юге Империи, в традиционной зоне влияния Штауфенов (1138 год — Майнц, 1141 год — Страсбург, 1142 год — Констанц, 1143 год — Ульм, 1144 год — Вюрцбург и Лорх, 1145 год — Вормс). Только в последние месяцы жизни своего отца, с января 1147 года, он начинает упоминаться с титулом «герцога Швабии».

О ранней юности и детстве будущего императора практически ничего не известно. Из-за характерного для той эпохи малого внимания к точным указаниям дат рождений даже время его появления на свет не ясно с определенностью. С некоторой долей вероятности оно может быть отнесено к декабрю 1122 года⁶⁷. Его крестным отцом был граф Отто фон Каппенберг, которого Штауфен позднее пожаловал ценными подарками — серебряным «крестильным блюдом» и знаменитой «Каппенбергской головой Барбароссы». Без сомнения, на годы его юности приходится воспитание, которое было организовано в соответствии с рыцарскими традициями и сообразно происхождению и статусу Фридриха. Самым важным элементом его обучения было прежде всего овладение навыками обращения с оружием, придавшее особую ценность физической закалке юноши. Характеристикой юного Фридриха мы обязаны Вибальду, аббату Ставло и Корвея. Весной 1152 года он сообщил папе Евгению III об избрании Штауфена коро-

лем, и в связи с этим упомянул о его личности. Еще не достигшего тридцатилетия короля отличали острый ум, решимость следовать советам, удачливость на поле боя, стремление к славе, отвращение к несправедливости, доступность и щедрость и явный дар красноречия, относящийся к родному языку⁶⁸. В этом описании рельефно выступают сущность и характерные черты его личности, какой она сложилась в юные годы. Он вступил на трон на исходе третьего десятилетия своей жизни. Будучи сыном в высшей степени умного и политически ловкого человека, племянником покойного короля и внуком герцога Генриха Черного из рода Вельфов, он не только принадлежал к высшему слою Империи, но и располагал возможностью приобрести богатый опыт и использовать его. Рыцарским навыкам и добродетелям он обучался — очевидно, в начале 1140-х годов — вместе со своим ровесником, принцем Свеном Датским. Примерно в это время он, после совершения ритуала опоясывания мечом, был посвящен в рыцари⁶⁹.

Интересно прежде всего то обстоятельство, что юный Штауфен, очевидно, с самого начала ощущал особую связь с семьей своей матери, то есть с Вельфами, постоянными противниками его дяди короля Конрада. Связано ли это с тем, что он еще в детском возрасте лишился матери, с уверенностью сказать нельзя. Но это можно легко себе представить: его отец между 1130 и 1136 годами женился вторым браком на Агнессе, дочери графа Саарбрюкенского⁷⁰. Во всяком случае, абсолютно точно, что юный Штауфен уже в своих первых известных военных акциях (с 1143 года) многократно выступал на стороне Вельфов, в первую очередь своего дяди Вельфа VI. Во всех своих остальных предприятиях он занимал в высшей степени самостоятельную позицию. Ареной его военных действий стала территория Швабии, где он продемонстрировал большое упорство и свою отмеченную Вибальдом, аббатом Ставло, «военную удачу», защищая права своего дома от соперничавших

с ним других знатных домов, например от Церингенов. Неизвестно, всегда ли он находился в согласии со своим отцом и, особенно, со своим коронованным дядей, осуществляя все эти военные мероприятия, участвуя в распрях и конфликтах. В некоторых случаях подобное предположение кажется в высшей степени сомнительным⁷¹. Однако создается впечатление, что, пусть и не всегда поощряя отдельные чересчур независимые акции Фридриха, Конрад III все же умел по достоинству ценить своего племянника в качестве связующего звена с сильной оппозицией Вельфов.

Только в начале 1147 года Барбаросса выступает как герцог Швабии — через несколько дней после того, как под влиянием великого цистерцианца Бернара Клервоского он вместе с королем принял крест и таким образом поклялся участвовать в крестовом походе. Отныне он, с очевидностью, освободился от влияния своего отца, до сих пор господствовавшего в Швабском герцогстве. Еще до смерти отца он столкнулся с большой политикой, когда одобрил вынесенный епископом Страсбургским приговор княжеского суда в пользу монастыря Корвей и тем самым, в определенном смысле, встал на путь принятия общеимперских политических решений⁷². В начале апреля 1174 года он унаследовал, наконец, герцогство от умершего к тому времени родителя: именно в эти дни появляется в документах его титул «герцог Швабии и Эльзаса»⁷³.

В то время не могло еще быть и речи о том, что юный герцог станет главой Империи. На Франкфуртском рейхстаге в марте 1147 года королем был избран старший сын Конрада III Генрих (VI)⁷⁴. Этот успех государя — как раз перед началом крестового похода — был, однако, тут же поставлен под сомнение, поскольку на том же рейхстаге молодой саксонский герцог Генрих Лев предъявил ему требование возвратить герцогство Баварию. Так что едва ли обдуманное всерьез решение о начале крестового похо-

да — несмотря на то что первоначально его воздействие на внутренние смуты было умиротворяющим — вряд ли могло стать подлинной основой для реального устранения напряженности. Напротив, она продолжала сохраняться. Фридрих Барбаросса принял участие в крестовом походе и благодаря этому в отдельных чрезвычайно успешных акциях снова сумел проявить свое уже многократно отмеченное военное мастерство. Сообщение о буре, опустошительного воздействия которой он избежал, расположившись лагерем под склоном горы вместе со своим дядей Вельфом VI, вновь свидетельствует о его тесных контактах с семьей Вельфов⁷⁵.

В ходе крестового похода герцог не только привлекался королем к выполнению дипломатических миссий. Он участвовал в военных советах на самом высоком уровне и, наконец, оказался на внешнеполитической сцене благодаря своей вовлеченности в подготовку договора о совместных действиях против короля Сицилии Рожера, заключенного Конрадом в Фессалониках с византийским императором Мануилом⁷⁶. Все более вырисовывалась, таким образом, «ключевая роль»⁷⁷ швабского герцога Штауфена, которую он получил в последние, столь трудные годы правления своего дяди. С большой ловкостью ему удавалось балансировать между двумя лагерями, демонстрируя свойственную ему политическую одаренность, которая, разумеется, осталась ему присущей и в годы собственного управления Империей.

После возвращения из крестового похода, который до такой степени не имел сколько-нибудь заметного успеха, что его можно даже характеризовать как катастрофу, внутренние раздоры в Империи вспыхнули вновь. К конфликту с Вельфами теперь добавился и тяжелый внешнеполитический кризис. Тесная связь с Восточным Римом превратила в противников Империи королевство норманнов и Францию. Папство, находившееся в состоянии тяжелого

потрясения вследствие городских волнений в самом Риме, также относилось к внешнеполитической ориентации Штауфена со скепсисом. Фридрих Барбаросса в эти годы попытался еще более укрепить свое положение в качестве герцога Швабии — посредством брака с дочерью маркграфа Дипольда фон Фобурга Аделой — и тем самым основательно расширить подвластную ему территорию в восточном направлении. Кроме того, он сохранил свое срединное положение между двумя крупнейшими в Империи партиями. И хотя поначалу смерть наследника престола Генриха (VI) в 1150 году не слишком изменила его позиции во властной структуре Империи, после нее, однако, он должен был восприниматься как самый выдающийся — сразу после короля — представитель своей фамилии. Его отношения с Церингенами, вероятно, были в эти годы напряженными. В 1145 году он поборол их — своих территориально-политических соперников — с помощью оружия, а в 1147 году они возобновили существовавшие прежде родственные отношения с Вельфами посредством заключения брака Клеменции, дочери герцога Церингена, с герцогом Генрихом Львом. Об участии герцога Швабии во вновь вспыхнувшей борьбе Вельфа VI против Конрада III, закончившейся в 1150 году поражением Вельфа при Флохберге, ничего не известно. Однако упоминание его в качестве свидетеля в одной из грамот Генриха Льва, выданных в эти годы в Меммингене, указывает, что и после крестового похода он поддерживал свои контакты с Вельфами⁷⁸.

В последние годы правления Конрада III герцог Штауфен все чаще появляется при дворе. В последние недели жизни дяди, когда тот был тяжело болен, Фридрих не отходил от него ни на шаг. На фоне невыясненных отношений с неизбежно усиливавшейся оппозицией Вельфов Конрад должен был ясно понимать значение своего племянника как наиболее перспективного кандидата в наследники Империи, а также, с очевидностью, единственного гаранта

замирения на политической сцене. Исходя из этих соображений, король, не колеблясь, принял решение передать судьбу своего дома и, по возможности, Империи в руки Фридриха. Ни передача герцогу Швабии императорских инсигний, ни определенная поддержка Конрадом племянника не могли, однако, привести к тому, чтобы последовавшее после смерти государя (15 февраля 1152 года в Бамберге) избрание Барбаросы королем (4 марта 1152 года во Франкфурте) можно было рассматривать как передачу Империи по наследству⁷⁹. Конрад объявил свой план, свое желание. Однако элемент свободного выбора, право окончательного решения, закрепленное за избирающими имперскими князьями, в результате этого еще не были устранены или каким-то образом предрешены в правовом смысле.

Напротив, ясно осознавая ситуацию, Фридрих сразу после кончины дяди вступил в предвыборные переговоры с князьями и вел себя точно так же, как это делал Конрад III в 1138 году, находясь, однако, при этом в более критической ситуации. Об этих переговорах можно судить не только по ряду привилегий и мероприятий, которые государь раздал и провел в течение нескольких первых месяцев своего правления. Их освещают еще два свидетельства, восходящие непосредственно к неделям, предшествовавшим выборам, и демонстрирующие его переговоры и контакты с самыми значительными князьями Империи. Уже через четыре дня после смерти своего дяди он имел беседу с епископами Гебхардом Вюрцбургским и Эберхардом Бамбергским «на берегу Майна» о новом порядке в Империи (*colloquium ... de reformando et componendo regni statu*) — ясное указание на хлопоты о наследовании короны⁸⁰. К этим переговорам был также, по всей вероятности, привлечен наиболее значительный государственный деятель своего времени Вибальд, аббат Ставло и Корвея⁸¹. Затем мы решительным образом расширяем наши знания о круге участников этих совещаний, обнаружив Барбароссу в эти

дни в обществе архиепископов Генриха Майнцкого и Арнольда Кёльнского, епископов Гебхарда Вюрцбургского и Гунтера Шпайерского, герцога Генриха Льва, пфальцграфа Рейнского Германа, нескольких графов и ряда других духовных лиц в качестве свидетелей в грамоте монастырю Альтебург, выданной в декабре 1152 года, в соответствии с ходом делопроизводства, но датируемой, без сомнения, февралем-мартом, то есть временем непосредственно перед королевскими выборами⁸². Таким образом, Барбаросса предпринимал значительные меры предосторожности ввиду предстоявших во Франкфурте избирательных дебатов.

4 марта 1152 года, собравшись в старинном дворце на Майне, князья начали споры о выборах нового короля. Лишь очень немногие имена участников этих выборов известны напрямую. Кроме архиепископов Генриха Майнцкого, Арнольда Кёльнского и Хиллина Трирского других выборщиков следует искать среди участников предварительных переговоров, ведшихся в феврале. Слишком гармоничная картина выборов, которую рисует нам Оттон Фрейзингенский, острейшим образом контрастирует, прежде всего, с рассказом Гислеберта Монского. Источник этот, правда, относится лишь к концу XII века. Следуя его описанию, из-за несогласия среди выборщиков и трех других могущественных князей — в них, прежде всего, можно предполагать Генриха Льва, Вельфа VI и, с меньшей вероятностью, Генриха Язомирготта — право вести выборы досталось швабскому герцогу. И он хитростью сумел исключить из них конкурентов. Каждому из своих противников во время тайных переговоров он обещал, что выберет его, если ему будет передано проведение выборов, но затем выбрал самого себя, подкрепив этот акт тремя тысячами приведенных с собой вооруженных рыцарей⁸³. Ввиду резкого несоответствия обычному ходу королевского избрания — кандидат не мог «выбирать» сам себя, напротив, процедурой выборов руководил епископ Майнцкий, — а

также на основании новых исследований, которые ясно свидетельствуют о том, что Генрих Лев ни в коем случае не выступал во Франкфурте в качестве альтернативного кандидата, суждения Гислеберта следует считать, по меньшей мере, весьма сомнительными⁸⁴. Подобный насильственный образ действий со стороны Барбароссы можно с полным правом поставить под вопрос. Правда, и к «классической» картине Оттона Фрейзингенского следует сделать некоторые дополнения.

Прежде всего, отметим интенсивную подготовку собственного избрания — проведенные швабским герцогом в феврале, после смерти Конрада III, переговоры, которые вновь демонстрируют большой политический талант Штауфена. Только благодаря этой динамичной прелюдии, этой подготовке поля битвы, ему удалось стать к 4 марта 1152 года наиболее выгодным кандидатом на императорский престол. Засвидетельствованное современниками сопротивление Генриха Майнцского избранию Барбароссы во Франкфурте не стало — ввиду широкой поддержки последнего — серьезным препятствием. Что действительно сыграло роль — и в этом Оттон Фрейзингенский совершенно прав, — так это родственные связи Барбароссы с двумя крупнейшими знатными домами Империи: Штауфенами и Вельфами. Его позиция определялась политикой компромисса, которую он демонстрировал уже в сороковые годы XII века и которая впервые после многих лет смуты вновь давала обоснованную надежду на всеобщий мир, на столь долго ожидаемый порядок.

При рассмотрении столь решающего события в жизни Фридриха Барбароссы вновь возникает исторический интерес к проблеме личности, сущности и характера теперь уже ставшего королем Штауфена. Избрание королем не только завершило собой его молодость — оно поместило его в рамки совершенно новых отношений и поставило перед решением новых задач огромного масштаба и слож-

ности. Прежде мы уже имели случай привести свидетельство, восходящее к весне 1152 года, — известное письмо Вибальда, аббата Ставло, к папе Евгению III, которое содержит краткую характеристику Барбароссы⁸⁵. В связи с этим исчерпывающие описания дошли до нас в продолжении «Деяний Фридриха» Оттона Фрейзингенского, написанном Рагевином, и в историческом сочинении уроженца Лоди Ачербо Морены. Пусть отчасти и ориентированные на античные и каролингские образцы, но в высшей степени реалистичные, эти характеристики монарха из рода Штауфенов дают нам объемное и многоплановое изображение его личности.

Рагевин пишет⁸⁶:

«Божественный император Фридрих отличается, как говорит один писатель о Теодерихе, своим характером и внешностью, так что его ценят и признают даже те, кому лишь изредка приходилось вступать с ним в доверительные отношения. <...> его характер таков: ни похвала, ни зависть к его господствующему положению не способны нанести ему вред. Он хорошо сложен, ростом он ниже, чем самые высокие, но выше, чем люди среднего роста; его волосы светлые и немного вьются надо лбом, уши едва прикрыты ниспадающими волосами, так как бладобрей из уважения к чести империи периодически подстригает ему волосы на голове и бакенбарды. Его взгляд острый и пронзительный, нос красивый, борода рыжая, губы тонкие, и широкие уголки губ не увеличивают их, а его общий вид приветливый и бодрый. Прекрасный ряд зубов напоминает белый снег. Кожа на горле и на не толстой, но достаточно мощной шее молочно-белого цвета и иногда покрывается юношеским румянцем; это происходит по большей части не от гнева, а от стеснительности. Плечи несколько высоко посажены, в коротких чреслах чувствуется сила, бедра на сильных икрах выглядят благообразно и достойно мужчины. Походка его твердая и размеренная, голос звучный

и все телосложение мужественное. Благодаря такому внешнему облику он внушает уважение и почтение как стоя, так и сидя. У него хорошее здоровье, лишь иногда он страдает кратковременной лихорадкой⁸⁷. Он любит войны, но только затем, чтобы потом добиться мира; сам он в делах основателен, в совете в высшей степени рассудителен, благосклонен к просителям и снисходителен к ищущим милости. О его повседневных занятиях, кроме тех, что протекают в доме, следует сказать следующее: ранним утром один или с совсем небольшой свитой он посещает всеобщую молитву в базилике или своего священника. <...> Он настолько уважает богослужения, что те часы, когда молятся богу, гочитает приличествующим молчанием, и в это время никто не отваживается тревожить его каким-либо делом. Когда же он после молебна или мессы прикладывается к святым мощам, то посвящает остаток утра делам управления. Когда же он отправляется на охоту, то никому не уступает в искусстве обучать, испытывать и пользоваться лошадями, собак, соколов и подобных им птиц⁸⁸. Во время охоты он сам натягивает лук <...> Какую цель ему выберешь, туда он и попадет. При приеме гостей господствует следующий обычай: королевский достаток, но так, чтобы не могли пожаловаться ни умеренность на чрезмерное изобилие, ни голод на скардность. При играх он оставляет в стороне королевскую серьезность, и его темперамент таков, что надменность не несет угрозы, а строгость не доходит до кровожадности. Своим домашним он не грозит, когда обращается к ним, не пренебрегает их советом и при обнаружении преступления не увлекается преследованием преступников. Писания и деяния старых королей он ревностно исследует. Подаяние бедным он раздает собственноручно, десятину из своих доходов он, имея искреннее чувство веры, жертвует церквам и монастырям⁸⁹. Своим родным языком он владеет очень хорошо, но полатыни лучше понимает, чем говорит. Он одевается по

обычаю своего отечества, не расточительно, не роскошно, но и не слишком просто... Хотя он столь многого достиг в расширении Империи и постоянно посвящал себя этим занятиям, он во многих местах начал многочисленные постройки, служащие к украшению и к благу Империи, и некоторые закончил, но большую часть забот он обращал на благочестие»⁹⁰.

Выразительно и кратко, с некоторым пафосом, но в высшей степени живо представлен яркий образ Штауфена историографом из Лоди Ачербо Мореной, который, как и Рагевин, мог почерпнуть свои знания из непосредственного знакомства с государем⁹¹:

«Император происходил из знатнейшего рода; он был среднего роста, красивой внешности и хорошего сложения; его светлое лицо имело розоватый оттенок, его волосы были светлыми и вьющимися; его лицо выражало радость, и все время казалось, что он хочет улыбнуться; у него были белые зубы, очень красивые руки, изящный рот; в высшей степени воинственный, бешеный в гневе, смелый и неустрашимый, проворный и красноречивый; щедрый, но не расточительный; заботливый и предусмотрительный в совете; быстро ухватывающий смысл и очень мудрый; по отношению к друзьям и доброжелателям любезный и благосклонный, но страшный и нетерпимый к врагам; он чтит правосудие и любил закон, боялся Бога и был готов подать милостыню; одаренный необыкновенной удачей, почти всеми любимый; природа ни в чем не ошиблась, создавая его, кроме того, что сделала его смертным, и с незапамятных времен ни один император не мог с ним сравниться».

Само собой разумеется, что в этих характеристиках личности Барбароссы, происходящих из круга штауфеновской историографии, нашли свое выражение в первую очередь позитивные, высокие качества монарха. Поэтому его образ будет очерчен неполно, если не привести также дру-

гие отдельные свидетельства, которые его характеризуют как в высшей степени жесткого, даже отчасти жестокого воителя, что, однако, обусловлено не только исторической связью с описываемой борьбой, но также типичным для его времени менталитетом. Так, образу этой личности, который предстает из только что приведенных выше источников, противоречат известия об особо строгом обращении государя с восставшими подданными Империи в итальянских городах. Здесь Барбаросса предстает вполне как человек и как государь своего времени. Его действия по своей строгости никоим образом не отличаются от подобных мер, применявшихся самими коммунарами в отношении своих противников — они были, скорее, общей чертой той эпохи.

Мужчина в расцвете сил и, таким образом, имеющий богатый опыт в военной и политической областях, с притягательными и ярко выраженными чертами характера, среди которых позитивные качества имели абсолютный перевес, наиболее подходящий к тому, чтобы принять власть над Империей, умеющий вести переговоры, полный решимости и обладающий возможностями проводить свои решения в жизнь — таким предстает в наших глазах облик Фридриха Барбароссы, когда он весной 1152 года вступил в управление Империей. Наконец, в этом месте, вероятно, стоит затронуть вопрос о том, какое представление имел новый государь о своей должности правителя, то есть поставить вопрос об «идеи императора»⁹² у Барбароссы. При этом ни в коем случае не стоит думать, что Штауфен активно занимался теоретическим осмыслением подобной проблемы. Напротив, его представления определялись традицией, пониманием положения государя и ярким осознанием своей роли в отношении своей фамилии и ее позиций⁹³. Они проявляются, прежде всего, в интересных свидетельствах об отношении Империи с другими субъектами власти этой эпохи: с церковью, с князьями, с итальянски-

ми городами-государствами, с Восточной Римской империей и с западными державами — Англией и Францией. Стержень «идеи императора» составляет убеждение, что Империя получена от Бога и посредством княжеского избрания. Неотъемлемой составной и даже основной частью обязанностей государя представлялось Штауфену неограниченное право распоряжаться городом Римом. Эта позиция во многом оказывала негативное влияние на отношения между Империей и священством, между императором Штауфеном и папством его времени. Особенно ясно свидетельствуют об этом слова, с которыми непосредственно перед императорской коронацией государь обратился к депутации римских горожан. В этой прямо-таки программной речи, точный текст которой приведен у Оттона Фрейзингенского и, вероятно, приукрашен им несколькими цитатами, но определенно не изменен по существу, король упорно отвергает дерзкую мысль римлян, что он, дескать, принимает императорскую корону из их рук. Он подчеркивает свое фактическое господство над городом Римом и обращает внимание на право завоевания, которое прочно обеспечивает это господство со времен франков, наследником которых он является⁹⁴.

Представления эти претерпели существенные изменения в части отношений с папством, после того как с началом схизмы (1159 год) Александр III отказался от доктрины двух мечей, принимавшейся до тех пор как основа взаимоотношений. Окончание церковной схизмы заключенным в Венеции миром (1177 год) привело к появлению новой концепции власти на основе сформулированной в сочинении Готфрида из Витербо идеи не пресекавшегося с давних пор «рода императоров» (*imperialis prosapia*), наивысшим воплощением которого должен был рассматриваться дом Штауфенов⁹⁵. С вопросом об «идее императора» неразрывно связан и такой обращающий на себя внимание феномен, как использование в императорской канцелярии

особого стиля, чрезвычайно торжественного, задуманного ради поддержания достоинства и произведения впечатления, который заметен уже с середины 1150-х годов и проявляется прежде всего в показательном введении в оборот выражения *sacrum imperium* — «Священная Империя»⁹⁶. Помимо того что здесь проявилось значительное влияние самого государя — в том смысле, что он лично предписывал употребление подобных формулировок, — они являются также ценным свидетельством отражения общего духовного климата, мира идей штауфеновского двора того времени. При этом были задействованы уже имевшиеся ко времени Барбароссы возможности, для чего потребовалось привлечение старых традиций, которым, однако, благодаря точному приложению усилий придали новую динамику, распространив их на новую сферу действия. Не только как политик, но и, совершенно очевидно, в отношении собственного представления об обязанностях государя, Штауфен показал себя человеком, способным воспользоваться давно заложенными в фундамент средствами формирования власти в совершенно особой манере.

2. КОНСОЛИДАЦИЯ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ (1152–1158)⁹⁷

4 марта 1152 года на королевских выборах⁹⁸, состоявшихся во Франкфурте, был избран герцог Фридрих Швабский. Новым государем стал человек, сумевший, благодаря искусным предварительным переговорам с князьями, не только обеспечить себе этот успех, но и пробудить вполне обоснованные надежды на окончание многолетнего кризиса в Империи, поскольку среди его предков были и Штауфены, и Вельфы. Сразу же после избрания присутствующие князья принесли новому королю клятву верности и оммаж по всей форме ленного права. Вслед за этим, взойдя на корабль, а в Зинциге пересев на коня, Фридрих направился к традиционному месту коронации — в Ахен, где в Розовое воскресенье (9 марта) архиепископ Арнольд Кёльнский совершил предписанные помазание и коронавание, возведя короля на престол. Всеобщее признание нового монарха, чье избрание и коронация так резко отличались от аналогичных событий 1125 и 1138 годов, происходивших в напряженной обстановке, выразилось и в том явном оптимизме, с каким теперь смотрели в будущее. Об этом, например, говорит то обстоятельство, что рукоположение нового епископа Мюнстерского, назначенное на день коронации в Ахене, было воспринято как добрый знак еще и потому, что этот епископ тоже носил имя Фридрих, буквально «богатый миром» (*reich an Frieden*).

То, с какой осторожностью и с каким ясным пониманием приоритетов молодой король принимал политические

решения уже в первые дни властвования, понятно из его бесед с князьями в Ахене. Хотя немецкий епископат в первую очередь настаивал на проведении итальянского похода для императорской коронации — похода, решение о котором было принято Конрадом III в 1151 году, — Фридрих согласился с возражениями светских князей, настаивавших на том, что первоочередной необходимостью является все же урегулирование напряженной внутренней ситуации в Империи. К папе Евгению III было отправлено посольство, включавшее Хиллина, избранного архиепископом Трирским, епископа Эберхарда Бамбергского и Адама, аббата Эбраха. Они передали письмо, составленное Вибальдом, аббатом Ставло, имевшим давний опыт в государственных делах. Отношение к священству (*sacerdotium*) в этом послании толковалось на основании учения о двух властях, гармонично дополняющих друг друга.

Сам Фридрих приступил к осмотру владений. Из Ахена его путь лежал прежде всего к Нижнему Рейну. Авторитет королевской власти, очень скоро восстановившийся после избрания Фридриха, не раз давал ему возможность с успехом вмешиваться в местные конфликты. Последствия этих вмешательств опять же оказывались положительными и придавали положению государя дополнительную поддержку. В Кёльне, городе короновавшего его архиепископа, 30 марта начались пасхальные празднества; оттуда он направился в герцогство Саксонию, то есть в цитадель власти Вельфов, столь долгое время проявлявших свою враждебность при Конраде III. На рейхстаге, проведенном на Троицу (18 мая) в Мерзебурге, штауфеновский король, успешно прояснив запутанную ситуацию вокруг датского трона, впервые смог продемонстрировать влияние на соседей своей Империи. Его двоюродный брат из рода Вельфов Генрих Лев, в эти месяцы часто находившийся в ближайшем окружении короля, не смог тогда добиться удовлетворения своих притязаний на наследство Винценбургов, на

которое после убийства последнего графа Винценбурга претендовал и маркграф Альбрехт Медведь из рода Асканиев. Государь в высшей степени искусно умел манипулировать интересами князей для сохранения баланса сил и укрепления королевской власти.

Уже во время мартовского пребывания в Утрехте, когда Фридрих после ахенской коронации отправился к Нижнему Рейну, монарх показал, какое значение он придает своему участию в замещении епископских должностей в Империи. В Мерзебурге он вмешался в сложившуюся ситуацию двоевластия в Магдебургском архиепископстве, побудив одну из двух партий избрать епископа Вихмана Наумбург-Цейцского, которому он тотчас же передал регалии. Это решение короля еще два года будет резко оспаривать папа. Но поскольку немецкий епископат однозначно принял сторону Штауфена, а также потому, что нормальные отношения с Империей были несравненно важнее, магдебургская проблема⁹⁹ не повлекла за собой окончательного разрыва. Поначалу главным делом для государя — в соответствии с выводом из бесед с князьями в Ахене — было окончательное устранение напряженности в Империи: в частности, необходимо было прояснить дело о притязаниях Вельфов на герцогство Баварию. Отношения Фридриха с Церингенами, в середине 1140-х годов еще конфликтные, уже к июню 1152 года были улажены посредством договора о передаче Бургундии герцогу Бертольду IV. О том, что Штауфен при всей этой активности не терял из вида необходимость итальянского похода, можно судить по обещанию, взятому им с Церингена: он обязал последнего принять участие в этом предприятии, которое по-прежнему стояло на повестке дня¹⁰⁰.

В конце июня 1152 года Барбаросса посетил баварский герцогский город Регенсбург, где его принял его дядя из рода Бабенбергов Генрих Язомирготт, с 1143 года герцог Баварский, а следовательно, непосредственный противник

притязаний Вельфов на его герцогство. К Бабенбергам судьба была неблагоприятна: подавляющее большинство князей, как и сам государь, желали, чтобы конфликт закончился, поэтому в конечном счете не оставалось никаких сомнений в том, что Вельфам надлежит вернуть их наследное Баварское герцогство. Однако король все же хотел добиться более гармоничного решения, основанного на взаимном согласии. Едва ли он был заинтересован в том, чтобы создавать внутри Империи новые очаги вражды. Только этим стремлением можно объяснить терпение и снисходительность, особенно по отношению к Бабенбергам, какие проявлял в этом вопросе Штауфен в последующие годы¹⁰¹.

Близко сошелся Барбаросса с давних пор и со своим дядей из рода Вельфов, герцогом Вельфом VI¹⁰², постоянно находившимся рядом с ним в первые месяцы его царствования. В области вельфских и штауфеновских владений в южной Швабии в конце июля — начале августа был проведен хофтаг в городе Ульм, на котором впервые присутствовало множество итальянских подданных Империи, получивших от короля грамоты. Уже через пять месяцев после избрания Штауфен, оглянувшись назад, мог увидеть ряд заметных успехов. В Ульме, вернувшись к поздним салическим традициям, провозгласили нечто вроде земского мира для Империи, что явственно указывает: в будущее тогда смотрели с уверенностью и доверием, а укрепление желанного с давних пор мира считали не только необходимым, но и возможным¹⁰³.

Появление в Ульме итальянцев свидетельствовало об установлении связи с югом. Отныне знать, клирики и горожане с юга постоянно посещали штауфеновский двор, излагали здесь свои проблемы и просьбы, получали грамоты и тем самым усиленно обращали внимание нового государя на интересы королевства Италия¹⁰⁴. Папа Евгений III был явно недоволен тем, что в сан архиепископа Магде-

бургского был возведен Вихман. Очевидно, он попытался оказать давление на Фридриха, передав с Вибальдом из Ставло сообщение о заговоре в Риме, участники которого по наущению яркого критика церковной иерархии Арнольда Брешианского якобы планировали самостоятельно избрать императора. Но король имел исключительно реалистичное представление о ситуации, коль скоро в этих римских происках он увидел не столько опасность для себя, сколько еще одну угрозу папству. В октябре 1152 года на хoftаге в Вюрцбурге было определено дальнейшее направление политики государя. Фридрих ловко использовал жалобы нескольких апулийцев, изгнанных королем Рожером Сицилийским, чтобы добиться от князей клятвенного обещания отправиться в ближайшие два года в итальянский поход ради коронации императора. Отношения с Вельфами становились все более тесными. Вельф VI получил в Вюрцбурге те позиции Империи в Средней Италии, которые Лотарь III уже передавал Генриху Гордому, наряду с маркграфством Тосканой и родовым именем графини Матильды, а также герцогство Сполето и княжество Сардинию. Несмотря на то что баварский вопрос из-за неявки Генриха Язомирготта рассмотреть не удалось, передача Генриху Льву наследства Винценбургов все же знаменовала важный успех территориальной политики Вельфов в Саксонии.

К концу года Фридрих направился на Запад, где в Трире отпраздновал Рождество. Когда он, намереваясь в силу своих территориально-политических амбиций передать верховенство над епископством Камбре графу Дитриху Фландрскому, потерпел поражение, с трудом предотвратив вооруженный конфликт между обоими претендентами, это показало предел и политических возможностей нового государя, и его способности настоять на своем. В начале следующего года король поехал через Эльзас в Бургундию, где во исполнение своего договора с герцогом Церин-

геном, заключенного год назад, он решил укрепить власть последнего в этой земле. Однако ситуация в корне изменилась. Уже на хoftаге, состоявшемся в июне 1152 года в Регенсбурге, князья высказались против военного похода не только в Венгрию, но и в Бургундию, а потому в начале 1153 года король оказался в бургундских землях фактически без войска. Но и здесь он показал свое дипломатическое искусство, сумев, очевидно, уладить разногласия между Церингеном и графом Вильгельмом Маконским, появившимся при дворе в Безансоне, тогда как герцог сопровождал короля только до Кольмара.

Еще поздней осенью 1152 года Барбаросса вновь активизировал переговоры с папой. После того как вопрос магдебургских выборов ошутимо нарушил первоначальное взаимопонимание, возникшие в Риме под влиянием Арнольда Брешианского планы радикально изменить положение и избрать своего императора снова исключили для обеих сторон, для короля и папы, возможность бездействовать. Видимо, и самого государя раздражали эти римские волнения, поскольку вскоре он послал к Евгению III графа Ульриха фон Ленцбурга — человека, которого один немецкий сторонник движения римских горожан в своем письме называл наиболее подходящим для переговоров с римлянами. На рубеже 1152 и 1153 годов с папой был заключен договор, который после его ратификации в Констанце в марте 1153 года обычно называли Констанцским. Видимо, обе стороны, король и папа, контактируя с римской городской оппозицией, страховались от того, чтобы противник не использовал подобные связи для собственной выгоды, так что позиции на переговорах были приблизительно равными. В самом договоре Штауфен обязался поддерживать римскую церковь против римских горожан, Рожера Сицилийского и возможной византийской экспансии в Италии, а также защищать церковь как ее фогт. Папа, со своей стороны, соглашался короновать императо-

ра, отлучать врагов Империи и выступать против упомянутых византийских экспансионистских устремлений. Если рассмотреть эти положения в их взаимосвязи, трудно не признать, что папство в тот момент добилось величайшего успеха. Тем не менее было бы грубой ошибкой делать из этого вывод, что позиции короля ослабли или даже были ущемлены — к тому же политическая действительность ближайших лет сделает многие пункты договора бессмысленными¹⁰⁵.

Положение о единой позиции против возможных экспансионистских устремлений Византии в Италии, которое с первого взгляда кажется нововведением в политике Барбароссы, отходом от хороших отношений с Византией, существовавших при Конраде III, при ближайшем рассмотрении оказывается ловким политическим ходом. При этом Штауфен вполне сознательно шел по стопам предшественника. Однако на германско-византийских брачных переговорах¹⁰⁶, происходивших тогда же, речь зашла о том, чтобы отказаться от предусмотренной уступки итальянской земли в качестве приданого супруги императора Мануила, Берты фон Зульцбах. Действительно, после заключения Констанцкого договора Фридрих активно осуществлял подобные планы, ведь как раз тогда он добился от папских легатов официального расторжения своего первого брака с Аделой фон Фобург — официально из-за близкого родства, но фактически по более значимым для него политическим мотивам. В результате на переговорах с Восточной Римской империей, которые велись с лета 1153 года, Штауфен мог сам выступать в качестве кандидата в женихи. Направление итальянского похода — против Южной Италии, определенное уже в октябре 1152 года, а также Констанцкий договор и переговоры с Византией формируют образ политики Барбароссы. Она продолжает традиционную основную тенденцию имперской политики Конрада III, однако, благодаря новому динамизму и энергии, а также

опоре на широкое признание королевской власти, уже может претвориться в реальность.

С гегемонистскими устремлениями миланцев король впервые столкнулся в Констанце, когда два купца из Лоди вдруг обратились к нему с жалобами¹⁰⁷. Его приказ «ломбардской метрополии», игравший на руку Лоди и не повлекший особых последствий, станет первой мерой в борьбе, которая продлится не одно десятилетие. В результате заключения Констанцкого договора отношения Штауфена с папством были превосходными. Несмотря на то что магдебургский вопрос по-прежнему оставался неразрешенным (а окончательно урегулировать его удалось только весной 1154 года благодаря уступке Анастасия IV, преемника Евгения III), кардиналы-легаты, посланные Евгением III в Германию, выказали готовность учитывать пожелания государя в отношении тех или иных представителей немецкого епископата. На хофтаге, состоявшемся в Вормсе на Троицу 1153 года (7 июня), они сместили архиепископа Генриха Майнцкого, рьяного противника королевской территориальной политики, единственного церковного иерарха, который первоначально выступил против избрания Штауфена. Епископы Айхштетта, Хильдесхайма и Миндена тоже были вынуждены покинуть свои кафедры, уступив их доверенным людям Штауфена. Кафедру в Майнце занял канцлер Арнольд фон Зелехофен. Важность отношений с Бургундией, и прежде всего с Арелатом, которые в начале года не удалось урегулировать военным путем, была подчеркнута в Вормсе предоставлением ряда привилегий.

Вторая половина 1153 года была посвящена подготовке итальянского похода, активизации отношений с восточноримским императором, а также попыткам примирить Вельфов и Бабенбергов. Все тесней становились отношения с вельфским двоюродным братом государя — Генрихом Львом. Передача герцогу Саксонскому королевского права на инвеституру епископов Ольденбурга, Рацебурга и Мек-

ленбурга, а также всех епископов, которые в дальнейшем будут назначены в землях к востоку от Эльбы, кардинально укрепила положение герцога в Северной Германии, где он был равен королю. Интенсивное освоение и колонизация языческих земель получили королевскую санкцию¹⁰⁸. В июне 1154 года из-за повторной неявки Генриха Язомирготта, к которому государь проявлял величайшую снисходительность, герцогство Бавария по приговору князей было признано за Генрихом Львом, хотя по-настоящему это не решило проблемы.

Вопрос этот вновь остался в стороне из-за итальянского похода, в который согласно решениям октябрьского хoftага 1152 года в Вюрцбурге следовало отправиться в ближайшее время. В октябре 1154 года Фридрих в сопровождении важнейших имперских князей и сравнительно скромного войска из 1800 рыцарей двинулся на юг через перевал Бреннер¹⁰⁹. В конце ноября он разбил лагерь на Ронкальских полях неподалеку от Пьяченцы на реке По. Там состоялся первый хoftаг Штауфена, проведенный на итальянской земле. Прежде всего Фридрих провел смотр войска; за уклонение от итальянского похода наказанию в виде лишения лена подверглись как миряне, так и духовные лица, в том числе архиепископ Хартвиг Бременский и епископ Ульрих Хальберштадтский. Правда, в основном эти дни, проведенные в Ронкалье, государь посвятил встречам с виднейшими представителями духовенства, знати и городов имперской Италии. Несмотря на то что уже с первого года правления государь был знаком с проблемами этой области, отныне он мог составить более точное представление о ее положении, посмотрев на нее собственными глазами. Жалобы поступали исключительно на города этой земли, враждебно относившиеся к окрестной знати, к собственным епископам или к соседним, более слабым городам. Особо тяжкие обвинения были выдвинуты против миланцев и их союзников тортонцев. В Пьемонте марк-

граф Монферратский и епископ Астийский жаловались прежде всего на города Кьери и Асти.

Первое непосредственное столкновение Штауфена с деятельностью и могуществом коммун познакомило его с новыми принципами городского мироустройства, диаметрально противоположного традиционной структуре Империи. Оно не могло вызвать иной реакции, кроме противодействия экспансионистским устремлениям городов. Общественные отношения в городах имперской Италии оказались чуждыми немецким имперским князьям и, конечно, государю, о чем свидетельствует описание Оттона Фрейзингенского¹¹⁰. И все же предполагать, что Штауфен с самого начала принципиально не признавал власти консулов, было бы ошибочным. И он, и его предшественник Конрад III еще до 1154 года принимали в расчет существование такой формы правления, определенно называя консулов в зафиксированных грамотами постановлениях¹¹¹. Правда, император был вынужден принимать меры против ярко выраженных гегемонистских и экспансионистских устремлений городов, если не хотел допустить ощутимого нарушения баланса местных сил.

О невозможности ослабления уз ленного права, определявших всю структуру Империи, было решено еще в Ронкалье; для его поддержания было продлено действие ленного закона Лотаря III. Продажа ленов без разрешения сюзерена происходила в Италии сплошь и рядом. Данное решение Штауфена, принятое уже при первом появлении в Италии, показало его в роли законодателя, но вслед за его законодательными мерами сразу же последовали военные. Правда, для того, чтобы выступить непосредственно против Милана, у него еще не хватало сил, поэтому во время похода Фридрих ограничился нападением на окрестности города, разрушив укрепления и мосты. В начале нового года король посетил западную часть Верхней Италии, средоточие множества земель короны в имперской

Италии¹¹². Диплом, выданный в Ривароло Канавезе дофину Гвиго, влиятельному в центрально-бургундских землях, окружающих Вьенн, а также адресованная ему же грамота герцога Церингена, который сопровождал государя, показывают, что Барбаросса уже тогда считал Церингенов властителями Бургундии, согласно договоренности 1152 года¹¹³. Но одновременно с этим он сумел укрепить в этих землях собственное влияние и включил в сферу своей политики перевалы в западных Альпах¹¹⁴. Еще в январе 1155 года состоялось согласованное с легатами Адриана IV продление Констанцкого договора.

Если в военных действиях против Милана Барбаросса был вынужден ограничиться мелкими акциями в окрестностях города, то в борьбе против Кьери и Асти, двух гораздо более слабых вражеских городов, он мог напрямую взаимодействовать с их могущественными противниками, маркграфом Вильгельмом Монферратским и епископом Ансельмом Астийским. Оба города были взяты без боя и сожжены. С тех пор имперские войска получали подкрепление за счет итальянского контингента, например отрядов епископа Комо, жителей Павии, Маренго, Верчелли и Новары. В начале февраля король пошел на Тортону, союзницу Милана, и в середине месяца начал осаду. Осада этого города — оборону которого, правда, сильно упрощало его природное положение, — наглядно продемонстрировала то, насколько сложно вести военные действия против хорошо укрепленного поселения. Военно-техническое снаряжение рыцарского войска было совершенно непригодным для того, чтобы преодолеть городские укрепления. Осада длилась два месяца, в течение которых Генрих Лев смог взять и разрушить только нижний город Тортоны. Победы над верхним городом удалось добиться, отрезав подачу воды. Благодаря посредничеству Бруно, аббата Кьяравалле¹¹⁵, жители сохранили жизнь и свободу. Но им пришлось покинуть город — он подлежал разрушению. В его

уничтожении приняли участие и горожане Павии, постоянно видевшие в Тордоне противника своих территориально-политических интересов в зоне Ольтрепо Павезе, к югу от реки По.

В их город, стоящий на реке Тичино, Фридрих направился после победы над Тортоной. Там он демонстративно провел свою коронацию в Сан-Микеле. Хотя Фридрих и мог одержанным военным успехом выразительно подчеркнуть свое господствующее положение в имперской Италии, в результате на стороне противников Милана он все-таки оказался в политической среде, формируемой постоянными расколами. Уже спустя месяц после разрушения Тортоны, в мае-июне 1155 года, миланцам удалось, несмотря на сопротивление павийцев, отстроить город Тортону, причем император, находившийся в то время в окрестностях Рима, ничем не смог им помешать¹¹⁶. В конце апреля Барбаросса от Тичино отправился в поход на Рим. Остановившись на реке Рено под Болоньей, он встретился с представителями болонской правоведческой школы, процветавшей со времен поздних Салиев. Его интерес к этим контактам нашел свое выражение в предоставленной школярам привилегии — так называемой «Authentica Habita»¹¹⁷. Уже в мае Фридрих вышел через Порретту в Тоскану, чтобы оттуда по Виа Франчигена продолжить путь в Рим. Изданный в эти дни его приказ, велящий пизанцам оснащать корабли для борьбы с королем Вильгельмом Сицилийским, ясно показывает, что он неуклонно придерживался основного направления похода — против норманнского государства.

Все ближе подходил Штауфен к Риму — близился и час его личной встречи с папой. Между курией и королевским двором сновали посольства, но недоверие, которое питали друг к другу оба деятеля, было очевидным. Так, разногласия возникали в отношении монастыря Фарфа, который подчинялся апостолическому престолу, но на который претендовал и король. Фридрих сделал жест доброй

воли, передав папе еретика Арнольда Брешианского; наконец, была достигнута договоренность о личном свидании в Грассано, недалеко от Сутри. И все же, несмотря на переговоры, устранить взаимное недоверие не удавалось. По поводу исполнения службы стратора (стременного) и маршала (конюшего) — почетного служения папе, правовая символика которого действительно имела огромное значение, — вспыхнул конфликт¹¹⁸. Под самым Римом дело едва не дошло до разрыва. После длительных совещаний, после того как папа выказал готовность уступить, согласившись удалить с одной латеранской фрески принижающее изображение Лотаря III в виде папского ленника, Фридрих, наконец, согласился исполнить эту службу в облегченной форме. Правда, у обеих сторон еще оставались средства для взаимного давления. Несмотря на то что Фридрих ответил отказом явившейся ко двору делегации римских горожан, предлагавших ему императорскую корону, папа должен был учитывать, чем грозят его положению подобные контакты Штауфена.

Лишь при надлежащей военной охране стало возможным провести после этого, в субботу, 18 июня 1155 года, церемонию императорской коронации в церкви Святого Петра. Сразу же по окончании празднества в городе начались бои. Только что коронованный император поспешил из своего лагеря, располагавшегося на Нероновых лугах близ городской стены, обратно в город. В ожесточенных боях в конечном счете победили люди императора. Однако из-за этих беспорядков, а также из-за нездоровых климатических условий войска пришлось вывести из Рима. Поскольку в ходе последующего объезда римских окрестностей император неоднократно нарушал папские сеньориальные права¹¹⁹, стало ясно, что отношения с папой и впредь будут отнюдь не безоблачными. Далеко идущие последствия будет иметь и уступка Фридриха неоднократно высказанному пожеланию князей — не продолжать поход и

не идти на Сицилию. Адриан IV счел, что Фридрих тем самым обманул его надежды, поскольку поход отвечал его интересам. Однако император с самого начала царствования считал принципиально важным согласовывать свои действия с князьями; к тому же консолидация власти изнутри, очевидно, казалась ему более целесообразной, нежели такая политическая авантюра, как летняя экспедиция в Южную Италию.

Пройдя через Среднюю Италию, государь вышел к Адриатическому побережью. Такой маршрут явно показывает намерение Фридриха как можно шире продемонстрировать свое могущество в имперской Италии. Город Сполето, выплативший потребованный от него *fodrum* (фискальный сбор) лишь частично и к тому же фальшивой монетой, был, несмотря на храброе сопротивление, захвачен и разрушен. В отличие от Тортоны, Сполето мог рассчитывать только на себя и не сумел выстоять. В августе в Анконе¹²⁰ Фридрих встретился с византийским посольством, которое — как ранее папа — побуждало его начать военные действия против Сицилии. Император передал византийцам послание к прибрежным городам Апулии, которым, правда, греки впоследствии злоупотребили¹²¹. Однако после нового совещания с князьями он отказался участвовать в военных предприятиях. Дальнейший путь вдоль побережья Адриатики привел его в Равенну. От Виа Эмилия через Сан Бенедетто По он к началу сентября достиг Веронской области. Там, в соответствии с приговором князей, Милану была объявлена опала. Предоставив Кремоне право чеканки монеты, которым прежде обладал Милан, Фридрих привлек на свою сторону еще одного противника «ломбардской метрополии».

В последующие дни жизнь императора не раз подверглась крайней опасности. Уже при переправе через реку Адидже выше Вероны едва удалось предотвратить покушение со стороны веронцев, поскольку вовремя обнаружи-

лось, что возведенный горожанами понтонный мост не выдержит большой нагрузки. После этого в Веронском ущелье путь императору преградили разбойники во главе с одним веронским рыцарем. Из этого затруднительного положения Штауфен смог спастись лишь благодаря помощи двух веронцев, сохранивших верность Империи, рыцарей Гарцабана и Исаака, а также благодаря смелости пфальцграфа Отто фон Виттельсбаха. В октябре того же года во время хофтага в Регенсбурге ко двору прибыла делегация из Вероны, намеренная убедить правителя в том, что город никоим образом не причастен к этим событиям, но императорскую милость Вероне вернули лишь позже¹²².

Возвращение Штауфена, отныне увенчанного императорской короной, в Германию ознаменовало собой последнюю фазу урегулирования отношений между Вельфами и Бабенбергами. Уже на упомянутом регенсбургском хофтаге Генрих Лев, в соответствии с приговором князей, вынесенным в июне 1154 года в Госларе, получил титул герцога Баварского. Генрих Язомирготт вновь не явился ко двору. Однако если император, разбирая, например, споры между архиепископом Арнольдом Майнцским и пфальцграфом Германом Рейнским, без колебаний назначал суровые наказания обеим сторонам, то по отношению к своему бабенбергскому дяде он не отступал от своей политической линии: он выжидал, был терпелив и снисходителен. Насколько строгими были его меры в отношении других имперских князей, показывает также конфискация дворов и доходов бременской и хальберштадтской церквей — ведь их предстоятели были приговорены в Ронкалье к лишению ленов. Епископу Ульриху Хальберштадскому королевская милость была возвращена только в мае 1156 года, а примирение с Хартвигом Гамбург-Бременским и вовсе состоялось лишь в 1158 году.

1156 год окажется завершающим для стадии консолидации власти над Империей в первые годы царствования

Фридриха I¹²³. В мае этого года в одном дипломе для монастыря Хильвартсхаузен был впервые упомянут (в качестве нового канцлера) Райнальд фон Дассель, выходец из клириков Хильдесхаймского собора. В последующие годы его политическое влияние на императора становится все более явственным — вплоть до самой его смерти летом 1167 года политика Империи во многом будет зависеть от этого человека. Направленность штауфеновской политики до лета 1155 года в значительной мере определялась противостоянием с норманнами. При этом и папство, и Византия были заинтересованы в сохранении связей со Штауфеном. С Восточной Римской империей в продолжение инициатив Конрада III обсуждался проект брачного союза, переговоры о котором были начаты еще в Анконе. Однако принятое там же решение отказаться от похода в Южную Италию серьезно изменило ситуацию. Наступление греков в Апулии, поначалу поддерживаемое Фридрихом, вызвало сильное раздражение Штауфена из-за злоупотребления императорскими мандатами. Отныне византийский matrimonialный проект был отвергнут окончательно. Приблизительно на рубеже 1155–1156 годов, после смерти графа Вильгельма Маконского 20 или 24 сентября 1155 года¹²⁴, Барбаросса начал свататься к племяннице этого графа Беатрисе, наследнице графства Бургундия¹²⁵. В июне 1156 года на хофтаге в Вюрцбурге состоялась свадьба.

В Вюрцбург явились и многочисленные представители Италии. Внутренняя напряженность в этом королевстве проявилась вновь. Одному византийскому посольству поначалу даже было отказано в приеме — в силу ранее упомянутого раздражения государя. Отвечая на завоевательные походы греков в Южную Италию, имперские князья поклялись отправиться в поход в Апулию. Но тогда же пришлось думать и о том, что следует предпринять против Милана, ведь опальный город по-прежнему проявлял крайнюю строптивость. Вероятно, еще в Вюрцбурге импера-

тор, заключив тайное соглашение с князем Владиславом Богемским, заручился его военной поддержкой в Италии. Правда, планирование действий в Южной Италии к тому времени утратило всякую актуальность. В конце мая 1156 года Вильгельм I Сицилийский разбил византийцев при Бриндизи. 18 июня — ровно через год после императорской коронации Барбароссы — папа Адриан IV заключил с норманнами Беневентский договор¹²⁶. Это коренным образом изменило политические возможности и для штауфеновской Империи.

Между тем летом 1156 года консолидация германских областей Империи переживала свою окончательную стадию. Непосредственно перед свадьбой в Вюрцбурге Фридрих убедил своего бабенбергского дядю согласиться на передачу герцогства Баварского Генриху Льву. Позже, в сентябре того же года, когда на хофтаге в Регенсбурге было объявлено о преобразовании маркграфства Австрии в герцогство, стало ясно, каким образом император добился этого согласия. Отныне Вельфы и Бабенберги поддерживали императора в его политике, которая, правда, чрезвычайно способствовала процветанию территориальной княжеской власти. Что касается Церингенов, понесших в качестве ректоров Бургундии серьезный ущерб из-за брака императора с Беатрисой Бургундской, Фридриху удалось компенсировать их потери: он передал этому аристократическому дому права на инвеституру в епископствах Женева, Лозанна и Сьон (Зиттен)¹²⁷. Картина чрезвычайно успешного года царствования, в течение которого произошел переход от первых лет консолидации к новым проблемам, уже вовсе дающим о себе знать, окончательно сложилась к осени 1156 года, когда после смерти Германа фон Шталлека (20 сентября 1156 года) сводный брат Штауфена Конрад был возведен в сан пфальцграфа Рейнского¹²⁸.

В той части Империи, что находилась к югу от Альп, отношения и вовсе не были улажены. Милан, с конца лета

1155 года попавший в опалу, неуклонно продолжал свою экспансионистскую политику¹²⁹. Ни отправка легатов, ни личное вмешательство императора так и не возымели действия. Во время первого итальянского похода Фридрих оказался среди противников Милана. Теперь же он предпринял усилия, чтобы привлечь на свою сторону его союзников. Успех ожидал его прежде всего в Пьяченце, городе на реке По, — император все больше привлекал его к себе, играя на его заинтересованности в правах на столь важное место, как переправа через По. Еще в декабре 1156 года эти значительные права признал за Пьяченцей императорский посланник, капеллан Балдуин. 2 февраля 1157 года на хофтаге в Ульме император подтвердил это решение, направленное против старых притязаний имперского монастыря Санта-Джулия в Брешии.

Завершив конфликт между Вельфами и Бабенбергами в 1156 году, Фридрих смог значительно укрепить мир внутри Империи, однако в ней по-прежнему происходили столкновения, а он по-прежнему старательно улаживал их. В начале 1157 года Барбаросса лично посетил Трир, чтобы именем императорской власти наложить запрет на возникшую там *coniuratio* городских сил, клятвенный союз городов против их сеньора, архиепископа¹³⁰. Уже упоминавшийся ульмский хофтаг начала февраля во многом послужил тому, чтобы снова гарантировать земский мир, официально провозглашенный еще в 1152 году. Дальние поездки властителя в разгар зимы, по плохим дорогам, при неблагоприятной погоде свидетельствуют и о необычайной физической выносливости Штауфена. В марте он отправился через Вюрцбург в Фульду, где присутствовал на освящении новой церкви этого аббатства, проведенном Эберхардом Бамбергским и Германом Верденским. Во время пребывания в этом почитаемом с давних времен имперском аббатстве он договорился с князьями о том, что вместо имперского похода в Апулию состоится поход на Ми-

лан, который начнется на Троицу 1158 года в Ульме. И вновь император доказал свою способность реально оценивать политические возможности и потребности. Вместо того чтобы предпринять чрезвычайно трудную экспедицию на Сицилию — после внезапной смены обстоятельств в результате заключения Беневентского договора, — он предпочел вступить в борьбу с опальными и по-прежнему строптивыми миланцами.

На хoftаге, состоявшемся в конце марта — начале апреля 1157 года в Вормсе, имперские князья принесли присягу, приняв новую цель будущего итальянского похода. Здесь присутствовали делегаты городов Павии, Лоди, Новары, Комо и, вероятно, Кремоны — то есть представители ломбардских коммун, враждебных Милану. В Вормсе также был выдан диплом, чрезвычайно характерный для экономической политики императора в Германии¹³¹: Фридрих официально огласил принятое на основе жалоб горожан и купцов решение о таможенных пунктах на Майне между Бамбергом и Майнцем. Упразднив при этом все таможенные сборы, кроме сборов в Нойштадте (под Ротенфельсом) и Ашаффенбурге, а также императорского сбора во Франкфурте, он тем самым не только принес значительное облегчение торговле, но и сумел сохранить имперские права и доходы. В какой мере император осознавал успешность своих прежних мер уже в ту пору, насколько высоко он себя оценивал, видно из того, что еще весной 1157 года он поручил своему дяде, епископу Оттону Фрейзингенскому, литературное описание своих деяний, предоставив в качестве основы собственное краткое изложение.

В дальнейшем началась ускоренная подготовка к итальянскому походу. Помимо помощи имперских князей, поклявшихся принять в нем участие, для этого предприятия необходимо было заручиться дополнительной поддержкой. В июне прошлого года в Вюрцбурге на этот счет было достигнуто соглашение с князем Владиславом Богемским. Ле-

том 1157 года епископ Даниил Пражский по императорскому поручению поехал в Венгрию, где король Геза II — вечный противник византийского императора, а потому относившийся к Штауфену теперь куда более благосклонно, нежели во времена более тесных контактов между обеими империями, — выразил готовность выдвинуть против Милана 500 воинов. В августе Фридрих направился в Галле, откуда двинулся походом на Польшу. Внешним поводом послужило изгнание князя Владислава II его братьями и их отказ выплачивать обычную ежегодную дань в 500 марок серебром. Поляки не смогли оказать никакого сопротивления имперскому войску, которое, переправившись через Одер под Глогувом, разорило территорию Вроцлавского и Познанского епископств. Под Кжишковом Болеслав IV изъявил покорность и, что характерно, тоже был вынужден дать клятву принять участие в походе на Милан¹³².

Престиж императора далеко за пределами его Империи отразился чуть позже в прибытии на большой хофтаг, созванный в Вюрцбурге в конце сентября, посланцев из Византии, Дании, Венгрии, Италии, Бургундии, Испании, Франции и Англии. С Восточным Римом удалось достичь соглашения, которое, правда, продлилось недолго. По желанию императрицы Ирины ее племянник герцог Фридрих Швабский, сын Конрада III и двоюродный брат Барбароссы, был посвящен в рыцари. Посланники Генриха II Английского передали в качестве дара хозяину роскошный шатер, а также письмо, где Плантагенет в изящных и дипломатичных выражениях, в весьма почтительном тоне принимал дружеский союз, предложенный императором. Однако он отверг требование вернуть вывезенную в Англию его матерью Матильдой, вдовой императора Генриха V, реликвию святого Иакова — часть имперского сокровища, которая имела особое значение в эпоху раннесредневекового культа Иакова с центром в Сантьяго-де-Компостела. После 6 октября император отправился с Майна в Бургун-

дию, где в конце месяца в Безансоне состоялось еще одно крупное имперское собрание.

Здесь, на реке Ду, также присутствовали посланцы из отдаленных частей Империи и христианского Запада: римляне, апулийцы, тосканцы, веныты, французы, англичане и испанцы. Но прежде всего ко двору прибыли папские легаты Бернардо, кардинал Сан-Клементе и Роландо, кардинал Сан-Марко, канцлер Адриана IV (и будущий папа Александр III). Они передали послание папы, излагающее жалобу по поводу ареста архиепископа Эскиля Лундского. В начале года Адриан дал этому шведскому митрополиту сан примаса Севера, тем самым нарушив права Империи, в частности, Гамбург-Бременской митрополии. Канцлер Райнальд фон Дассель, которому было поручено зачитать и перевести послание, использовал при передаче содержащегося в нем предложения «папа охотно дал бы императору еще большие *beneficia*, чем те, которые он давал до сих пор», клеймящее слово «лены»¹³³. Всеобщее возбуждение, вызванное этим высказыванием папы, усилилось еще больше в ходе спора о том, что, несмотря на обещание, фреска в Латеране (изображение Лотаря III в виде папского ленника¹³⁴) еще не удалена. Началось настоящее столпотворение. Только личное вмешательство императора спасло кардиналов от пфальцграфа Отто фон Виттельсбаха, который устремился на них с обнаженным мечом.

Отношения между *imperium* и *sacerdotium*, серьезно нарушенные договором Адриана IV с норманнами, претерпели подлинный разрыв. В циркуляре, распространявшемся по всей Империи, Фридрих сообщил о произошедшем «общественности»¹³⁵. Папские легаты, в багаже которых при обыске были найдены бланки с печатями, пригодные для применения в случае конфискации церковной утвари и имущества, были отосланы обратно в Рим. Настоятельно подчеркивалось, что императорское достоинство, посредством выбора князей, исходит только от Бога, который

распределил власть на Земле, даровав два меча: духовный — папе, светский — императору.

Несмотря на столь серьезное потрясение основ христианского миропорядка, штауфеновская власть все же не испытала настоящего кризиса. Напротив, император, выехав из Безансона, смог впоследствии объехать Северную Бургундию и тем самым вступить во владение землей, доставшейся ему благодаря прошлогоднему бракосочетанию с Беатрисой¹³⁶. При дворе в эти недели появлялись архиепископы Вьенна, Лиона, Безансона и Мутье-ан-Тарантез, епископы Авиньона и Валанса, а также многочисленная местная знать; некоторые из них получали инвеституру, присягая на верность штауфеновскому государю. Правда, запланированная встреча с королем Людовиком VII Французским так и не состоялась. Капетинг, предусмотрительно собрав войска, выказал не только принципиальное недоверие к власти Штауфена, но и уважение к ней. В послании к королю Барбаросса подчеркивал свое намерение договориться о новой встрече после итальянского похода, к которому он сейчас готовится¹³⁷. В декабре император отправился в дальнюю поездку из Бургундии в восточную Саксонию, где в Магдебурге отпраздновал Рождество. Хотя польские посланцы, вопреки августовскому обещанию князя Болеслава, там не появились, это ничуть не помешало дальнейшему планированию предстоящего похода на Милан. Князья, и, в частности, Владислав Богемский, еще раз повторили обязательство принять участие в этом предприятии. В Регенсбурге, куда император в январе 1158 года приехал через Гослар — освященное традицией место, где располагался пфальц, — богемец в соответствии с вюрцбургскими договоренностями 1156 года получил из рук императора королевскую корону.

В начале года Фридрих приобрел у Генриха Льва швабское наследство его супруги Клеменции, урожденной Це-

ринген, в обмен на имперские права в области Гарца. Хотя герцогство Швабское принадлежало его двоюродному брату Фридриху фон Ротенбургу, император проявил исключительную активность и в Швабии. Особенно важными для него были южные области этого герцогства и территория Эльзаса. На одном из хофтагов в Ульме, проведенных в 1157 и 1158 годы в день Очищения Девы Марии (2 февраля), он подчинил Швабскому герцогству графство Кьявенна, о котором еще с 1152 года шел спор между консулами Кьявенны и епископом Комо. Примечательно, что в изданной по этому поводу грамоте, вышедшей, правда, не из имперской канцелярии, Фридрих наряду с императорским титулом присвоил себе и титул герцога Швабского. Не отрицая связь этого документа с задачей по ограничению гегемонии Милана в области озера Комо, можно заметить, что здесь отразился и другой замысел Штауфена: укрепление позиции своего дома в Швабии путем расширения его территории за Альпы.

Уже в Госларе при дворе вновь появился архиепископ Хартвиг Гамбург-Бременский, который впал в немилость еще со времен лишения лена за невыполнение обязанности участия в походе со своим военным ополчением, что произошло в декабре 1154 года в Ронкалье. Фридрих окончательно примирился с этим церковным иерархом в марте 1157 года, однако пойти на это его вынудили не только предстоящий итальянский поход и нарушение прав архиепископа как примаса Гамбург-Бременской церкви на скандинавской территории в связи с выдвижением папой в 1157 году Эскиля Лундского. Император стремился не допустить излишнего усиления позиций своего вельфского кузена в герцогстве Саксония. Спокойствие в Империи было необходимой предпосылкой для того, чтобы выступить в итальянский поход. В ходе последних приготовлений к этому предприятию на юг в качестве имперских легатов отправили Райнальда фон Дасселя и Отто фон Виттельс-

баха. Благодаря широкой дипломатической активности и отдельным военным мерам были созданы основы для предстоящей борьбы с Миланом. Присягу императору, которой потребовали легаты, наряду с городами — противниками Милана принесло прежде всего высшее духовенство имперской Италии, в том числе и архиепископ Оберт Миланский. Правда, «ломбардская метрополия» никоим образом не думала идти на уступки — напротив, еще весной 1158 года соседний Лоди оказался под сильным военным давлением. В конечном счете он во второй раз в своей истории был разрушен миланцами¹³⁸.

Райнальд и Отто, встретившись в Модене с папскими легатами, направленными к императору, заранее узнали, что в отношениях с Империей, испорченных со времен Безансона, Адриан идет на уступки. Далее императорские легаты направились к Адриатическому побережью, где власть императора пришлось признать как Равенне, так и Анконе. В результате византийцы вынуждены были тотчас же прекратить активные действия в этой зоне. Греческим посланцам, находившимся в Анконе, пришлось оправдываться, после чего им «разрешили» вернуться на родину. Одновременно со всеми этими действиями легатов были приняты меры для того, чтобы летом 1158 года в борьбу с Миланом вступили также многочисленные города Средней Италии, обязанные либо собрать войска, либо предоставить финансовую поддержку. Только в начале июня Райнальд и Отто добились успеха в переговорах с одним из важнейших союзников Милана: они убедили заключить военный союз с императором город Пьяченцу.

Весной 1158 года Фридрих выехал на Нижний Рейн, чтобы обеспечить закон и порядок и в этих землях. В мае он провел несколько дней в своем пфальце в Кайзерслаутерне, в котором он передал многочисленные дары церквям после бесед с благочестивым мужем, пользовавшимся его особым доверием, — епископом Хартманом Бриксенс-

ким. Подобный образ действий императора, эта характерная черта его личности, в которой средневековая набожность сочеталась с умением осмотрительно планировать свою политику, еще не раз проявится в его биографии. Предстоящие сражения несли в себе угрозу для спасения души, что следовало заранее компенсировать. В начале июня на Лехском поле под Аугсбургом собралось имперское войско — то самое, что должно было двинуться на юг во главе с самим императором. Значительная часть армии отправилась в путь другими дорогами: австрийцы и каринтийцы — по Канальской долине, бургундцы и лотарингцы с герцогом Церингеном — через Большой Сен-Бернар, франконцы, жители Нижнерейнской области и швабы — через Кьявенну и, вероятно, на судах, по озеру Комо. Король Владислав Богемский в авангарде императорских войск двинулся через Бреннер.

Еще в лагере под Аугсбургом ко двору прибыли папские легаты, уже встречавшиеся в Модене с легатами Райнальдом и Отто. Они вручили императору послание Адриана IV, в котором спорное слово *beneficia* из письма, переданного в Безансоне, толковалось как *bonum factum* (благодеяние). Единодушное неприятие духовными князьями Империи чрезмерных притязаний папы подействовало — Адриан смягчил свою позицию¹³⁹. Приезд посольства от нового датского короля Вальдемара, взошедшего на престол в результате прошлогодней борьбы, стал еще одним доказательством успеха штауфеновской политики. Вальдемар обязался лично явиться ко двору императора в течение сорока дней после возвращения последнего в Германию, тем самым вновь подтвердив закрепленное еще в 1152 году ленное верховенство Империи над Данией. В середине июня, придя к убеждению, что в немецких землях Империи власть обеспечена как нельзя лучше, Фридрих мог выступить в свой второй итальянский поход — как и в 1154 году, через Бреннер.

3. БОРЬБА С МИЛАНОМ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СХИЗМЫ (1158–1162)

Со времен Беневентского договора, заключенного Адрианом IV с королем Вильгельмом I Сицилийским в июне 1156 года, условия и предпосылки итальянской политики Штауфена претерпели коренное изменение. Отныне приоритет был отдан действиям против самой могущественной из коммун Верхней Италии — против Милана, который по-прежнему не удавалось поставить на колени, несмотря на объявленную ему в сентябре 1155 года имперскую опалу и на то, что враждебные Милану города поддерживали императора. После ухода государя город продолжил свою успешную политику экспансии. Как и в 1154 году, во второй свой поход на юг Фридрих отправился через Бреннер. В отличие от прошлого раза, он располагал внушительными военными силами, к которым в Италии должны были добавиться также значительные подкрепления, собранные на территориях Империи к югу от Альп. Верона, считавшаяся после налета в Веронском ущелье очагом смут на подходах к верхнеитальянской равнине, на этот раз не оказала императору сопротивления. Захватив крепость Риволи, расположенную севернее Вероны и контролировавшую дорогу на юг, имперские легаты Райнальд фон Дассель и Отто фон Виттельсбах, отправленные весной 1158 года, создали тем самым условия для уверенного прохода войск.

Под Брешиа войска под предводительством императора соединились с авангардом, которым командовал король

Владислав Богемский. Брешианцы, традиционные союзники миланцев, при виде имперского войска были вынуждены уступить, предоставив заложников и контингент для борьбы с Миланом. В соответствии с формальностями закона миланцы были еще раз вызваны на императорский суд. Ко двору прибыла городская делегация, однако Барбаросса отказался от предложения принять денежный штраф. Итак, военное столкновение стало неизбежным. Первые стычки произошли в последние июльские дни на реке Адда: переправиться через эту реку удалось, но с потерями. Первым сравнительно крупным успехом стал захват Треццо — эту крепость, важную для поддержания связи между Миланом и Брешией, занял немецкий отряд. Сразу после этого к императору явились жители Лоди, умоляющие о помощи против Милана. С начала XII века их город находился под властью миланцев: в 1111 году его разрушили в первый раз, а весной 1158 года — во второй¹⁴⁰. Первый контакт со Штауфеном, предпринятый в 1153 году двумя купцами из Лоди без ведома отцов города, не вызвал в нем всеобщего одобрения. Страх перед могущественными миланцами был слишком велик, а потому мало кто питал особую надежду на помощь Империи, десятилетиями не проявлявшей в Италии особой активности. Но теперь ситуация в корне переменялась. Повторное разрушение города уже не оставляло горожанам иного выхода, кроме поиска контактов с государем. 3 августа после осмотра выбранной территории город Лоди был заново основан в другом месте: его перенесли с реки Ламбро на реку Адду.

Через три дня имперские части блокировали Милан — началась осада. К войску примкнули многочисленные подкрепления из имперской Италии: среди них, помимо традиционных городских противников миланцев, была и знать (например, маркграфы Обиццо Маласпина и Вильгельм Монферратский), а также духовные имперские князья, такие как патриарх Пильгрим Аквилейский и архиепископ

Ансельм Равеннский, в прошлом епископ Хафельбергский. Кроме того, в эту борьбу включились многие города и населенные пункты Средней Италии, поддержав ее предоставлением войск или денег: Анкона, Асколи-Пичено, Фано, Фермо, Флоренция, Фолиньо, Генуя, Лукка, Луни, Перуджа, Пиза, Римини, Рим, Сиена, Тиволи и Витербо. Миланцы не смогли выстоять против столь многочисленного воинства. В конце августа, при посредничестве многочисленных князей (в частности, верного императору графа ди Бьяндрате, который в то же время был гражданином Милана), начались переговоры, в скором времени (1 сентября 1158 года)¹⁴¹ завершившиеся подписанием соглашения.

Несмотря на бесспорное унижение «ломбардской метрополии», выразившееся прежде всего в публичном изъявлении покорности, совершенном в императорском лагере на Рождество Богородицы (8 сентября), при обсуждении условий капитуляции Фридрих выказал разумную политическую сдержанность. Правда, опасная гегемония города¹⁴² была уничтожена, Комо, Лоди и Сеприо, а чуть позже и Монца освобождались от миланского ига, был назначен штраф в размере 9120 марок серебром, а Милан, в котором Фридрих повелел построить пфальц, лишился регалий. И все же город сумел сохранить новое укрепление, построенное лишь в прошлом году, а также право избирать консулов, которые, правда, подлежали императорскому утверждению. Последняя статья отражала центральную проблему отношений между Империей и коммунами — вопрос консульской власти и ее встраивания в структуру Империи. Через несколько недель в Ронкалье этот вопрос будет урегулирован в общем виде.

В том же сентябре, после описанных событий, Барбаросса посетил Монцу, попавшую из-под миланской власти под власть Империи. Там он провел переговоры с рыцарями Мартезаны и Сеприо, областей к северо-западу от Милана, которые издавна были излюбленным объектом

территориально-политических притязаний этого города, и передал власть над этими землями своему уполномоченному — графу Госвину фон Хайнсбергу. Тем самым он создал заслон между Миланом и Комо, подчиненный непосредственно императору. В Монце большая часть немецких имперских войск была распущена. Уже здесь возникла проблема, в дальнейшем то и дело осложнявшая для Штауфена воплощение в жизнь итальянской политики: как собрать и удержать достаточно крупные военные силы. Ради этого он, в частности, должен был обеспечить безопасность путей сообщения с севером. В октябре, получив весть о захвате крепости Гарда веронцем Туризендо, Фридрих направился в район Вероны, чтобы продемонстрировать свою власть в этой «болевой точке».

После краткого пребывания императора во владениях Матильды на Виа Эмилия, которые он, несмотря на их передачу герцогу Вельфу VI, хотел удержать под своим непосредственным влиянием, 11 ноября, в день святого Мартина, на Ронкальских полях близ Пьяченцы на реке По открылся уже давно планировавшийся большой рейхстаг. Центральной темой этого съезда было упорядочение отношений между имперской властью и коммуна́ми¹⁴³. Император изложил свою программу, те нормы, на которых в дальнейшем должны были строиться эти отношения, тем самым поставив имперскую политику в Италии на совершенно новую основу. В отличие от прежних времен, когда он в союзе с одной группой городов действовал против другой, отныне был провозглашен принцип главенства имперской власти над всей совокупностью коммун. Фридрих весьма искусно использовал налаженные еще с 1155 года связи с правоведческой школой Болоньи. Для консультаций он привлек четырех самых значительных юристов того времени (Булгара, Мартина Гозия, Якова и Уго ди Порта Равенната), однако выслушал и тех, кого это касалось, — представителей четырнадцати городов. С оп-

ределением регалий главная проблема, вызывавшая напряженность в отношениях между императором, притязавшим на эти имперские права, и городами, которые официально или фактически пользовались последними, получала четкую правовую основу. Отныне — после капитуляции Милана — выдвигаемое повсюду требование к властям Империи возвратить эти суверенные права и заново их предоставить станет для Штауфена важным источником доходов имперской Италии.

К величайшим достижениям этого рейхстага прежде всего следует отнести три закона, тексты которых обнародовали в Ронкалье: о том, что любые права осуществления юрисдикции и суверенного применения силы исходят от Империи; о праве императора возводить пфальцы и резиденции везде, где ему заблагорассудится; об определении видов налогов, как было принято во времена древнеримских императоров. Проведение в жизнь этих законов, особенно первого из перечисленных, станет сутью политики Штауфена в ближайшие годы — правда, оно будет чревато и новыми конфликтами. В городах, традиционно дружественных Империи, проблем в связи с этим не возникало. При проштауфеновской политике таких коммун, как Павия, Кремона или Лоди, утверждение императором избранных консулов и исполнение тем самым ронкальских законов не встречало сопротивления. Однако в городах, где существовали разные группировки (Пьяченца) или где штауфеновскому диктату подчинились лишь под давлением военной силы (Милан), дело обстояло иначе. Даже в приморском городе Генуе Фридрих натолкнулся на сопротивление, когда хотел настоять на власти Империи в отношении Сардинии и Корсики. Генуэзцы уступили военному нажиму только тогда, когда Штауфен продвинулся до Боско: они присягнули императору, выплатили деньги и обязались прекратить строительство городской стены. Тогда Фридриху удалось сломить гегемонию этого приморского

города — по крайней мере, на время. Савона, Альбенга и Вентимилья были подчинены непосредственно Империи¹⁴⁴.

Несмотря на то что к концу 1158 года Фридрих, глядя в прошлое, мог указать на ряд примечательных успехов, в них уже тогда можно было разглядеть зародыш будущих проблем и источников напряженности. После встречи, состоявшейся в июне этого года с папскими легатами в лагере под Аугсбургом, отношения с папой Адрианом IV¹⁴⁵ снова вошли в относительно нормальную колею, но назвать хорошими их было нельзя. Из-за вопроса о равеннской кафедре, на которую Штауфен после смерти архиепископа Ансельма, случившейся 12 августа под Миланом, прочил Гвидо, сына графа Гвидо ди Бьяндрате, разгорелся новый конфликт, уже к концу года принявший серьезную форму. Тогда император, рассерженный возражениями папы относительно равеннского дела и других вопросов, распорядился, чтобы в дальнейшем в посланиях к папе имя императора стояло на первом месте, а к понтифику обращались в единственном числе, как было принято ранее. Конечно, это был вопрос протокола, этикета, однако он явственно выражал раздражение Фридриха.

В начале нового, 1159 года император находился в Пьемонте, где вместе с двором жил сначала в Турине, а потом в Оччимиано, юго-восточнее Казале Монферрато, неподалеку от реки По. Поначалу его борьба с Пьяченцей, со времен Ронкальского рейхстага занимавшей все более враждебную позицию, и с Кремой, по-прежнему союзной Милану, выражалась лишь в виде приказов и сноса укреплений. В обоих случаях эти меры не были направлены на удовлетворение территориально-политических интересов Кремоны, проявлявшей все больше постоянства в качестве безотказной союзницы государя. Позже, в Оччимиано, Фридрих узнал об оскорбительном обращении с его легатами во главе с Райнальдом фон Дасселем — в соответствии с ронкальскими решениями они были делегированы

в Милан в связи с формированием нового городского правительства. Правда, в феврале миланцы явились по вызову в Маренго, но никакого согласия достигнуто не было. Для принесения извинений они получили еще одну отсрочку до Пасхи.

К действующему соглашению обе стороны явно относились в высшей степени скептически — во всяком случае, и император, и Милан старались укрепить собственные позиции. Фридрих набрал войска и двинулся в Комо, где его приняли наилучшим образом, а затем захватил союзную миланцам Изолу Комачина — в каком-то смысле главное препятствие на пути немецких войск через озеро Комо. Оставшиеся в Италии остатки войска он перевел на Виа Эмилия, в область Болоньи, куда в марте выехал лично. Миланцы направили свою активность против Лоди, отныне штауфеновского города: в начале года, уже при новом городском правительстве, они попытались начать интервенцию. Фридрих поспешил в Лоди, и угроза, казалось, была предотвращена. Но в начале апреля Барбаросса вернулся на Виа Эмилия — через Пьяченцу, отпадения которой от Империи удалось избежать лишь с величайшим трудом¹⁴⁶. Миланцы же, воспользовавшись моментом, захватили замок Треццо, находившийся на важной дороге в Брешиа и попавший в прошлом году под власть Штауфена. Вскоре после Пасхи император, узнав о падении этой крепости, направился в область Болоньи, где стояло его войско. Он привлек болонских правоведов, в результате чего миланцам был вынесен приговор как мятежникам; город вновь попал в опалу за государственную измену.

Правда, проблема подготовки к новой войне оказалась серьезной. Показательным в этом плане было то обстоятельство, что император не мог вновь осадить «ломбардскую метрополию»: в мае-июне 1159 года он ограничился тем, что разорил западные окрестности города. Молодому городу Лоди удалось успешно отразить нападения милан-

цев. В ближайшие годы он станет не только излюбленным местом пребывания императора, но и одной из важнейших для него баз боевых действий. Правда, о том, насколько опасной ситуация иногда бывала даже для государя, свидетельствует покушение, совершенное на него в июне этого года. По словам Рагевина¹⁴⁷, оно произошло в палаточном лагере в Лоди, на берегу Адды, и совершил его нанятый миланцами человек. Новый Лоди к тому времени еще не обзавелся городской стеной, поэтому убийца мог проникнуть к императору, у которого в этом городе не было даже постоянного места проживания, фактически беспрепятственно.

В те же недели при дворе появились посланники папы и посланцы города Рима. Несмотря на несколько попыток посредничества, прежде всего со стороны епископа Эберхарда Бамбергского, погасить тлеющие противоречия в отношениях с Адрианом IV так и не удалось. Предложение продлить Констанцкий договор Фридрих отклонил, сославшись на договор Беневентский. Едва ли это предложение было сделано всерьез — ведь в прошлом году папа, последовательно проводя тот политический курс, который он усвоил с 1156 года, выступил посредником при заключении мира на тридцать лет между Византией и Сицилией¹⁴⁸, а в коллегии кардиналов тон задавала сицилийская партия. В курии даже появились сторонники идеи отлучения императора. Через несколько недель папа вступил в тесный союз с враждебными императору городами Миланом, Брешиа, Пьяченцей и Кремой.

После этого государь сосредоточил внимание на своих военных действиях против Кремы¹⁴⁹. С давних пор ее жители упорно не желали исполнять императорские приказы. В то же время за разрушение этого хорошо укрепленного городка кременцы предлагали Штауфену большие деньги. Барбаросса принял в расчет финансовую выгоду для Империи и свои реальные возможности: об осаде Ми-

лана не стоило и помышлять, поэтому в начале июля 1159 года император двинулся на Крему. Правда, сначала он несколько раз наведывался в область Милана, продолжая опустошать его земли. Лагерь императора под Кремой был разбит только в августе. Затем к Фридриху присоединилась не только его супруга, прибывшая из Германии, но и значительные военные подкрепления. Среди прочих в этой борьбе приняли участие Генрих Лев и Вельф VI, а осенью к войску, осаждающему крепость на реке Серию, примкнул Райнальд фон Дассель, новоизбранный архиепископ Кёльнский, приведший свежие военные силы из Германии. Еще в начале осады были завязаны новые контакты с римскими горожанами, которых Барбаросса ценил теперь больше, чем прежде, — в качестве группы, имеющей важное значение для его отношений с папой. В Рим было направлено императорское посольство во главе с пфальцграфом Отто фон Виттельсбахом, пробстом Херибертом Ахенским и графом Гвидо ди Бьяндрате¹⁵⁰.

Бои под Кремой шли с переменным успехом. Маленький городок сопротивлялся имперскому войску героически, осада затянулась на многие месяцы. Тем временем 1 сентября умер папа Адриан IV. Выборы преемника¹⁵¹ привели к неоднозначному результату: большинство просицилийских членов кардинальской коллегии высказалось за канцлера Адриана IV Роландо, у которого осталось неприятное впечатление об императоре после Безансонского рейхстага, состоявшегося осенью 1157 года. Меньшинство отдало голос кардиналу Оттавиано ди Монтичелли, который, судя по отклику Евгения III на весть об избрании в 1152 году Барбароссы, уже тогда высказывался о Штауфене крайне благосклонно, а значит, давно знал его (возможно, даже лично)¹⁵². Принцип подчинения большинству на выборах папы еще не действовал, а следовательно, решающим значением обладала способность того или иного кардинала добиться своего признания. В этом случае должно было

сказаться и то обстоятельство, что с конца лета 1159 года в Риме находилась уже упомянутая императорская делегация, и круги римских горожан, очевидно, были намерены остановить свой выбор на проштауфеновском кандидате.

Фридрих узнал о двойном избрании папы самое позднее в октябре, под Кремой. Если и раньше отношения с курией были очень напряженными, то теперь ситуация еще больше обострилась. Следуя своей политике, император, помимо противоборства с Миланом и его союзниками, должен был открыть новый фронт. Посовещавшись с представителями имперского епископата и цистерцианскими аббатами Сито и Клерво о предлагаемом образе действий, Штауфен назначил на начало января следующего года церковное собрание в Павии, на котором должны были принять решение. Но ни о каком объективном подходе не могло быть и речи — уже по тому, под какими титулами выступали в пригласительных письмах оба кандидата, становится ясно, кого из них считали законным папой: к Александру III обращались «канцлер Роланд», а к Оттавиано ди Монтичелли — «папа Виктор»¹⁵³!

Тем временем борьба с Кремой никак не могла прийти к завершению. Узнав о сговоре покойного папы с враждебной группировкой городов, Штауфен, вероятно, пришел в еще большее негодование. Стычки становились все более ожесточенными. Барбаросса казнил сорок кремских заложников и шесть знатных миланских рыцарей, в том числе и племянника архиепископа Оберта Миланского, хотя тот в последние годы неизменно подтверждал свою лояльность. Только благодаря переходу на сторону императора знаменитого механика Маркезе, до тех пор находившегося в лагере кремасков, в начале 1160 года в событиях произошел перелом. О том, чтобы начать павийское церковное собрание в назначенный срок (13 января 1160 года), в подобных обстоятельствах не стоило и думать. Маркезе соорудил новые осадные машины в форме башен, снаб-

женных перекидными мостами, с которых осаждающие могли переходить на городские укрепления и захватывать их. Кремаскам в конечном счете пришлось покориться. Они капитулировали и получили право покинуть город, взяв имущество, которое могли унести с собой. 26 января император оповестил о победе над Кремой. В последующие дни немецкие и ломбардские войска, в том числе кременцы, сравнивали город с землей.

Через Лоди Фридрих направился в Павию, где в день Очищения Марии (2 февраля) началось назначенное еще на 13 января церковное собрание, посвященное вопросу о приведшем к схизме папском избрании, которое состоялось в прошлом году. В то время как Виктор IV прибыл туда лично, Александр III, исходя из принципа неподсудности папы, не явился. В городе на реке Тичино собрались многочисленные представители высшего духовенства из немецких, бургундских и итальянских земель Империи. После многодневных совещаний, на которых были заслушаны многие свидетели из Рима, было принято вполне ожидаемое решение в пользу Виктора IV. Решающую роль в этом сыграли отказ Александра III явиться в Павию, сговор кардиналов-сторонников Александра с Миланом и сцилийским королем, а также незаконность избрания Роландо (правда, с исторической точки зрения весьма сомнительная).

С отлучением Роландо от церкви, которое Виктор IV провозгласил 13 февраля, церковный спор, который отныне станет оказывать решающее влияние на ход событий в Империи, был зафиксирован официально. Фридрих послал легатов во Францию, Англию, Испанию, Данию, Богемию и Венгрию. В заключительном акте павийского собрания прелаты, поддержавшие Виктора, перечислялись поименно, а многие из высказанных оговорок не были упомянуты. В конечном счете победа императорского папы стала вопросом могущества Империи — могущества, которое не мог-

ло стать общепризнанным вследствие того, что в Ломбардии вскоре вновь вспыхнула борьба. Милан, которому нанес ощутимый удар недавний триумф Барбароссы над Кремой, стал цитаделью сторонников Александра в Верхней Италии. 28 февраля 1160 года в Миланском соборе кардинал Иоанн из Ананьи, легат Александра III, отлучил от церкви Виктора IV и императора¹⁵⁴, затем последовали другие отлучения. По отношению к иностранным державам церковно-политическое давление со стороны Штауфена зачастую не приносило желаемого результата. Павийское решение не поддержали прежде всего Франция, Англия и даже Венгрия Арпадов, до сих пор прочно входившая в политический расчет Империи¹⁵⁵. Естественно, Штауфен смог добиться признания Виктора IV в немецких землях (неповиновение в этом случае поначалу выказало лишь архиепископство Зальцбургское¹⁵⁶) и в проштауфеновских городах Италии — в подобных условиях епископы, настроенные в пользу Александра, были вынуждены уступить.

Ввиду такой ситуации приоритет был отдан возобновлению борьбы с Миланом. Как и год назад, перед Фридрихом вновь встала проблема: каким образом мобилизовать необходимое количество войск? Стянутые под Крему подкрепления немецких имперских князей после длительных боев необходимо было отпускать на родину. На вассальные обязанности императорских ленников по участию в походах нельзя было рассчитывать слишком долго. В пост 1160 года базой для военных операций вновь оказалась зона в Восточном Пьемонте, южнее реки По, где находились коронные земли — непосредственные владения Империи¹⁵⁷, и особенно плотно были сконцентрированы средства управления дружественного маркграфа Монферратского. В апреле в окрестностях Лоди прошло несколько мелких военных операций против укрепленных пунктов и мостов, принадлежащих миланцам. В мае и июне император прошел военным походом вокруг Милана, опустошив

все его окрестности. Поскольку у него и в этот раз не хватало сил и средств для осады или штурма вражеской цитадели, он довольствовался тем, что уничтожал базы снабжения и коммуникации противника.

Непрестанная борьба в Верхней Италии заставляла забыть о возвращении в Германию, поэтому оказывать воздействие на развитие событий к северу от Альп император мог только отправкой легатов и передачей через них приказов. Проблема отсутствия государя стала явственной во время событий в архиепископстве Майнцском¹⁵⁸. Для участия в летнем походе на Милан в 1158 году архиепископ Арнольд был вынужден заложить значительную часть имущества. Впоследствии его походные нужды породили серьезный конфликт между ним и министрами, бюргерами, а также духовенством его города. При дворе не раз появлялись делегации противников этого иерарха. Император, правда, поддерживал Арнольда, но о прямом военном вмешательстве в дела Майнца не приходилось и думать. В июне 1160 года, когда Барбаросса все еще вел борьбу против Милана, в Майнце дело дошло до убийства архиепископа, чреватого тяжелыми последствиями. В высшей степени опасная связь этих событий с итальянской политикой Штауфена обнаружилась на собрании князей 25 июля 1160 года в Эрфурте: на нем духовные и светские имперские князья, в том числе архиепископы Трирский и Магдебургский, а также избранный архиепископом Кельна Райнальд, герцоги Саксонский и Швабский, пфальцграф Рейнский и бранденбургский маркграф Альбрехт Медведь поклялись принять участие в походе на Милан, и одновременно жители Майнца были подвергнуты интердикту и отлучению.

В подобной ситуации Фридриху приходилось уделять внимание и охране путей через Альпы, по которым подходили новые войска. В конце июля 1160 года он направился в область Брешиа, где ему удалось взять укрепленное по-

селение Изео. Сразу же после этого, узнав, что миланцы осадили замок Каркано, он отправился в местность Брианца, лежащую между двумя заливами в южной части озера Комо; немногим позже, 9 августа, после первоначальных успехов он потерпел там горькое военное поражение. Хотя провал операции и не нанес особого ущерба власти Империи в Комо, где Барбаросса имел важную опорную базу (замок Бараделло), было ясно, что Штауфену не удастся поправить свое военное положение без подхода подкреплений с севера. Поход на Пьяченцу, союзницу миланцев на юге, проходивший при участии дружественных войск павийцев, лодийцев, маркграфов и графов, закончился в конце августа неудачей. Пьячентинцы заблаговременно разрушили понтонный мост через реку По. Кораблей, подготовленных павийцами для переправы через реку, оказалось недостаточно.

В эти дни, в конце августа — начале сентября 1160 года, епископы Новары, Верчелли и Асти, маркграфы Монферрата, Васто и Боско, маркграф Обиццо Маласпина, граф Гвидо ди Бьяндрате и другие ломбардские князья клятвенно обязались с Рождества Богородицы (8 сентября) вплоть до следующей Пасхи (16 апреля 1161 года) поставлять императору лучников и арбалетчиков, которые останутся при нем в Павии. Там, на реке Тичино, Фридрих и провел большую часть зимы 1160/1161 года. В октябре, после еще одной безуспешной операции против Пьяченцы, он прекратил военную активность. 29 января 1161 года мы застаем Штауфена в Комо. Участие Генриха Льва в качестве свидетеля при выдаче в Комо диплома епископству Пассау¹⁵⁹ показывает, что в то время речь вновь идет о подходе в Италию новых немецких войск.

Весной 1161 года военные действия против Милана возобновились. Значительные контингенты были предоставлены и коммунами. Судя по рассказу Аффлигемских анналов, в это время Барбаросса на случай своей смерти

назначил преемником герцога Фридриха Швабского, а во вторую очередь — Генриха Льва. Новейшая историография¹⁶⁰ выражает по этому поводу сомнение, отчасти вполне обоснованное: разумеется, никакого «короля-соправителя» («Mitkönig») и не предвиделось. С другой стороны, несостоятелен аргумент, согласно которому Фридрих, обещав князьям на Вюрцбургском рейхстаге 1165 года назначить только одного преемника, который продолжит его политику в отношении схизмы, не соотнес это обещание с решением 1160–1161 годов. К тому времени, в 1165 году, у императора уже был прямой наследник — сын Фридрих, родившийся в июле 1164 года в Павии. Таким образом, из сообщения в Аффлигемских анналах, вероятно, следует заключить, что в условиях растянувшейся на годы борьбы с Миланом Фридрих строил свои планы с величайшей ответственностью и исходил из того, что в боях может случиться всякое.

В апреле-мае 1161 года к императору наконец прибыли столь необходимые новые войска из имперских земель, расположенных к северу от Альп. Свежие силы для борьбы в Верхней Италии предоставили его зять — ландграф Людвиг II Тюрингский, его двоюродный брат — герцог Фридрих фон Ротенбург, Райнальд фон Дассель и богемские князья наряду с многочисленными, не упомянутыми по именам графами, благородными и князьями, а также с южноитальянскими противниками норманнского короля Сицилии. В конце мая — начале июня, как и в прежние годы, поля в окрестностях Милана были подвергнуты опустошению. В городе все сильнее ощущался недостаток продуктов питания. Получение военных подкреплений позволило императорским войскам подойти к городской стене, хотя по-настоящему взять Милан в кольцо осады, как в 1158 году, им не удавалось.

В отношении схизмы Фридрих был непоколебим. Во второй половине июня в Лоди, вид которого все более при-

ближался к городскому в результате активного строительства, было проведено церковное собрание, созванное императором и папой Виктором IV. На нем в очередной раз был подтвержден статус штауфеновского папы. Помимо этого, собранию удалось решить вопрос о новом назначении в архиепископстве Майнцском после убийства в прошлом году архиепископа Арнольда. В согласии с Фридрихом Виктор IV сместил избранных ранее Рудольфа фон Церингена и Кристиана фон Буха. В качестве нового майнцкого митрополита он возвел на архиепископский престол Конрада фон Виттельсбаха, родственника Штауфенов. Те, кто был причастен к убийству Арнольда Майнцкого, а также архиепископ Оберт Миланский и епископы Пьяченцы и Брешиа вместе с их приверженцами в этих городах, были отлучены от церкви. Епископ Герард Болонский и еще несколько неназванных епископов были смещены, Иоанн Падуанский освобожден от должности. Устранение из клира Верхней Италии приверженцев Александра III не только соответствовало императорской политике в отношении схизмы, но и настоятельно требовалась для борьбы с коммунарами этого региона. Наконец, дипломы, выданные в Лоди епископам Авиньона и Гренобля, показывают, что император не обошел вниманием и бургундскую территорию. Видимо, еще в 1161 году в политике Штауфена в отношении Южной Бургундии произошел поворот, глубинные причины которого также следует связывать со схизмой. Граф Барселонский Раймунд Беренгар IV (племянник которого Раймунд Беренгар III осенью 1161 года женился на двоюродной сестре Штауфена Рихильде, овдовевшей после смерти кастильского короля Альфонса VII) получил в лен графства Прованс и Форкалькье, а также город Арль — при условии соблюдения прав тамошнего архиепископа. Граф тоже принял личное участие в борьбе с Миланом¹⁶¹.

Летом 1161 года Фридрих продолжил военные операции в окрестностях «ломбардской метрополии». В конце

августа миланские парламентарии при посредничестве ландграфа Тюрингского, князя Богемского и пфальцграфа Рейнского попытались установить контакты со двором, но попытка не удалась — на делегацию напали рыцари Райнальда фон Дасселя¹⁶². Князья были крайне разгневаны на Райнальда — лишь его уверения в том, что он не был осведомлен о самоуправстве своих людей, и заступничество императора сумели разрядить обстановку. В этом случае дали знать о себе антипатия и скрытая враждебность в среде немецких имперских князей, вызванные, несомненно, весьма своевольным поведением кёльнского избранника, влияние которого на императорскую политику все более усиливалось. В этом инциденте можно было увидеть и предвестие будущих столкновений в Германии из-за территориально-политических противоречий. Сразу после того, как императора поставили в известность о схватках с участием кёльнских рыцарей, он лично вмешался в столкновения и был легко ранен на мосту через городской ров Милана. В отличие от прошлых лет, военные операции концентрировались в зоне непосредственно перед городскими укреплениями. Теперь император повелел действовать, не зная пощады: миланцам, пойманым за заготовкой дров, грозила потеря правой руки.

Свою власть за пределами имперской Италии, и прежде всего в Германии, Фридрих по-прежнему мог осуществлять посредством приказов, распоряжений и отправки легатов. 1 сентября 1161 года в Ландриано он повторил распоряжение, объявленное еще в январе 1157 года в Трире, согласно которому немецким бюргерам запрещено было создавать клятвенные союзы¹⁶³. Пфальцграф Конрад Рейнский, ранее считавший такой поворот событий по отношению к трирскому архиепископу чрезвычайно выгодным, был вынужден смириться с решением брата-императора. Еще более сложной для государя оказалась ситуация, сложившаяся в связи с явно проалександровской

позицией архиепископа Эберхарда Зальцбургского, который так и не отозвался на неоднократные вызовы императора. Из Кремоны или из Лоди, где Фридрих дал инвеституру новоизбранному патриарху Аквилейскому Удалриху II, после того как последний присягнул Виктору IV, Штауфен отправил своего нотария Бурхарда в качестве легата в юго-восточные земли немецкой части Империи и в Венгрию¹⁶⁴. Нотарий должен был наделить патриарха регалиями, а затем отстаивать дело Виктора IV в Каринтии и Венгрии. Хотя миссия введения в должность нового герцога Каринтийского Германа в Филлахе прошла чрезвычайно успешно, в отношении императорской церковной политики она полностью провалилась. Патриарх заметно дистанцировался от императорского антипапы. Эберхард Зальцбургский, вновь получивший письменный вызов, не был готов ехать к императору. Сославшись на плохое состояние здоровья, он предложил выплату финансовой компенсации за то, что не участвует в походе и не является ко двору.

В конце 1161 года казалось, что до победы над Миланом остаются считанные дни. На сей раз Фридрих встал на зимние квартиры в Лоди, поскольку из этого города было проще блокировать пути сообщения, соединявшие Милан с Брешиа и Пьяченцей. Несмотря на ряд неудач в церковной политике, императору удалось улучшить свое положение. В декабре 1161 года ко двору для переговоров о дружеском союзе прибыла делегация от английского короля, который, учитывая проалександровскую позицию духовенства своей страны, относился к демаршам императора крайне сдержанно. Императору в то время не давала покоя идея созыва вселенского собора для обсуждения церковного вопроса. Уполномоченные Империи, находившиеся в окрестностях Рима, действовали против Александра III столь успешно, что в конце года папа был вынужден покинуть город и направиться во Францию. При таком ходе

событий был вынужден уступить даже архиепископ Эберхард Зальцбургский.

Миланцы все больше убеждались в том, что дальнейшая борьба с императором не имеет смысла. Планомерное уничтожение их посевов, продолжавшееся в ходе нескольких лет, и блокада путей снабжения из Брешиа и Пьяченцы, начавшаяся осенью 1161 года, наконец поставили «ломбардскую метрополию» на колени. В городе были и отдельные проштауфеновские группы, представители которых, правда, пока подвергались изгнанию. Однако голоса тех, кто выступал за соглашение, за начало переговоров, звучали все громче¹⁶⁵. 21 февраля 1162 года к императору прибыли представители города, с которым он так долго боролся, причем граф Гвидо ди Бьяндрате, как и в 1158 году, включился в беседу в качестве посредника особого рода. Поначалу не было ни малейшего сомнения в том, что предложение о договоренности, *conventio*, против которой выступало лишь меньшинство князей во главе с новоизбранным Райнальдом Кёльнским, найдет отклик, как это уже случилось четыре года назад. Миланцы были готовы разрушить городские укрепления, выдать заложников, принять немецкого или ломбардского подеста, заплатить штраф, возвести пфальц за собственный счет, отказаться от регалий и расторгнуть прежние союзы, а также выселить из своего города три тысячи жителей. Иными словами, горожане шли заметно дальше пунктов соглашения 1158 года. Большинство князей выступили за принятие такого предложения. Им явно казалось, что требование безоговорочной капитуляции грозит новым витком сопротивления столь упорно защищавшейся коммуну.

Но позже все же возобладало мнение о том, что даже приблизительное выполнение предложенных условий едва ли возможно: гарантию того, что сопротивление Милана будет сломлено полностью и надолго, может дать лишь безоговорочное подчинение, какого в 1155 году добились

от Тортоны, а в 1160 году — от Кремы. Крайне унижительной мерой для миланцев стало то, что акт окончательного подчинения перенесли в Лоди, который с начала XII века они успешно поработили и который император велел основать на новом месте за четыре года до этих боев. В первые мартовские дни 1162 года консулы, рыцари и пешие отряды из Милана являлись в город на реке Адда и сдавали свое оружие и штандарты, в том числе повозку со знаменем покровителя города, святого Амвросия, — столь символический для миланских воинов «карроччо». 7 марта Фридрих даровал подчинившимся только жизнь и освободил их от опалы — после того как они отказались от последних из миланских замков, которых, по утверждениям источников, первоначально было 2000. Затем ломбардские и немецкие уполномоченные государя приняли у населения города клятву покорности. Городскую стену у ворот надлежало снести, чтобы облегчить доступ войску императора.

19 марта из Павии, куда в середине месяца удалился Фридрих и где томились в неволе миланские заложники, поступил приказ полностью очистить город. Миланцам указали четыре новых места жительства в окрестностях — под Нозедо, Виджентино, Ламбрате и в одном не поддающемся точной идентификации месте под Дергано, к северу от Милана. Так миланцев постигла та же судьба, какую они уготовили лодийцам в 1111 году после первого разрушения Лоди. Большая часть горожан, вероятно, не могла поверить в то, что император действительно намерен выполнить эти распоряжения, и поначалу устроила временный лагерь поблизости, за пределами городского рва. Но через несколько дней их вразумили. 26 марта в Милане появился Барбаросса в сопровождении собственных войск и войск дружественных городов и повелел начать разрушение¹⁶⁶. В спешном порядке (городам, враждебным Милану, были выделены отдельные части города: павийцам — район Порта Тичинезе, комаскам — район Порта Комаска и т. д.) сол-

даты разожгли огонь, и цветущую «ломбардскую метрополию», самый могущественный коммунальный центр всей Ломбардии и, несомненно, один из самых значительных городов всего христианского мира, сравняли с землей. Пощадили лишь немногие отдельные церкви, но, что характерно, не кафедральный собор. В Сант-Амброджо, чьи монахи, в отличие от обитателей местного монастыря каноников, стояли на стороне властителя, в Пальмовое воскресенье, 1 апреля 1162 года, Барбаросса демонстративно принял оливковую ветвь.

4. ОТ ТРИУМФА НАД МИЛАНОМ ДО КРАХА ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ В ВЕРХНЕЙ ИТАЛИИ (1162–1168)

Подчинив миланцев и разрушив их город, Барбаросса достиг вершины своей власти, упрочившейся в многолетнем противостоянии с враждебными городами Ломбардии. Очевидно, в порыве воодушевления при датировке своих дипломов Штауфен велел добавлять ссылку на *dedicio* [сдачу (*лат.*)] или *destructio Mediolani* [разрушение Милана (*лат.*)], а также сделал пожертвования монастырям Италии и Германии из денег, поступавших в то время в большом объеме в качестве десятины. Даже зальцбургский архиепископ Эберхард, столь давний противник церковной политики императора, уже в марте 1162 года явился ко двору в Павию. В атмосфере грандиозного триумфа седой иерарх, не сдавший своих позиций даже перед императором и упорно отстаивавший свою приверженность Александру III, был благосклонно отпущен обратно, снискав, таким образом, милость Штауфена. Надо сказать, что именно весной 1162 года Фридрих потерпел ощутимую неудачу: Александру III удалось бежать через Геную во Францию. Но поведение императора по отношению к зальцбуржцу, а также крайне успешные переговоры с генуэзцами, проводившиеся тогда же, показывают, что он, несмотря ни на что, умел избегать слишком поспешной реакции.

На Пасху, 8 апреля 1162 года, в Павии пышно отпраздновали триумф над Миланом. Штауфен вместе с супругой Беатрисой в соборе во время мессы был увенчан короной,

чего он не мог сделать уже три года, поскольку его желанием было вновь надеть корону только после победы над «ломбардской метрополией». Вслед за этим во дворце епископа Павийского, где обычно происходили городские собрания, начался праздничный пир, собравший за императорским столом духовных и светских князей. Хотя государь поставил на колени еще не всех врагов, политическая ситуация принимала новые очертания. С давних пор император поддерживал контакты с приморскими городами Пизой и Генуей посредством городских делегаций¹⁶⁷. Теперь, когда Штауфен вернулся к прежнему плану похода на Сицилию, он предоставил этим городам обширные привилегии, тем самым обеспечив себе столь важную поддержку со стороны их флотов. Правда, в тот момент казалось, что интересы имперской политики должны быть сосредоточены скорее на Средней Италии: из-за ставшей заметной уже с 1160 года проалександровской позиции Вельфа VI¹⁶⁸, которого в 1152 году король сделал господином этих земель, ситуация в этом регионе становилась для Империи все более неприятной.

Власть императора в Верхней Италии, казалось, была неоспоримой настолько, что города Пьяченца и Брешиа, все еще враждебно настроенные к Барбароссе, были не в силах противостоять ей. 22 апреля изъявили покорность брешинцы, подписав в Павии договор о капитуляции. 11 мая их примеру последовали пьячентинцы, которых поклялись было еще раз взять в осаду. Обоим городам были поставлены условия, сходные с теми, какие в феврале первоначально предусматривались для миланцев¹⁶⁹. Правда, Пьяченцу и Брешиа не разрушили, их жители могли по-прежнему жить на родине. Отныне имперская власть в Ломбардии стала базироваться на новых основаниях. Если раньше в здешних сельских местностях присутствовали лишь отдельные штауфеновские должностные лица¹⁷⁰, то теперь такого рода назначения превратились в организа-

ционный принцип. Меры предосторожности приходилось применять прежде всего против миланцев, выселенных из своего города. 1 мая 1162 года их подчинили власти епископа Генриха Льежского. Вероятно, в том же месяце в качестве подеста для бергамасков и брешианцев был назначен Марквард фон Грумбах, для Пьяченцы — Эгенольф фон Урслинген, для Феррары, уже не раз впадавшей в смуту, — Конрад фон Балльхаузен, для Пармы — Аццо, а для графства Комо — магистр Паган. Таким образом, вся Ломбардия оказалась покрытой сетью штауфеновской имперской администрации. Правда, ряду городов, сохранявших верность императору, в том числе Павии, Кремоне и Лоди, разрешили вернуться к консульской форме правления, но из этой уступки вряд ли следует делать далеко идущие выводы. Это никоим образом не мешало императору оказывать воздействие на городские органы управления и тем более не уменьшало его влияния. Однако при проведении этих мер нередко возникала давняя проблема предпочтения отдельных городов при одновременном пренебрежении к другим. При этом города, издавна занимавшие проштауфеновские позиции, вполне могли чувствовать себя задетыми. Так, Бергамо был подчинен тому же должностному лицу, что и Брешиа, долгое время враждебная императору, что никак нельзя назвать удачным решением. Лодийцы, со своей стороны, тоже могли считать, что передача Кремы в 1162 году под власть Кремоны противоречит их территориально-политическим интересам¹⁷¹. Правда, такого рода напряженность в отношениях еще не находила себе выхода — в реальные конфликты она вылилась уже позднее.

Отныне Фридрих мог заняться окончательным подчинением всей группы городов — союзников Милана, в том числе Брешиа и Пьяченцы, а затем полностью сосредоточиться на церковном вопросе и планировании похода на Сицилию. Его раздражение вызвал прежде всего прием,

оказанный враждебному папе во Французского королевстве. Вследствие этого недовольства Капетинг Людовик VII был вынужден пойти на уступки. Он направил к императорскому двору в Павию Генриха, графа Труа. Если на рубеже 1161 и 1162 годов Штауфен подумывал о созыве вселенского собора для прояснения церковного вопроса, то теперь он мог вернуться к этому замыслу, модифицировав его. Встреча с французским королем была назначена на 29 августа 1162 года и должна была пройти на границе Империи, в Сен-Жан-де-Лон на Соне. Тогда же третейский суд в паритетном составе, пред которым предстали бы оба папы, должен был вынести приговор и завершить схизму¹⁷². Конечно, как и при подготовке павийского церковного собрания в начале 1160 года, Фридрих и теперь совершенно не предполагал возможность провала выдвигаемых им притязаний. В пригласительных письмах епископату Германии и Бургундии¹⁷³ он не допускал и сомнения в том, что при встрече на Соне законность избрания Виктора IV будет окончательно подтверждена. Людовик VII, узнав по дипломатическим каналам об этих намерениях императора, попал в крайне затруднительное положение, грозившее стать чрезвычайно опасным для короля прежде всего из-за упорного нежелания Александра III предстать перед церковным собранием.

Еще в дипломе для Генуи от 9 июня 1162 года Барбаросса подтвердил свое намерение отправиться в поход на Сицилию¹⁷⁴. Однако конфликт между Генуей и Пизой, вспыхнувший сразу после этого, лишил его возможности рассчитывать на столь важную поддержку со стороны флотов обоих приморских городов. В начале июля на побережье в качестве императорского легата был направлен Райнальд фон Дассель, который попытался на время уладить разногласия. Именно тогда кельнский избранник впервые ступил на землю Средней Италии, которая в последующие годы станет главной ареной деятельности имперских легатов¹⁷⁵.

Служба легатов с тех пор стала важным инструментом осуществления власти Штауфена. Если в Верхней Италии¹⁷⁶ она существовала как дополнительный элемент наряду с имперской администрацией, то в Средней Италии легаты выступали в роли исключительных представителей имперской власти. Еще в июле 1162 года Райнальд сумел заключить соглашение с Луккой, которое окончательно выводило ее из компетенции Вельфа VI, маркграфа Тосканы, и подчиняло ее Империи¹⁷⁷.

В это время Фридрих, взяв с собой немецкие и ломбардские войска, отправился на Виа Эмилия и принудил к покорности Болонью. Страхась той же судьбы, какая несколько месяцев назад была уготована могучему Милану, город на реке Рено уступил без сопротивления. Затем в начале августа император вместе с двором прибыл в Турин. Сам его маршрут показывает, что он тогда находился на пути к месту встречи с Людовиком VII. В Турине появились как пизанские, так и генуэзские посланники, чтобы при посредничестве легата Райнальда фон Дасселя предоставить разрешение своего спора императору. Благодаря деньгам генуэзцы сумели привлечь на свою сторону прежде всего князей. Однако государь по прошествии времени не принял никакого решения, и приговор отложили до его возвращения. Действительно, программа этих дней была плотной. В начале августа в Борго Сан Далмаццо, неподалеку от Турина, скончался граф Барселоны Раймунд Беренгар IV, направлявшийся ко двору Штауфена в соответствии с заключенным с ним в 1161 году договором. Барбаросса лично отправился туда, чтобы отдать испытанному соратнику последние почести. Договор с племянником покойного, Раймундом Беренгаром III, мужем Рихильды, вдовствующей королевы Кастилии и двоюродной сестры Барбароссы, был возобновлен только 18 августа. 21 августа в Турине император выдал грамоту иоаннитам Прованса. В эти же дни он, уступив коммуне Пьяченцы столь

важный для города мост через По (который в 1157 году был передан группе проштауфеновски настроенных горожан, а позже — аббатству Санта-Джулия в Брешиа, настоявшему на своих старых правах), сумел тесней привязать город на реке По к Империи. Назначенный в Пьяченцу правителем Эгенольф фон Урслинген не справился со своими обязанностями; вероятно, еще во время пребывания Фридриха в Турине, до 27 сентября 1162 года, его заменил Арнольд фон Дорштадт, прозванный итальянцами Пегой бородой (Барбавариа)¹⁷⁸.

Бесспорно, император выехал из Турина в Бургундию с запозданием. Лишь поздним вечером назначенного дня, 29 августа, он прибыл на место встречи с Людовиком VII, в Сен-Жан-де-Лон на Соне. Людовику опоздание Штауфена оказалось исключительно на руку. Французский король в сопровождении лишь представителей Александра III, но без самого папы, еще днем появился на мосту через Сону, после чего вернулся в Дижон, не опасаясь обвинения в неявке на встречу. Хотя Фридрих предоставил Людовику отсрочку на три недели, император не отменил назначенного собрания, на котором присутствовало огромное число имперских князей¹⁷⁹. Трудности с обеспечением столь колоссального количества людей, собравшихся вдали от какого-либо значительного города или другого центра снабжения, а также проблемы с размещением князей, которым император уже при приглашении на встречу предусмотрительно велел взять с собой шатры, поставили государя в затруднительное положение. О том, чтобы отложить собрание, не могло быть и речи. Компетентное руководство им осуществлял Райнальд фон Дассель, который в своей речи на латинском, немецком и французском языках подчеркнул принципиальное требование императора о назначении лишь им одним на епископскую кафедру города Рима, имеющую решающую важность для *imperium*, без учета возможных возражений «провинциальных королей».

Решение было принято в пользу Виктора IV, что изначально не вызывало сомнений. Датский король Вальдемар, явившийся ко двору согласно своим обещаниям, данным в июне 1158 года, был наделен леном еще до начала собора. В остальных королевствах Западной Европы, в частности во Франции и в Англии, речь кельнского митрополита должны были воспринять как тяжкое оскорбление¹⁸⁰.

Решение о непосредственном подчинении Женевского епископства императору, признанное еще 7 сентября в Сен-Жан-де-Лон, лишало герцога фон Церингена прав на инвеституру, предоставленных ему в 1156 году. Впоследствии это привело к серьезному разладу между Фридрихом и этим знатным домом, выразившим недовольство имперскими властями после того, как они не признали избрания Рудольфа фон Церингена архиепископом Майнцским¹⁸¹. Штауфеновская церковная политика, с 1162 года сопряженная с враждебным отношением к Французскому королевству, затрудняла сохранение имперской власти в Бургундии. Возможно, уже осенью 1162 года Бертольд IV фон Церинген пообещал королю Людовику VII поддержку в конфликте с императором. Французская знать, например граф Раймунд V Тулузский, в последующие годы все активнее проявляли экспансионистские устремления в отношении имперской Бургундии¹⁸². Епископат этой земли тоже не служил прочной опорой для политики Штауфена: после смерти в 1162 году Гумберта Безансонского его преемником стал Готье, декан церкви Святого Стефана в Безансоне и брат французского герцога Гуго Бургундского. В сентябре этого года он еще находился при императорском дворе, но впоследствии открыто перешел на сторону Александра III. Фридрих сумел сохранить свое влияние на это архиепископство, назначив в него в 1163 году проверенного ахенского пробста Хериберта, однако со смертью в том же году архиепископа Ираклия Лионского, верного императору, возникла новая проблема¹⁸³.

Несмотря на то что в сентябре 1162 года Фридрих воплотил в жизнь свой план повторного утверждения Виктора IV в должности, ему все же пришлось вскоре осознать, что неудавшаяся встреча с французским королем оказалась чреватой тяжелыми последствиями. По словам Иоанна Солсберийского, император якобы сказал, что колесо фортуны в тот момент повернулось, и она перестала быть к нему благосклонной¹⁸⁴. Входила ли в первоначальные планы императора поездка из Бургундии в Германию, точно выяснить не удастся. Во всяком случае, он направился на север, отослав Райнальда фон Дасселя, а потом и Германа Верденского с широкими полномочиями обратно в Италию. Беспорядки в Эльзасе, где граф фон Дагсбург, явно занимавший сторону Церингенов, напал на замок Хорбург, вынудили Фридриха лично вмешаться в события. В дальнейшем он так никогда и не откажется от враждебности к Церингенам, отныне им не скрываемой. На хофтаге в Констанце 23 ноября 1162 года — опять же исключительно в его интересах — был расторгнут брак Клеменции фон Церинген с Генрихом Львом, в то время прочной опорой штауфеновской политики¹⁸⁵.

Весной следующего года на хофтаге в Майнце император привел в исполнение приговор, уже давно вынесенный этому городу за убийство 24 июня 1160 года архиепископа Арнольда. Городские укрепления и несколько домов дискредитированных горожан были скрыты или разрушены. Согласно каноническим предписаниям Майнц утратил ранг города за поведение горожан в момент убийства архиепископа¹⁸⁶.

В Венгрии же после смерти приверженца Александра III короля Гезы II (31 мая 1162 года) его братья Ласло II (умер в 1163 году) и Иштван IV начали борьбу за его наследство с его сыном Иштваном III, все больше подпадая под византийское влияние. Эти события побудили императора задуматься об интервенции в государство Арпадов¹⁸⁷, но в конечном счете он ограничился тем, что возло-

жил заботу о соблюдении интересов Империи на герцога Австрийского и маркграфа Штирийского. Летом 1163 года был восстановлен мир с Польшей, нарушенный после того, как Болеслав IV уклонился от участия в походе на Милан. Главное, что авторитет Штауфена был общепризнанным в германских землях Империи. Назревавшие противоречия между южногерманскими и саксонскими князьями, с одной стороны, и Генрихом Львом с другой, удалось погасить в самом начале, даже Бертольд фон Церинген в июле 1163 года снова появился при дворе в Зельце¹⁸⁸.

На августовский хофтаг в Нюрнберге впервые прибыли посланцы Александра III. Они начали переговоры, продолжавшиеся вплоть до весны следующего года и организованные явно по настоянию Людовика VII Французского, принявшего к себе папу¹⁸⁹. При этом возник явный шанс на благоприятный исход переговоров. В октябре Штауфен направился в Италию — и вновь через Бреннер, на южном выходе из которого летом этого же года Марквард фон Грумбах сумел утвердить договором власть Империи над замком Гарда, продержав его в годичной осаде¹⁹⁰. На сей раз государя не сопровождали значительные воинские части, поскольку с 1162 года его власть в Верхней Италии уже в значительной мере укрепилась. Целью третьего итальянского похода было дальнейшее планирование и подготовка военной экспедиции на Сицилию. Однако первоочередной его задачей было все же активизировать прямое управление на юге, которое все больше распространялось и на Среднюю Италию — после мер, принятых Райнальдом фон Дасселем во время его легатской миссии с осени 1162 года. В конце октября — начале ноября 1163 года в Лоди состоялся большой хофтаг, на котором деятельность Райнальда получила одобрение со стороны императора. Вместе с папой Виктором IV император принял личное участие в переносе реликвий святого Вассиана, покровителя Лоди, из старого города в новый, благодаря чему ос-

нование Лоди на реке Адда получило церковно-правовую санкцию и был одобрен перенос епископской резиденции¹⁹¹.

В начале декабря Фридрих отправился через Павию в Монцу. По дороге туда, оказавшись под Виджентино, он услышал жалобы выселенных миланцев, сетовавших на угнетения со стороны имперских должностных лиц. Не уступив их просьбам смягчить тяжелый гнет, император все же пошел им навстречу, распорядившись отпустить миланских заложников. Правда, специализированные исследования установили, что подати, которые собирала имперская штауфеновская администрация, отличались от податей, установленных прежней коммунальной властью, не размером, а в основном тем, что их требовали чужеземцы (либо местные приверженцы императора). Тем не менее следует принять во внимание, что в Миланской области эти налоги взимали и с бывших горожан; очевидно, злоупотребления властью и завышенные требования были не редкостью.

В начале следующего года Барбаросса направился по Виа Эмилия к Адриатическому побережью, чтобы продолжить подготовку к походу на Сицилию. Тогда он наладил тесный контакт с Генуей¹⁹², интересы которой были направлены на укрепление своих позиций в Сардинии, вразрез с притязаниями на нее же пизанцев. Из-за нехватки войск Фридрих многократно откладывал принятие решения о начале похода. На хофтаге в Парме в начале марта 1164 года он принял предложение сардинского судьи Барезо ди Арборея, которого активно поддержали генуэзцы, верить ему этот остров в качестве самостоятельного королевства в обмен на крупную сумму денег. При этом государь не только сознательно проигнорировал виды пизанцев на Сардинию — он не принял в расчет ни права герцога Вельфа VI, переданные тому в 1152 года, ни притязания папства на власть над островом. «Эпизод Барезо» в политике Штауфена, который можно назвать не иначе как аван-

тюрным, тотчас же рассорил его с пизанцами. Правда, эпизод этот следует оценивать, учитывая ту огромную потребность в деньгах, какую в те времена испытывало штауфеновское государство.

Из-за болезни Барбаросса не смог лично поехать за Апеннины, как было намечено. Из Пармы в Среднюю Италию в качестве легата был направлен Райнальд фон Дассель. Сам Фридрих вновь направился в сердце Ломбардии. Из Павии он активизировал переговоры с Александром III, продолжавшиеся с прошлого года. В восточных землях Верхней Италии уже начиналось скрытое движение сопротивления против Империи, воплотившееся в виде первого во времена Штауфенов союза городов, который вскоре возглавят веронцы (Веронская лига¹⁹³), поэтому соглашение с Александром, несомненно, укрепило бы позиции императора. О стремлении Фридриха искать соглашения с мятежными Вероной, Падуйей и Виченцой прежде всего путем переговоров свидетельствует тот факт, что еще в начале апреля он отправил в Верону представителей городов, сохранявших верность Империи: Кремоны, Павии, Новары, Лоди и Комо. Император пообещал веронцам вынести справедливый приговор, если они явятся на суд в Павию. Ситуация... в корне изменилась из-за смерти Виктора IV 20 апреля 1164 год в Лукке. Райнальд фон Дассель немедленно поспешил в этот город и организовал — не посоветовавшись с императором и не имея такой возможности — избрание нового антипапы: им стал Гвидо да Крема, принявший имя Пасхалия III.

О продолжении диалога с Александром III больше не приходилось и думать. После начальной паузы, указывающей, очевидно, на недовольство своеволием легата, император все же признал нового папу. Надежды на окончание схизмы оказались напрасными. Вскоре после этого немецкие князья получили указания выставить войска против Веронской лиги. В то же время император культивировал

верноподданнические чувства в нескольких городах опасной зоны (в частности, в Ферраре, Тревизо и Мантуе), предоставив им обширные привилегии. Впервые ситуация стала крайне угрожающей и в восточной части Верхней Италии, впервые коммуны нашли эффективный и перспективный способ противостояния Империи — союз городов. Войско, в подавляющем большинстве состоящее из городских контингентов, еще в июне под началом императора двинулось на Верону, но, убедившись в мощи вражеских сил, вернулось без результата.

Затем в течение лета 1164 года императорской резиденцией стала Павия. В пространном дипломе¹⁹⁴, выданном городу на реке Тичино, была выражена благодарность за испытанную верность Империи. В его же стенах 16 июля на свет появился Фридрих — старший сын императорской четы¹⁹⁵. 3 августа по договоренности, принятой в Парме в марте 1164 года, на трон Сардинии был коронован судья Барезо ди Арборея. Сумму, назначенную за этот политический ход, в начале сентября выплатили генуэзцы, рассчитывавшие получить от этой императорской меры колоссальную выгоду. Для возобновления борьбы с городами Фридриху было необходимо собрать войска, для чего в конце сентября он счел нужным вернуться через Альпы в Германию. Его маленький сын, хилый ребенок, остался в Италии, будучи доверен верному маркграфу Вильгельму Монферратскому. До отъезда государь реорганизовал ломбардскую имперскую администрацию, назначив новых должностных лиц. Из-за возникновения Веронской лиги традиционный путь через Бреннер оказался перекрыт, поэтому Фридрих прошел на север через Дизентис. Он проявил разумную заботу о будущей возможности перехода через Альпы, выдав диплом рыцарям Валь-Камоники, к северу от Брешиа¹⁹⁶.

Еще в Павии, с появлением избранного после смерти Эберхарда Зальцбургского нового архиепископа Конрада,

бабенбергского дяди императора, бывшего до того епископом Пассауским, государя, можно сказать, настигли «немецкие проблемы»¹⁹⁷. Ожесточение борьбы, наступившее в ходе схизмы после смерти Виктора IV, не позволило Штауфену проявить гибкость в отношении нового архиепископа, также стоящего на стороне Александра. Он отказал Конраду в инвеституре. В последующие годы Зальцбург станет для него подлинным очагом проблем, связанных со схизмой, — одним из главных к северу от Альп. Вернувшись, Штауфен обнаружил, что Германия погрязла в раздорах и неурядицах, вызванных не только церковно-политическими, но и территориально-политическими причинами¹⁹⁸. О том, чтобы быстро собрать войска и незамедлительно вернуться на юг, не могло быть и речи. Прежде всего император взялся за улаживание распри, возникшей в Ульме между пфальцграфом Гуго Тюбингенским и герцогом Вельфом VII: Барбаросса оказал нажим на тюбингнца, и тот был вынужден отпустить пленных. Однако вскоре раздор вспыхнул вновь, причем на сторону пфальцграфа встал герцог Швабский, а на сторону молодого Вельфа — герцог фон Церинген.

В ноябре 1164 года на Бамбергском хофтаге императору пришлось также разбираться в так называемой «Райнекской распре» между Райнальдом Кёльнским и пфальцграфом Рейнским. Поначалу Фридрих в гневе обрушился на кёльнца, но тот в конечном итоге склонил его на свою сторону, поэтому императорский единокровный брат, и ранее терпевший неудачу в действиях против архиепископа Трирского, был поставлен на место. Несмотря на гнев государя, вызванный слишком поспешными действиями Райнальда при избрании Пасхалия III, Райнальд был незаменим при разработке Штауфеном своих политических планов и даже, как правило, был их душой и движущей силой. Он еще не добился рукоположения в епископы, но в значительной мере определял направление имперской

политики в роли избранника Кёльна и многократно испытанного имперского легата.

Весной следующего года Фридрих кардинально поменял отношение к королевствам на западе, и перемену эту можно понять только с учетом его церковной политики¹⁹⁹. После неудавшейся встречи на Соне отношения с Францией пребывали в глубоком упадке. Несмотря на то что Людовик VII не принял плана широкой антиштауфеновской коалиции с участием Сицилии, Восточного Рима и Александра III (именно это предлагал ему в 1164 году византийский император)²⁰⁰, не стоило сомневаться в том, что Империя и Франция стали противниками. Генрих II Английский, несмотря на проалександровскую позицию своего духовенства и принципиальное согласие с Александром III, в начале 1160-х годов все же сумел сохранить связи со штауфеновским двором. Отношения Генриха с папой все больше осложнял его раздор с бывшим канцлером и нынешним архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом. В апреле 1165 года к английскому двору в Руан был отправлен в качестве императорского легата Райнальд фон Дассель. Несмотря на то что многими при этом дворе он, как схизматик, не признавался, ему удалось заключить союз, подкрепленный планами двойного брака: императорского сына Фридриха с Элеонорой и Генриха Льва с Матильдой, дочерьями английского короля.

На Троицу (23 мая 1165 года) Райнальд вместе с английскими легатами появился на рейхстаге в Вюрцбурге. По его предложению была объявлена так называемая «Вюрцбургская присяга», согласно которой император твердо обязывался не признавать папой Роландо (Александра III) и всегда быть на стороне папы Пасхалия III и его преемников, избранных партией Пасхалия. По настоянию государя Райнальд также изъявил готовность принять рукоположение в священники и епископы и первым принес присягу Пасхалию. За ним последовали английские посланники,

сам Фридрих и присутствующие духовные и светские князья²⁰¹. Первые проблемы возникли уже при принесении присяги в Вюрцбурге. Прелаты и светские князья, настроенные в пользу Александра, а также все противники подобного обострения штауфеновской церковной политики, более или менее явственно дистанцировались от императора. Так, в частности, поступил архиепископ Майнцский Конрад фон Виттельсбах, открыто объявивший о том, что он поддерживает Александра. Конрад был вынужден оставить свою должность. Архиепископы Магдебургский и Гамбург-Бременский, а также Эберхард Бамбергский принесли присягу лишь с оговорками. Хиллин Трирский в Вюрцбурге и вовсе не явился, не отрекся от поддержки Александра III и Конрада Зальцбургский. Из светских князей точно так же повел себя молодой герцог Швабский, который покинул двор еще до принесения присяги — в том числе и потому, что был недоволен вмешательством кузена-императора в Тюбингенскую распрю.

Впоследствии дать эту присягу обязали всех князей Империи. Против цистерцианцев, с начала схизмы неизменно занимавших проалександровскую позицию, император применил даже вооруженное насилие²⁰². Политика Империи приняла радикальные очертания: отныне Штауфен открыто противопоставил себя папе. В июне Фридрих направился в Баварию, где в Пассау был приведен к присяге епископ Руперт. Далее его путь шел через Дунай в Вену, где требуемую присягу принесли его дядя Бабенберг — герцог Генрих Язомирготт, избранный епископ Регенсбургский и, вероятно, епископ Альберт Фрейзингенский. Тем самым Штауфену удалось подчинить своей воле нескольких викарных епископов и значительную часть населения непокорной Зальцбургской церковной провинции.

Ожесточенная форма, которую принял церковной спор, требовала от правителя быстрого достижения своих целей. Летом 1165 года суровый нрав Барбароссы испытал

на себе Марквард, аббат Фульды, который был вынужден оставить свою должность. В сентябре Фридрих поехал на Средний Рейн, где при дворе в Вормсе должен был снова появиться Конрад Зальцбургский, однако тот не откликнулся на вызов. Здесь Барбаросса принял решение о новом замещении кафедры Майнца — архиепископом стал Кристиан фон Бух. Кристиан, пробст Мерзебурга, избранный майнцским митрополитом в 1160 году, в то время еще не снискал императорского одобрения, как и его соперник Рудольф фон Церинген. Однако с ноября 1162 года он занял чрезвычайно важную позицию в ближайшем окружении государя, исполняя обязанности имперского канцлера. С конца лета 1164 года он был легатом императора в Италии, действуя по преимуществу в землях Средней Италии, и способствовал возвращению папы Пасхалия III в Рим. При его непосредственной инициативе, в противовес прогенуэзским действиям императора летом 1164 года, в апреле 1165 года Сардиния была отдана в лен пизанцам, благодаря чему удалось воспользоваться постоянным соперничеством двух приморских городов, обернувшимся для Империи значительной финансовой выгодой²⁰³. Иными словами, выбор императора в пользу Кристиана, ставшего новым архиепископом Майнцским, пал на преданного, испытанного и удачливого человека. Его близкое знакомство с потребностями итальянской политики позволяло ему продолжать свою политическую активность к югу от Альп и в то же время обеспечивало необходимую территориально-политическую свободу действий на землях Майнцкого архиепископства.

Таким образом, начиная с Вюрцбургского рейхстага Фридрих все больше брал верх над явной оппозицией. Об опасном характере ситуации можно судить по слухам, ходившим в Англии: некоторые князья Империи, в том числе архиепископы Трирский, Магдебургский и Зальцбургский, герцоги Швабский, Австрийский, Церинген и Вельф VI, а

также брат смещенного архиепископа Майнцкого пфальцграф Фридрих фон Виттельсбах, якобы составили заговор с целью избрания нового императора. Хотя слухам этим, конечно, нельзя верить в буквальном смысле, они все же наглядно отражают масштабы сил, все более отчуждавшихся от императора и противостоящих ему²⁰⁴.

Осенью 1165 года Штауфен направился на Нижний Рейн, проследовав через Кёльн, где 2 октября Райнальд фон Дасель был рукоположен в епископы оснабрюкским епископом Филиппом. Вероятно, в ноябре, находясь в своем пфальце в Нимвегене, Фридрих испытал большую радость от рождения второго сына, своего будущего преемника, получившего традиционное в Салической династии имя Генрих²⁰⁵. Сюда же прибыли посланцы из Пьяченцы, чтобы передать регальный чинш и положенную компенсацию за передачу брешинскому аббатству Санта-Джулия гавани на реке По. После отъезда государя из южного королевства делегации из Италии то и дело появлялись при дворе, так что связи с югом поддерживались в достаточной мере. В те времена на юге хозяйничали должностные лица штауфеновской имперской администрации и имперские легаты.

На Рождество Фридрих отправился через Утрехт в Ахен²⁰⁶. Состоявшийся там хофтаг следует считать одной из вершин проявления и репрезентации штауфеновской власти в эпоху схизмы. Наряду с политическими решениями по поводу властных отношений в западных окраинных зонах Империи, во Фландрии и епископстве Камбре, значение и блеск этим дням придала прежде всего канонизация Карла Великого, в честь мощей которого были воздвигнуты алтари. Конечно, канонизация первого средневекового императора, санкционированная императорским антипапой Пасхалием III, была актом, имевшим величайшее политическое значение для позиции Штауфена в схизме. Столь явственно ориентированная на более ранние аналогичные события во Французском и Английском коро-

левствах, она одновременно подчеркивала новую, отчетливо заметную со времен Вюрцбургского рейхстага ориентацию имперской политики на Англию. Карл Великий, традиционно считавшийся родоначальником французских королей, демонстративно провозглашался имперским святым. Ахен, пфальц Карла и место его погребения (традиционное место коронации новоизбранного короля), получил обширные городские привилегии. Вместе с монастырем святой Марии Ахен отныне носил почетный титул «главы Германского королевства»²⁰⁷.

В феврале нового года император находится в Нюрнберге. Архиепископ Конрад Зальцбургский, наконец появившийся при дворе после трех тщетных вызовов, вновь отказался отречься от своей проалександровской позиции, но на сей раз вынужден был удалиться без монаршей милости²⁰⁸. Сопровождения относительно финансирования нового похода в Италию, проводившиеся в Нюрнберге, показывают, что Штауфен вновь начинает отдавать все больший приоритет итальянской политике. Однако отправляться на Юг было невозможно, не погасив важнейшие очаги кризиса в Германии. На хофтаге в Ульме, проведенном в середине марта 1166 года, Фридриху удалось завершить Тюбингенскую распрю, все еще тлевшую, несмотря на его вмешательство осенью 1164 года. Характерно то, что вся сила удара императорского приговора пришлась на слабейшего из участников конфликта: пфальцграф Гуго Тюбингенский был вынужден покориться и сдаться в плен своему противнику, герцогу Вельфу VII. Тем самым император не только смог прочней привязать к себе молодого Вельфа и его союзников, прежде всего герцога Бертольда фон Церрингена, но и не стал наказывать герцога Фридриха Швабского, заступавшегося за тюбингенца. В результате напряженность в отношениях между двоюродными братьями из рода Штауфенов, возникшая после Вюрцбургского рейхстага, снова ослабла²⁰⁹.

Впоследствии все упомянутые выше князья приняли участие в итальянском походе. Дипломы, выданные в Ульме Вихману Магдебургскому, показывают, что отношения Фридриха с этим человеком вновь улучшились. Притязаниям императорской власти стойко противился лишь Конрад Зальцбургский, поэтому 29 марта 1166 года на хофтаге в Лауфене, недалеко от Зальцбурга, правитель объявил о военном выступлении против этого архиепископства. В результате местные противники архиепископа, прежде всего графы фон Плайн, разорили его владения. В ночь с 4 на 5 апреля 1167 года был предан огню и сам город Зальцбург²¹⁰.

В месяцы, последовавшие за Лауфенским хофтагом, Фридрих усиленно готовился к предстоящему итальянскому походу. Подобно тому, как перед выступлением в коронационный поход в 1154 году скончался норманнский король (Рожер II умер 26 февраля 1154 года), так и теперь 7 мая 1166 года умер Вильгельм I Сицилийский. Таким образом, перспективы успешного похода в Южную Италию, планировавшегося после победы над Миланом на протяжении не одного года, оказались весьма благоприятными. Фридрих рассчитывал на то, что сумеет окончательно разгромить норманнское государство, если еще раз напряжет все силы Империи, имеющиеся в его распоряжении, и соберет мощное войско. Победа над ним, в свою очередь, помогла бы нанести удар папе Александру III, которому весной 1165 года удалось вернуться в Рим из французского изгнания. В июле 1166 года император направился в Бургундию. Там он привлек на свою сторону архиепископство Вьеннское, дав ему привилегию, но из-за нехватки времени не смог уладить многие трудности, возникавшие из-за схизмы и вражды с Францией²¹¹. Напрасными остались и проявленные им в сентябре в Вормсе усилия уладить давнюю напряженность в отношениях со сводным братом Конрадом Рейнским при посредничестве Генриха, аббата Лорша²¹².

Тем не менее откладывать итальянский поход более было нельзя. В октябре 1166 года с большим войском, в которое впервые вошли также наемники, так называемые «брабансоны» (поскольку в большинстве своем они были родом из Брабанта), он выступил из Аугсбурга и отправился в свой четвертый поход на юг, следуя через Бреннер. В отличие от прошлых лет привычный путь из Тренто в Верону на этот раз был перекрыт силами Веронской лиги, и императору пришлось идти через перевал Тонале и Валь Камонику²¹³. С тех пор как Штауфен два года назад покинул Италию, ситуация в стране изменилась. Городская оппозиция проявила себя не только в форме Веронского союза — суровые меры штауфеновской имперской администрации все резче критиковали и в Ломбардии, понимаемой в более узком смысле. Летом 1164 года недовольство давало о себе знать даже в Кремоне и Павии. Вероятно, на рубеже 1165–1166 годов крмонцы²¹⁴ вступили в контакт с Веронской лигой, а именно с Падуей и Венецией, причем, возможно, не последнюю роль в этом сыграл денежный поток из Византии, издавна протекавший через город у лагуны.

Опустошив области Брешиа и Бергамо и затребовав заложников, в ноябре Фридрих вступил в Лоди. Многочисленные жалобы на воистину террористический режим, установленный имперскими должностными лицами, оставили его равнодушным, и он снова объявил о своем решении двинуться на Рим. Присягу Пасхалию III в соответствии с прошлогодними вюрцбургскими решениями теперь пришлось принести и итальянскому духовенству²¹⁵. Конфликт между генуэзцами и Пизой, вновь вспыхнувший после передачи последней острова Сардиния в апреле 1165 года, лишь с трудом удалось притушить на время общего имперского похода²¹⁶. Таким образом, предпосылки для экспедиции оказались не лучшими. Правда, Штауфен мог возлагать особые надежды на многочисленность войск, стоящих под его началом. Побывав на рубеже 1166 и

1167 годов в Баньоло, неподалеку от Брешиа, император вновь продемонстрировал свою власть беспокойным брешианцам.

В январе Фридрих выступил из Лоди в поход на юг. Еще на Виа Эмилия ради поддержания своего авторитета он был вынужден оказать военное давление на Парму и Болонью. Города выдавали заложников, некоторым приходилось соглашаться на выплату большой дани. Войско продвигалось вперед крайне медленно. Одной из причин такого промедления была беременность императрицы, родившей в феврале своего третьего сына, Конрада. Произошло это событие неподалеку от Фаэнцы, в замке Модильяна, принадлежащем графу Гвидо Гуэрре²¹⁷. В начале марта Фридрих и его двор остановились в Имоле. Следующая стадия похода началась с отправки в Среднюю Италию, через Апеннины, архиепископа Кристиана Майнцского, наконец-то рукоположенного в сан, и архиепископа Кёльнского Райнальда. Дальнейшее продвижение на юг должно было происходить разными путями. Сам Барбаросса направился к Адриатическому побережью, где еще в начале 1164 года он обдумывал план сицилийской экспедиции.

В то время как два имперских легата следовали каждый своим путем по Средней Италии (причем лучше всех показали себя пизанцы, занявшие после избрания нового архиепископа однозначно проштауфеновскую позицию²¹⁸), император через Равенну и Римини двинулся на Анкону²¹⁹. Этот приморский город с давних пор был постоянной опорой византийской политики на Адриатическом побережье. В 1158 году после переговоров с Райнальдом фон Дасселем и Отто фон Виттельсбахом византийцы в конце концов были вынуждены оттуда удалиться. Но с тех пор они вновь активизировали в Анконе свою деятельность. Вероятно, и сама Анкона в те времена опасалась, что Штауфен может применить к ней столь же суровые меры, как к другим городам. Император замкнул кольцо осады вокруг

хорошо укрепленного города, однако нанести сокрушительного удара не мог. Во время трехнедельной осады он узнал от гонцов о том, что в начале марта в Ломбардии, у него в тылу, началось восстание городов. Бергамо, Бреша, Кремона, Мантуя, выселенные в 1162 году из своего города миланцы и, видимо, Феррара объединились в Ломбардский союз городов, вероятно, взяв за образец Веронскую лигу. Ломбардская лига²²⁰ начала борьбу за восстановление прежних свобод, выступив против штауфеновской имперской администрации, признанной ею крайне деспотичной. Ситуация для императора оказалась затруднительной. Отказываться от только что начатого похода в Южную Италию он не мог и не хотел — быть может, он также надеялся на то, что его должностные лица в Ломбардии обладают достаточно сильными средствами принуждения. Во всяком случае, он довольствовался отправкой в Павию епископа Германа Верденского, дабы тот удержал этот оплот имперского господства в Италии от измены.

В конце мая в лагерь под Анконой пришло несравненно более радостное известие о колоссальной победе, одержанной 29 мая 1167 года под Тускулом имперскими легатами Райнальдом и Кристианом над римлянами. Ввиду такого успеха Фридрих прекратил дальнейшую осаду приморского города, который при посредничестве пизанцев неохотно согласился подписать договор о подчинении государю. Барбаросса быстро двинулся дальше, совершив прежде вылазку в Апулию со стороны имперской границы возле Тронта²²¹. Кто бы тогда мог догадаться, что эта июньская акция окажется единственной военной операцией против норманнов? Штауфеновский антипапа из Витербо торопил императора действовать как можно скорей, чтобы наконец окончательно низложить папу Александра III, все еще находящегося в Риме.

22 июля 1167 года император вместе с папой Пасхалием III подошли к Риму. Под Римом Штауфен объединил

свои войска с победоносными вооруженными силами своих имперских легатов, получив чрезвычайно внушительную рать. В последующие дни Фридрих вел штурм Вечного города с холма Монте-Марио. Бои велись в основном вокруг церкви Святого Петра, также пострадавшей во время пожара в близлежащей церкви Санта-Мария в Турри. Переговоры, проводимые от имени проалександровских кардиналов бывшим архиепископом Майнцским Конрадом фон Виттельсбахом, который с 1165 года находился в курии, результатов не дали. Однако самому Александру удалось, к величайшему замешательству монарха, бежать в Беневент.

Римляне, долгое время сохранявшие враждебность, были вынуждены наконец уступить превосходству императорских сил. Фридрих заключил с ними пакт, гарантировавший сохранение их сената, и тем самым привлек город на свою сторону²²². 30 июля Пасхалия III торжественно возвели на престол в церкви Святого Петра, а через два дня папа совершил коронацию супруги Штауфена Беатрисы императорской короной. Успех и крах штауфеновской политики нерасторжимо смешались в эти дни: в самом начале августа в Риме вспыхнула типичная для тибрских болот эпидемия летней малярии, частая гостья города. Болезнь унесла цвет императорского войска, и триумф штауфеновской власти рассыпался как карточный домик. Современники сочли это событие ужасной Божьей карой, причем в упрек императору ставилась не только его позиция в схизме, но и разрушение домов Божьих во время сражений в Риме. Жертвами катастрофы под Римом пали архиепископ Райнальд Кёльнский, епископы Конрад Аугсбургский, Александр Льежский, Даниил Пражский, Эберхард Регенсбургский, Готфрид Шпайерский и Герман Верденский, герцоги Фридрих Швабский и Вельф VII, князь Демольт Чешский, многочисленные графы и «благородные свободные». Имперскому войску в целом пришлось оплакивать тысячи погибших.

6 августа Фридрих тронулся в путь, оставив в Риме многих больных и обреченных на смерть. Через Витербо он вышел в более высокие районы горной области Монте-Амиата. Сам император имел значительный иммунитет против этой болезни из-за перенесенных ранее (возможно, еще в крестовом походе с Конрадом III) лихорадок²²³. Крайне растерянный, глубоко подавленный, с жалкими остатками войска, столь великолепного еще несколько дней назад, он продолжил путь по традиционному маршруту — по Виа Франчигена²²⁴. При поддержке Лукки и Пизы, а также при помощи местной знати, например сеньоров Буджано и Маоны, 31 августа он достиг города на реке Арно, по-прежнему стоящего на его стороне.

На предложение пизанцев отправить его дальше на корабле император не согласился, но уже через несколько дней он держал путь в Ломбардию. Свободный проход по отрезку дороги Виа Франчигена, идущей через Монте-Бардоне (ныне перевал Ла-Чиза²²⁵), издавна обеспечивали имперские власти. Еще в феврале 1167 года Барбаросса дал привилегию жителям Понтремоли. Теперь же он обнаружил, что путь под этим городом перекрыли понтремолийцы и ломбардцы. Так он впервые столкнулся с военным сопротивлением возникшей этой весной Ломбардской лиги. В самом деле, во время чрезвычайно успешного наступления Барбароссы вражеские города сумели расширить и укрепить свои позиции. 27 апреля миланцы демонстративно вернулись в свой город и тем самым вновь основали «ломбардскую метрополию». До 22 мая военному давлению подвергался город Лоди, принуждаемый вступить в союз против императора, а в августе поднакопившие сил миланцы с отрядами бергамасков сумели отбить замок Треццо, за который шли бои еще в 1158–1159 годах.

Слабость его войска не оставила императору под Понтремоли иного выбора, кроме отступления. Взяв проводником маркграфа Обиццо Маласпину, уже много лет зани-

мавшего проштауфеновскую позицию, он повел армию трудным, утомительным путем²²⁶ через западные непроходимые перевалы Апеннин. Пройдя по областям Тортоны и Пьяченцы (несомненно, в обход самих городов), 12 сентября Фридрих с супругой и остатками поредевшего войска добрался до верной ему Павии. Этот город, всегда стоявший на его стороне с начала его правления, оказал ему лучший прием и предоставил необходимое убежище. 21 сентября на публичном народном собрании была объявлена опала вражеским городам, за исключением Кремоны и Лоди. Фридрих бросил им вызов, разыграв весьма драматичную сцену.

Военные позиции императора находились в величайшей опасности. После катастрофы под Римом его войска сильно поредели, а большинство ломбардских городов теперь выказывали ему враждебность. Тем из оставшихся с ним князей, кто просил о дозволении вернуться домой, он едва ли мог отказать. Видимо, еще в сентябре ему пришлось отправить на Север Бертольда фон Церингена и Кристиана Майнцского — для устранения беспорядков в Саксонии, где против Генриха Льва объединили свои усилия архиепископ Магдебургский, ландграф Тюрингский, Альбрехт Медведь и примкнувший к ним с 12 июля 1167 года Райнальд фон Дассель, теперь уже покойный²²⁷. Таким образом, в операциях, проводимых против вражеских городов (сводившихся к осени исключительно к действиям против сельских окрестностей этих коммун), Штауфен был вынужден использовать только ломбардские вооруженные силы — отряды городов Павии, Новары и Верчелли, маркграфов Вильгельма Монферратского и Обиццо Маласпины, а также графа Гвидо ди Бьяндрате. Богатая добыча, попавшая в его руки в областях Милана и Пьяченцы, ничуть не улучшала его положения. Рано или поздно из Италии нужно было уходить — правда, традиционно используемые альпийские перевалы стали недоступными из-за враждебности городов.

Когда в ноябре 1167 года положение императора стало осложняться и в Павии, он покинул город. Взяв с собой ломбардских заложников, в том числе из Брешиа, на рубеже годов он остановился сначала в землях графа ди Бьяндрате, а потом — в землях маркграфа Монферратского. В это время, 1 декабря, Венеция, Веронская лига и Ломбардская лига заключили договор об объединении²²⁸. В последующие недели от Империи отпали также Новара и Верчелли. Фридрих оказался в крайне бедственном положении, в его распоряжении не оставалось никаких средств принуждения. Но в этой тяжелейшей ситуации Штауфен проявил большой политико-тактический талант: всю ставку он сделал на переговоры. Он с готовностью принял конверса картезианцев Дитриха из Сильве-Бените (не только близкого человека, но и родственника императора) для переговоров о завершении схизмы²²⁹. Ко двору пригласили приора картезианцев Базилия, аббата из Сито Александра и епископа Петра Павийского, изгнанного из своего епископства. Государь вел беседы и с посланцем архиепископа Зальцбургского, оказавшегося в последние годы под сильнейшим давлением, причем высказывался император об иерархе вполне благосклонно.

В то же время он предпринял переговоры с графом Гумбертом Савойским²³⁰, отношение которого к Империи сформировали его безуспешные притязания на графство Туринское, а также, возможно, брак с Клеменцией фон Церинген, которая в 1162 году была разведена с Генрихом Львом. В начале 1168 года при посредничестве Вильгельма Монферратского, родственника савойца, а также, возможно, герцога фон Церингена, вернувшегося к тому времени из Германии, было, наконец, достигнуто соглашение. За уступки, подробности которых неизвестны — предание гласит о «горах золота», — Гумберт согласился сопровождать Штауфена: проходы через Западные Альпы были свободны! Проходившие одновременно с этим переговоры по

церковному вопросу Фридрих тут же прервал, не дожидаясь того, чтобы они привели к какому-либо результату.

В начале марта император, достигнув города Сузы, велел демонстративно казнить нескольких из ломбардских заложников, которых он все еще возил с собой. Этот поступок Штауфена, совершенный в последние дни пребывания в Италии, едва не стал для него роковым — во всяком случае, горожане Сузы заставили его выдать оставшихся заложников. После этого Фридриху удалось бежать из Италии при помощи авантюры. Следуя плану, придуманному Бертольдом фон Церингеном, он поменялся одеждой с похожим на него мужчиной из свиты (согласно Оттону Санкт-Блазинскому²³¹, с рыцарем Хартманом фон Зибенэйхом) и ускользнул из становившейся все более враждебной Сузы, где был вынужден оставить даже свою жену. По узкой полосе земли, принадлежавшей графам Савойским, Фридрих быстрым маршем достиг города Женевы²³². 15 марта он в сопровождении Церингена вступил в Базель. Его отношения с герцогом Бертольдом стали тогда особенно близкими: тяжелый конфликт 1162 года был давно забыт, и брату герцога Церингена Рудольфу²³³, обойденному во время майнцских выборов 1160 года, следовало найти достойную компенсацию — опустевшую с лета 1167 года кафедру епископа Льежского. При помощи ловких переговоров Фридриху все же удалось организовать бегство из Италии, но катастрофа под Римом и крах господства Империи в Ломбардии в дальнейшем поставили перед ним новые проблемы и задачи, разрешить которые оказалось трудно.

5. ПОВОРОТ В ШТАУФЕНОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1168–1178)

Тяжелое поражение, которое потерпела власть Фридриха Барбароссы в 1167 году, следует считать важной вехой в истории ранештауфеновской эпохи. Особая имперская администрация в Ломбардии (передовой в экономическом отношении имперской зоны), созданная после Ронкальского рейхстага, но прежде всего после триумфа над Миланом, была уничтожена. Не удалось найти приемлемого решения и для церковного вопроса. Все эти события не могли не оказать влияния на территории Империи, расположенные к северу от Альп, на земли, оставленные Фридрихом в 1166 году лишь частично замиренными. Видимо, еще в марте 1168 года император поехал в Бургундию, где — вероятно, в Безансоне — смог приветствовать свою супругу. На время отсутствия в этих землях преданного ему архиепископа Хериберта Безансонского (митрополит входил в число участников четвертого итальянского похода) государь принял меры для сохранения порядка в графстве Бургундия, назначив заместителя²³⁴, но все же и здесь ему пришлось обнаружить явный ущерб для своей власти. Он резко отчитал местных грандов. Его политические возможности в тот момент ограничивались его личной активностью, императорскими приказами: кризис его власти в Италии дал о себе знать и к северу от Альп. Правда, в Бургундии Фридрих задержался ненадолго: ему необходимо было в срочном порядке окончательно возвратиться в Германию.

Беспорядки в Саксонии²³⁵ требовали срочного вмешательства государя. Архиепископ Майнцский и герцог фон Церинген, отправленные сюда еще осенью прошлого года из Верхней Италии, до сих пор не смогли добиться решающего перелома в ситуации. Участники конфликта явились в Вюрцбург к императору в июне 1168 года, лишь после двух тщетных вызовов. На одной стороне выступал Генрих Лев, на другой — коалиция восточносаксонских имперских князей Магдебурга, Бранденбурга и ландграфа Тюрингского. Несмотря на то что князья подчинились императорскому приказу прекратить борьбу, эти конфликты вскоре разгорелись вновь — в последующие годы императору еще не раз придется ими заниматься.

Видимо, уже в это время Фридриху пришлось принимать меры в отношении владений и сеньорий, оставшихся бесхозными после гибели под Римом многих князей и представителей знати²³⁶. Наделение герцогскими правами епископа Вюрцбургского, о чем было объявлено на хофтаге в городе на Майне в июне 1168 года, ни по времени, ни по значению нельзя отделять от передачи государем герцогства Швабского, которое после смерти его двоюродного брата Фридриха фон Ротенбурга отошло к старшему сыну императора. Тем самым герцогство Швабское, которым Барбаросса руководил сам до своего возведения в королевское достоинство, снова досталось его ближайшему родственнику. В то же время ему удалось приобрести многочисленные имения знати, освободившиеся после смерти их владельцев, либо договориться о наследовании весьма обширных земель. Особого успеха он добился в южной Швабии, где сумел обеспечить герцогу Швабскому должности фогта во владениях епископов Аугсбурга и Кура. Граф Рудольф фон Пфуллендорф, многолетний верный соратник императора, после смерти под Римом единственного сына Бертольда сделал Штауфена своим наследником, а потом передал императору часть своих прав досрочно²³⁷.

Подобная же судьба постигла и дядю Барбароссы Вельфа VI — ведь и его сын, носивший то же имя, скончался от малярии. Правда, Вельф, который с самого начала схизмы сторонился своего племянника-императора из-за того, что его фактически вытеснили из переданных ему имперских ленов в Средней Италии, отреагировал на это событие совсем иначе, чем Пфуллендорф. Его отчаяние из-за смерти единственного сына выразилось в отказе от всех моральных ограничений: он отослал жену в монастырь, а сам стал вести разнузданный образ жизни²³⁸.

Таким образом, император сумел извлечь из катастрофы под Римом существенную выгоду для укрепления своего территориально-политического положения, однако его власть была сильно подорвана. Малочисленные грамоты, выданные государем с 1168 года, как и скудная историографическая традиция того времени, явственно указывают на упадок его могущества. 20 сентября 1168 года скончался Пасхалий III — уже второй штауфеновский антипапа. Это значительно расширило свободу действий монарха в церковном вопросе. Фридрих узнал о смерти Пасхалия не сразу, поскольку имперские князья (Кристиан Майнцкий, еще в 1167 году получивший кафедру в Кёльне, бывший канцлер Филипп фон Хайнсберг и герцог Генрих Лев), направленные к английскому двору в качестве легатов, предлагая военную помощь против Франции, должны были добиться от короля Генриха II того, чтобы английская церковь присягнула Пасхалию III²³⁹. Однако Плантагенет уже не был столь покладист, как несколько лет назад; конечно, он вполне мог усомниться в эффективности поддержки со стороны Штауфена после поражения 1167 года. Тем не менее связи поначалу сохранялись. Но приказ о присяге антипапе исполнен не был, поскольку он встретил сопротивление со стороны английского духовенства. Правда, брак вельфского герцога с Матильдой Английской, о котором договорились в

1165 году, был уже заключен, а именно 1 февраля 1168 года в Миндене²⁴⁰.

Возможно, еще в конце года Штауфен возобновил завязанные уже в конце 1167 года контакты с окружением Александра III. Посредниками вновь выступили цистерцианские аббаты из Франции: на сей раз помимо Александра из Сито на встрече присутствовал Понтий из Клерво²⁴¹. В начале 1169 года император посетил земли к югу от Саксонского герцогства: в пфальце Валльхаузен он снова взялся за улаживание опять разгоревшегося конфликта в Саксонии. Его встреча с уполномоченными Александра III состоялась в марте. Для оглашения предложений Штауфена в курию отбыл Эберхард Бамбергский. Папе предлагалось признать императором второго сына Барбароссы Генриха, которого предстоит избрать королем; Генрих, в свою очередь, обязывался официально признать папу, тогда как сам Фридрих хотел еще дополнительно это обдумать; наконец, Александр должен был одобрить схизматические церковные назначения. Переговоры закончились провалом. Главное препятствие Александр, бесспорно, увидел в вопросе о схизматических назначениях, однако существенную роль в его отказе сыграла и его оглядка на ломбардцев, не приветствовавших контакты папы с императором.

Из этих переговоров мы впервые узнаем о намерении императора добиться избрания своего второго сына королем (старший сын Фридрих²⁴² с рождения оставался болезненным ребенком). Несомненно, решающим фактором для принятия этого решения стал горький опыт последних лет. К тому же самому государю шел уже сорок седьмой год. В избрании короля при жизни царствующего властителя не было ничего необычного, ведь и Конрад III короновал своего сына (правда, перед выступлением в крестовый поход). Генриха, которому в июне исполнилось четыре года, избрали королем на Троицын день 1169 года во время рейхстага в Бамберге²⁴³. Вероятно, тогда же Фридрих признал

избранника кардиналов покойного антипапы — папу Каликста III, чьи позиции в Италии, правда, как были, так и останутся чрезвычайно слабыми. Первостепенной задачей для Штауфена стала германская церковная политика, большим местом которой по-прежнему оставалось Зальцбургское архиепископство²⁴⁴. Сын богемского короля Владислава Адальберт III, избранный здесь в 1168 году, после смерти архиепископа Конрада, тоже был сторонником Александра. К тому же он владел регалиями, хотя император до сих пор ему их не предоставил. На Бамбергском рейхстаге государь даже не принял Адальберта. Фридрих намеревался лично вмешаться в дела в Зальцбурге.

Еще в Бамберге Штауфен принял очень характерное для его политики тех лет решение относительно Бременского архиепископства. После смерти архиепископа Хартвига 11 октября 1168 года здесь возникло двоевластие: Отберт, ставленник вельфской партии, противостоял Зигфриду, сыну Альбрехта Медведя, представителю князей — противников Генриха Льва. В целом император поддерживал притязания своего вельфского кузена, что обнаружилось еще летом 1168 года при вмешательстве Фридриха в саксонскую смуту. Теперь он не принял сторону ни одного из кандидатов и возвел на бременскую кафедру Балдуина, пробста Хальберштадтского собора — человека, тесно связанного с герцогом. Обойденному Асканию, вероятно, посулили следующее освободившееся епископство — в 1173 году он станет епископом Бранденбургским²⁴⁵.

В июле Фридрих последовал через Пассау в Зальцбургхофен (ныне Фрайлассинг), расположенный рядом с Зальцбургом: в этом городе Адальберт III сдал ему свои епископские полномочия. На ближайшие годы император оставил архиепископские земли в непосредственном имперском управлении, не назначая нового митрополита. Во время этих событий маленький сын государя, избранный королем, 15 августа 1169 года был коронован в Ахене: штауфе-

новское династическое наследование в Империи было обеспечено. Проблемы архиепископства Зальцбургского, где сохранялось влияние сторонников Александра (не в последнюю очередь благодаря двум продолжительным легатским визитам бывшего майнцакого архиепископа Конрада, ныне кардинала Сабины), побудили императора в начале 1170 года вновь совершить длительную поездку через архиепископские земли в юго-восточную часть Империи. Во время этого долгого путешествия он останавливался в самом Зальцбурге, Фризахе, Лайбнице и Гарстене под Штайром. В район Боденского озера он вернулся только в мае.

В начале июля Штауфен провел хофтаг в Фульде. Там он узнал об окончательном провале своих переговоров с Александром III, начатых в прошлом году, и повторил Вюрцбургскую присягу, согласно которой папа-соперник, демонстративно называемый «Роландом», то есть не папским именем, никогда не должен был получить признания. Из Фульды государь отправился в Эрфурт. Здесь ему удалось окончательно восстановить мир в Саксонии, нарушенный с 1166–1167 годов. Правда, в последний момент Генрих Лев сумел настоять на своем, но Фридрих, покончив с вельфским влиянием на Гослар, все же добился важного успеха²⁴⁶. Территориальная политика императора со времен его возвращения в Германию была исключительно удачной. Он сумел создать для себя на территории Майнца еще одну важную позицию, впервые основав в июле 1170 года заметный город (Гельнхаузен)²⁴⁷.

Все эти успехи позволили (по крайней мере, на немецкой территории) за несколько лет преодолеть последствия тяжелого поражения 1167 года, предоставив императору многочисленные возможности для исполнения новых политических замыслов. Так, осенью 1170 года Штауфен смог предпринять поход в Бургундию, где его власть давно пошатнулась. В союзе с местным дворянством он выступил сначала против Гоше III де Салена, с чьим зятем, графом

Жераром Макон-Вьеннским, он сумел добиться соглашения о мире в Средней Бургундии. Но особенно выгодными для него оказались перемены на политической арене в Арелате и в Провансе, где после смерти (в 1166 или 1167 году) Раймунда Беренгара III Барселонского, получившего в 1162 году в лен графство Прованс, полновластно распоряжался двоюродный брат покойного, король Альфонс Арагонский. Граф Раймунд V Тулузский, поначалу враждебный Штауфену, женился на вдове Раймунда Беренгария, двоюродной сестре Барбароссы Рихильде, и теперь открыто перешел на сторону Империи. Арльский митрополит, для которого меры, принятые в 1162 году, были отнюдь не благоприятными, теперь тоже искал поддержки Штауфена, остановившегося в конце осени 1170 года вместе с двором в Живоре, южнее Лиона²⁴⁸.

В эти месяцы Фридрих послал майнцского архиепископа Кристиана, уже многократно испытанного в Италии, в Византию и, предложив последней союз, возобновил контакты, полностью разорванные с 1159 года²⁴⁹. В шестидесятые годы василевс постоянно выказывал враждебное отношение к Штауфену, но теперь был вполне готов к диалогу, в чем не последнюю роль сыграли новые противоречия с Венецией, а также неудачная попытка сотрудничества с Александром III. В следующем году в Германию явилось ответное византийское посольство. Переговоры на основе брачного проекта продлились до 1174 года. Фридрих тогда был занят кардинальной перестройкой союзных отношений с иностранными державами. Под вопрос прежде всего были поставлены отношения с Англией. По поводу схизмы Генрих II проводил жесткую политику, направление которой было для императора нежелательным. Плантагенета же разочаровало избрание королем второго сына Штауфена — ведь в 1165 году при договоре о заключении брака предполагалось, что супругом принцессы Элеоноры (Алиеноры) станет наследник престола. Смерть старшего импе-

раторского сына, естественно, в корне изменила ситуацию, и уже в 1170 году Элеонора была выдана за короля Альфонса VIII Кастильского²⁵⁰.

В силу явственного охлаждения отношений с Англией Фридрих был вынужден возобновить дипломатические контакты с Людовиком VII Французским. Возможно, решающее значение в этом вопросе приобрело известие об убийстве Томаса Бекета, произошедшем 29 декабря 1170 года в Кентерберийском соборе. Во всяком случае, в феврале 1171 года император встретился с Капетингом в Вокулёре, на границе Империи. Во время этой встречи было заключено лишь соглашение о борьбе с брабансонами — наемниками, наводнившими пограничные области и разорявшими их. Проект германо-французского брачного союза провалился из-за несогласия Александра III. И все же встреча Людовика и Фридриха заложила основы дружбы между Штауфенами и Капетингами, сохранившейся по XIII век²⁵¹.

Следующее сообщение о Штауфене относится лишь к маю 1171 года: в Донаувёрте он вместе с Генрихом Львом предпринял попытку восстановить свое влияние в Гарде, имеющей столь важное стратегическое значение, — местным сеньорам были предоставлены привилегии. О новых планомерных действиях в отношении Верхней Италии еще не было и речи²⁵². Лето этого года Фридрих провел на Нижнем Рейне, а осенью выехал в Гослар. Правда, его стремление приобрести для своего дома кое-какие владения из наследства маркграфа Альбрехта Медведя, скончавшегося в прошлом году, натолкнулось на упорное сопротивление братьев из рода Асканиев, так что в конце концов Фридрих все-таки отступился. Здесь, в Саксонии, не было столь же благоприятных, как в Швабии, предпосылок для проведения успешной территориальной политики.

В июне 1171 года в Кёльне прошли переговоры с прибывшей туда византийской делегацией. К концу года импе-

ратор послал в Восточный Рим епископа Конрада Вормсского, вслед за чем последовало паломничество Генриха Льва в Святую землю. В высшей степени вероятно, что Вельф тоже получил от Штауфена полномочия на переговоры. Добравшись до Византии, представители императора (епископ выполнял официальную миссию, а герцог, видимо, как минимум неофициальную) внезапно столкнулись с новой проблемой, очевидно, типичной для византийской дипломатии. Оказалось, что василевс успел начать брачные переговоры с королем Вильгельмом II Сицилийским. В этой ситуации, крайне опасной для штауфеновской политики, Генрих Лев попытался отстоять интересы императора, обещав императору Мануилу — скорее всего, в обмен на сотрудничество с Фридрихом — земли на Адриатическом побережье Италии, которыми тот давно желал обладать. Комнин действительно отказался от сицилийских matrimonialных планов. Но Фридрих не мог продолжать переговоры путем подобных уступок. Он, правда, не прервал контактов немедленно, но в дальнейшем поступил как немецкий ученик византийской дипломатии: воспользовался новыми контактами с традиционными исламскими врагами в тылу Восточного Рима, чтобы в свою очередь иметь на него способы давления²⁵³.

В начале 1172 года император опять отправился в Зальцбург, чтобы принять меры против неизменно упорствующего архиепископа Адальберта III, смещенного в 1169 году. Опираясь на чрезвычайно укрепившийся к тому времени авторитет Империи, в марте этого года в Вормсе он сумел добиться постановления князей о том, что выступление в новый итальянский поход произойдет в течение двух ближайших лет. В конце 1171 года на юг был послан Кристиан Майнцский, в последующие годы находившийся по преимуществу в Средней Италии с целью замирить эту область и, вероятно, подготавливать новый итальянский поход императора. Однако имперский легат оказался втянут в

многочисленные конфликты между городами, особенно между Генуей и Пизой, и суверенные права Империи мог поддерживать лишь условно²⁵⁴.

Успехом завершилась военная экспедиция императора в Польшу, проведенная летом 1172 года из Мерзебурга: великий князь Мешко III был вынужден покориться и разрешить вернуться на родину своему брату Болеславу Высокому, изгнанному в 1166 году, который участвовал вместе с императором в четвертом итальянском походе. С поляков также была взыскана ежегодная дань за шестнадцать лет, установленная в 1157 году, но так и не выплаченная, — в императорскую казну поступило восемь тысяч марок серебром²⁵⁵. Все более прочной становилась власть Империи над землями Средней Германии, где с середины 1160-х годов удалось превратить в настоящую «имперскую землю», *terra imperii*, Плейсенланд с Альтенбургом²⁵⁶. Начало осени 1172 года Барбаросса провел в Тюрингии. Здешний ландграф Людвиг II, зять Штауфена по браку с его сестрой, тяжело заболел и 14 октября скончался. Праздновать Рождество император отправился в Аугсбург, проследовав через Вюрцбург и Нюрнберг. Причины столь дальнего зимнего путешествия довольно понятны. Во-первых, после пресечения рода Бальцхаузен-Швабеггов из-за эпидемии малярии под Римом должность фогта во владениях епископа Аугсбургского перешла к Империи и теперь принадлежала — как и в епископстве Кур — императорскому сыну, герцогу Фридриху Швабскому²⁵⁷. Во-вторых, территориально-политические интересы государя в то время были обращены на владения графов Ленцбургов в Южной Швабии — летом 1172 года этот знатный род пресекался со смертью Ульриха IV. Приобретение наследства Ленцбургов²⁵⁸ значительно укрепило бы позиции Штауфенов в Швабии; помимо этого, оно имело величайшее значение для овладения в перспективе альпийскими перевалами, а тем самым и для итальянской политики. Наконец, в Аугсбурге Фрид-

рих встретился с Генрихом Львом, который, вернувшись из Святой земли, доложил двоюродному брату-императору о состоянии германско-византийских отношений.

Масленицу нового года (20 февраля 1173 года) император встретил уже в Ленцбурге, где он принял наследство вымершего графского рода. Некоторые земли нового владения были дальновидно использованы для того, чтобы удовлетворить ожидаемые притязания графа Альбрехта III Габсбурга на наследство Пфуллендорфов, столь важное для государя (Альбрехт был зятем графа Рудольфа фон Пфуллендорфа). В марте Фридрих проехал через Базель в Северную Бургундию — со времен брака с Беатрисой там было создано «родовое имение» Штауфена. В результате схизмы эта местность²⁵⁹ оставалась областью, требующей особого внимания со стороны императора. К тому же Бургундия со времени возникновения Ломбардской лиги приобрела повышенное значение как транзитная территория для итальянских походов, после того как альпийские перевалы, такие как Бреннер, традиционно использовавшиеся с начала правления Барбароссы, стали непроходимыми для императорских походов на юг.

После того как Эберхард, архидиакон и тезаурарий собора Святого Иоанна в Безансоне, стал тамошним архиепископом (еще до 10 октября 1172 года его рукоположил в сан Александр III), бургундский клир в основном был настроен в пользу Александра. Фридрих не выступил против нового иерарха, но легатские полномочия, признанные за его предшественником, Эберхарду переданы не были и перешли к другим людям. Бросается в глаза то, что император во время пребывания в этой земле не остановился в Безансоне, который обычно всегда посещал. Зато Фридрих сумел усилить влияние Штауфеновского дома в Бургундии: в оборонительном договоре, заключенном с клюнийским приоратом Шо, уже был намечен путь к будущей власти императорского сына Оттона (с конца 1180-х го-

дов)²⁶⁰. Теперь в этих землях активно действовала и сама императрица. Она основала тогда во Франшевеле женскую больницу²⁶¹. Решительным образом ситуация улучшилась для императора после того, как в 1171 году был заключен договор о сотрудничестве с французским королем, которое стало новой и постоянной составляющей штауфеновской политики.

Приготовления к новому итальянскому походу, объявленному в прошлом году, определяли ход всех событий, а значит, и действий Фридриха Барбароссы. Для императора было предельно важно поставить под свой контроль существующие очаги беспокойства, а также создать финансовые предпосылки для предстоящего предприятия²⁶². Правда, с материальной базой Империи дело обстояло, вероятно, не худшим образом: Фридрих сумел собрать польскую дань, а с 1168 года весьма значительно расширил основы власти императорского дома за счет получения многочисленных наследств. Так, в это время (1173–1174 годы) Фридриху удалось вступить в переговоры со своим дядей герцогом Вельфом VI, удрученным смертью единственного сына под Римом, и настоять на возвращении переданных ему в 1152 году ленов в имперской Италии. Вероятно, еще в 1173 году (самое позднее — летом 1174 года) Вельф отказался от этих ленов в пользу племянника-императора; маркграфство Тоскана, герцогство Сполето, Сардиния и земли Матильды перешли во владения Фридриха в обмен на значительную сумму, размер которой, правда, нам неизвестен²⁶³.

В 1173 году Фридриху вновь удалось улучшить отношения с Асканиями, испорченные во второй половине шестидесятых годов в результате саксонских неурядиц. Таким образом, очагом кризисов по-прежнему оставалась Богемия. Богемская военная помощь для итальянской политики государя, особенно с 1158 года, имела величайшее значение, поэтому вовлечь богемцев в предстоящий поход было

исключительно важно. Король Владислав Богемский, который многие годы в Италии был верным соратником императора, в результате бескомпромиссной борьбы Штауфена против его сына Адальберта, архиепископа Зальцбурга, явственно дистанцировался от Империи. Еще в 1172 году он, не испросив согласия императора, отрекся в пользу своего сына Бедржиха. В декабре 1172 года оба они были вызваны ко двору в Нюрнберг, но так и не явились. Осенью 1173 года Барбаросса, снова вызвав их на хофтаг, вынес решение: герцогство Богемия отходило младшему сыну Собеслава, предшественника и дяди Владислава, Олдржиху, который со времен борьбы в Италии пользовался милостью императора и жил в Германии при дворе маркграфа Отто Майсенского, на дочери которого был женат. Олдржих отказался от трона в пользу старшего брата Собеслава II, который немедленно получил княжество в лен. Оба брата обязались поддержать предстоящий итальянский поход — тем самым государь обеспечил себе важную и проверенную военную поддержку²⁶⁴.

На рубеже 1173 и 1174 годов Фридрих с двором остановился в Эрфурте, чтобы уладить вновь вспыхнувшие распри между своим племянником, ландграфом Людвигом Тюрингским, и братьями из рода Асканиев. В начале нового года он находился в имперском бургке Киффхаузен. Все его дальнейшие действия были нацелены на проведение итальянского похода, начало которого, намеченное на 1174 год, неминуемо приближалось. Еще летом этого года Штауфену посчастливилось добиться нового успеха в территориальной политике: он приобрел всю полосу бамбергских владений к востоку от Нюрнберга — лены Зульцбахов, земли, к которым Штауфены получили доступ еще благодаря браку Конрада III с Гертрудой фон Зульцбах. Через полтора десятка лет, накануне крестового похода, император сможет вступить в этой области во владение наследством Зульцбахов²⁶⁵.

Пасху 1174 года Фридрих отпраздновал в Ахене с большой пышностью. В присутствии посланников султана Саладина, уже полгода находившихся в императорской свите (с 1172 года с Саладином вели переговоры о союзе с целью создать решительный противовес Восточному Риму²⁶⁶), состоялась торжественная коронация государя, императрицы и их сына Генриха, уже пять лет назад возведенного в королевское достоинство. Отныне вопрос итальянского похода становился все более актуальным. Традиционные альпийские перевалы по-прежнему оставались перекрытыми, поэтому путь должен был лежать через перевалы Западных Альп, которыми императору пришлось бежать из Италии в 1168 году. Решение в пользу этого пути было принято потому, что, во-первых, отношения с графом Гумбертом Савойским, несмотря на отдельные кризисы, по-прежнему оставались хорошими, а во-вторых, что особенно важно, в пьемонтских землях Ломбардская лига обладала гораздо меньшим влиянием. 9 июня 1174 года император для переговоров встречался в Аванше с итальянскими магнатами, среди которых, как мы можем предполагать, был и Вильгельм Монферратский. Вероятно, именно тогда (самое позднее) планы сформировались окончательно.

В конце июня в Регенсбурге состоялся большой хофтаг, на котором было принято решение о Зальцбургском архиепископстве²⁶⁷. Архиепископ Адальберт, смещенный летом 1169 года, уже несколько лет не подчинялся императорскому приговору. Хотя государь несколько раз навещал владения архиепископа, спокойствие в них восстановить не удавалось. Адальберт поссорился и с кардиналом Конрадом фон Виттельсбахом, находившимся в Зальцбурге на правах легата Александра III. С другой стороны, влияние сторонников папы Александра на юго-западную часть Империи было для Штауфена камнем преткновения, поэтому в Регенсбурге избрали нового зальцбургского архи-

епископа — пробста Генриха фон Берхтесгадена, которому Фридрих передал регалии. При этом император не потребовал заявления против Александра III, что можно объяснить значительным изменением его позиции с 1168 года, несмотря на повторное принесение в 1170 году Вюрцбургской присяги. Теперь он проявлял больше гибкости и готовности к компромиссам. На первом месте оказалась проблема восстановления спокойствия в стране, тогда как принципиальные вопросы схизмы намеренно оставались без внимания. Здесь, в Регенсбурге, состоялись и последние беседы с византийскими послами о матримониальном проекте, которого обе стороны не касались уже годами. Правда, о сближении не приходилось и думать, переговоры кончились ничем.

В конце августа из Эльзаса, где государь провел лето, чтобы, возможно, в последний раз отдохнуть перед итальянским походом, имперские войска двинулись на юг. Тем временем в Верхней Италии Ломбардская лига сумела значительно усилить позиции городов в местной властной структуре²⁶⁸. С тех пор как в декабре 1167 года Ломбардская лига объединилась с Веронской, власть городов охватила всю Верхнюю Италию. Весной 1168 года в долине реки Танаро при расчетливом посягательстве коммун на права Монферратского дома и при широком участии союзных городов удалось основать новый город, название которого, Александрия, подчеркивало тесную связь его основателей с Александром III. Его с полным на то правом можно назвать «крепостью союза». Появление этого города явилось очередным поправлением императорского суверенитета²⁶⁹. Годы борьбы стали для Лиги и годами испытаний. Традиционная вражда городов отступила далеко на задний план перед лицом общего сопротивления Империи. Конституирование некоего парламента городов, заседавшего в форме коллегии ректоров²⁷⁰, предоставило им инструмент, обеспечивший боеспособность, а также сплоченность и едино-

душие союза. Даже традиционно проимператорские силы — города Комо и Павия, а также Монферратский дом — были вынуждены подчиниться Лиге, крайне важную и даже доминирующую роль в рамках которой очень скоро будет играть заново основанный и усилившийся Милан²⁷¹.

Южнее Апеннин к Империи относились ничуть не лучше, хотя там и не было обширного союза городов. Барбаросса пытался повлиять на ситуацию, отправив туда Кристиана Майнцкого, но его политика лавирования между властными притязаниями пизанцев и генуэзцев не принесла успеха²⁷². В 1173 году имперский легат осадил приморский город Анкону²⁷³, с которой император заключил соглашение весной 1167 года. Этот шаг, несомненно, свидетельствует о крайне неприязненном отношении Штауфена к Империи Комнинов, несмотря на проходившие тогда же переговоры с Восточным Римом. Несмотря на то что в осаде на стороне Кристиана участвовала даже Венеция, с конца 1160-х годов поссорившаяся с Византией²⁷⁴, через полгода осаду все же пришлось снять, не добившись никаких успехов. Видимо, в эти же месяцы имперский легат вступил в контакт с сицилийским норманнским двором, чтобы договориться о матримониальном союзе между Сицилией и Штауфенами. В те годы, насыщенные многообразными контактами с иностранными державами (нам известно о матримониальных переговорах с Византией, Францией и султаном Саладином²⁷⁵), такое соглашение имело бы для Барбароссы величайшую ценность: оно дало бы возможность подорвать и ослабить прежний альянс его противников. Но Вильгельм II Сицилийский, который должен был жениться на дочери императора, вероятно, на Беатрисе, отверг это предложение из уважения к мнению папы Александра III²⁷⁶. Таким образом, положение имперской власти в областях к югу от Альп было крайне тяжелым и в конечном счете требовало личного вмешательства самого государя.

Правда, Фридрих, несмотря на обширные приготовления, не смог выставить войска столь же могучего, как в прежние годы. В сентябре 1174 года через Мон-Сени он вошел в Италию, и Суза, шесть лет назад показавшая себя столь негостеприимной, была сожжена. Силы, примкнувшие к нему в Италии, на этот раз оказались довольно скромными. В основном это были павийцы, маркграфы Вильгельм Монферратский и Марвелло Маласпина, чей отец Обиццо теперь сражался против императора на стороне городов, а также верный граф Гвидо ди Бьяндрате. Турин и Асти покорились монарху. Как можно было предвидеть, в Пьемонте удалось добиться признания имперской власти. Как и при первом появлении в Италии в 1154 году, император был вынужден выступать против мощи городов, заключая союзы с местными силами. О прямом противоборстве с войсками Ломбардской лиги, как и об операциях в Центральной Ломбардии, нечего было и думать.

К концу октября Фридрих начал осаду Александрии, ставшей главной целью наступления не только из-за того, что ее основали назло Империи, но и потому, что это отвечало территориальным интересам маркграфа Монферратского. Город, хорошо защищенный благодаря своему расположению на болотистой равнине и новым укреплениям, держался полгода. В это же время имперский легат Кристиан Майнцский, действовавший на Виа Эмилия в местности вокруг Имолы и Болоньи, препятствовал войскам союзных городов, не давая им вступить в борьбу за Александрию. Неблагоприятная погода, недостаточное снабжение войск и дезертирства (в особенности из некоторых богемских отрядов²⁷⁷) крайне осложняли положение императора. Когда последняя военная хитрость, намеченная на Пасху 1175 года (13 апреля), не удалась, Фридриху пришлось снять осаду из-за приближения деблокирующей армии Лиги — он отступил в направлении Павии. При Монтебелло, неподалеку от Вогеры, пасхальным вечером

он столкнулся с вражескими частями и после тщетной попытки обойти противника вступил в переговоры. Монтебелльский мир удалось заключить уже 16–17 апреля²⁷⁸. Впервые под давлением обстоятельств император отказался от военной конфронтации, вступил в переговоры с неприятельскими городами и заключил с ними первый договор. Улаживать отношения между Империей и Лигой должен был третейский суд в паритетном составе, а в особо конфликтных случаях — консулы Кремоны. С союзными городами был заключен мир (с Александрией, правда, только перемирие).

Поначалу могло показаться, что многолетняя борьба наконец закончилась. Ломбардцы вернулись в свои города, император распустил большую часть войска. По требованию городов он даже изъявил готовность отправить делегатов в курию, чтобы, согласно желанию коммун, имевших давние обязательства перед папой, заключить мир также и с Александром III. На прежние утверждения исследователей о том, что требование установить контакты такого рода привело к оживлению вражды, обоснованно возражалось, что на это охотно согласился и сам Штауфен²⁷⁹, однако после провала переговоров с курией император не мог не ощущать разочарования, недовольства и досады. Но, вероятно, к нарушению Монтебелльского соглашения и новой фазе конфликтов привело требование императора разрушить Александрию, которой ломбардцы отнюдь не намеревались отказывать в поддержке. Кремонские консулы, которых в Монтебелло наделили функцией неких верховных арбитров, явно пытались, во многом уступив императору²⁸⁰, спасти то, что еще было можно спасти, но эта попытка оказалась тщетной.

Во время этих переговоров Барбаросса находился в Павии, служившей ему своего рода постоянной резиденцией. Провал его военных начинаний, трудности в переговорах с Ломбардским союзом — все это подталкивало

Штауфена к тому, чтобы избирать для осуществления своей политики дипломатические пути. Осада Александрии открыла императору глаза на тот факт, что исключительно военный образ действий не позволит достичь цели. Новые союзы можно было заключить не только с городами, вошедшими в Лигу под принуждением, вроде Павии или Комо, уже в 1175 году вновь, еще прочнее привязанного к Империи привилегиями. Кремонцы благодаря своей посреднической роли тоже вступали во все более тесные отношения с императорским двором — не последнюю роль в этом сближении могло играть их постепенное оттеснение с лидирующих позиций в Лиге усиливающимися миланцами. Даже к югу от Апеннин Фридрих сумел показать свой авторитет, вынеся решение, покончившее с многолетней ожесточенной борьбой между Пизой и Генуей.

В октябре 1175 года император вновь направился в долину Танаро. Боевые действия были возобновлены. Правда, для проведения операций против самой Александрии у Барбароссы не хватало сил, и он был вынужден довольствоваться ограниченными, частными операциями. Тем не менее ему удалось снова закрепиться в этой зоне, используя военное давление, искусно соединенное с имитацией начала переговоров²⁸¹. Соглашение с Тортоной было заключено 6 марта 1176 года — очевидно, император не сразу добился этой договоренности, позволившей ему дополнительно усилить свою власть на территориях, окружающих Александрию²⁸². Правда, ему настоятельно требовались новые войска и подкрепления из Германии. Еще в начале 1161 года Барбаросса встречался в Комо с Генрихом Львом. Теперь, в январе 1176 года, для встречи с вельфским кузеном он поехал в Кьявенну, город к северу от озера Комо. В покров легенды эту знаменитую сцену облекли позже, в другие времена. Тем не менее нам не приходится сомневаться ни в факте встречи как таковой, ни в сути состоявшегося на ней разговора. В обмен на желаемую военную

поддержку штауфеновской итальянской политике герцог потребовал передать ему Гослар. Фридрих отказался: если бы он согласился на такое требование, ему пришлось бы поставить под вопрос принципы своей столь успешной территориальной политики в германских землях²⁸³.

В мае 1176 года по территории комасков, имперский контроль над которой вновь удалось обеспечить в 1175 году, к императору подошли давно ожидаемые подкрепления. Под руководством архиепископа Филиппа Кёльнского, которого Фридрих еще зимой послал в Германию, имперские контингенты прошли через перевал Лукоманьо, оказавшийся в распоряжении государя после получения в 1173 году наследства графов Ленцбургов. Барбаросса лично встретил войска и повел их в направлении Павии. 29 мая под Леньяно дорогу ему преградили части Лиги под миланским командованием — ведь города не могли не увидеть чрезвычайной угрозы в усилении императорского войска. Поражение Штауфена в этом бою, произошедшем к северо-западу от Милана, обладало колоссальным политическим значением. Это не была великая решающая битва, а Фридрих и раньше терпел поражения от неприятельских городов²⁸⁴, но при Леньяно он все же впервые уступил войскам городского союза. В пропагандистском послании болонцам миланцы приписали победу не собственному оружию, а папе и *Ytalicorum communia*, «сообществу итальянцев»²⁸⁵. Самого императора с того дня некоторое время не удавалось найти. Затем он снова объявился в Павии, где его супруга надела уже было траурное платье²⁸⁶.

Поражение при Леньяно должно было окончательно укрепить Фридриха в убеждении, что вооруженной силой с коммунарами не справиться. Настало время очередной волны переговоров, проводившихся в различных местах Ломбардии. Новый проект мира, предложенный кремонскими консулами, Барбаросса одобрил, несмотря на некоторые край-

не жесткие положения договора — в частности, о том, что Алессандрия и впредь будет существовать²⁸⁷. В эти недели ко двору прибыл картезианец Дитрих Сильв-Бенитский, еще на рубеже 1167 и 1168 годов оказавший посредническую помощь при контактах с курией. Он представил государю мирный план прекращения схизмы, разработанный при содействии цистерцианцев Франции. Эта инициатива²⁸⁸, проявленная через несколько недель после Леньяно, вероятно, была озвучена как нельзя вовремя: она давала Штауфену возможность вступить в переговоры с Александром III, на сей раз независимо от желания неприятельских коммун, а в случае удачи позволяла лишить Ломбардскую лигу их важнейшей опоры.

Вот уже несколько лет как Фридрих смягчил свою непримиримую позицию по отношению к враждебному папе — если не в принципе, то в отдельных решениях. После смерти Виктора IV, и тем более Пасхалия III, контакты с антипапой стали незначительными, поскольку в большой политической игре того времени штауфеновский папа в конечном счете едва ли имел какой-то вес. На 29 сентября в Ломбардию пригласили Гуго, аббата Боннево, а при дворе все слышней стали голоса, призывавшие к миру с Александром III. 12 октября в Ананьи, в курию, прибыла делегация от императора. Заключение предварительного договора знаменовало окончание схизмы, начавшейся в 1159 году. Достижению соглашения²⁸⁹ во многом способствовали, во-первых, готовность обеих сторон к компромиссам в вопросе схизматических назначений епископов и, во-вторых, согласие императора вернуть владения Матильды церкви.

На конец января, а затем на 2 февраля 1177 года император приказал епископам Германии и Италии съехаться на собор в Равенну. В начале декабря он выступил из Павии. Кремона, окончательно покинувшая ряды союза городов и перешедшая на сторону государя, сумела воспользо-

ваться все еще стесненным положением Империи и принудила Штауфена к территориальным уступкам²⁹⁰. Первая половина 1177 года прошла в непростых переговорах с папскими легатами, на которых речь не в последнюю очередь шла о выборе места заседаний предстоящего мирного конгресса. С конца января Штауфен находился на Адриатическом побережье — в марте встретился там со своим имперским легатом Кристианом Майнцским. В то же время, когда шли переговоры с курией, Штауфен уделял особое внимание Средней Италии, где до сих пор с переменным успехом протекала деятельность Кристиана. Видимо, уже в то время Фридрих сделал распоряжения насчет тех местностей Средней Италии, которые после отречения Вельфа VI снова попали в руки императора. Конрад фон Урслинген стал герцогом Сполетским, Конрад фон Лютцельхардт, известный своим отчаянным характером²⁹¹, — маркграфом Анконским²⁹². Император крепко держал Адриатическое побережье; характерно то, что еще в марте 1177 года частные акты в Фано датировались правлением штауфеновского антипапы Каликста III²⁹³.

Место заседания, одобренное обеими сторонами, было выбрано лишь в апреле 1177 года, в ходе совещаний в Ферраре между представителями императора и папы. Им оказалась Венеция. Однако далеко не все проблемы нашли решение. В начале июня, во время пребывания Барбароссы в имперском аббатстве Санта-Мария-ди-Помпоза, возникли новые трудности, связанные с тем, что Александр III потребовал заключения мира с Сицилией. Фридрих вновь удалился от намеченного места заседаний и остановился в Чезене. Его повторный уход, несомненно, оказал воздействие на папу, однако и для последнего, вероятно, было не менее важно, чтобы попытка завершить церковный раскол наконец увенчалась успехом. В июле Пьетро, сын венецианского дожа Себастьяно Ццани, доставил императора на судне из Равенны в Кьоджу. В эти же дни, при помощи

искусной политики сдерживания, Штауфену удалось добиться от папы отказа от требования вернуть владения Матильды, удовлетворить которое император обещал в Ананьи. 23 июля Барбароссу — опять-таки на корабле — доставили в Сан-Николо на Лидо, а на следующий день, в воскресенье 24 июля 1177 года, на площади Сан-Марко состоялось действие, глубоко растрогавшее всех очевидцев²⁹⁴: император примирился с папой, с которым боролся восемнадцать лет. Недели мирного конгресса в Венеции, бесспорно, можно считать одной из вершин царствования Фридриха Барбароссы. Кроме мира с церковью на нем были подписаны шестилетнее перемирие с Ломбардским союзом и пятнадцатилетний мир²⁹⁵ с королем Вильгельмом II Сицилийским²⁹⁶. Поскольку восстановленное согласие между *imperium* и *sacerdotium* в конечном счете вынуждало ломбардские города считаться с новыми реалиями, перед штауфеновской политикой теперь открывались совершенно новые перспективы, хотя договор с Сицилией был заключен определенно по желанию папы. Город у лагуны Штауфен покинул только во второй половине сентября, вновь направившись в Среднюю Италию. Вскоре возникнут новые источники трений между императорской и папской политикой, но они, правда, больше не будут создавать реальных угроз для принципиального согласия.

Барбаросса вошел в конфликт с папской территориальной политикой уже тем, что отправился в замок Бертиноро, расположенный западнее Чезены, — тамошний граф Кавалькаконтте, умерший летом 1177 года и не оставивший наследников, завещал его церкви²⁹⁷. Куда более болезненно, должно быть, папа воспринял реорганизацию властных отношений, произведенную императором в марке Анкона и герцогстве Сполето: отныне в них хозяйничали чиновники Империи, Конрад фон Урслинген и Конрад фон Лютцельхардт²⁹⁸. В дальнейшем Фридрих отправился в планомерный объезд этих территорий. В декабре, следуя через

область Озимо, он добрался до Ассизи, где и провел Рождество, очевидно, в резиденции Конрада Сполетского. Раздавая привилегии, он все тесней привязывал к Империи некоторые из местных влиятельных знатных родов. Так, 3 января 1178 года в Ашано, центре владений рода Шаленги-Каччаконти, он выдал этому графскому дому грамоты²⁹⁹.

В конце января Барбароссу торжественно приняли в Пизе. Сразу после этого он, избрав трудный прибрежный путь, направился дальше в Геную. Оба приморских города признали власть Империи. Определяющую роль в этом сыграло вынесенное летом 1175 года решение императора, уладившее столь давние противоречия между пизанцами и генуэзцами³⁰⁰. Из Генуи Фридрих обратил взор на отношения в Арелате, где он многие годы откровенно соперничал с арагонским королем, распространившим свою власть на побережье Прованса. Соглашение с графами Барселонскими, заключенное в 1161–1162 годах, императору ничего не дало. Еще осенью 1170 года, во время поездки в Бургундию, он возобновил контакты со знатью, прежде оппозиционно настроенной по отношению к Империи. Так, во время осады Александрии он возвел графов Форкалькье в ранг имперских князей, тем самым снова выведя их из подчинения Барселонскому дому, вассалами которого их сделали решения 1162 года. Теперь Фридрих намеревался вмешаться в дела Арелата лично³⁰¹.

Из Генуи государь отправился в Павию, а в июне-июле вместе с двором остановился в Турине. После заключения Венецианского мира, а вместе с ним и перемирия с Ломбардской лигой, положение в Ломбардии отнюдь не стало спокойней. Ломбардцы были недовольны решительным укреплением позиций Империи. Жалобы в курию свидетельствуют о множестве сохранявшихся противоречий. Правда, поводы для жалоб имелись и у императора, и у его приверженцев: так, на причиненный им ущерб жаловались кремонцы, которым Феррара перекрыла путь по реке

По³⁰². Маркграф Вильгельм Монферратский по-прежнему открыто противостоял ломбардским городам. Для него с 1177 года события развивались крайне неблагоприятно³⁰³. Итак, предпосылки для прочного мира вряд ли можно было назвать хорошими еще до отъезда императора. Переговоры, проходившие в Турине при папском посредничестве, ни к какому соглашению не привели. Отношения сторон по-прежнему будет определять перемирие, но не мир.

В середине июля Барбаросса отправился в поездку в Бургундию, запланированную еще в начале года. Через Мон-Женевр, а затем по долине Дюранса 26 июля он добрался до Арля, где через четыре дня состоялась его торжественная коронация, демонстрирующая не только авторитет императорской власти, вновь обретенный по окончании схизмы, но и суверенитет Империи над Бургундией. В одном дипломе архиепископская церковь Арля была удостоена почетного титула «главная кафедра королевства Бургундии», который, несмотря на его присвоение церкви, характерным образом подчеркивал и значимость города Арля. Сюда, ко двору Штауфена, явились и виднейшие представители местного духовенства и знати. Не единожды за эти недели правитель заседал в суде в разных местах Южной Бургундии, демонстрируя власть Империи на крайнем юге Бургундии в незнакомой доселе форме³⁰⁴.

Из Арля Фридрих предпринял паломничество в Сен-Жиль в местности Камарг. В начале августа он продолжил свое путешествие вдоль Роны на север. На праздник Успения его супруга Беатриса, лишь недавно родившая ему младшего сына Филиппа, была коронована во Вьенне бургундской короной, *diadema Burgundiae*. В связи с этим один английский источник называет Штауфена мужем, особенно преданным жене (*vir uxorius*)³⁰⁵: характеристика Фридриха Барбароссы как человека, которую не хотелось бы обходить вниманием в эту бедную источниками эпоху, но которая, правда, в основном выдержана в очень крити-

ческом тоне. В графстве Бургундия, которого двор достиг в сентябре, император опять же посвятил себя отправлению правосудия. Власть над этой территорией, где располагались родовые имения императрицы, столько раз находившаяся под угрозой, теперь была вновь и на этот раз окончательно обеспечена. В октябре 1178 года Штауфен выехал в Эльзас, чтобы после четырехлетнего отсутствия вновь ступить на немецкую почву.

6. ОТ СТОЛКНОВЕНИЙ С ГЕНРИХОМ ЛЬВОМ ДО МАЙНЦСКОЙ ТРОИЦЫ (1178–1184)

Еще с шестидесятых годов XII века императора по возвращении из итальянского похода нередко встречали внутренние раздоры в германской области Империи, напряженная обстановка и стычки, делавшие вмешательство верховной власти настоятельно необходимым. Повышенного внимания и длительных усилий со стороны государя неизбежно требовали, особенно с 1168 года, столкновения Генриха Льва с враждебными ему князьями. Правда, в то время, вследствие кризиса после катастрофы под Римом, Штауфен особо нуждался в поддержке самых могущественных имперских князей. Отношения со Львом были пока что исключительно хорошими.

Однако осенью 1174 года, по прибытии Барбароссы из итальянского похода, положение в корне изменилось. Несомненно, охлаждению в отношениях, прежде столь тесных, способствовал отказ Генриха Льва помочь государю войсками во время сражений с городами Верхней Италии — иными словами, тот самый безуспешный исход встречи в Кьявенне в январе 1176 года. Фридрих не мог объяснять свою военную неудачу в борьбе с Ломбардской лигой иначе, чем отсутствием поддержки со стороны вельфского герцога. Уже на переговорах с курией Штауфен заключил с папой соглашения, в соответствии с которыми предстояло сместить епископов-схизматиков, бывших в то же время приверженцами Вельфа: Герона Хальберштадтского и Бал-

дуина Гамбург-Бременского. Для Генриха Льва это было тяжелым ударом. Его традиционные противники из числа князей получили решающий стимул к действиям, и враги Вельфа в Саксонии начали собирать свои силы³⁰⁶. Ульрих Хальберштадтский, восстановленный по условиям Венецианского мира на своей исконной епископской кафедре, уже осенью 1177 года вступил в открытый конфликт с герцогом и отлучил его от церкви. В то же время в Вестфалии оживились антивельфские силы, возглавленные архиепископом Филиппом Кёльнским по возвращении в Германию весной 1178 года. Летом этот иерарх заключил союз против Льва с хальберштадтским епископом.

Так обстояли дела осенью 1178 года, когда Барбаросса вновь появился в Германии. В ноябре на хофтаг в Шпайере прибыл герцог Генрих с жалобами на своих противников. В ответ на это Филипп Кёльнский, присутствовавший на хофтаге, выдвинул тяжкие обвинения против него самого. Однако император не выказал готовности безоговорочно вступить за интересы двоюродного брата, как было десять лет назад. Он пригласил участников тяжбы на новое собрание, которое должно было состояться в январе следующего года в Вормсе. Вслед за этим, в последние недели 1178 года, отношения между государем и герцогом Генрихом подверглись еще одному испытанию. Дядя Фридриха и Генриха со стороны Вельфов, герцог Вельф VI, постоянно нуждающийся в деньгах из-за своего расточительного образа жизни, вероятно, еще в 1175 году вступил в переговоры с Генрихом Львом, намереваясь передать тому наследство Вельфов в южной Швабии за соответствующую финансовую компенсацию. Несмотря на принципиальную договоренность, Генрих Лев так и не смог выплатить условленной суммы³⁰⁷. На этот раз император, в 1173–1174 годах сумевший добиться от Вельфа VI возвращения итальянских имперских ленов за денежный выкуп, обратился к своему дяде; в декабре 1178

года в Ульме ему удалось привести переговоры к успешному завершению.

На Вормсском рейхстаге, состоявшемся в январе 1179 года, Вельф, согласно договоренности, передал свои наследные владения племяннику-императору, который пожаловал его другими имперскими ленами, тем самым обеспечив своему дому право на получение этого богатого наследства³⁰⁸. Генрих Лев, вызванный в Вормс для рассмотрения выдвинутых в Шпайере жалоб, понял, что события развиваются вразрез с его интересами, и предпочел не показываться на глаза императору, тем самым, правда, окончательно превратившись из истца в ответчика. Начался процесс против Вельфа — в ближайшие годы это будет важнейшим событием для всей Империи. Обычно его разделяют на два дела — согласно земельному праву и ленному праву, но, похоже, это разделение больше отражает изощренность исследователей в юриспруденции, чем жизненные реальности³⁰⁹.

В Вормсе, видимо, в присутствии других князей (лиц одного с Генрихом сословия) и представителей Швабии (с учетом его швабского происхождения) герцогу пригрозили опалой, но, правда, пока не объявили ее. Таким образом, ситуация осталась неразрешенной, но двери для соглашения еще не захлопнули окончательно. В самом деле, то, насколько император был занят тогда вопросами правопорядка, показывает провозглашение в феврале 1179 года в Вайсенбурге «Рейнско-Франконского земского мира»³¹⁰. С отнесенностью его к отдельной части Империи контрастирует наличие в нем положений, рассчитанных явно на более широкое предназначение, включая и положения о процедуре объявления опалы. Правда, вельфский герцог отнюдь не проявлял готовности к уступкам. В Швабии он составил заговор против императора, в котором участвовали несколько дворян, в том числе отпрыски графских родов Цоллернов и Верингенов. Сам император лично напра-

вился в Констанц на Троицу 1179 года (20 мая), чтобы подавить беспорядки в зародыше.

В конце июня в Магдебурге состоялся следующий хофтаг по делу Генриха Льва. Вельф снова не явился, и отныне его предупредили об опале. Старый противник Вельфа маркграф Дитрих Лаузицкий выдвинул против герцога тяжкое обвинение в государственной измене. Он вызвал Генриха на судебный поединок, от чего тот отказался, в то же время попросив Штауфена уделить ему время для беседы. В ходе этого разговора в Хальденслебене (или близ этого города) за возврат своей милости Фридрих запросил гигантскую сумму в 5000 марок серебром, так что не очень похоже, чтобы он все еще по-настоящему желал примирения. В законную силу вступило лишь предупреждение об опале, за которым через год и день могла последовать окончательная опала, не допускающая более никаких соглашений. Следовательно, возможности для компромисса еще были, однако уже эта предварительная опала наносила серьезный удар по могущественному герцогу.

Фридрих прибегнул к средству, обусловленному ленным правом, поскольку упорное нежелание Вельфа являться ко двору было еще и заведомым нарушением вассального долга. О временной последовательности трех вызовов в суд, направленных Вельфу согласно правовым нормам, источники не дают ясного представления, но все же не приходится сомневаться в том, что обычные правовые формальности были строго соблюдены. Ленно-правовой процесс был возбужден самое позднее во время собрания, состоявшегося в августе 1179 года в Кайне, в Саксонии. Там же было объявлено о походе князей против Вельфа — шаг, к которому еще ни разу не прибегали в царствование Барбароссы в германской области Империи.

Одной из целей очередного приезда императора в южную Швабию в конце лета была насущная потребность укрепить там свою власть. В ходе хофтага в Аугсбурге

были выданы грамоты для Зальцбургского архиепископства, с 1177 года подчиненного бывшему майнцскому архиепископу Конраду фон Виттельсбаху, а также для викарного Бриксенского епископства³¹¹. Помимо этого Фридрих сумел перетянуть на свою сторону и других швабских сторонников вельфского герцога. Новые сведения о Штауфене появляются лишь через три месяца: в декабре 1179 года он находится вместе с двором в Ульме. Знаменательно долгое молчание источников не в последнюю очередь свидетельствует о том, что положение в Империи было крайне напряженным. Вероятно, троекратный вызов Вельфа на императорский суд следует отнести именно к этим месяцам. Наконец, в январе 1180 года в Вюрцбурге собрался большой рейхстаг, на котором был завершен процесс против Генриха Льва, начатый летом прошлого года. За оскорбление величества, выразившееся в неявке ко двору, герцога лишили имперских ленов, в частности, обоих герцогств — Саксонии и Баварии, переданных в распоряжение императора.

Со времени встречи с Барбароссой, состоявшейся летом 1179 года, военным действиям Генриха Льва в Саксонии сопутствовала необыкновенная удача³¹². В сентябре бои велись в районе Хальберштадта, сгоревшего 23 сентября. Седой епископ Ульрих, один из самых ожесточенных противников Вельфа, попал в плен. Только на рубеже 1179 и 1180 годов он, сняв с герцога церковное отлучение и передав Генриху Льву хальберштадтский лен, был освобожден, но через несколько месяцев умер. В столкновениях с Вихманом Магдебургским Генрих тоже успешно добился своего. По окончании Вюрцбургского рейхстага в Саксонии было заключено перемирие до воскресенья после Пасхи, 27 апреля 1180 года.

Однако принятое в Вюрцбурге решение означало, что жребий брошен. Ожиданию момента вступления силу высшей опалы — через год после предупреждения об опале,

сделанного в Магдебурге в июне 1179 года, — придавали скорее формально-юридическое значение. Самыми неотложными проблемами были, во-первых, подготовка к предстоящей военной конфронтации с силами Вельфа и, во-вторых, политическое переустройство Империи, распределение обоих герцогств Генриха Льва. В начале апреля в Гельнхаузене было принято решение относительно Саксонии — ведь настоящим центром власти Вельфа являлось именно северное герцогство. Именно там с давних пор происходили основные столкновения герцога с враждебными ему князьями. В Саксонии он занимал положение, равное королевскому (причем долгое время с согласия императора). Что касается герцогства Бавария, его нельзя было назвать «придатком» вельфской державы, однако уже со времен возвышения Австрии в ранг герцогства здесь сложились менее благоприятные условия. К тому же сам император вновь и вновь настойчиво демонстрировал в этих землях свое влияние — в том числе и во время частых визитов в Регенсбург³¹³.

На основании знаменитой Гельнхаузенской грамоты, одного из самых известных и значительных документов конституционной истории раннего средневековья³¹⁴, 13 апреля 1180 года Саксонское герцогство, отныне разделенное на Вестфалию и Энгерн, приобрело новых владельцев. Восточная часть, Энгерн, очевидно, была передана Бернхарду из рода Асканиев еще раньше. Западную часть, Вестфалию, отныне получал во владение архиепископ Филипп Кёльнский. Кёльнская церковь, имевшая герцогские права в землях на левом берегу Рейна еще со времен Конрада III, тем самым стала обладательницей двойной герцогской власти. Император стремился не допустить появления в будущем нового могущественного герцогства на севере Империи. Раздробление Саксонии, передача Восточной Саксонии Бернхарду, но не его старшему брату, маркграфу Отто Бранденбургскому, переход Саксонского

пфальцграфства во владение племянника императора, ландграфа Людвига III Тюрингского, — все это было рассчитано на создание сравнительно мелких, легче контролируемых владельческих комплексов. Помимо этого, в Гельнхаузене император провел инвестицию нового архиепископа Бременского — Зигфрида из рода Асканиев, наконец добившегося должности, к которой его не допустили в 1169 году³¹⁵.

Низложение могущественного вельфского герцога привлекло всеобщее внимание далеко за пределами Империи. Герцог мог рассчитывать на поддержку прежде всего со стороны Англии, ведь благодаря заключенному в 1168 году браку с Матильдой он стал зятем короля Генриха II. Кроме того, родственные узы соединяли его и с двором датского короля: дочь Льва от первого брака Гертруда, в 1166 году вступившая в брачный союз с двоюродным братом императора герцогом Фридрихом фон Ротенбургом, после смерти в 1167 году первого мужа где-то в начале 1170-х годов вышла за наследника датского престола Кнуда³¹⁶. Тем не менее угроза для Империи была не слишком велика: начать враждебные действия этим иностранным державам мешали как их внутренние проблемы, так и чрезвычайно сильная даже в этот критический период позиция Штауфена. Правда, Генрих II Английский, похоже, попытался воздействовать в пользу своего зятя на нового французского короля Филиппа II Августа, а также на графа Филиппа Фландрского, державшего лены как от императора, так и от французского и английского королей, но уже в мае 1180 года к императорскому двору в Зинциге прибыли французские посланцы, заверившие Фридриха в том, что они не хотят поднимать оружие против Империи ради Генриха Льва³¹⁷.

В Гельнхаузене 25 июля 1180 года был провозглашен поход против Вельфа. Еще весной герцог сумел дополнительно укрепить свои военные позиции³¹⁸. Окрестности Гослара, то есть Кёнигсланд, в мае подверглись опустоше-

нию; чуть позже под Вайсензее, севернее Эрфурта, Генрих одержал победу над тюрингским ландграфом, которого вместе с его братом подверг заключению в Брауншвейге. Если обратить внимание на последовательность военных операций Вельфа начиная с предыдущего года, становится понятно, что он, видимо, был вполне уверен в предстоящей конфронтации с императором. В июне Барбаросса направился в Регенсбург, где — через год после магдебургского предупреждения об опале — Генриху объявили высшую опалу. Судебный процесс и на этот раз был завершен со всеми формальностями. Отныне события должны были разворачиваться на политической сцене, и в ход должно было пойти оружие. Время торопило. Возможно, поэтому проведенные в Регенсбурге переговоры о новой передаче Баварии поначалу не дали никакого результата.

Из Регенсбурга в Саксонию Фридрих направился только в середине июля. После 25 июля — даты, когда должен был начаться поход, — войска Империи вступили в южную Саксонию, где императорской власти удалось подчинить Гарц. Вполне намеренно Барбаросса сосредоточил свои операции в том районе, где в прошлом году с заметным успехом действовал Генрих. На хофтаге в старом саксонском пфальце в Верле сторонникам Вельфа было назначено три срока (8 и 29 сентября, а также 11 ноября) для перехода на сторону императора. В результате начался настоящий массовый отток из лагеря Генриха Льва, охвативший не только министерялов и вассалов, но и ленную знать. Роковым оказался также уход графа Адольфа III Голштинского — с этого момента позиции Вельфа в северной Саксонии, доселе прочнейшие, стали ослабевать. За Генриха отныне по-прежнему стояла лишь большая часть его министерялитета, а также бюргерство давно поддерживаемых им городов, прежде всего Брауншвейга, Люнебурга и Любека. Но все-таки у государя не хватало сил, чтобы исполнить свой приговор до конца даже в этой экспеди-

ции. Добиться подчинения низложенного герцога пока было невозможно. Правда, в то время Фридрих входил в положение князей, не добиваясь их поддержки во что бы то ни стало и не требуя слишком продолжительной службы.

Уже в сентябре Штауфен распустил большую часть войска и поехал в Альтенбург. Там в середине месяца была достигнута договоренность о судьбе герцогства Бавария, которую, как и Саксонию, разделили. Исконные баварские земли Штауфен передал многократно испытанному с начала царствования пфальцграфу Отто фон Виттельсбаху³¹⁹. Штирия, на которую власть баварского герцога уже давно почти не распространялась, была отделена от Баварии, сделана самостоятельным герцогством и отдана ее маркграфу Отакару, отныне тоже герцогу³²⁰. Графы фон Андекс после расторжения их прежней ленной зависимости от маркграфов Истрийских (с 1173 года) также были возведены в ранг имперских князей, число которых теперь заметно увеличилось, и носили отныне титул герцогов Мерании, Кроации и Далмации³²¹. Генрих Лев, правда, по-прежнему не намеревался идти на уступки. Он отошел в Нордальбингию, где сумел обеспечить свое господство. Поздней осенью на юге Саксонии союзники окончательно покинули Вельфа. Рождество Барбаросса отпраздновал в Эрфурте, чтобы разрядить непростую обстановку в этой области, сложившуюся с начала лета в результате пленения ландграфа Тюрингского.

В первой половине нового года государь направился в юго-западную часть Империи, в южную Швабию, где с 1180 года условия для его власти сложились по-новому и исключительно благоприятно. После предпринятого в 1180 году графом Рудольфом фон Пфуллендорфом паломничества, из которого ему не суждено было вернуться, императору по давней договоренности досталось наследство Пфуллендорфов, в частности, должность фогта Санкт-Галленского монастыря, а также владения этого дома в северных

окрестностях Боденского озера³²². В руки Штауфена из-под власти Генриха Льва перешла также важная должность фогта островного монастыря Райхенау, так что территориальная политика в южной Швабии, энергично проводившаяся с 1168 года, отныне начала приносить хорошие плоды³²³. При этом уже в семидесятые годы император сумел институционализировать основы своей власти, очевидно, принимая за образец имперскую администрацию к югу от Альп: в 1173–1178 годах в королевские владения Швабии был назначен собственный прокуратор — Дегенхард фон Хелленштайн³²⁴. В то же время приблизительно с 1180 года императрица, выдавая собственные грамоты, все больше выступала в Северной Бургундии в роли властительницы³²⁵, в результате чего на юго-западе германской части Империи сложился чрезвычайно цельный блок штауфеновской власти, включавший в себя Бургундию³²⁶. При этом большое значение имело то обстоятельство, что после назначения Рудольфа фон Церингена епископом Льежским в конце шестидесятих годов Церингены приобрели новую область интересов в долине Мааса³²⁷ и пребывали в согласии с государем. Поэтому в распоряжении императора оказался также ряд важных альпийских перевалов, что с давних пор составляло важную предпосылку для проведения успешной итальянской политики.

Троицу (24 мая) Фридрих отпраздновал еще в замке на горе Гогенштауфен, в наследных землях своего рода. Отсюда он снова отправился в Саксонию, чтобы вернуться к военным операциям против Генриха Льва и окончательно поставить его на колени. Вследствие прошлогоднего успеха, а также отступления Вельфа в область Нордальбингии император на сей раз должен был сосредоточить свои силы на борьбе в северных землях Саксонии. Архиепископ Филипп Кёльнский разбил хорошо укрепленный лагерь под Брауншвейгом, а герцог Бернхард — под Бардовиком, так что государь с основными силами войска мог продвинуть-

ся к Нордальбингии. В то время как Генрих Лев отступил к Штаде, Штауфен появился под Любеком, до сих пор сохранявшим неизменную верность Вельфу. Там в лагерь императора прибыли князь Померании Богуслав³²⁸, вскоре сделанный герцогом, и князь ободритов Никлот из Верле со своими войсками. Но прежде всего на сторону Штауфена встал король Вальдемар Датский, сын которого был женат на дочери Льва. С датчанином, который с 1162 года был ленником Империи, Фридрих заключил союз, скрепленный помолвкой герцога Фридриха Швабского с дочерью Вальдемара³²⁹. Тем самым Штауфен заполнил вакуум власти, возникший в результате низложения его двоюродного брата, и на крайнем севере Империи. Реорганизация властных отношений в Саксонии даст полную возможность для непосредственного вмешательства имперской администрации в ее дела.

Город Любек не мог противостоять превосходящим военным силам, стянутым к его стенам. После того как горожане с дозволения императора посоветовались с Генрихом Львом, они сдались. Так пал последний бастион вельфской власти³³⁰. Фридрих позволил двоюродному брату, который в то время многократно и тщетно добивался беседы с ним, отойти в Люнебург, но настаивал на требовании изъявить покорность, и Вельфу уже ничего не оставалось, кроме как подчиниться. На хофтаге в Кведлинбурге в начале осени 1181 года разрешить противоречия не удалось из-за столкновений Генриха Льва с герцогом Бернхардом Саксонским. Вельф изъявил покорность государю лишь в середине ноября, на эрфуртском хофтаге, появившись при дворе в сопровождении Вихмана Магдебургского. Генриху Льву были оставлены лишь наследные владения его дома в Люнебурге и Брауншвейге. Во исполнение обычной и высшей опалы он был присужден к изгнанию, сопряженному с обязательством совершить паломничество в Сантьяго-де-Компостела, в которое ему следовало отправиться в день

святого Иакова (25 июля) следующего года. Сообщение Арнольда Любекского об изгнании Генриха Льва якобы на трехлетний срок в новейшей историографии³³¹ поставлено под сомнение. Как представляется, император, используя прием, крайне характерный для его дипломатического таланта, все же оставил покорившемуся двоюродному брату надежду на возвращение его прежних прав, хотя и в очень ограниченном объеме. Таким образом он мог приобрести важный инструмент для управления ситуацией при столь многообразной и сложной расстановке сил. В соответствии с договоренностью Генрих год спустя отправился в горький путь изгнания — после паломничества к испанскому святилищу Иакова он найдет приют при дворе своего английского тестя.

Подчинив Генриха, Фридрих весьма успешно справился с величайшей напряженностью, годами царившей в Империи. В союзе с князьями ему удалось устранить самую значительную из сил, враждебных его власти. Одновременно он смог предпринять обширную реорганизацию Империи, в ходе которой обеспечил себе новые зоны влияния на севере, а также контроль над заново разделенными герцогствами. Еще в Эрфурте лены были дарованы как несовершеннолетнему Фридриху, сыну герцога Леопольда V Австрийского, так и несовершеннолетнему Ульриху II, сыну скончавшегося герцога Германа Каринтийского, благодаря чему на юго-востоке Империи появились соответствующие гарантии спокойствия³³².

Повышенного внимания в следующие годы потребовало положение в германско-французской пограничной зоне³³³. Король Филипп II Август, в 1180 году наследовавший своему отцу Людовику VII, не сошелся мнениями в территориально-политическом вопросе с графом Филиппом Фландрским, на племяннице которого Изабелле де Эно он женился по настоянию последнего. Фламандец, на Рождество 1165 года получивший от императора в лен графство Камбре

и с тех пор связанный с императрицей дружественным союзом, оказал Штауфену вооруженную поддержку в Италии: он сражался в 1176 году при Леньяно и даже попал в плен к миланцам. В конце 1181 года он обратился к императору с просьбой о помощи, и тот повелел направить Капетингу грозное послание. Вопрос о том, насколько серьезно Барбаросса готовился к вооруженной интервенции в поддержку своего ленника, остается открытым (особенно если учитывать последующие события), но его слова, должно быть, оказали свое воздействие. Создавшееся напряженное положение было чревато новыми проблемами — прежде всего потому, что графу удалось вовлечь в осуществление своих планов юного короля Генриха VI, принимавшего теперь заметное участие в жизни Империи. Поначалу, правда, весной 1182 года между Капетингом и фламандцем был заключен мир при посредничестве англичан.

Достигнув после триумфа над Генрихом Львом новой вершины своего царствования, Фридрих мог снова уделить пристальное внимание итальянской ситуации. В 1179 году в Констанце он выдал диплом монахам из Сант-Амброжо в Милане, сохранявшим верность Империи даже во время схизмы: следуя их просьбе, он укрепил господствующие позиции аббатства в его отношениях с городом³³⁴. Теперь, весной 1182 года, он предоставил аналогичную привилегию капитулу Веронского собора. Таким образом, император пытался усилить свои позиции в итальянских городах, покровительствуя духовенству³³⁵. Если к тому же обратиться внимание на решения Латеранского собора 1179 года, направленные против властных устремлений городов, создается впечатление, что Штауфен совершенно верно почувствовал веяния времени — все более проблематичное отношение церкви к городскому миру³³⁶ — и воспользовался этим в своих интересах. Ведь перемирие с Ломбардской лигой, заключенное в 1177 году, так и не перешло в окончательный мир.

В Средней Италии и после 1177 года представительство интересов Империи вменялось в обязанность опытному имперскому легату Кристиану Майнцскому. Во время возвращения Александра III в Рим, в 1178 году, легат вступил в конфликт с маркграфом Конрадом Монферратским³³⁷. Причины охлаждения в отношениях с этим знатным домом, до сих пор неизменно остававшихся самыми добрыми, многообразны. Самое позднее в 1177 году Конрад был вынужден отказаться от должности имперского легата, которую с начала шестидесятых годов он исполнял в своем тосканском патримонии. Имперская политика тех лет игнорировала территориально-политические интересы рода³³⁸. Поначалу Кристиану Майнцскому удалось взять верх над Конрадом, которому на пользу сыграло сопротивление антипапы Каликста III своему смещению, но в сентябре 1179 года под Камерино он стал пленником маркграфа. Дом Монферратов тогда подпал под влияние византийской дипломатии. В феврале 1180 года Райнер Монферратский женился на Марии, дочери императора Мануила. Кристиан смог вновь обрести свободу в конце 1180 года, согласившись на унижительные условия, включавшие не только выплату больших денежных сумм, но и утрату важных позиций Империи. Он по-прежнему оставался в Италии и в августе 1183 года умер в Тускуле. Все эти события сказались на позициях императора в Средней Италии — правда, их последствия остались ограниченными благодаря его прочной власти над герцогством Сполето и маркой Анкона.

Весной 1182 года Барбаросса направился на Рейн, где, по выражению одного вормесского источника, после триумфа над Генрихом Львом были водружены победные штандарты (*victrices aquilas*)³³⁹. С Пасхи до Троицы (с 28 марта до 16 мая) он находился в Майнце, в городе, который он не посещал после приговора 1163 года, в резиденции архиепископа Кристиана, с давних пор пребывавшего в Италии в качестве имперского легата. Здесь при дворе

появился граф Филипп Фландрский, с недавних пор вновь примирившийся с французским королем. Граф пожелал заключить с императором договор о наследовании. Несмотря на то что перспективы получения наследства, обусловленного договором, у Генриха VI были ничтожны (учитывая то, что у графа в Эно имелась многочисленная родня), Фридрих все же согласился на этот союз. Тем самым он приобрел действенный инструмент для влияния на соседнее Французское королевство³⁴⁰.

Вероятно, император покинул рейнские земли только летом, намереваясь проследовать через Нюрнберг в Регенсбург. Этот традиционный центр герцогства Баварского все прочнее подпадал под непосредственную власть Империи. В последние десятилетия царствования Барбароссы повсеместно все большее значение приобретала активная политика в отношении городов на германских землях Империи³⁴¹. В городе на Дунае ко двору явился князь Фридрих (Бедржих) Богемский, который, вопреки предписаниям Штауфена осенью 1173 года, смог утвердиться как правитель в своей стране, но теперь искал поддержки Империи из-за внутренних распрей с маркграфом Конрадом Отой Моравским. Барбаросса воспользовался ситуацией: признав Богемию за Фридрихом (Бедржихом), он в то же время подчинил маркграфство Моравское непосредственно Империи³⁴². Испытанный принцип управления — «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»)³⁴³, применение которого столь явственно обнаруживается еще в борьбе с городами во время пятого итальянского похода, — был использован и в этом случае. Вероятно, тогда же император возвел графов Ронсберга, фогтов Оттобойрена, в ранг маркграфов в качестве вознаграждения за переход из лагеря Вельфа в его лагерь³⁴⁴. Эта мера очень точно отражает тогдашние принципы штауфеновской политики.

В конце года новые беспорядки призвали императора в Саксонию — Рождество он отпраздновал в Мерзебурге. Штауфен, которому исполнилось уже шестьдесят лет, про-

являл удивительную активность, совершая дальние поездки, чтобы посетить проблемные зоны Империи. Широкому укреплению его власти и общепризнанному авторитету имперской администрации сопутствовало, конечно, все более эффективное исполнение его приказов. Как и в первые годы царствования, столь благоприятная ситуация в Германии сразу же развязала ему руки, и он мог снова обратиться к проблемам королевства Италии. Ситуацию в нем все еще определяло перемирие с городами Лиги, заключенное в 1177 году в Венеции. Непроясненным прежде всего оставалось отношение Империи с городом Алессандрией, который тщетно пытались покорить с осени 1174 года. В марте 1183 года при дворе Штауфена в Нюрнберге появились представители этого города вместе с делегатами Казале Монферрато, Кремоны, Комо, Павии и Брешиа. Такой состав делегации городов, видимо, можно объяснить тем, что до их приезда в Италии состоялись переговоры между коммунами, стоящими на стороне Империи, и некоторыми городами Лиги; они были направлены на то, чтобы подготовить урегулирование взаимоотношений. Дипломом от 14 марта Фридрих оказал Алессандрии свою милость; при этом было условлено, что формально город основывается заново. «Новому» городу демонстративно дали название *Чезария* («город императора») ³⁴⁵.

Для государя этот акт был исключительно успешным — ведь тем самым Фридрих не только перетянул на свою сторону еще один город из рядов Лиги, но и обеспечил себе исключительно выгодную позицию в переговорах с союзом городов, начавшихся уже в конце апреля 1183 года. Действительно, в 1183 году их необходимо было начать — в силу истечения срока шестилетнего перемирия, заключенного в 1177 году. Переговоры, проведенные в Пьяченце, оказались успешными. В июне представители городов Лиги появились в Констанце, где был заключен мир с верхнеитальянскими коммунами, названный по этому городу

на Боденском озере. Хотя император отказался здесь от многочисленных претензий Империи к городам, признав за ними суверенитет, против которого столь долго боролся, заключение этого мира позволило интегрировать бюргерство в организм Империи в качестве необходимого составного элемента. Помимо этого, штауфеновская финансовая политика приобрела прочный фундамент — благодаря договоренности о ежегодном регальном чинше³⁴⁶.

Еще находясь в Констанце, император вновь активизировал сравнительно скупые после 1177–1178 годов контакты с курией³⁴⁷. Уже в 1182 году он отправил легатов к папе Луцию III, год назад сменившему Александра III. Они привезли предложение об урегулировании спорных имущественных отношений, связанных с владениями Матильды: папе и кардиналам за уступку Империи прав на эти владения было обещано выплачивать отныне десятую часть имперских доходов, получаемых из Италии. В Констанце в качестве папских посланников появились Иоанн, кардинал-священник церкви Святого Марка, и Петр, епископ Луни, связанный со Штауфеном дружескими отношениями³⁴⁸. Им Фридрих повторил свое прошлогоднее предложение. В императорском послании³⁴⁹ Люцию III было предложено обсудить имеющиеся проблемы при личной встрече, назначенной на 29 июня следующего года на озере Гарда. Таким образом, сразу после заключения мира с ломбардцами император выразил желание еще раз поехать в Италию, чтобы действовать в роли общепризнанного государя в совершенно изменившейся ситуации. Правда, отношения с курией вскоре испортились вновь, в том числе и из-за вмешательства Штауфена в епископские выборы в Трире в конце мая 1183 года, на которых были избраны два кандидата³⁵⁰. Еще в Констанце Фридрих дал инвеституру пробсту собора Рудольфу фон Виду, а против проигравшего кандидата, архидиакона Фольмара фон Кардена, в силу его неуступчивости, были приняты соответствующие меры.

Относительно второй половины 1183 года источники дают чрезвычайно скудные сведения, поэтому можно предположить, что император, уже вошедший в преклонный возраст, сделал перерыв в своей столь активной и разнообразной деятельности. В это время неблагоприятно складывались отношения с Данией³⁵¹, поскольку наследовавший в 1182 год своему отцу король Кнут VI, чья сестра была отправлена в Германию в качестве невесты Фридриха Швабского, упорно отказывался приносить императору присягу на верность. В начале 1184 года на Троицу (20 мая), после длительного пребывания императора в Эльзасе, в долине Рейна перед воротами города Майнца состоялся, пожалуй, самый блестящий рейхстаг за все время царствования Штауфена. После смерти Кристиана, постигшей его в прошлом году в Италии, архиепископство Майнцское перешло к Конраду фон Виттельсбаху. Таким образом, бурную жизнь, приведшую Конрада из курии Александра III в Зальцбургское архиепископство (в 1177 году), ему все же предстояло закончить в своем исконном (еще с 1161 года) епископстве.

Число магнатов, стекшихся на эту «Майнцскую Троицу»³⁵² не только из Империи, но и со всех концов света, было неисчислимым. Поскольку в Майнце невозможно было разместить такие массы людей, предварительно был возведен праздничный городок из деревянных построек. На Троицын день Фридрих, его супруга и их сын-король на время торжественной процессии надели короны. Меч перед ними нес Балдуин, граф Эно, который искал и нашел у государя поддержку своих притязаний на наследство графа Намюра и Люксембурга. На следующий день состоялся ритуал опоясывания мечом обоих старших сыновей императора — короля Генриха VI и герцога Филиппа Швабского. Прославленные поэты того времени представили в рамках праздника свои произведения, о чем мы узнаем из экскурса о Майнцском придворном празднестве в «Романе об Энее»

Генриха фон Фельдеке. Дополнили эту пеструю и красочную картину праздника жонглеры и шпильманы.

При дворе тогда появился и Генрих Лев, вот уже два года живущий в английском изгнании³⁵³: вероятно, по договоренности с графом Филиппом Фландрским, отныне противником Франции, он доставил английское предложение о союзе. Английский король уже и в прежние годы пытался ходатайствовать за своего зятя перед императором. Правда, большие расходы на содержание двора Вельфа вызывали в Англии все более резкую критику, поэтому Плантагенет был крайне заинтересован в возвращении Льва в Германию. Хотя Вельф поначалу не снискал милости в глазах двоюродного брата-Штауфена, впоследствии тот подхватил английскую инициативу. Перемены в крайне сложном соотношении сил на западной границе Империи, где были задействованы интересы английского и французского королей, графов Фландрии, Намюра и Эно, льежского епископа Рудольфа фон Церингена, а вскоре еще и наследника престола, а также Филиппа Кёльнского, привели к ощутимому охлаждению в столь теплых прежде отношениях между имперской властью и кёльнским митрополитом³⁵⁴. Эти противоречия впервые дали о себе знать уже в Майнце: лишь вмешательство Генриха VI удержало архиепископа Филиппа, раздраженного ссорой с аббатом Фульды по поводу рангов, от того, чтобы покинуть двор прежде времени³⁵⁵. Майнцское празднество, начавшееся столь блестяще, завершилось во вторник после Троицы несчастьем: деревянный городок разнес ураган, вызвавший многочисленные жертвы.

Наследник престола теперь участвовал в жизни Империи более самостоятельно, чем раньше. В начале лета 1184 года он по поручению отца отправился в Польшу. Четыре года назад великий князь Мешко обратился к императору с просьбой — вернуть его обратно в свои земли в обмен на десять тысяч марок серебром. В годы борьбы с Генрихом

Львом у Фридриха не было возможности лично заниматься этим. Видимо, по его поручению князь Богислав Поморский в 1181 году вернул Мешко в Гнезно. Правда, помощи померанца, который в последующие годы попадет в зависимость от Дании, оказалось недостаточно. Генрих VI повел себя крайне прагматично и довольствовался клятвой верности, принесенной враждебным Мешко великим князем Казимиром, сумев в достаточной мере соблюсти интересы Империи³⁵⁶. В этом случае молодой король явно вел себя в духе отца, но его вмешательство во фламандско-французские конфликты на стороне Филиппа Фландрского повлекло за собой изрядные проблемы. Осенью 1185 года отец категорически запретил ему военную интервенцию³⁵⁷.

Сам Барбаросса по завершении Майнцкого праздника уже летом 1184 года возобновил обширную дипломатическую активность. В это время его посланцы отправились ко двору Вильгельма II Сицилийского, которому император — возможно, в ответ на инициативу со стороны норманна — предложил матримониальный союз. Подобные переговоры о заключении брака уже велись в 1173 году: тогда сам Вильгельм намеревался жениться на штауфеновской принцессе³⁵⁸. После этого, в начале 1177 года, норманн вступил в брак с Иоанной Английской, но их союз до сих пор оставался бездетным. Вопрос о том, не сыграло ли решающую роль для начала переговоров отсутствие при сицилийском дворе наследника, не решен однозначно, однако соглашение это так или иначе сулило обеим сторонам большие выгоды. Общие интересы Штауфена и норманнов были обусловлены их противоречиями с Византийской империей, король искал также поддержки против зарождающейся оппозиции внутри собственной страны. Переговоры действительно привели к успеху — 29 октября 1184 года в Аугсбурге уже можно было оповестить о помолвке тетки норманнского монарха Констанции с Генрихом VI³⁵⁹.

Летом этого же года Филипп Кёльнский и граф Филипп Фландрский отправились в паломничество в Кентербери, к могиле канонизированного в 1173 году Томаса Бекета. С этим путешествием, правда, была сопряжена и чрезвычайно важная дипломатическая миссия³⁶⁰. Император отнюдь не забыл о союзе с Англией, предложенном ему в Майнце Генрихом Львом, но явно не хотел позволять Вельфу играть сколько-нибудь значительную роль в контактах с двором Плантагенета. Видимо, еще в конце августа была достигнута договоренность о браке Ричарда Львиное Сердце с дочерью императора³⁶¹. Поначалу Штауфен не имел сведений о дальнейших событиях: как раз на эти дни пришлось выступление в шестой и последний итальянский поход. Впервые за все годы царствования он мог отправиться на юг как мирный князь, без войска. В начале сентября он выступил из Регенсбурга и направился к традиционному перевалу Бреннер, дорога через который с 1178 года была свободна для Империи благодаря привилегиям, выданным в 1179 году Бриксену и в 1182 году Триенту (Тренто), но главным образом благодаря Констанцскому миру с Ломбардской лигой. Барбаросса двинулся в Италию.

7. ПОСЛЕДНИЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОХОД ШТАУФЕНА (1184–1186)

Непосредственным поводом для поездки государя на юг стала, без сомнения, согласованная еще в 1183 году встреча с папой Люцием III на озере Гарда. Правда, ее первоначально намеченная дата, 29 июня 1184 года, была уже просрочена. Через направленного к императору папского посланника, епископа Сикарда Кремонского, были заново оговорены время и место свидания, а именно Верона. В первую очередь встреча с папой должна была послужить урегулированию обоюдных властных притязаний. Планировалось также достичь договоренности о возведении королевского сына в соправители Империи, чего желал государь и с чем Люций поначалу в принципе был вполне согласен³⁶². Впрочем, Фридрих, несомненно, помимо этого вел речь и о реорганизации своего господства над столь долго враждебными ему городами и, тем самым, о превращении Констанцкого мира в политическую реальность³⁶³.

Таким образом, в бросающемся в глаза, подчеркнута демонстративном посещении города Милана, куда император прибыл уже 19 сентября 1184 года, можно ясно увидеть подчеркивание урегулированных и просто хороших отношений Империи с миром коммун. Причем таким визитом именно в Милан был отмечен многолетний центр враждебных сил, а начиная с семидесятых годов также и истинное сердце Ломбардской лиги, и в этом нашли свое отчетливое выражение новые условия, сложившиеся в Верхней Италии. Впрочем, Фридрих мог направить свой путь в «лом-

бардскую метрополию» еще и для того, чтобы от английских послов³⁶⁴, поехавших по совету Филиппа Кёльнского из Кёльна к курии в Верону, получить информацию об исходе переговоров о заключении союза с Плантагенетами, которые только что прошли в Англии³⁶⁵.

Только после посещения Павии и Кремоны, в середине октября, Фридрих появился в Вероне, где Люций III пребывал уже с 22 июля. Впоследствии направление переговоров с папой³⁶⁶ изменилось под воздействием ряда старых и новых проблем. Было достигнуто согласие о необходимости чрезвычайно резкого и радикального образа действий против все интенсивнее выступавших повсюду еретических сил. В ответ на просьбу папы оказать помощь Святой земле, которой серьезно угрожала экспансионистская политика султана Саладина, Штауфен обещал после своего возвращения в Германию начать об этом переговоры с князьями. Речь зашла даже о выступлении в крестовый поход уже под Рождество 1185 года³⁶⁷. Успех проведенных в Англии в конце лета переговоров подвинул тогда Фридриха позволить своему вельфскому кузену Генриху вернуться на родину в следующем году. Обращает на себя внимание даже частичная реституция его прежних прав³⁶⁸. Однако в подлинно решающих вопросах единства не было достигнуто, более того, противоборство между Империей и церковью вновь стало приобретать ожесточенный характер. Люций отклонил уже давно делавшееся ему предложение уступить бывшие владения Матильды в обмен на участие в получении имперских доходов с Италии. Не шло больше речи и о его первоначальной готовности короновать императорской короной наследника трона. Хотя и вызывает большие сомнения, что папа до сих пор был в неведении относительно матримониальных переговоров Барбароссы с Сицилией, все же обнаружение в конце октября в Аугсбурге помолвки Генриха VI с Констанцией должно было в очень обостренной форме актуализировать

опасность для церкви этой новой ситуации. Хотя сицилийское брачное соглашение никоим образом не может рассматриваться как единственное основание для неудачи переговоров в Вероне, оно, наряду с другими противоречиями, явно сыграло при этом важную роль³⁶⁹. Выявилась и разница во взглядах по все еще не улаженному до конца вопросу о схизматических рукоположениях клириков. Не в последнюю очередь сопротивление Люция вызвало желание императора утвердить подобное рукоположение Рудольфа Трирского и тем самым санкционировать вмешательство государя в спор о трирском избрании³⁷⁰.

Ввиду такого развития событий Барбаросса уже не мог думать о том, чтобы скоро вернуться обратно в Германию, на что он, очевидно, сначала надеялся. Правда, он пока еще не допускал разрыва переговоров с папой. Однако сам он удалился из Вероны и продолжил вести переговоры через своего уполномоченного, архиепископа Конрада Майнцского. С реки Адидже (Эч) император направился на восток Верхней Италии, в зону, которая до сих пор редко им посещалась, и предпринял ее объезд, приведший его в патриархат Аквилею, в Чивидале. В Вероне Барбаросса пытался также добиться от папы передачи города Феррары³⁷¹, который, начиная самое позднее с 1177 года, снова находился под папским сюзеренитетом. Отношения с этим городом на реке По были крайне напряженными уже с 1178 года, когда феррарцы перекрыли здесь кременцам свободное судоходство. В 1183 году при заключении Констанцкого мира Ферраре, наряду с некоторыми другими городами, например Имолой, было отказано в милости императора. Таким образом, эту необычную поездку императора на восток Верхней Италии, вероятно, следует рассматривать также в аспекте городской политики в этом регионе, теснейшим образом связанной с проблемами отношений с папством.

В декабре Фридрих еще раз вернулся в Верону, но и эта последняя попытка возобновления непосредственных

переговоров с Люцием III не дала результата. Не позднее этого времени государь должен был узнать о тяжелых ударах судьбы, затронувших его лично осенью этого года. Уже 8 октября умерла юная дочь императора Агнесса, помолвленная с Эммерихом (Имре), старшим сыном короля Белы III Венгерского. Спустя всего лишь несколько недель (15 ноября) сошла в могилу ее мать, императрица Беатриса. В конце того же года скончалась и обрученная с Ричардом Львиное Сердце (также с августа или сентября) другая дочь императора, имени которой традиция, к сожалению, не сохранила³⁷². В глубокой печали суждено было императору встретить Рождество 1184 года в Брешиа.

Однако нужды большой политики не позволяли ему ослабить свою активность. Самое позднее с декабря 1184 года продолжавшая сохраняться напряженность в отношениях с папством окончательно привела Штауфена к мысли о союзе с городами как главной в будущем политической линии. В отличие от дней схизмы и столкновений с Ломбардской лигой, теперь уже не существовало тесной связи между коммунами и курией, лучше контакты с городскими силами страны были, скорее, у государя. Правда, и теперь города не составляли полностью гомогенную политическую формацию. Противоречия, соперничество издавна господствовали в их взаимоотношениях, единства удавалось достигать лишь в ранние годы Ломбардской лиги. Уже усилия государя перетянуть на свою сторону отдельные города из рядов вражеского союза, предпринятые им во время своего пятого итальянского похода (1174–1178 годы) и ознаменовавшиеся большим успехом после перехода Тортоны и Кремоны, заложили основу для вновь разгоревшейся вражды. Констанцкий мир никоим образом не мог покончить с этой напряженностью, хотя с его заключением императору и удалось примириться с преобладающим большинством ломбардских городов. Уже демонстративным посещением Милана в начале своего последнего итальянс-

кого похода Фридрих ясно показал, что намерен отвести миланцам, многие годы задававшим тон в Лиге, важную роль в будущей структуре властных отношений. За таким развитием событий с большим подозрением должны были наблюдать в особенности крмонцы, ведь в результате возникла опасность того, что будет восстановлена гегемония «ломбардской метрополии», — опасность, реализующаяся, конечно, с согласия Империи.

Уже во время задержки Штауфена в Лоди в январе 1185 года кремаски, еще в 1160 году изгнанные со своей родины и в годы своего изгнания особенно сильно почувствовавшие на себе притеснения миланцев, подали жалобу на крмонцев, предпринимавших территориально-политические акции, направленные против их области. Правда, в 1162 году Кремская крепость сама вверила себя крмонцам, но в годы штауфеновского имперского управления до 1167 года кремаски непосредственно контролировали свою территорию. Разгневанные жалобой своих традиционных врагов государю, присутствующие в Лоди крмонцы выхватили свои мечи и прогнали кремасков из придворных покоев, проявив откровенное пренебрежение к авторитету императора. Хотя Фридрих вначале и не лишил совсем Кремону своего расположения, отношения день за днем ухудшались. В обширном обвинительном акте³⁷³ император, в свою очередь, обобщил выдвигаемые против Кремоны жалобы, причем не без основания подчеркнул свидетельства того, как город на По постоянно умел извлекать собственную выгоду из затруднений государя. Уже в 1167 году город принял заметное участие в образовании враждебного городского союза, поставил императора вместе с его семьей в чрезвычайно опасное положение во время трудного перехода через Апеннины при возвращении из Рима в сентябре того же года. В 1176 году крмонцы использовали свой переход на сторону Империи для того, чтобы, так сказать, вытянуть из Штауфена перенос распо-

ложенных у реки По местечек Гуасталла и Луццара, которого они давно добивались. Тем временем государь во время остановки в их городе в декабре того же года был едва обеспечен самым необходимым, чтобы их давление на него ощущалось сильнее.

Затем, уже через несколько дней после происшествия в Лоди, Фридрих тесно сблизился с несколькими городами Лиги, регулярно ему противостоявшими. В Пьяченце император еще в январе 1185 года впервые присутствовал на одном из съездов Ломбардской лиги. 11 февраля в пфальце Реджо был документально оформлен союз с Миланом. Это стало логическим следствием всего развития событий. С этим пактом³⁷⁴ был связан полный поворот штауфеновской городской политики в Италии. Существовавшая с первых лет правления Штауфена постоянная вражда с «ломбардской метрополией», лейтмотив всех мероприятий Барбароссы в южном королевстве вплоть до 1177 года, полностью прекратилась. Мошь Милана так никогда и не была окончательно сломлена. Даже после императорского триумфа над городом весной 1162 года она уже пять лет спустя вновь возродилась, как феникс из пепла, в рамках Ломбардской лиги. По соглашению в Реджо Барбаросса передал миланцам за необычно низкий ежегодный ценз всего лишь в 300 фунтов в императорской монете все суверенные права Империи в архиепископстве, а также в графствах Сеприо, Мартезана, Булгария, Леччо и Стацона и гарантировал им свою защиту от Павии, равно как и поддержку при восстановлении Кремы. Последний пункт ясно подчеркивал возрождающийся антагонизм с кременцами. В числе свидетелей заключения пакта назывались также консулы Кремы. Таким образом, спустя двадцать пять лет после того, как кремаски оставили свой разрушенный город, они создали в Милане правительство в изгнании.

В качестве ответного шага миланцы оказали правителю помощь в проведении его политики рекупераций, которая

особенно должна была касаться бывших владений Матильды, оспаривавшихся папством. Уже остановившись в Реджо, государь оказался в области, где эти владения были особенно сконцентрированы. Через два дня после заключения договора с Миланом он находился в Кастелларано на Секкии, одном из бывших матильдиных местечек, господствовавшим над главным подходом к горам³⁷⁵. До середины марта Фридрих задержался в этой местности на северном склоне Апеннин. Выдачей привилегии вассалам Гарфаньяны и Версилии (соответственно, севернее и северо-западнее Лукки)³⁷⁶ он распространил отсюда свое влияние также и на южный склон гор в данной области, установив в подчиненной зоне непосредственное имперское господство. Несколько позже он оформил территорию Гарфаньяны и Версилии как отдельный административный округ Империи, подчинив его маркграфу Гильельмо (Вильгельму) ди Пароди из Лигурийских Апеннин как подеста и ректору³⁷⁷. При этом существенную роль в его действиях сыграло стремление ограничить экспансионистскую политику лукканцев.

После посещения Болоньи, которая в прежние годы расценивалась как центр враждебных Империи сил на Виа Эмилия, Штауфен в апреле вернулся в собственно Ломбардию, чтобы там во исполнение своего договора с Миланом подготовить повторное основание Кремы. Сначала в Павии он по жалобе епископа Милона Туринского назначил ему очную ставку с графом Гумбертом Савойским. На рубеже 1167 и 1168 годов граф сумел, при крайне тяжелом положении, сложившемся для императора, удовлетворить давние притязания своего дома в районе Турина. Хотя Фридрих уже в годы своего пятого итальянского похода (1174–1178) неоднократно демонстративными остановками в Турине настойчиво подчеркивал притязания Империи на эту зону, савойец оставался верен Империи. Во время переговоров с городами Лиги весной 1183 года он

все еще причислялся к открытым приверженцам императора. Впрочем, год спустя императорский легат канцлер Готфрид впервые вынужден был вмешаться в конфликт между Милоном Туринским и графом Гумбертом (март 1184 года, Милан). В апреле 1185 года в Павии такой случай представился и самому императору. Фридрих вызвал графа в Турин, назначив срок прибытия на июнь того же года³⁷⁸. Впрочем, сначала Штауфен отправился через Милан в Крему, которую 7 мая 1185 года, четверть века спустя после разрушения им же в январе 1160 года, основал вновь во исполнение соглашения в Реджо. Фридрих лично возвратил кремасков на их родину и пожаловал доселе пребывавших в Милане консулов Кремы леном с правами графов Кремо-Камизано, с давних пор связанных с Кремоной. В Креме, восстановлению которой благоприятствовала исключительно сухая погода, государь задержался на несколько недель³⁷⁹. Только в июне он прибыл в Турин по делу о савойском конфликте, правда, приглашенный граф при дворе не объявился. Тогда дело было передано канцлеру Готфриду, занимавшемуся им еще с прошлого года, и 2 сентября 1185 года в Турине тот восстановил тамошнего епископа в правах, оспаривавшихся графом Гумбертом³⁸⁰.

Из пьемонтских земель Барбаросса в начале июля отправился в поездку на юг, чтобы сопроводить в Империю свою будущую невестку, Констанцию Сицилийскую. После того как уже в октябре прошлого года были приняты обязательства касательно будущего брака наследника престола с норманнской принцессой, король Вильгельм II Сицилийский весной 1185 года по соглашению со штауфеновским императором привел к присяге сицилийских баронов, и среди них прежде всего внука первого сицилийского короля Рожера II, графа Танкреда Леччейского, происшедшего от одной его внебрачной связи. При этом Вильгельм ради обеспечения престолонаследия в Сицилии из-за своей все еще продолжающейся бездетности смог на-

стоять на том, чтобы присягу на верность в качестве наследника его державы принял Генрих VI. Вероятно, в параллель этому пятнадцатилетний мир с Империей, провозглашенный в 1177 году, был заменен на постоянный мир³⁸¹. Тем самым Штауфеном был сделан крупный политический ход, приведший, пожалуй, к его самому значительному успеху.

Через Монте-Бардоне, где он восемнадцать лет назад оказался в крайне опасных обстоятельствах, Фридрих проследовал в Тоскану. В Сан-Миньято на Арно, одном из центров штауфеновской имперской администрации в Средней Италии, был издан диплом, предназначенный епископу Петру Лунийскому и дополнительно обеспечивший Империи использование только что пройденного апеннинского перевала³⁸². В первые дни августа император сделал остановку во Флоренции, до сих пор ни разу им не посещавшейся. Лишь его общепризнанный и укрепившийся в то время авторитет позволил ему именно здесь лишиться этот город, как и все остальные тосканские города, за исключением Пизы и Пистойи, прав графств, господства над контадо³⁸³. В Средней Италии со всей очевидностью необходимо было своевременно положить конец угрозе экспансионистских устремлений коммун, с которой император так долго боролся в землях к северу от Апеннин и которой впоследствии он вынужден был там уступить. Одновременно эта акция находилась в тесной связи с подготовкой максимально благоприятных исходных позиций для начала правления его сына. Фактически посредством этого столь радикального наступления на города, которое в следующем году было продолжено Генрихом VI даже с применением военной силы, удалось решающим образом укрепить позиции Империи.

Через Поджибонси, который он в 1177 году передал Монферратскому дому, но затем вернул Империи из-за неопозволительного отчуждения коммун Флоренции и Сиены³⁸⁴, и через Сиену Фридрих еще в августе добрался до

Умбрии. Там в конце месяца в Риети³⁸⁵ могла быть принята императорскими посланцами будущая невестка государя. По истечении сентября император несколько недель оставался в области Сполето, вероятно, посетив и сам город. С момента своего разрушения летом 1155 года этот город находился в постоянном конфликте с Империей, в итоге открыто встав на сторону маркграфа Конрада Монферратского в его столкновениях с имперским легатом Христианом Майнцским. Начиная с 1177 года Барбаросса сумел, во-первых, благодаря назначению Конрада Урслингена сеньором герцогства Сполето, во-вторых, оказав покровительство городу Фолиньо, обуздать упорные властные устремления жителей Сполето. Однако, действуя с позиции силы, он сумел проявить и гибкость. 27 сентября 1185 года он из Монтефалько, местечка в области Сполето, которое относилось к городу Фолиньо, но в августе того же года было вверено графам Фолиньо из дома Мональдески, вернул свою милость бюргерам Сполето³⁸⁶.

В октябре вместе с Констанцией государь выступил обратно в Ломбардию, отправившись на север тем же путем, что и летом, через Монте Бардоне. По дороге он посетил преданную Империи Пистойю — наряду с Пизой, один из двух городов Тосканы, которым были сохранены их контадо, то есть господство над округой. В Лоди в ноябре Фридрих вынужден был улаживать далеко не безопасные столкновения, разгоревшиеся поздней весной того же года в области Фаэнцы. Город Фаэнца долгое время был связан с имперскими властями весьма неоднозначными отношениями. Хотя в 1177 году, при заключении перемирия с Ломбардской лигой, город стоял на стороне императора, в последующие годы из-за своего территориально-политического противоборства с Имолой Фаэнца изменила ему и заключила союз с Болоньей. После того как в 1183 году согласно Констанцскому миру Фаэнца в качестве члена городского союза примирилась с императором, у горожан

вследствие обязанности денежных выплат в пользу Империи возникли сложности со знатными семействами городской округи, обремененными фискальными требованиями. Действующий на Виа Эмилия имперский легат Бертольд фон Хокёнигсбург весной 1185 года заключил союз с этой знатью, но в июне того же года потерпел поражение от городских войск. Хотя и невозможно до конца разобраться, точно ли легат следовал при этом императорскому указанию, Фридрих не мог предпринять ничего иного, кроме восстановления мира. Этого требовали от него и исключительно хорошие отношения с городами Лиги, и интересы сохранения имперского господства в Романье. Он вновь оказал Фаэнце свою милость³⁸⁷.

Праздник Непорочного зачатия Девы Марии (8 декабря) Штауфен отметил в Гави, где на путях из центрально-ломбардских земель в Геную непосредственное влияние Империи могло подчеркиваться возведением имперских таможен³⁸⁸. Все ближе становился день свадьбы наследника престола с Констанцией Сицилийской. В германской области Империи на протяжении 1185 года Генрих VI все более и более втягивался в конфликт между союзным ему графом Филиппом Фландрским и французским королем Филиппом II Августом. При этом, по существу, сформировалось два блока. На одной стороне находились Капетинг с графом Балдуином фон Геннегау, со времени Майнцского Троичного торжества 1184 года тесно связанным также и с императором, на другой — фландрский граф с наследником престола. К этим участникам также присоединился имевший территориально-политические противоречия с графом Геннегау архиепископ Филипп Кёльнский, который в ходе своей дипломатической миссии в Англию в конце лета 1184 года установил контакты с двором Плантагенета и с Генрихом Львом. Уже в конце 1184 года фландрский граф вынужден был смириться с нанесенными ему тяжелыми поражениями и обратился к императору с

просьбой о поддержке. Барбаросса сначала даже думал о встрече с французским королем на Пасху 1185 года. Однако ситуация в Италии не позволила ему отправиться на север. Заключенный летом 1185 года мир между Филиппом Фландрским и Капетингом не был продолжительным из-за связанного с ним глубокого унижения графа. В сентябре Генрих VI провел в Льеже (Люттихе) хофтаг, на котором было принято решение о возобновлении борьбы с Францией. В такой ситуации император вмешался в ход событий и из Италии запретил своему сыну осуществлять это намерение. С начала 1180-х годов в своей «западной политике» Барбаросса постоянно ограничивался лишь дипломатической активностью. Правда, он явно видел в противостоянии Филиппа Фландрского Франции подходящее средство для того, чтобы держать Капетинга под постоянной угрозой, но ни на миг не допускал мысли о том, что Империя может быть втянута в этот конфликт³⁸⁹.

Уже под Рождество 1185 года юный король появился у своего отца в Павии. После кратковременной поездки в Турин штауфеновское придворное общество ближе к концу января 1186 года собралось в Милане, который, как отныне надежный оплот имперских властей, был избран местом свадебных торжеств короля. 27 января 1186 года в церкви монастыря Сант-Амброджо был заключен брак между Генрихом VI и Констанцией Сицилийской³⁹⁰. В тот же день состоялись коронации императора — архиепископом Вьеннским, Генриха VI — патриархом Аквилейским и Констанции — неназванным немецким епископом (возможно, архиепископом Майнцским). Современные событию английские источники сообщают в связи с этим о том, что Генрих в этот день был именован *caesar*'ем. Правда, непосредственная связь между коронациями и, за исключением данных источников, не слишком доказываемой новой титулатурой штауфеновского наследника престола остается под вопросом: нигде не обнаруживается введение ее в

грамоты самого Генриха. В любом случае, о коронации Констанции можно вести речь как об увенчании римской королевы: ведь и Беатриса, скончавшаяся в 1184 году супруга императора, по случаю своей свадьбы с Барбароссой в 1156 году была коронована как королева. Точно так же не приходится сомневаться и в характере церемонии, которой был подвергнут сам государь, — она являлась «торжественной коронацией». Можно ли говорить о чистой «торжественной коронации» применительно и к Генриху VI, тоже далеко не так очевидно, несмотря на выдвигаемые новейшей историографией аргументы³⁹¹. Несмотря на все возможные оговорки, кажется, все-таки можно предположить здесь коронацию в качестве *rex Italiae*, ведь наследник трона до сих пор в Италии еще не короновался³⁹². Впрочем, несомненно, что намерения императора, связываемые с этой церемонией, заходили намного дальше. Его сын должен был упрочить свое положение короля-соправителя, воспринимаемое исключительно в имперском контексте, ввиду противостояния с курией, продолжавшего обостряться после смерти Люция III (25 ноября 1185 года) и избрания папой архиепископа Умберто Миланского (Урбана III), а также и в связи с сицилийской матримониальной связью Генриха³⁹³. Уже Люций III осенью 1184 года отказался возвысить Генриха до ранга императора-соправителя. Барбаросса же, издав миланский акт, определенно сделал шаг в этом направлении, не отказываясь, впрочем, на будущее от своих усилий достичь соглашения с папой и тем самым, в конечном итоге, придать законную силу такому возвышению своего сына.

Правда, состоявшиеся в Милане церемонии и провозглашения нельзя понимать в том смысле, что ими обеспечивалось наследование Генриха IV в форме назначения наследника, которому прямо передавалась бы императорская власть. И все-таки они явственно подчеркивали вновь приобретенное могущество и новые притязания дома Шта-

уфенов. Впоследствии именно наследнику трона довелось проявлять особую активность в Италии. Причем прежде всего в центральноитальянских землях, то есть в зоне разносторонних властных интересов папства, ему удалось особенно энергично и результативно воплотить в реальность суверенные права Империи³⁹⁴. В лице папы Урбана III, который после своего избрания не отказался и от прежнего сана архиепископа Миланского, на престол Святого Петра был возведен решительный противник штауфеновского императора. Уже вскоре напряженности в отношениях, подспудно развивавшейся с веронских дней осени 1184 года, суждено было перерасти в открытый кризис³⁹⁵.

В конце февраля Барбаросса из Павии, где он провел несколько недель в своем пфальце в Сан-Сальваторе западнее самого города, отправился в восточный Пьемонт. Тогда в центре его внимания вновь оказался бургундский вопрос. До сих пор еще не была окончательно разрешена проблема с осужденным в прошлом году графом Гумбертом III Савойским. Гумберт был по-прежнему активен в качестве постоянного противника епископа Турина. Граф Вильгельм (Гильом) Женевский, соседствующий с савойскими землями, распространял свои властные притязания на церкви Женевы и Лозанны³⁹⁶. Поэтому в первые мартовские дни в Казале Монферрато государь наложил на графов имперскую опалу. Спустя два месяца он усилил позиции Аймона, архиепископа Мутье-ан-Тарантез, привилегией оказания помощи против угрозы со стороны Гумберта Савойского³⁹⁷. В принципе Штауфен выступил против стремления знати к медиатизации имперской церкви, довольно часто встречавшегося именно в Бургундии. Тем самым он продолжил линию, наметившуюся уже в 1162 году, в его образе действий против Церингенов.

Новые конфликты уже с прошлого года развивались и в Ломбардии. Отношения с Кремоной³⁹⁸ стремительно ухудшались параллельно подчеркнуто промиланской политике

императора. Соглашение с миланцами и — во исполнение одного из важнейших пунктов этого договора — повторное основание Кремы стали открытым вызовом городу на реке По. Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные для них условия — Штауфен в эти годы состоял в наилучших отношениях с подавляющим большинством городов Верхней Италии, — кременцы отложились от Империи и выступили против Барбароссы. Уже в первую майскую неделю 1186 года государь вступил на кременскую территорию, в область Сончино, чтобы в последующие недели в Павии и Милане сделать последние приготовления к ставшей неизбежной военной конфронтации. В начале июня с войском, составленным из городских отрядов, он вторгся в область кременского господства. Разумно оценив позиции, он не повел прямого наступления на город, а замкнул в осадном кольце крепость *Castrum Manfredi* (ныне Каstellеоне), сооруженную в 1182–1183 годах под эгидой кременского подеста (родом из Модены) Манфредо Фанто на полпути между Кремоной и Кремой. Очень скоро кременцы вынуждены были признать бессмысленность любого дальнейшего сопротивления и покориться императору. В обмен на уступку области кремасков и так называемой *Insula Fulcherii* (области на севере города), а также отказ от Гуасталлы и Луццары городу на По была возвращена милость императора. Назначив штрафную выплату в размере всего лишь 1800 фунтов в императорской монете (скромную даже несмотря на ее шестикратное превосходство над ежегодным регальным цензом миланцев, Фридрих и этим во многом продемонстрировал мудрый политический глазомер). Существенное значение при этом могло иметь также желание гарантировать своему сыну (который уже в начале июля 1186 года в лагере Орвьето примирился с кременцами) максимально благоприятные, свободные от возможных трений исходные позиции для его господства, отныне усиленно сконцентрированного на Италии.

Еще в лагере под Каstellеоне император узнал о рукоположении Фольмара Трирского папой Урбаном III, которое было проведено 1 июня 1186 года в Вероне. Тем самым папа в давно зреющем конфликте вокруг замещения трирской кафедры открыто занял позицию, отрицающую решение императора в пользу Рудольфа, который уже в 1183 году в Констанце получил инвеституру³⁹⁹. Фридрих едва ли мог расценить это иначе, чем вызов. Он тотчас повелел приступить к соответствующим контрмерам: во-первых, заблокировать альпийские перевалы, прервав всякое сообщение с курией; во-вторых, направить активность императорского сына Генриха на юге Средней Италии против областей церковного владычества в этой зоне. Правда, несмотря на это энергичное вмешательство, у самого Штауфена дела с его влиянием на связующие с севером пути обстояли не так уж хорошо. Путь через Бреннер теперь уже не был столь открыт — из-за резиденции курии в Вероне, располагавшейся здесь много лет. Западноальпийские проходы были практически перекрыты вследствие конфликта с графом Гумбертом Савойским. Между тем настоятельно требовалось возвращение Фридриха в Германию. Как трирский вопрос, так и давно уже осложнившиеся отношения с архиепископом Филиппом Кёльнским призывали его на север. В конце июня через области Комо и Беллинцоны Штауфен направился в Альпы, которые были преодолены по перевалу Лукманьер. Италию Барбароссе суждено было видеть в последний раз.

8. КУЛЬМИНАЦИЯ «МИРОВОГО ПРИЗНАНИЯ» ШТАУФЕНОВСКОЙ ВЛАСТИ (1186–1190 ГОДЫ)

В самый разгар лета 1186 года престарелый штауфенский император вернулся в германскую область Империи. Его телесная конституция была, очевидно, все еще на удивление хороша, хотя он во время своих дальних поездок и военных походов переносил огромные нагрузки, имея даже обыкновение нередко располагаться в шатре. Составленная еще при осаде Кастеллеоне грамота от июня 1186 года была оформлена «в шатре». Сначала Фридрих направил свой путь, как и свое внимание, на бургундско-эльзасские земли, где интриги графа Вильгельма Женевского, продолжавшиеся даже после наложения на него имперской опалы в марте того же года, потребовали вмешательства государя. В конце августа в Мюльхаузене епископ Рожер Лозаннский, получивший свою кафедру в 1178 году, будучи близок с Александром III, подал жалобу на герцога Бертольда Церингенского из-за медиатизации тем епископства. Права инвеституры в Лозанне были переданы Бертольду Штауфеном в 1156 году. В противоположность своим правам, касающимся епископства Женевского, которые были утрачены им в 1162 году, здесь, при явном одобрении со стороны императора, герцог сумел удержать свои позиции. Епископ Рожер, очевидно, возлагал свои надежды на именно теперь столь отчетливо проявившееся стремление государя устранить проявления подобного рода медиатизации, но должен был испытать разочарование. Бар-

баросса подчеркнул, что не хочет вести переговоры по этому поводу в отсутствие герцога. Он не собирался по подобной причине снова отдаляться от дома Церингенов. Когда Бертольд IV затем, 8 сентября 1186 года, скончался, проблема отпала сама собой⁴⁰⁰.

Осенью Фридрих отправился через Эльзас на север и в середине ноября прибыл в Шпайер, чтобы посетить там могилу своей супруги, уже два года тому назад, 28 августа 1185 года, погребенной в императорской крипте Шпайерского кафедрального собора. Рядом с матерью там покоилась и умершая незадолго до нее в возрасте около пяти лет дочь монаршей четы Агнесса, младший ребенок в императорской семье⁴⁰¹.

Штауфен не смог надолго задержаться у могилы своей любимой. Уже в конце ноября в пфальце в Гельнхаузене был собран большой хофтаг. На нем не удалось преодолеть противоречия с архиепископом Филиппом Кёльнским, все более явно отдалявшимся от императора в результате своих территориально-политических мероприятий: эти противоречия даже обострились. Зато Фридрих теперь мог быть полностью уверен в поддержке преобладающим большинством имперских князей основной линии его политики. Прежде всего он добился согласия духовных князей по поводу вмешательства в спор о трирском избрании. В итоге они гарантировали государю решительную поддержку в столкновении с папой Урбаном III.

Рукоположенный папой Фольмар Трирский сначала нашел убежище во Франции, но вскоре (весной 1187 года) по требованию Штауфена король Филипп выслал его из страны. Фольмар отправился в земли английского короля. В своих действиях против этого человека Фридрих прибегнул к чрезвычайно радикальным мерам. По его поручению Вернер фон Боланден изгнал сторонника Фольмара, епископа Бертрама Мецского, из его епископства, и тот, в свою очередь, нашел убежище у Филиппа Кёльнского⁴⁰². В ре-

зультате все яснее выявлялась расстановка противоборствующих сил, причем Кёльнская церковь нашла поддержку прежде всего при английском дворе, но первоначально также и у Капетинга.

Впрочем, изображая таким образом развитие событий, мы несколько забегаем вперед. В начале 1187 года император направился в Регенсбург, где встретился со своим двоюродным братом герцогом Леопольдом V Австрийским. За год до этого Бабенберг сумел подкрепить еще раньше заключенный с бездетным и тяжело больным герцогом Отакаром IV Штирийским договор о своем праве наследования в Штирийском герцогстве. Он добился этого, упорядочив правовое положение штирийских министерялов обоюдным соглашением на горе Георгенберг возле реки Энс. В феврале-марте 1187 года император выразил свое согласие с этими договоренностями. Все же обеспечение властных отношений на юго-востоке Империи надежными, испытанными временем Бабенбергами, несомненно, было более желательно, чем появление там новой кризисной зоны, ожидаемое после смерти Отакара IV, которого лишь семь лет назад возвысили до герцогского ранга⁴⁰³.

В начале апреля государь принял участие в освящении вновь построенной монастырской церкви Святых Ульриха и Афры в Аугсбурге. Фридрих был теснейшим образом связан с этим монастырем еще с того времени, когда носил герцогский титул. Эта связь ярчайшим образом выразилась в последовавшем тогда же, в 1187 году, учреждении в аббатстве одного дня в году для торжественных посещений — в будущем также дня рождения императора в один из дней предрождественского трехдневного поста⁴⁰⁴. Подобное участие Штауфена в освящениях церковей неоднократно засвидетельствовано источниками. В нем находят свое выражение не только стремление к репрезентации, но и индивидуальная религиозность Фридриха Барбароссы⁴⁰⁵. Не позднее чем через месяц мы встречаем

императора, который в это время отправился в швабскую вотчину своего рода, на еще одном церковном освящении, в монастыре премонстрантов Адельберге, расположенном недалеко от замка Гогенштауфен.

Туда в составе его свиты прибыли не только три его сына — вероятно, герцог Фридрих Швабский, Конрад и Оттон, — но и присоединившийся уже после остановки в Аугсбурге епископ Петр Тульский⁴⁰⁶. Присутствие последнего позволяет предположить, что тогда заново обсуждались вопросы отношений с Францией, так же как и проблема трирской избирательной распри. Верность этого предположения напрямую подтверждает тот факт, что император уже на Троицу (17 мая) оказался в Туле, чтобы заключить там с королем Франции союзнический договор, подкрепленный золотыми буллами (текст его, к сожалению, утрачен). Несколькими месяцами раньше Филипп II Август вступил в тесные сношения с Филиппом Кёльнским, а также предоставил убежище Фольмару Трирскому. Однако возникновение новой напряженности в отношениях с Английским королевством весной 1187 года изменило положение решительным образом. Капетинг предложил Штауфену союз, который в тот момент Фридрих мог только приветствовать. При посредничестве графа Балдуина фон Геннегау, союзного императору с 1184 года, был заключен Тульский договор, который, правда, не был непосредственно направлен против Англии, но все же обеспечил Империи решающие преимущества⁴⁰⁷.

В дальнейшем Фридрих сумел предпринять энергичные действия как против Фольмара Трирского, так и, в особенности, против Филиппа Кёльнского. Намеревался ли он тогда в июне фактически оказать помощь военной силой французскому королю в его столкновениях с Англией, остается неизвестным⁴⁰⁸. В любом случае одного только слуха о таком замысле, правда, наряду с позицией Ричарда Львиное Сердце, склонявшегося на сторону французского

короля, оказалось достаточно, чтобы заставить английско-го монарха пойти на уступки. Впрочем, совершенно определенные военные меры Фридрих предпринял против кельнского иерарха. 25 июля был закрыт проезд по Рейну, по которому не только велась процветавшая тогда кельнская торговля с Англией, но и поддерживались связи с английским королевским двором. В августе в Вормсе государь выдвинул обвинение против архиепископа Филиппа, который не явился ко двору по его вызову. Все епископы, заподозренные в тайных сношениях с кельнцем, должны были принести очистительную клятву. Успехи штауфеновской политики не оставались тайной и для папы Урбана III. В сентябре в Кайзерслаутерне появились папские легаты, которые в ответ на императорское посольство, отправленное весной из Регенсбурга, просигнализировали о готовности курии к компромиссу.

Осенью 1187 года император, кажется, вынужден был сделать продолжительную паузу в своих столь активных, разносторонних и постоянно требовавших его личного участия действиях. Во всяком случае, после остановки Барбароссы в области Боденского озера в конце сентября нам ничего больше не известно о месте его пребывания тогдашней осенью. Затем в начале декабря собрался рейхстаг в Страсбурге. Филипп Кельнский продолжал оставаться в оппозиции к Империи и не явился ко двору. И все же его окончательное низложение уже тогда оставалось лишь вопросом времени, ведь общие предпосылки развития императорской политики с самого лета оставались благоприятными. Прежде всего, папа Григорий VIII, пришедший в октябре на смену Урбану III, до самого последнего времени выказывавшему мало желания примириться с императором, проявил волю к улаживанию противоречий. По его поручению кардинал Генрих, епископ Альбано, прибыл в Страсбург. Главным движущим мотивом для Григория было постоянное ухудшение ситуации в Святой земле⁴⁰⁹. Там

султан Саладин, унаследовавший в 1174 году Нуреддину, по поручению которого он с 1169 года правил Египтом, сумел объединить силы ислама для чрезвычайно успешного, победоносного похода. В 1183 году из Дамаска он начал военные действия против христианского господства в Святой земле. В июле 1187 года войско «франков» было побеждено при Хаттине. Немного позже были захвачены Акка (Акра), Сидон и Бейрут. Решающее же воздействие оказало падение Иерусалима, в результате которого в октябре того же года Гроб Господень оказался в руках мусульман.

Уже через несколько дней после своего избрания в конце октября 1187 года Григорий VIII в послании к немецким епископам призвал к освобождению Гроба Господня. Недобрые известия из Святой земли должны были распространиться по всему Западу с быстротой молнии. Император, сам в молодые годы принимавший участие в крестовом походе Конрада III, никогда не упускал из вида развитие событий на Востоке. Уже в 1165 году Райнальду фон Дасселю во время его миссии в Руан было дано поручение обсудить меры по оказанию помощи церкви, подвергавшейся угрозе в Святой земле⁴¹⁰. Во время встречи с Люцием III в Вероне осенью 1184 года Фридрих даже готов был объявить о начале подготовки им крестового похода⁴¹¹. И все-таки было бы, пожалуй, неверным расценить вопрос о крестовом походе, проходящий через все годы его правления, как лейтмотив политики Барбароссы⁴¹². В начале семидесятых годов император даже установил контакты с султаном Саладином, используя их в качестве противовеса византийской политике во время переговоров с василевсом. В 1173–1174 годах арабские посланники на протяжении полугода сопровождали государя в поездках по Империи. Правда, эти соприкосновения с исламским миром так и остались отдельными эпизодами⁴¹³. Ввиду полностью изменившейся ситуации к концу 1187 года не оста-

лось сомнений в том, что Штауфен не откажется выполнить пожелание папы. Общим фоном мог выступать к тому же столь отчетливо уловимый со времен схизмы пример Карла Великого, особенно его борьбы против неверных и его усилий по распространению христианской веры, оказывавший свое воздействие на мысли и поступки Барбароссы именно в эти последние годы его жизни⁴¹⁴.

Папа отошел от позиции своего предшественника, не в последнюю очередь в вопросе об императорской коронации Генриха VI, и изъявил готовность вступить в переговоры, пойдя тем самым навстречу давно высказанному желанию Барбароссы. Однако государь некоторое время не принимал окончательного решения — возможно, памятуя о мало продуманном, опрометчивом образе действий Конрада III в декабре 1146 года. Напротив, он отложил дело до хофтага в Майнце, назначенного на время поста следующего года. Он даже отправился из Страсбурга на границу Империи, где в декабре встретился с французским королем Филиппом II Августом в районе между Ивуа и Музоном, чтобы подчеркнуть этим свой союз с Капетингом, заключенный на Троицу в Туле⁴¹⁵. Сам выбор места во многом был демонстрацией успешности мер против Фольмара Трирского, который еще недавно, весной 1187 года, проводил в Музоне синод. Рождество Штауфен отпраздновал в Трире — свидетельство его триумфа в трирской избирательной распре, убедительнее которого вряд ли можно было представить⁴¹⁶.

Все еще не удавалось уладить дело с Кёльном, хотя к его решению тотчас по возвращении из Италии и Бургундии подключился наследник престола, выступив в роли посредника. Последнее приказание явиться на суд к государю было отправлено архиепископу Филиппу из Нюрнберга в феврале 1187 года. И действительно, в марте прелат явился на рейхстаг в Майнце, где покорился воле императора. В то время как Филипп получил возможность

клятвенно отмежеваться от своих прежних предосудительных неявок, на его город был наложен штраф в размере 2260 марок серебра вместе с обязательством, скорее, впрочем, символическим, частично разобрать городские укрепления⁴¹⁷. С окончанием конфликта с Кёльном пало последнее препятствие к объявлению крестового похода. Фридрих, с самого начала не сомневавшийся в успешном подчинении Кёльна, уже при созыве собрания в Майнце, объявленном совместно с его сыном-королем, обозначил это собрание как «хофтаг Иисуса Христа»⁴¹⁸. Место председателя на рейхстаге было оставлено незанятым и — в весьма символической форме — предоставлено Сыну Божьему.

Порядок наследования в Империи, как и ее покой, были обеспечены наилучшим образом. И вот Штауфен вместе со своим сыном Фридрихом, герцогом Швабии, принял крест. Еще в Майнце, или, возможно, только в конце года, он установил сроком начала крестового похода 23 апреля 1189 года — праздник Святого Георгия, рыцарственного покровителя крестоносцев. Местом же выступления в поход был выбран Регенсбург. Император недвусмысленно принял под свою защиту евреев, поскольку именно в периоды крестовых походов эта группа населения издавна страдала от погромов. На Майнцском рейхстаге лежал отпечаток глубокой серьезности и осознания высокого значения крестового похода. Примеру государя последовало большое число епископов, князей, знати, благородных и министериалов.

Намерения императора должны были в дальнейшем сосредоточиться в двух направлениях: с одной стороны, на планировании предстоящего ему великого предприятия, с другой — на создании гарантий максимально возможного спокойствия в Империи и на мерах по вступлению во власть его остающихся в стране сыновей. Еще весной 1188 года императорский сын Конрад получил титул герцога Ротен-

бургского. В конце апреля в Зелигенштадте был заключен матримониальный договор о его браке со старшей дочерью короля Кастилии Альфонса VIII, Беренгарией⁴¹⁹. Инициатором установления этой знаменательной связи еще за год до этого выступил сам Штауфен. Барбаросса вновь продемонстрировал здесь свою выдающуюся прозорливость. Кажется, при этом даже не были полностью исключены перспективы наследования его сыном трона Кастилии, и к тому же представилась возможность оказать противодействие влиянию английской короны на иберийском пространстве, которое установилось благодаря браку Альфонса VIII с Элеонорой Английской. Тогда, в Зелигенштадте, еще нельзя было предвидеть, что для отправленного в Испанию императорского отпрыска события обернутся весьма неблагоприятно и что Конраду придется вернуться из этого путешествия не снискав успеха, да еще и наверняка психологически разочарованным и раздосадованным.

Летом 1188 года император остановился со своим двором в Госларе, чтобы там после многолетнего перерыва снова встретиться с Генрихом Львом. За три года до этого с императорского соизволения Вельф возвратился на родину. Хотя он и не смог серьезно улучшить свои позиции, по меньшей мере, его контакты с Филиппом Кёльнским во время противостояния того Империи должны были послужить государю предупреждением о новом возможном усилении власти его кузена. Весьма показательно, что Генрих в это время вернул себе герцогский титул, правда, без привязки к определенной территории. По сообщению Арнольда Любекского, в Госларе Барбаросса сделал Вельфу три альтернативных предложения. Генрих либо должен был согласиться с частичной реституцией его прежних прав, либо лично принять участие в крестовом походе за счет императора, причем со временем ему после этого было обещано полное восстановление прежнего положения. В случае отказа принять решение в пользу одной из двух

этих возможностей, он должен был обязаться вновь покинуть Германию на три года вместе со своим старшим сыном Генрихом. Прежде всего второе из сделанных Вельфу предложений в подобной форме, кажется, едва ли могло представляться ему исполнимым. Вельф принял решение снова отправиться в изгнание и, как и в предыдущий раз, уехал в Англию. Годом позже смерть его супруги, оставшейся в Брауншвейге, дала ему веский повод в нарушение данного им обещания досрочно вернуться на родину. И тогда, в отсутствие императора, уже отправившегося в крестовый поход, он смог возобновить активные действия в Саксонии⁴²⁰.

Поздним летом и осенью 1188 года Барбаросса надолго задержался в саксонских землях и в Плайсенланде, неустанно трудясь ради того, чтобы обеспечить здесь упорядоченность властных отношений. Отпраздновав Рождество в Егере, он тут же отправился в Нюрнберг, где издал направленный на укрепление земского мира закон против поджигателей, с подробными предписаниями, касающимися штрафов за мародерство⁴²¹. В те же дни его посетили посланники византийского императора Исаака II Ангела, сельджукского султана Кылыч-Арслана II Иконийского и сербского великого жупана Стефана Немани. Уже с майнцского «хофтага Иисуса Христа» Фридрих отправил послов в Венгрию, Византию и Иконий (современная Конья), чтобы должным образом обеспечить предстоящий проход крестоносного войска через их земли. Штауфеновская дипломатия⁴²² тем самым налаживала отношения с теми зонами, контакты с которыми были недостаточными или даже откровенно плохими. Без сомнения, государь совершенно сознательно использовал во время этих переговоров те противоречия, которые существовали между этими властителями, не выпуская при этом из виду высокую цель крестового похода. Во всяком случае, именно в Нюрнберге удалось привести к успешному финалу развивавшуюся на протяжении не-

скольких месяцев дипломатическую активность. Получив заверения в совершенно мирном характере намерений (соответствующую клятву дали герцог Фридрих Швабский, герцог Леопольд V Австрийский и епископ Готфрид Вюрцбургский), византийский посланник гарантировал беспрепятственный проход через болгарские перевалы, необходимое снабжение войск и заблаговременную подготовку судов для переправы через Геллеспонт. В качестве маршрута крестоносного войска был определен, таким образом, тот же самый путь, которым более сорока лет назад проследовал сам Барбаросса во время крестового похода своего дяди Конрада III. Очевидно, была предпринята также попытка напрямую связаться с султаном Саладином, хотя свидетельства об этом содержатся лишь в высшей степени спорных источниках и мусульманскому князю едва ли могли быть сделаны предложения, которые бы его удовлетворили⁴²³.

Император твердо придерживался своих планов относительно крестового похода. Готовность освободить Гроб Господень охватила теперь уже большую часть христианского Запада. Кроме того, в последние месяцы своего пребывания в Германии Фридриху удалось серьезно расширить непосредственно территориальную основу владчества своего дома. После смерти последнего графа Зульцбаха в январе 1188 года он в срочном порядке принял наследство этого дома — в соответствии с договорами, заключенными между ним и епископством Бамбергским еще в 1174 году. Барбаросса лично приехал из Нюрнберга в Ханбах на Фильсе, в сердце зульцбахских земель⁴²⁴. Еще за год до того императорский сын Оттон, уже получивший в лен доставшееся Штауфенам в 1173 году графство Ленцбург, удостоился титула графа Бургундского. Тем самым было обеспечено сохранение наследства его матери, расширенное за счет большой области в швейцарских землях вплоть до альпийских перевалов⁴²⁵. Равным образом и Ген-

рих VI по императорскому поручению был отправлен в Бургундию, чтобы окончательно поставить на колени графа Вильгельма Женевского, с 1186 года находившегося в опале. В этом он, впрочем, не достиг успеха. Бургундии предстояло еще долгое время являть собою очаг волнений, во многом по причине затянувшегося на годы конфликта с Гумбертом III Савойским⁴²⁶. Возведение императорского сына Оттона в графы, а затем в пфальцграфы этой области следует, таким образом, рассматривать как существенный компонент мероприятий, направленных на ее замирение.

Весной государь избрал местом своей резиденции родовые владения своего дома в Эльзасе. В декабре 1187 года на смену папе Григорию VIII с его длившимся всего несколько недель понтификатом пришел Климент III. С восшествием нового папы возродилась давно и тщетно лелеяемая надежда осуществить императорскую коронацию наследника трона и его норманнской супруги⁴²⁷. И хотя этим была бы достигнута столь долго преследовавшаяся цель штауфеновской дипломатии, Фридрих поначалу удовлетворился папским обещанием. О поездке Генриха VI в Рим перед самым началом крестового похода нечего было и думать. В Хагенау на Пасху 1189 года (9 апреля) император принял «суму и посох пилигрима», как красиво сказано у Гислеберта Монсского⁴²⁸. Затем в субботу он направился в Регенсбург, где, согласно договоренности, должно было собираться крестоносное войско.

Еще на несколько дней Фридрих задержался в своих швабских родовых владениях, прежде чем, несколько запоздав, прибыл около 10 мая в Регенсбург. Число собравшихся там крестоносцев было в любом случае огромно, хотя исследования и корректируют данные источников со 100 тысяч до 12–15 тысяч человек. Уже 11 мая эта огромная процессия двинулась в путь⁴²⁹. Сам государь и многие высокие князья отправились речным путем вниз по Дунаю. Неделью спустя Фридрих прибыл в Вену, где он был

наилучшим образом принят австрийским герцогом, который уже долгое время принимал существенное участие в подготовке крестового похода и сам должен был отправиться в Святую землю в том же году. Огромная масса крестоносного воинства делала возможным лишь постепенное медленное его продвижение, и проблемы снабжения были его постоянными спутниками. Бабенберг предоставил государю сопровождение до его остановки на венгерской границе – на правом берегу Дуная южнее Пресбурга (современная Братислава). В пресбургском лагере император издал общевойсковой и лагерный устав, как он уже делал это в начале своего второго итальянского похода в 1158 году⁴³⁰. Столь большое количество войск, собиравшееся под предводительством Штауфена – прежде в Италии, а теперь в крестовом походе – обязательным образом предполагало подобные распоряжения, обеспечивавшие дисциплину и внутренний порядок.

4 июня государь был торжественно принят в Гране (ныне Эстергом) королем Венгрии Белой III и его супругой Маргаритой, сестрой французского короля Филиппа II Августа. В этом случае наилучшим образом оправдала себя договоренность о беспрепятственном продвижении войска, достигнутая в предыдущем году благодаря архиепископу Конраду Майнцскому. Прекрасные отношения с королевством Арпадов были скреплены помолвкой одной из дочерей Белы III с герцогом Фридрихом Швабским, чью прежнюю невесту, обещанную ему в 1181 году датскую принцессу, пришлось за два года до этого отослать обратно на ее родину из-за возникших противоречий с ее братом королем Кнудом (Канутом, Кнутом) VI.⁴³¹ Дальнейший путь Штауфен проделал на корабле вниз по Дунаю. Большая масса крестоносцев двинулась дальше по суше.

В конце июня крестоносное войско остановилось в Белграде, достигнув границы с Византийской империей. До сих пор кампания протекала беспрепятственно. Мягкая

сухая погода благоприятствовала продвижению войска. В лагере рыцарей-крестоносцев царило оживление. В Белграде император повелел устроить турнир и 60 оруженосцев посвятил на нем в рыцари. Фридрих проследовал на корабле до самой византийской крепости Браничево (современный Костолак), расположенной при впадении в Дунай Млавы. Только тут, где его с готовностью принял здешний византийский наместник, все было перегружено на повозки. Флот был передан в дар венгерскому королю. В начале июля войско вышло из Браничево. Вдоль долины Моравы пролегла важнейшая сухопутная магистраль, ведущая в Византию и с полным основанием названная «дорогой крестоносцев». На следующем за ней отрезке пути предстояло пересечь труднопроходимый «Болгарский лес»⁴³². К тяготам пути добавились теперь многочисленные мелкие, но в целом весьма досаждающие нападения на отдельные части крестоносного войска, зачинщиков которых усмирить было не так-то легко. Вскоре, однако, ответственность за них целиком была возложена на греков.

В конце июля войско вступило в Ниш, где сербский князь Стефан Неманя, в соответствии с данным в Нюрнберге обещанием, позаботился о достойном приеме. Император, однако, не принял сделанного ему сербами предложения о заключении союза против Византии, к которому уже примкнули в Нише болгарские князья Петр и Иван Асени. Впрочем, Фридрих сумел сохранить хорошие отношения с этими властителями, чтобы при необходимости обеспечить себе поддержку против Восточного Рима. Тогда же в Нише была устроена помолвка племянника Стефана Немани с дочерью Бертольда, герцога Андекса и Мерании. Таким образом, дружественные отношения с сербами были подчеркнуты матримониальной связью пусть не с самими Штауфенами, но с одним из значительнейших князей Империи. Несмотря на то что, в соответствии с обеща-

нием, вторично подтвержденным византийским посольством, болгарские перевалы на дальнейшем пути должны были держать открытыми, во время следующего перехода, начавшегося в начале августа, рыцарям-крестоносцам пришлось снова бороться с набегами. Вместе с тем не могло быть и речи о соответствующем снабжении войска в этой зоне, в предшествующие годы разоренной войнами.

Вполне возможно, что в это время, в виду надвигающегося крестоносного войска, а также из-за установленных в Нише контактов Барбароссы с сербами и болгарами, император Исаак решил на кардинальный поворот в своей прежней политике. Он завязал отношения с султаном Саладином, приказал пленить пребывающих при его дворе посланников Барбароссы и в конце августа через своего уполномоченного обвинил Штауфена в том, что в действительности тот намеревается захватить Константинополь, дабы посадить здесь на престол своего сына герцога Фридриха Швабского. Тем временем государь в полной мере осознал весь масштаб неприятия крестового похода византийцами. В Софии, вопреки договоренности, не обнаружилось удовлетворительных условий для организованного снабжения войска. На следующем участке пути через «Ворота Траяна» (современная Василица) к Филиппополю (современный Пловдив) ему впервые преградил дорогу византийский военный отряд, который, впрочем, быстро удалился восвояси. Точно так же, как и София, Филиппополь встретил крестоносцев, вступивших в город 24 августа, практически обезлюдившим.

Здесь, наконец, стало ясно, что о дальнейшем продвижении вперед крестоносного войска нельзя более и думать. Обширную часть греческой империи, начиная от Филиппополя, Барбаросса повелел в последующие месяцы подвергнуть разорению и опустошению. Во многом это была вынужденная мера по переводу армии на самообеспечение, ввиду не соблюденного договора о поставках продо-

вольствия. Фридрих Швабский занял тем временем цветущий город Берое (ныне Стара Загора), где расквартировал свои войска на долгое время. Вероятно, вследствие нехватки продовольствия крестоносцы были вынуждены сильнее рассредоточиться по стране, но так, чтобы избежать опасности, связанной с вытекающим отсюда ослаблением армии. В начале ноября император перебросил свои главные силы к Адрианополю (ныне Эдирне) и расположился на зимних квартирах в оставленном жителями городе. Очевидно, за этим стояли не только необходимость снабжения войск, но и намерение подтянуть их поближе к Византии, которым руководствовался Штауфен. В послании Генриху VI, написанном в эти дни⁴³³, он настоятельно просит короля к марту 1190 года снарядить корабли из Генуи, Венеции, Пизы и Анконы против Константинополя. Сам император намеревался атаковать город с суши. Таким образом, государь подхватил брошенный ему еще летом со стороны василевса упрек — в то время неоправданный — о его планах прямого военного захвата столицы Восточной Римской империи. Даже в эти ноябрьские дни едва ли можно с полным правом приписывать ему вытекавшие из этого намерения планы: определенно и впредь первоочередной целью Штауфена было осуществление крестового похода.

Продолжение масштабных набегов, совершаемых крестоносцами, которые при этом доходили до Македонии южнее Родоп и уже завладели всей Фракией, обеспечивало достаточное снабжение войска. Где-то на рубеже 1189 и 1190 годов Барбаросса согласился на предложение бывшего тогда в Нише болгарского князя Петра Асеня предоставить ему большое войско против Византии. На заключение долговременного союза он, впрочем, не пошел, дав, тем не менее, понять в дружеских выражениях, что готов и далее принимать от болгар помощь⁴³⁴. Под этим силовым нажимом, грозившим вылиться весной в осаду его рези-

денции, василевс не устоял и сдал позиции. 21 января 1190 года к Фридриху в Адрианополь прибыли послы Исаака и передали, что византиец готов к переговорам. Уже 14 февраля вернулись отправленные в Константинополь послы — граф Бертольд фон Хокёнигсбург, Марквард фон Аннвайлер и Марквард фон Нойенбург. Из дворца василевса они принесли неожиданно радостное известие: Исаак взял на себя обязательство в полной мере поддержать крестовый поход.

Барбаросса стал спешно готовиться к выступлению. Слишком долгой оказалась задержка в греческой империи, силы крестоносного рыцарства сосредоточились на совершенно чуждых главному предприятию делах и на решении текущих проблем. В начале марта, уже перед наступлением изначально оговоренного с императором Исааком срока, Штауфен выступил из Адрианополя — через день после своего сына-герцога. В среду Страстной недели, 21 марта, из Галлиполи началась переправа через Геллеспонт с использованием византийских кораблей. Неделей позже последним из крестоносного войска последовал этим путем и государь, выступив в самый последний, самый трудный поход в своей жизни. Несмотря на его преклонный возраст, почти 70 лет, за императором нельзя было заметить никаких признаков слабости. Напротив, во время многократных мелких, но снова и снова возобновляемых нападений на крестоносцев он в высшей степени энергично участвовал в оборонительных действиях⁴³⁵.

Миновав район реки Мендерес, крестоносцы в конце апреля и в мае достигли внутреннего нагорья Анатолии. Невероятные тяготы и мучения сопровождали рыцарей на этом пути. Поддержка со стороны византийцев, с самого начала носившая весьма сомнительный характер, постоянно уменьшалась по мере удаления войска от столицы Восточной Римской империи. К непрерывным нападениям на войска добавились бедствия, вызванные совершенно не-

привычным для прибывших с Запада крестоносцев климатом. Особенно громкими были жалобы на недостаточное снабжение водой. Некоторые рыцари в отчаянии пили свою мочу, другие пытались утолить жажду конской кровью⁴³⁶. Прежде чем достигнуть собственно государства сельджуков, где ввиду обещаний поддержки, многократно переданных посольными, можно было рассчитывать на хороший прием, следовало до конца апреля преодолеть путь, идущий от Лаодикии через земли, населенные туркменами. На них не распространялось ни византийское, ни сельджукское владычество. В тяжких лишениях к началу мая войско вышло к озеру Хойран, где крестоносцам удалось успешно отбить сильную атаку туркменских отрядов.

Ввиду такого развития событий доверие к постоянно передаваемым через послов обещаниям помощи со стороны султана Кылыч-Арслана и его сына Кутбеддина стало все более и более ослабевать. Действительно, совсем скоро ожидавшаяся поддержка сельджуков выявила всю свою шаткость. Совершенно очевидно, что свою существенную роль сыграло при этом крайне нестабильное положение внутри самой сельджукской державы. После предпринятого Кылыч-Арсаланом около 1188–1189 годов разделения его государства между по меньшей мере девятью сыновьями, братом и племянником многочисленные претенденты боролись теперь за единоличное господство. До сих пор наибольшие успехи в этой борьбе можно было признать за Кутбеддином. Продолжая преодолевать все большие лишения и непрекращающиеся нападения, через несколько дней после Троицы (13 мая) Штауфен подошел к сельджукской столице Иконию (современная Конья). Несмотря на огромные войска, собранные сельджуками, и усталость его собственного войска, Барбароссе удалось то, чего от него никто не ожидал: вдохновленное его личным мужеством нападение на город окончилось победой, Иконий был взят.

После этой победы государь позволил своему войску, а возможно, и себе самому, несколько дней передышки. Свой лагерь из-за трупного зловония в городе он разбил возле него, в королевских садах. Через неделю, за которую люди и животные набрались сил и во время которой, конечно же, были заново приведены в исправное состояние оружие и снаряжение, 26 мая выступили в путь, взяв с собой сельджукских заложников и проводников. Действительно, совсем скоро этим заложникам суждено было оказаться ценным средством воздействия. Нападения на рыцарей-крестоносцев заметно ослабели. К концу мая была достигнута граница Армянского царства: после целых недель суровых лишений войско снова ступило на христианскую землю. Надежда на счастливый исход кампании должна была в те дни вновь воодушевить и войско, и самого императора. Дальнейший путь пролегал через горы по долине реки Салейф (современная Гёксу), двигаясь вдоль которой, можно было достичь моря. С властителем Армении Левоном II Рубенидом были установлены контакты через армянских посланников, встреченных в долине Салейфа, чему, несомненно, предшествовали ранее отправленные императором посольства. Согласно армянским источникам, Штауфен должен был уже тогда ввести в действие план, который впоследствии был реализован Генрихом VI, — план увенчания армянского правителя королевской короной. В любом случае, крестоносцы находились в дружественной стране и могли свободно и беспрепятственно продолжать поход. Правда, последний отрезок пути, ведущий к Селевкии (ныне Силифке), было преодолеть совсем не просто. К этому прибавилась тяжелая летняя жара, которая немцев чем дальше, тем больше вгоняла в сон. На 10 июня 1190 года, субботу, пришелся один из таких душных, палящих зноем дней. Барбароссе предстояло проделать последний переход, он находился выше по течению от Силифке. Большая часть его войска, вероятно, уже стояла возле этого города.

Чтобы сделать привал и перекусить, Фридрих остановился на берегу реки. Желая немного освежиться, он вступил в воды Салефа, переправа через который в этом месте, видимо, сокращала путь. Исключительно холодная (и до сих пор) вода этой горной реки в ее нижнем течении, внезапная судорога от холода, а может быть, еще и опрометчивое желание устроить купание сразу после принятия пищи, обернулись для престарелого императора смертью⁴³⁷.

Глубочайшее замешательство, более того, заставляющий цепенеть ужас охватили крестоносное войско. После многих перенесенных невзгод надежда вновь возросла с победой над сельджуками. Здесь, в армянских землях, установившиеся связи с Рубенидами служили лучшим залогом удачного продолжения похода, но смерть императора уничтожила все это одним ударом. Современные событиям источники говорят о «сокровенном Божьем приговоре», стоявшем за этим происшествием. Другие свидетели раздражаются причитаниями «О, море! О, земля! О, небо!» ввиду этого совершенно неожиданного события, которое, несмотря на почтенный возраст Штауфена, едва ли можно было предвидеть. Даже современный человек, автор этих строк, как, вероятно, и их читатель, не может остаться равнодушным к драматической смерти Фридриха Барбароссы.

В результате столь тяжелого удара судьбы многие участники крестового похода⁴³⁸ решили досрочно возвратиться на родину. Большинство, впрочем, не отказалось от первоначального плана и единодушно избрало своим предводителем герцога Фридриха Швабского. Останки государя были бальзамированы в Селевкии и взяты с собой продолжившими поход. Очевидно, существовал замысел похоронить Барбароссу в церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Уже 14 июня неподалеку от Селевкии, к востоку от города, войско разделилось, и большая часть его продолжила путь на кораблях. Фридрих Швабский с останками своего отца, как и раньше, двинулся сухопутным путем.

Примерно три дня спустя был достигнут Тарсус (Тарс), родина апостола Павла, где – предположительно в епископальном кафедральном соборе Святых Петра и Софии – были захоронены внутренности Штауфена. После повторного разделения войска Фридрих продолжил трудный сухопутный маршрут. Это привело ко все большему распространению среди крестоносцев малярии и дизентерии. Болезнь не пощадила и самого герцога. В начале июля изнуренное и истощенное войско достигло Антиохии (ныне Антакья), где было принято самым наилучшим образом князем Боэмундом III. Здесь, в соответствии со средневековым погребальным обычаем, останки императора были выварены. Плоть захоронили в мраморном саркофаге слева от оров в кафедральном соборе Антиохии.

Тяжелая эпидемия дизентерии унесла впоследствии многих участников предприятия, в том числе епископов Готфрида Вюрцбургского и Мартина Майсенского, маркграфа Германа Баденского и графа Флоренса Голландского. Отчаяние и уныние охватили войско. Опять многие покинули страну, чтобы вернуться на родину. Только 28 августа швабский герцог выступил в поход, намереваясь под парусами проплыть от Триполи до Тира. Кости императора повезли с собой, но затем их след совершенно теряется. Кажется сомнительным, что они сопровождали сына Штауфена еще и до Акки, куда он с жалкими остатками своего войска прибыл в начале октября 1190 года и где 20 января 1191 года сам пал жертвой болезни. Во всяком случае, один арабский источник середины XIII века – сообщение Абу Шама – передает, что еще в 1197 году император Генрих VI напоминал христианам Святой земли, будто бы кости его отца все еще лежат в Тире, хотя воистину должны принадлежать Иерусалиму. Впрочем, исследовательская экспедиция, инициированная в 1878 году Бисмарком и искавшая в кафедральном соборе Тира могилу Барбароссы⁴³⁹, не добилась какого-либо позитивного результата.

II. СТРУКТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Описывать жизнь и деяния первого штауфеновского императора в их хронологической последовательности — одно из традиционных требований любой биографии, и предполагаемых ею, и к ней предъявляемых. Это описание, определившее построение предыдущих глав, знакомит нас с эволюцией власти Барбароссы на протяжении всех тридцати восьми лет правления, с ее апогеями и кризисами, успехами и провалами. Что недоступно такому описанию или доступно ему лишь в ограниченном масштабе, так это углубленное понимание основополагающих структурных элементов и связей, с которыми сталкивался правитель, среди которых он жил и на которые реагировал. Поэтому создание современной биографии Штауфена непременно предполагает ее аналитическое расширение в ряде аспектов — дабы предложить по возможности лучшее, более комплексное понимание личности Фридриха I и его эпохи. При этом в последующие главы совершенно осознанно включены реминисценции и возвращения к уже сказанному. Благодаря им разные уровни и отдельные компоненты всего повествования должны прийти в тесную взаимосвязь и в итоге сложиться в единую картину.

Начнем с обзора положения итальянской и бургундской областей державы: все-таки раннештауфеновская эпоха ясно отмечена особенно тесной связью между всеми частями Империи. Затем сконцентрируемся на трех больших социальных группировках, с которыми взаимодейство-

вала императорская политика: духовенстве; князьях, знати и министриалитете; и, наконец, на городской общности во всех ее столь многообразных социальных составляющих. Наконец, условно говоря, «внешнеполитической обстановке» эпохи Барбароссы будет посвящена глава о положении Империи в христианском мире.

1. ДВЕ НЕГЕРМАНСКИЕ ЧАСТИ ИМПЕРИИ — ИТАЛИЯ И БУРГУНДИЯ

Политические условия и обстоятельства господства, в которых оказывался в Империи государь эпохи высокого Средневековья с момента своего избрания, определялись внутриимперской триадой королевств: германского, итальянского и бургундского. Если германская область вверялась монарху более или менее изначально, как его собственная родина, вотчина, то оба негерманских региона державы были источниками совершенно специфических, отнюдь не просто решаемых проблем его правления, которым следует уделить особенно пристальное внимание также и в рамках историко-биографического труда.

Королевство Италия (*Regnum Italiae*) после завоевания государства лангобардов Карлом Великим являло собой непременную составную часть средневековой Империи, причем интенсивность взаимных связей между севером и югом, начиная преимущественно с позднекаролингской эпохи, подвергалась большим колебаниям. Только при Оттоне Великом соответствующие контакты были заново укреплены. Распространение власти и политического влияния на территорию Апеннинского полуострова не заходило, впрочем, дальше Средней Италии. Южная Италия, напротив, оставалась за пределами имперской общности, если не принимать во внимание отдельные военные операции. Картина Италии, рисовавшаяся немецким князьям, а вероятно, и Фридриху, молодому королю-Штауфену, в начале пятидесятых годов XII столетия, передана нам Отто-

ном Фрейзингенским, который описывает эту страну непосредственно перед изложением событий похода Барбароссы, предпринятого в 1154–1155 годах ради имперской коронации.

Позволим себе процитировать некоторые фрагменты из этого раздела «Gesta Friderici»⁴⁴⁰:

«Покрытая наивысочайшими и необычайно скалистыми горными цепями — протянутыми вдоль нее в обоих направлениях Пиренеями [подразумеваются Альпы] или Апеннинскими — так сказать, средоточие этих гор, или лучше сказать этой горной местности, воистину как сад наслаждений, простирается она от Тирренского моря до края вод Адриатики <...>. Страна орошается рекой По <...> и другими реками и благодаря плодородной почве и мягкому климату доставляет зерно, вино и масло, притом в таком количестве, что порождает прямо-таки леса плодоносных деревьев, прежде всего каштанов, смокв и оливок».

Далее Оттон описывает важнейшие области Италии в направлении с севера на юг, а затем подробно останавливается на ее историческом развитии со времен раннего Средневековья:

«Между тем лангобарды отказались от своей грубой варварской дикости, и, возможно, потому, что сочетались браком с местными и рожали сыновей, которые благодаря материнской крови и самобытности страны и климата восприняли кое-что от римского благонравия и остроты мысли, они сберегли изящество латыни и утонченный образ жизни. Также и в управлении городами, и в сохранении формы государственного правления для них по сию пору служит образцом мудрость древних римлян. Наконец, они столь сильно любят свободу, что во избежание злоупотреблений властью скорее подчинятся своеволию консулов, чем государей. Поскольку у них, как известно, имеются три сословия, а именно капитаны, вальвассоры и горожане, то, дабы не допустить высокомерия, эти консулы изби-

раются не из одного, но из всех сословий, и благодаря этому они не соблазняются властолюбием, сменяясь почти ежегодно. Так и выходит, что страна почти полностью разделена между городами-государствами, и каждое из них понуждает епископов разделить с ним свою судьбу, и едва ли найдется впредь хоть один знатный или могущественный человек столь честолюбивый, что не склонился бы, несмотря на это, перед властью своего города⁴⁴¹. На основании этой угрожающей власти они имеют обыкновение называть свои территории "комитатами". Ко всему прочему, дабы не лишиться средств для подавления своих соседей, они не считают ниже своего достоинства допускать к рыцарскому поясу и к высшим званиям молодых людей из низших сословий и даже ремесленников, промышляющих каким-нибудь презренным механическим занятием, которых прочие народы от занятий более почетных и свободных изгоняют, словно чуму. Из чего вышло так, что города остального мира они превосходят по богатству и могуществу. Способствовал тому не только <...> их деятельный характер, но и отсутствие властителей, привыкших оставаться за Альпами. Но часть варварского осадка, забыв благородные античные манеры, они сохранили в том, что хотя и похваляются, будто живут по законам, законам они не подчиняются. <...> Отсюда часто проистекает, что, хотя на основании законов с гражданами надлежит обращаться в соответствии с законным порядком, а врага усмирять оружием, они встречают враждебностью того, кого обязаны принимать как их собственного милостивого князя, который часто лишь требует принадлежащего ему по праву. <...> Среди всех городов этого народа первое место занимает теперь Милан. <...> Этот город слывет <...> значительнейшим среди прочих не только из-за своей величины и большого числа деятельных мужей, но и из-за того, что он подчинил себе два соседних города, лежащих в той же местности, — Комо и Лоди».

Напоследок фрейзингенский епископ останавливается еще и на проблеме имперских прав в Италии — предмете, который в начале первого итальянского похода, несомненно, был поставлен новым правителем в центр общего интереса⁴⁴².

«С вверения Римской империи франкам и по сию пору существует обычай, что короли, если они приняли решение отправиться в Италию, посылают нескольких опытных людей из своего окружения, которые проезжают по большим и малым городам и должны взыскивать там то, что причитается королевскому фиску, называемое жителями фодрум⁴⁴³. По этой причине весьма многие города, поселения и замки, которые по прибытии государя пытались препятствовать его судебным решениям, уклоняться от этого сбора или возражать против его выплаты, будучи срыты с земель, являют потомкам свидетельство своей дерзости. Другое право должно выводиться из старого обычая, а именно то, что как только король вступает в Италию, все должностные лица и магистраты обязаны приостанавливать свое действие, и все дела решаются его приказом по предписаниям законов и по приговору опытных судей. И такую местные судьи должны признать за ним юрисдикцию, чтобы взять на себя обязательство из всего, что порождает страна необходимого для жизни, на королевские нужды отводить столько, сколько требуется войску, за исключением разве что волов и посевного зерна, предназначенных для возделывания земли».

Правда, если сопоставить этот выразительный и одновременно достаточно богатый красками образ *Regnum Italie*, вместе с тем уже позволяющий распознать определенные предубеждения и предрассудки по поводу господствующих там порядков, с нашими общепринятыми представлениями о положении дел в этой стране, то он должен быть существенно дополнен и во многом скорректирован⁴⁴⁴. Прежде всего, если мы не будем выходить за рамки поли-

тико-географической⁴⁴⁵ характеристики Италии фрейзингенским епископом, обращает на себя внимание то, что он в особой манере изображает преимущественно североитальянское пространство. Средняя Италия в значительной степени оставляется без внимания, а изображение Южной Италии, лежащей вне пределов Империи, отсутствует вовсе. В районе Средней Италии под воздействием ряда факторов сложилась властная структура, которая в царствование Фридриха Барбароссы все более оказывалась в поле зрения имперского управления. Папство создало там собственный центр власти — Патримоний Святого Петра (*Patrimonium beati Petri*), основываясь на Пипиновом даре и более поздних его подтверждениях, но также в существенной степени опираясь и на крупную фальсификацию так называемого «*Constitutum Constantini*», мнимую передачу владетельных прав на Рим и Среднюю Италию католической церкви, возводимую к Константину Великому. При Фридрихе I эта область являлась постоянной целью военно-политических мероприятий Империи, многократно выступала как территориальный пункт кристаллизации конфликтов между *imperium* и *sacerdotium*. Папские притязания, исходя из этого, традиционно устремлялись и на область Адриатического побережья между Анконой и Равенной, где образовывалась широкая зона разногласий с имперской властью. Кульминацию конфликта можно отнести к десятилетию после схизмы 1159 года. Однако напряженность сохранялась и после заключения мира в Венеции (1177 год), поскольку Барбаросса в этом году вновь энергично заставил считаться с имперским правом, утвердив герцогские обязанности в герцогстве Сполето⁴⁴⁶.

В качестве следующего центрального фактора властных отношений в собственно центральноитальянском регионе следует назвать маркграфство Тоскану. В XI веке оно досталось Готфриду Лотарингскому. Его дочь и наследница Матильда Тосканская не только может быть названа од-

ной из самых интересных и многогранных женских фигур всей средневековой истории: обширному комплексу ее владений суждено было стать в результате одним из решающих факторов итальянской политики всего XII столетия⁴⁴⁷. Благодаря полученному от отца наследству графиня Матильда распорядилась огромной областью, состоявшей из имперского лена и домена, от Тосканы до Верхней Италии (там, помимо других территорий, отметим графства Реджо, Модена и Мантуя). В период борьбы за инвеституру графиня с самого начала встала на сторону реформаторского папства. В значительной мере благодаря своему браку с Вельфом IV, заключенному в 1089 году, она была решающей силой оппозиции Салиям. Десятилетием раньше (в 1077 году) ее родовой замок Каносса, расположенный в Апеннинах недалеко от Реджо, стал местом, где Генрих IV продемонстрировал папе Григорию VII смирение, столь унижительное и тяжелое по своим последствиям. В 1102 году графиня завещала свои наследные земли папе, получив их обратно уже в качестве феода, но девятью годами позже передала владения своему дальнему родственнику, Салию Генриху V.

Этому шагу суждено было стать прологом к постоянно вспыхивавшим в XII веке конфликтам из-за наследства Матильды. В 1116 году, следующем за годом ее смерти, салический император выступил в итальянский поход, назначив временным наместником Империи швабского герцога Фридриха из рода Штауфенов — отца Барбароссы, и принял во владение богатое наследство своей родственницы. После того как со смертью Генриха V в 1125 году Салическая династия пресеклась, папство попыталось реализовать свои притязания, однако теперь на горизонте появился новый фактор власти — вассалы Матильды. Эти вассалы — прежде всего в верхнеитальянских землях — установили контакты с новым государем, Лотарем III⁴⁴⁸. В то же время и штауфеновский антикороль Конрад пы-

тался присвоить эти владения, столь значимые для позиций королевской власти в Италии⁴⁴⁹.

Неудача штауфеновских предприятий в Италии, наряду с возникшей после схизмы 1130 года прочной связью Лотаря с папой Иннокентием II, также надолго изменила ситуацию с наследством Матильды. Во время императорской коронации Лотаря в 1133 году папа наделил этими спорными владениями и правами зятя государя, герцога Баварского Генриха Гордого из рода Вельфов. С передачей маркграфства Тосканы Вельфам, которое император осуществил в 1136 году, позиции Империи в Средней Италии должны были еще более укрепиться. Правда, уже спустя год город Лукка проявил открытое неповиновение этим новым властителям, что заставило корону отчасти считаться с сильной внутренней оппозицией в этой области⁴⁵⁰. Избрание королем Конрада III, которое сразу же должно было привести к тяжелому конфликту с Вельфами, наложившему тень на весь период правления первого штауфеновского государя, и последовавшая в 1139 году смерть Генриха Гордого вновь подорвали положение, приобретенное Империей в центральноитальянских землях. Абсолютно безуспешной оказалась попытка Конрада III озаботиться сохранением имперских прав, назначив маркграфом Тосканы Ульриха фон Аттемса. Представитель германской знати не смог удержаться у власти на юге⁴⁵¹.

Лишь Фридриху Барбароссе удалось впоследствии долгосрочное урегулирование на новой основе ситуации в этой болезненной зоне Италии, через которую, между тем, пролегали связи с Римом. В рамках своего примирения с Вельфами уже в первый год царствования Фридрих передал решающие для центральноитальянского региона владельческие титулы в герцогстве Сполето, маркграфстве Тоскана, княжестве Сардиния и наследных землях графини Матильды своему дяде Вельфу VI, с которым еще в правление Конрада III поддерживал самые лучшие отношения.

Уже вскоре Вельф лично обратился к новоприобретенным правам, отправившись для этого на юг. Тем не менее нам известно и о том, что штауфеновский государь энергично защищал сюзеренитет Империи⁴⁵². Этот интерес императора к Средней Италии несоизмеримо отчетливее проявился в годы схизмы. Параллельно с переходом своего дяди-Вельфа на сторону Александра III Фридрих активизировал свои усилия по подчинению этой зоны непосредственному имперскому правлению. Введение в дело имперских легатов, прежде всего двух выдающихся персон — Райнальда фон Дасселя⁴⁵³ и Кристиана фон Буха⁴⁵⁴, соответственно в сане Кёльнского и Майнцкого архиепископов, — составило при этом прочное основание всех мероприятий Империи. Одновременно на Среднюю Италию переносилась и там распространялась штауфеновская система имперского управления с назначением местных должностных лиц — вроде фогта Вильгельма фон Ахена в качестве графа Сиены (1163 год) или графа местного происхождения для Сан Миньято в долине реки Арно, который стал одним из центров штауфеновского присутствия в Тоскане⁴⁵⁵. Вельф VI по мере развития этого процесса частично утратил свои права, частично отказался от них, получив взамен финансовую компенсацию от племянника императора.

Значимость наследства Матильды для вопросов итальянской политики вновь становится особенно очевидной в связи с мирными переговорами между Барбароссой и папой Александром III. Еще при заключении предварительного мира в Ананьи поздней осенью 1176 года было предусмотрено возвращение этих прав папству, однако в условиях заключения мира в Венеции в следующем году именно этот пункт показательно отсутствовал⁴⁵⁶. Благодаря применению искусной дипломатической тактики Барбароссе удалось сохранить свои притязания на эту составляющую имперских прав, которая действовала южнее Альп и от которой нельзя было отречься. Сразу после съезда

в городе у лагуны штауфеновский император предпринял явно демонстративный поход через Среднюю Италию, который привел его от Адриатического побережья через Ассизи, где он отпраздновал Рождество 1177 года, область Сиены и Пизы до Лигурийского побережья. При этом, к большому неудовольствию папы, были очень настойчиво подчеркнуты имперские права на данной территории. Мир, достигнутый, наконец, после долгих лет схизмы, уже не мог стать этому помехой. Кроме того, Александру III при его возвращении в Рим была предоставлена поддержка имперских войск⁴⁵⁷.

То, какое значение Барбаросса придавал укреплению позиций Империи в Средней Италии и какую роль играло при этом наследство Матильды, еще раз с максимальной отчетливостью проявилось в его последнем итальянском походе 1184—1186 годов. Перед этим в 1183 или 1184 году было отклонено обращенное к курии предложение, согласно которому уступка Штауфену папой и коллегией кардиналов бывших владений Матильды должна была возмещаться десятой частью постоянных имперских доходов с Италии⁴⁵⁸. Однако Барбаросса ни за что не хотел отказываться от своих притязаний. В своем договоре с Миланом от февраля 1185 года⁴⁵⁹ он обязал этот город, который столь долго оставался в жесткой оппозиции к Империи, но с которым был достигнут компромисс в результате заключения Констанцкого мира, предоставить военную поддержку своей политике рекуперации, направленной на наследство Матильды. Одновременно он привязал к Империи ряд видных вассалов Матильды путем целенаправленной задачи привилегий и летом 1185 года вновь лично посетил Италию. Правда, из-за последовавшего в 1184 году обручения наследника престола, Генриха VI, с Констанцией Сицилийской развитие событий приобрело уже новое измерение⁴⁶⁰. Своими проводимыми с этого момента мероприятиями Барбаросса осторожно подготавливал будущее

господство своего сына. Отводимую Средней Италии функцию моста между севером Италии и ее югом, попавшим отныне в поле штауфеновских интересов, можно видеть через призму этих мероприятий в по-новому очерченном политическом контексте.

Продолжив наш политико-географический очерк ситуации в королевстве Италия, обратим свой взгляд — опять же дополняя сказанное Оттоном Фрейзингенским — на сам город Рим⁴⁶¹. Он был ядром области собственно папского господства *Patrimonium beati Petri*, но одновременно и воплощением власти в самой Империи. Барбаросса весьма энергично отстаивал свое требование господства Империи над этим городом как, можно сказать, высшее выражение своей точки зрения на обязанности правителя. В самом городе на Тибре структура власти была расшатаана прежде всего после схизмы 1130 года: Иннокентий II смог добиться признания только годы спустя и лишь при поддержке Лотаря III. В 1143 году общественные круги, включавшие представителей городской аристократии, но также и вновь поднявшихся социальных слоев, присвоили себе власть над городом. Таким образом, в то время, когда города-государства в Верхней Италии переживали свой триумф, коммунальные формы управления выдвинулись на первый план и на Тибре. По образцу античной традиции институциональная основа этого движения в Риме называлась «сенатом». Враждебность папству заметно обостряла местную ситуацию. Критическим положение папства⁴⁶² стало, во-первых, из-за отсутствия ежегодной поддержки со стороны втянутой во внутригерманские усобицы королевской власти, которая к тому же взяла на себя риск организации злополучного крестового похода, во-вторых, из-за контактов, установленных движением римских горожан с кругом Арнольда Брешианского, подвергавшего папство резкой критике. Совершенно независимо римские горожане вели себя и по отношению к имперскому главе.

Правда, их требование к Конраду III организовать поход на Рим, со ссылкой на устанавливаемые папой Евгением III связи с державой норманнов, должно было открыть государю глаза на опасность этих политических принуждений Римской церкви.

Положение еще более обострилось к началу правления Фридриха Барбароссы: мы узнаем о стремлении самостоятельно организовать избрание императора в Риме. Один современник по имени Вецель, о котором не дошло других сведений (видимо, немецкий сторонник этих кругов римских горожан), в своем единственном послании предупредил молодого короля об угрожающей ситуации⁴⁶³. Впрочем, Штауфен прямо не откликнулся на это предостережение, болсе того, продолжил переговоры с Евгением III, которые затем привели к ратификации Констанцкого договора в марте 1153 года. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что в отправленную в Рим королевскую делегацию был включен и граф Ульрих фон Ленцбург, которого этот сомнительный Вецель называет в качестве одной из персон, которых Фридрих должен послать в Рим — правда, для переговоров с римскими горожанами.

Затем, уже в последние дни перед его согласованной с папой Адрианом IV императорской коронацией, государя достигла делегация от движения римских горожан, но ее предложение возложить на него императорскую корону за выплату 5000 фунтов и при клятвенном подтверждении их прав и привилегий получило отказ⁴⁶⁴. И все-таки Штауфен должен был осознавать значение контактов с римскими горожанами как одного из возможных и важных факторов, ограничивающих папские амбиции (наряду с влиянием на назначение городских префектов). Характерно, например, что летом 1159 года, когда противоречия с Адрианом IV достигли своей кульминации, Барбаросса уполномочил своих отправленных в Рим посланников также и на переговоры с римскими горожанами. Правда, эти переговоры

были затем сорваны из-за разногласий по вопросу об императорском влиянии на должность префекта⁴⁶⁵. Только летом 1167 года, когда император вознамерился разрешить проблему схизмы в свою пользу путем военной интервенции в Рим, после поражения римлян от войск Империи, дело дошло до действительного договора Барбароссы с городом на Тибре. Он содержал признание сената при явно сознательном уклонении от назначений на должность префекта⁴⁶⁶. В ходе бурных событий следующих лет император вновь пытался обеспечить себе влияние на эту должность, но по мирному договору в Венеции вынужден был отказаться от своих притязаний. К документально зафиксированному урегулированию взаимных отношений с папством город Рим смог прийти только в 1188 году.

Процессы развития города Рима в раннештауфеновскую эпоху невозможно понять без политического фона, образованного подъемом норманнского королевства Сицилия⁴⁶⁷. В изложении Оттона Фрейзингенского эта южная область Апеннинского полуострова практически незаметна. В IX веке она входила в сферу владычества Византии, в последующем испытала сильное воздействие арабской экспансии, оставившей здесь свои наслоения, пока, наконец, в XI столетии — при содействии папства — не попала под влияние князей из норманнского дома. В 1127 году сильный норманнский князь Рожер II сумел объединить герцогства Апулию и Калабрию, сицилийские владения и княжество Капуя, сконцентрировав в своих руках властные полномочия в Южной Италии. Тремя годами позже он смог использовать в своих интересах папскую схизму: папа Анаклет дал свое согласие на коронацию его в качестве короля, которая состоялась в Палермо в 1130 году. После окончания борьбы за папский престол Иннокентий II в 1139 году также признал новое королевство, во многом вследствие неудачи военного выступления Лотаря III против норманнского государя во время второго итальянского похода.

Поддержка со стороны Рожера II в годы правления Конрада III, которому последовательную «итальянскую политику» можно приписывать лишь в виде очень скромных попыток, становится для папства одной из основных существенных предпосылок свободы политических действий. Тесные контакты штауфеновского короля с Византией вели к явной конфронтации Империи с Сицилией⁴⁶⁸, в то время как папа неоднократно взывал к сицилийской помощи перед лицом ожесточенной оппозиции римских горожан. Лишь с избранием Барбароссы, которому его успешная политика в Германии давала возможность возобновить энергичную итальянскую политику, ситуация в основных союзнических отношениях, в том числе и с Сицилией, изменилась. До начала семидесятых годов XII столетия доминировало противостояние Штауфенов и норманнов, которое политически акцентировалось во многом благодаря краху военного выступления Штауфена против Сицилии в 1156 году и дало опыт тесного сотрудничества папства с норманнскими властителями. Положение в корне изменилось лишь позднее, в связи с усилиями, направленными на преодоление схизмы. Пятнадцатилетний мир между Империей и Сицилией, договоренность о котором была достигнута летом 1177 года⁴⁶⁹, привел не только к признанию десятилетиями оспаривавшегося норманнского господства. В конечном счете, он стал предпосылкой для брака наследника Барбароссы, Генриха VI, с Констанцией Сицилийской, заключенного в январе 1186 года в Милане. Этот брак впоследствии стал основанием для распространения власти Штауфенов на юг Италии и включения Сицилийского королевства в состав Империи, для феномена их союза — *unio regni ad imperium* — вызвавшего затем столь сильное противодействие в первую очередь папы Иннокентия III⁴⁷⁰.

В качестве последнего дополнения к тому «наброску» Италии, который живописал для нас бабенбергский исто-

риограф и который естественно ограничивает поле зрения лишь имперской ее частью, укажем еще и на лежащий вне Империи лагунно-островной город Венецию⁴⁷¹. Еще Карл Великий в 812 году официально уступил ее Восточной Римской империи, но впоследствии она все более приобретает самостоятельный, независимый облик. Как важнейший торговый центр город превратился в существенный фактор развития экономических отношений эпохи и для Византии, и для западной Империи⁴⁷². Эта роль становится очевидной прежде всего в связи с начавшимся с конца XI века движением крестоносцев. Благодаря подписанию договора контакты Венеции с западной Империей при Фридрихе I были облачены в зафиксированную правом форму уже к концу 1154 года, причем речь велась об обновлении более ранних соглашений⁴⁷³.

Сообразно с господствующими позициями Венеции в Адриатике, особенно на Далматинском побережье⁴⁷⁴, ее включение в рамки штауфеновской политики представляло собой важный регламентирующий фактор в отношениях с Византией. Правда, с началом схизмы дело обернулось явным ухудшением обоюдных связей, причем, несомненно, важная роль принадлежала здесь также мощной и энергичной политике Барбароссы в отношении североитальянских коммун, которая с его быстрым продвижением на восток Верхней Италии (Падуя, Тревизо, Феррара) непосредственно захватила окрестности города у лагуны. С начала шестидесятых годов Венеция была оплотом сторонников Александра III⁴⁷⁵. Одновременно и восточно-римский император Мануил видел необходимость в том, чтобы упрочить здесь свое влияние. Приморский город был тогда важным центром передачи финансовой поддержки, которую Византия могла оказывать борьбе коммун против Штауфена⁴⁷⁶. К концу 1160 х годов в процессе радикального ухудшения отношений города с Восточной Римской империей последовала переориентация венецианской по-

литики⁴⁷⁷. Однако в первую очередь на ней сказался мотив торговых интересов, которые в 1173 году привели к участию города у лагуны в безуспешной, как оказалось, осаде Анконы имперским легатом епископом Кристианом Майнцским⁴⁷⁸.

Час венецианцев в XII столетии пробил позднее, когда в 1177 году миротворческая встреча Фридриха Барбароссы и Александра III, покончившая со схизмой, была перенесена в их город. Тогда было обновлено и прежнее договорное урегулирование отношений с Империей, предпринятое в 1154 году. Вслед за этим начался постоянный рост торговли между Венецией и имперскими землями севернее Альп. Сам император тоже признал значение хозяйственной и финансовой мощи венецианцев, повелев делать здесь займы и тем самым воспользовавшись их способностями и возможностями в денежных операциях. Уже из его времени нам известно об одном постоянно пребывающем в Венеции немецком купце, Бернарде Тевтонце (Bernardus Teutonicus). С рубежа XII и XIII столетий резиденция Бабенбергов Вена вступает в торговые контакты с приморским городом. Немного позже основывается Фондако деи Тедески, центр немецкой торговли в Венеции⁴⁷⁹.

Позиции Империи в собственно Верхней Италии, то есть в зоне, которую Оттон Фрейзингенский преимущественно держал в поле зрения в своем изложении, были бы, впрочем, охарактеризованы неполно, если не указать еще и на имперские владения, существовавшие там помимо наследства Матильды⁴⁸⁰. В то время как территориальные права Империи на востоке Верхней Италии лишь с большими затруднениями реконструируются по историческим памятникам, для западной части этой зоны, особенно пьемонтских земель, с так называемым «Перечнем столовых сборов римского короля» в нашем распоряжении имеется исключительно ценный источник, датируемый ныне чаще всего раннештауфеновской эпохой⁴⁸¹. Таким образом,

он особенно важен для характеристики имперской истории эпохи высокого Средневековья, рассматриваемой в этой работе. Он позволяет нам высветить правовладельческие основания, существовавшие как в Империи, так и в Италии, и выявляет один из существенных аспектов притязаний имперской власти на господство южнее Альп.

До сих пор мы пытались обрисовать в грубых чертах развитие Апеннинского полуострова в XII веке относительно его политико-географических признаков, причем позволяли себе расширить картину, нарисованную Оттоном Фрейзингенским, за счет некоторых существенных сфер и проблемных зон. Обратимся теперь с особым вниманием к вопросам внутренней структуры имперской Италии, прежде всего к ее социальным и институциональным условиям. Впрочем, и о них у бабенбергского историографа находятся интересные наблюдения с точки зрения одного из имперских князей своего времени. При этом в его описании доминирует феномен господства и могущества городов в Италии — феномен, который особенно бросается ему в глаза из-за своего различия с отношениями, обычными для германской части Империи, явно вызывая исключительное внимание и откровенную критику с его стороны. Правда, и эта картина происходящего в имперской Италии столь же неполна и так же нуждается в дополнениях, как и другие, уже отмеченные нами в этом смысле части сочинения Оттона. По существу, здесь он передает нам впечатление, выросшее из знакомства с положением дел в ломбардской области, в данном случае — особенно в районе Милана⁴⁸². Уже во время первого итальянского похода Барбароссы эта местность определилась как болезненная зона итальянской политики Штауфенов: здесь уже обозначилось в зародыше будущее тяжелое противостояние с миром коммун⁴⁸³.

Правда, общественная ситуация в королевстве к югу от Альп была намного сложнее и многограннее, чем явствует

из взгляда бабенбергского историографа. Прежде всего — наряду с, без сомнения, чрезвычайно выразительным, а также и доминирующим во многих областях миром городов — надо указать на существование сильно иерархизированного феодального общества. При этом, с одной стороны, нужно вспомнить о большом числе известных знатных фамилий маркграфского и графского достоинства⁴⁸⁴. Однако, с другой стороны, необходимо подчеркнуть и то, что общественная структура в городах и тесно связанной с ними округе также ни в коем случае не определялась только бюргерскими элементами, а как раз существенным, именно типичным участием феодальных слоев⁴⁸⁵. При этом, естественно, следует обращать внимание на региональные различия. В горных, холмистых частях имперской Италии, как, например, в Лигурийских Апеннинах или также во многих областях Средней Италии, мы можем еще и в XII веке обнаружить явно доминирующие позиции знати, которая, впрочем, и там тоже видела себя в состоянии конфронтации с политическим влиянием городов. Совсем иной представляла ситуация в равнинных областях Верхней Италии, особенно в долине реки По, где коммуны приобрели исключительно влиятельную, задающую тон силу. По сравнению с ними позиции клира в целом были сильно потеснены, и в первую очередь это коснулось городских епископов, которые к тому времени в подавляющем большинстве случаев уже склонились перед властью своих коммун или вынуждены были находить в отношениях с ними «*modus vivendi*»⁴⁸⁶.

Чтобы привести хотя бы некоторые примеры из мира знати имперской Италии, укажем на маркграфские семейства Маласпина и Монферрат. Центр власти рода Маласпина⁴⁸⁷ находился на территории лигурийских Апеннин. На востоке его границу составляла зона Монте-Бардоне (ныне перевал Ла-Чиза), на западе — район между Генуей, Тортоной и Пьяченцей. Ввиду господствующего поло-

жения перечисленных крупных коммун Маласпина считали себя находящимися в конфронтации с могущественными городскими противниками. В этом контексте необходимо рассматривать и их отношения с Империей, которые характеризуются большой амплитудой колебаний — от союза до вражды. С запада к местности, находившейся под их господством, примыкала обширная область, образованная владениями знати и простиравшаяся в направлении южного Пьемонта. Среди здешних господ можно назвать маркграфов Гави, Бусто и Савона, которые, правда, во времена Барбароссы не играли роли, сравнимой со значением Маласпина. Отношение этой знати к городам нередко знаменовалось именно типичным феноменом так называемых договоров «*habitaculum*», согласно которым аристократы вынуждены были часть года проживать в городе и тем самым подчиняться контролю со стороны коммуны.

Большое значение в мире итальянской знати XII века приобрел маркграфский дом Монферрат⁴⁸⁸, основные владения которого были сконцентрированы на территории восточного Пьемонта, где местность Монферрато в области между Асти и По до сих пор носит имя этого рода. Приверженец Штауфенов Вильгельм Монферратский, который благодаря своему браку с Юдифью из рода Бабенбергов приходился зятем бабке Барбароссы, Агнессе из дома Салиев, весь период долгого правления Фридриха I представлял собой постоянную величину в рамках императорской итальянской политики. Лишь необходимость достигнуть компромисса с коммунами Верхней Италии, особенно произошедшее тогда примирение императора с Алессандрией, но также и территориально-политические противоречия между сыном Вильгельма, маркграфом Конрадом, и имперскими властями в Средней Италии⁴⁸⁹, вызвали в конце 1170 х годов единственную перемену в этом постоянстве. На верхнеитальянской политической сцене эпохи Барбароссы усилил свое значение еще один граф-

ский род, имевший подобные же хорошие связи с имперской администрацией, — графы Бьяндрате⁴⁹⁰ с ядром владений в области вокруг Новары. Граф Гвидо, что типично для ситуации современной ему знати, являлся одновременно бюргером города Милана. То, что он принял сторону государя, превратило его в чрезвычайно важную персону во время борьбы с «ломбардской метрополией». Его сын, носивший то же имя, при значительном содействии монарха был, несмотря на сопротивление папы, в 1158–1159 годах возведен на архиепископскую кафедру Равенны.

Множественно уже отмечавшееся присутствие феодальных слоев в городском населении этой эпохи — важных аристократических родов в меньшей степени, чем более или менее крупных вассалов (которые, прежде всего в Милане, так хорошо опознаются под терминами «капитаны» и «вальвассоры»)⁴⁹¹, — заставляет нас обратиться теперь к миру коммун в собственном смысле и тем самым, пожалуй, к определяющему элементу структурных взаимосвязей имперской Италии⁴⁹². Со времен античности Италия оставалась страной городов, густая сеть епископских резиденций — лишь другая грань того же явления. Властные отношения в городе и его округе определялись при этом условиями епископских церквей, положение которых пытались укрепить в рамках переноса в Италию оттоновской системы имперской церкви, в меньшей степени — положением графов, но прежде всего — начиная с XI века все отчетливее — растущей властью городского общества. С начала XII столетия, в эпоху, когда движение крестоносцев во многих отношениях привнесло в общее развитие повышенную мобильность, во многих городах уже выдвинулся и смог констатировать свои первые успехи представительный орган для обсуждения политических вопросов — консулат. Но очевидным неудержимый подъем коммунального движения становится именно тогда, когда имперские

власти из-за своего многолетнего отсутствия в Италии не смогли с должными силами соблюсти свои права. Таким образом, понятно и вполне оправдано, что Оттон Фрейзингенский в своей характеристике имперской Италии сконцентрировал внимание на городском мире, чью угрозу устройству Империи он особо подчеркивает и взгляд на который — с точки зрения германского имперского князя — прикован к необычной социальной мобильности.

Разумеется, в результате городская политика должна была воспринять решающий отпечаток общей итальянской политики Фридриха I. Уже рассмотрение его итинерария⁴⁹³ позволяет отчетливо судить о том, какое место Штауфен отводил проблемам имперской Италии при осуществлении своей власти. В течение своего 38-летнего правления (за вычетом года, когда он находился в крестовом походе, — 1189/1190) он шесть раз отправлялся в поход на юг (1154–1155, 1158–1162, 1163–1164, 1166–1168, 1174–1178, 1184–1186 годы), проведя, таким образом, 14 лет в Италии. Добавим, что годы пребывания там, без сомнения, следует расценить как отмеченные особой активностью, потребовавшие полного напряжения сил, а также и самые трудные на протяжении его правления. Впрочем, полученное благодаря общей статистике впечатление еще сильнее акцентируется при более подробном рассмотрении, когда, например, выясняется, что император за десять лет с 1158 по 1168 годы лишь три из них провел севернее Альп.

Наибольший интерес вызывает в связи с этим вопрос о средствах осуществления господства, использовавшихся в рамках этой итальянской политики. Инструментарий, к которому обращался здесь император, оказывается богатым. Он заново подтверждает большой политический талант этого человека, умевшего в конечном итоге обеспечить себе общепризнанный успех за счет комбинации вошедших в обычай, традиционных методов, которые он,

впрочем, наполнял новой динамикой и новым содержанием, и вновь создававшихся политических возможностей. В результате Барбаросса вошел в историю как один из знаменитейших средневековых правителей. основополагающая роль здесь, несомненно, отводится целеустремленному использованию возможностей ленных отношений. Этот традиционный элемент созидания Империи был задействован, посредством раздачи регалий городским консулам, и применительно к новому миру коммун. На рейхстаге в Ронкалье в ноябре 1158 года Штауфен сумел с большим мастерством, с привлечением представителей городов, включить в объем имперского права регалии, которые города имперской Италии с начала XII века все более и более присваивали себе. При этом он воспользовался правоведением, расцветшим в Италии уже в те времена. Подключение возможностей римского права отчетливо сказалось и на обнародованных на этом рейхстаге текстах законов, касавшихся требования высших полномочий Империи в назначении любых судебных и исполнительных властей, вопроса о пфальцах в имперской Италии и взимания налогов. Тем самым Барбаросса из развивавшейся в Италии правовой жизни создал для себя единообразное поле деятельности, сумел добиться подведения теоретико-юридического фундамента под имперскую власть. Последующие традиционные средства господства можно видеть в целенаправленной политике раздачи привилегий, но также и в ведении переговоров, заключении договоров и соглашений⁴⁹⁴. Наконец, нужно вспомнить и о нередких открытых конфронтациях, то есть о прямой борьбе, использовании военных средств и всех принимаемых здесь в расчет мерах принуждения.

Наряду с вышесказанным — и это, без сомнения, особенно примечательная характерная черта политики Фридриха Барбароссы относительно имперской Италии — необходимо все же в первую очередь обратить внимание на

ряд новаций в его методах господства. Речь при этом идет прежде всего о создании его собственной организации управления Империей, которая распознается на многих уровнях в очень типичных формах своего проявления⁴⁹⁵. Имея в виду самый высокий уровень, следует начать с института имперских легатов, которые, снабженные обширными юридическими, но в особенности политическими полномочиями и предписаниями, распространяли свою активность на большие части королевства. В результате возник вид управляющей инстанции, исполнявшей обязанности императора, которая таким образом могла воспользоваться его правами и во время его отсутствия в Италии или в какой-то определенной части этой области. Эти функции имперского легата хорошо подтверждаются мероприятиями архиепископа Кёльнского Райнальда фон Дасселя, а позднее также и архиепископа Майнцкого Кристиана фон Буха в шестидесятые и семидесятые годы XII столетия⁴⁹⁶. Определенно полномочия в сфере юрисдикции, но едва ли далеко заходящая политическая компетенция полагались выступившим также в 1160-е годы придворным викариям, таким, как епископ Герман Верденский⁴⁹⁷, на что ясно указывает их титул с добавлением *ad iustitias faciendas*.

Решения рейхстага в Ронкалье осенью 1158 года, которые во многом должны расцениваться как поворот в итальянской политике Барбароссы или как, собственно, ее начало, привели в будущем к непосредственному влиянию Империи на власть консулата, до сих пор развивавшуюся в городах самостоятельно. При этом обнаруживаются разные виды такого влияния, которые в соответствующей своей характеристике являются отражением политических условий, но также и локальных, институциональных предпосылок. Сначала, где-то на рубеже 1158 и 1159 годов, произошло следующее: коллегия консулов в некоторых городах, например в Лоди, Кремоне и Пьяченце — после предварительной проверки этих лиц, — была санкциони-

рована государем в такой форме, чтобы назначать туда людей как императорских *potestates*. За этим, без сомнения, скрывалось особенно настойчивое воздействие имперских властей на состав городского правления. Вскоре это должно было привести к новым волнениям (Милан, Пьяченца). В различных городах, расположенных по Виа Эмилия, но также в Вероне и в части Средней Италии, где с начала пятидесятых годов XII века явно вне всякой зависимости от Империи возникли городские режимы единоличного правления⁴⁹⁸, штауфеновский император мастерски использовал эти местные условия. Помимо прочего, возможно, было проще сохранять влияние на отдельную персону, чем на коллегию с чаще всего особым соотношением интересов и разнородной партийной солидарностью. В отношении же городов, на деле доказавших верность Империи, та затем позволяла себе в жестких столкновениях эпохи ослабить узду. Они получали утверждение избранных консулатов с назначением вполне выполнимого годового ценза за сохраняемые суверенные права (ценз за регалии) или даже без его назначения.

Непосредственное влияние Империи на имперскую Италию существенно усилилось прежде всего с момента триумфа над Миланом, которому в марте 1162 года довелось пережить горькую судьбу разрушенного города. Применительно к городам это привело к назначению внешних, нередко немецких подеста (производное от *potestas*), которые действовали или наряду с сохранявшимися коллегами городских консулов, или даже единовластно. Известно, например, о назначении в Пьяченцу саксонца Арнольда фон Дорштадта, которому итальянцы за его пегую бороду дали прозвище *Barbavaria*. Другая возможность состояла в том, чтобы подчинить одному должностному лицу Империи несколько городов (Маркварду фон Грумбаху — Брешиа и Бергамо), окрестную область таких городов (Ламберту фон Нимвегену — территорию Кремы в

округе Лоди) или даже не вполне определяемые городами зоны с собственными владельческими признаками (графу Госвину фон Хайнсбергу — Сеприо и Мартезану, то есть местность, традиционно оспариваемую друг у друга Миланом и Комо). Выселенные из своего города миланцы, как давний наиболее опасный элемент ломбардской антиимперской оппозиции, были отданы в подчинение собственному подеста — сначала епископу Генриху Люттихскому (Льежскому), затем другим.

Хотя мероприятия этих должностных лиц Империи, неприкрытое использование хозяйственных и финансовых возможностей этой высокоразвитой области и городов в целях, преследуемых Империей, по своей жесткости едва ли отличались от тех, которые раньше применялись самими коммунами, действия зарубежных господ должны были вести к нарастающему негодованию⁴⁹⁹. Напротив, штауфеновское имперское управление, распространившееся в то же самое время на Среднюю Италию, на этом пространстве нашло для себя благоприятные условия. Имевшиеся там структурные реалии — гораздо меньшее число центров коммунальной власти — делали более возможным вмешательство со стороны имперских властей. В Ломбардии нарастающее сопротивление должностным лицам государя, но также и, несомненно, неодинаковое обхождение с городами, например явное благоволение штауфеновской политики к Павии или Кремоне, приводили к беспорядкам, созданию питательной почвы для городских союзов и появлению их первых ростков, которые вскоре полноценно проявили себя как мощные силы противодействия штауфеновскому имперскому господству в лице Веронской лиги (*Lega Veronese*) на востоке Верхней Италии и Ломбардской лиги (*Lega Lombarda*) в главных ломбардских землях. Если в результате этого и потерпело неудачу утверждение собственного имперского управления в Ломбардии, и государь вынужден был в семидесятых и восьми-

десятих годах XII века вступить на трудный путь компромисса с коммунами, то заключенный в 1183 году Констанцкий мир, обозначивший конец многолетней борьбы, все-таки можно расценить как успех Империи. Отношения с миром коммун были тем самым направлены в упорядоченное русло, готовность обеих сторон к компромиссу привела к примирению. Мир обеспечил Империи не только налоговые сборы и, как следствие, финансовую базу штауфеновской политики, он и в политическом смысле открыл новые многообещающие возможности. Наряду с этим нельзя упускать из виду и благополучное сохранение возможностей для воздействия имперских властей на Среднюю Италию и влияния внутри нее: там в 1180-е годы структуры имперского управления смогли развиваться с определенным успехом и дальше.

Если, наконец, мы поднимем вопрос о смысле и реальной пользе итальянской политики Фридриха Барбароссы, столь остро дискутировавшийся в научной литературе начиная с середины XIX века, то сегодня уже твердо и без сомнений можно заявить о ее оправданности. Прогресс в исследовании раннештауфеновской эпохи применительно к этой проблематике очевиден настолько, чтобы разрушить анахронизмы. Несомненно, сначала необходимо указать на сильный побудительный момент, на расширение горизонта властителя, хотя в деталях уловить это вряд ли возможно. Благодаря ознакомлению с итальянской обстановкой Барбаросса столкнулся не только с большими проблемами, но и с политическими и экономическими возможностями нового свойства, и был вынужден искать ответы на эти вызовы. Итальянская политика, таким образом, породила процесс обучения, которое Штауфен воспринял и из которого извлек пользу. Выводы из него приводили монарха к пропастям, но также и к вершинам его правления и столь существенно определяют теперь его место в нашей исторической картине эпохи высокого Средневековья.

Однако наряду с этой пользой общего характера следует подчеркнуть прежде всего реальные политические выгоды, финансовые доходы, принесенные имперской политикой в отношении Италии. Требованием о взимании фодрума — сначала налога, ограниченного коронационным походом, — проявила себя тенденция к регулярному налогообложению, с системой регалных цензов, причем за уступку суверенных прав коммуна устанавливалась финансовая компенсация в пользу Империи. Но также и штрафные суммы, взыскиваемые с подчиненных городских противников, создавали прочный фундамент финансовой политики в имперской Италии, привлекали богатые экономические возможности этой страны для нужд штауфеновской имперской власти. Наиболее интенсивное развитие этот аспект имперской политики претерпел в начале шестидесятых годов XIII столетия, когда дело дошло до непосредственного использования финансовой силы имперской Италии, а также была введена собственная имперская монета в Верхней Италии. В нашем распоряжении имеются данные о ежегодных имперских доходах в размере 30 000 фунтов, а в одном случае даже 84 000 фунтов империалов (то есть в единой имперской монете). Стоит подчеркнуть, что при этом не может говориться о регулярно поступающих суммах и что величина денежных средств скорее зависела от конкретного политического положения, в особенности от присутствия Империи, от пребывания государя в Италии. Но и при этом финансовые возможности правителя Штауфена все равно оказываются включенными в большой европейский контекст, в рамках которого они уступали лишь возможностям норманнских держав в Англии и Сицилии. При этом не может быть и речи об эксплуатации Италии в том смысле, что эти доходы предназначались бы для нужд тех частей империи, которые лежали севернее Альп.

С другой стороны, высоким доходам на юге противостояли чрезвычайно затратные расходы в той же самой обла-

сти. Их составляли прежде всего финансовые потребности, связанные с многочисленными военными мероприятиями, которые должны приниматься здесь в расчет. Однако по существу итальянские доходы Империи могли быть солидным финансовым основанием, которое в начале 1170-х годов позволило императору через несколько лет после вызванной эпидемией малярии катастрофы близ Рима (1167 год) выкупить у своего вельфского дяди, Вельфа VI, его итальянские имперские лены за огромную сумму, о точном размере которой традиция умалчивает⁵⁰⁰.

Теперь обратимся ко второй негерманской части империи той эпохи, королевству Бургундия (*Regnum Burgundie*)⁵⁰¹, чтобы проанализировать и прояснить также и здешние отношения и структуры. Сведения, сохраненные источниками, здесь гораздо более скудны. Прежде всего, в нашем распоряжении нет описания страны, сравнимого с тем, которое в столь выразительной манере посвящает Италии Оттон Фрейзингенский: картина должна складываться скорее из документальных и гораздо более редких историографических свидетельств.

Возникшее в процессе распада каролингской империи Бургундское королевство было в X веке расширено на юг в результате столкновений с «Итальянским королевством Гуго Прованского» за область Арелат. Благодаря унаследованию от последнего собственного короля Рудольфа III (993–1032 годы) Бургундия перешла к Салию Конраду III и тем самым к Империи. Территориально эта страна простиралась от южной кромки Вогезов в ее северной части до Альп, от Соны на западе до срединной Швейцарии на востоке. Епископскими резиденциями, как важными пунктами кристаллизации властных отношений, являлись архиепископство Безансон, а также епископства Базель, Женева, Лозанна и Сьон (Зиттен), позиции знати в первой половине XII века представляли прежде всего графы Бургундско-Маконские. С юга к этим территориям примыкал

Арелат, ограниченный альпийским хребтом и Роной и включивший на юге морское побережье теперешнего Лазурного берега. Эта южная полоса королевства обнаруживала богатую по составу властную структуру, в которой, наряду с несколькими могущественными аристократическими домами, такими как сеньоры Бо или графы Форкалькье, в ранештауфеновскую эпоху все еще задавал тон епископат. Густая сеть епископских резиденций была характерна для этой области, причем центр тяжести приходился на главенствующее в ландшафте русло Роны и ее важные восточные притоки, такие как Дюранс или Изер. Среди этих епархиальных центров следует назвать в первую очередь Арль, Экс-ан-Прованс, Вьенн, Лион, Амбрён и Мутье-ан-Тарентез, а также епископства Марсель, Авиньон, Оранж, Валанс, Апт, Гап, Дье, Гренобль и Белле. Однако, наряду с этим, здесь уже с начала XII столетия отмечается формирование городской среды, которая — под отчетливым воздействием итальянских установлений — вырабатывала собственные консульские формы правления.

Север страны с самого начала XII века все более попадал под влияние Церингенов — конкурентов Штауфенов в герцогстве Швабия⁵⁰². Опираясь на союз с Лотарем III, от которого они получили в лен ректорат Бургундию, Церингены пытались на протяжении тридцатых и сороковых годов решительным образом расширить и укрепить свои позиции в стране. Фридрих Барбаросса уже в середине 1140-х годов, еще до смерти своего отца и, таким образом, до обретения своего герцогского достоинства, организовал вооруженный отпор их стремлению к власти — правда, в южношвабско-швейцарской, а не бургундской области, но затем примирился с этими конкурентами в связи со своими столь искусно проведенными переговорами об избрании на трон. К числу первых политических мероприятий, проведенных им в качестве короля, относится заключение в 1152 году соглашения с герцогом Бертольдом IV Церин-

геном. Оно предусматривало, в первую очередь, общее военное выступление против противников господства Церингенов, определяющего для Бургундии и Прованса в отсутствие государя. Противником бургундского ректората герцога выступал прежде всего граф Вильгельм Маконский. Во-вторых, соглашение обеспечивало королю поддержку Бертольда в планировавшемся итальянском походе и, кроме того, распространяло залоговое право на некоторые владения Церингенов в Швабии.

Когда затем в начале следующего года был предпринят поход в Бургундию, причем захвативший только северную часть страны, ситуация полностью изменилась, не дав проясниться подоплеке этой перемены. Очевидно, такой подоплекой был все же интерес государя к непосредственному влиянию на Бургундию, которому наносили ущерб амбиции Церингенов. Когда затем в лице графа Вильгельма Маконского при дворе появился никто иной, как главный соперник церингенского герцога, стало очевидно, в какой степени король выдвигал на передний план обеспечение собственных властных возможностей. Хотя Барбаросса еще и в начале 1155 года оказал Церингену поддержку на месте в подчинении города Вьенн, впредь не могло уже быть и речи о безусловном и безоговорочном поощрении прав Церингенов в Бургундии. С бракосочетанием Штауфена с племянницей графа Маконы, Беатрисой, в июне 1156 года оказались впоследствии связаны решающий удар по позициям Церингенов и одновременно начало интенсивного использования Бургундии самим государем. Правда, Бертольд фон Церинген получил в утешение права инвеституры вместе с фогтством в отношении епископств Лозанны, Женевы и Сьона, но добился там небольшого признания и в последующем — с начала 1160 х годов — оказался в открытом антагонизме с имперскими властями.

Брак с наследницей графства Бургундия обосновывал интерес Штауфена к этому региону, который, впрочем,

обнаруживал себя и прежде, но для которого теперь открывались совершенно новые возможности. Барбаросса лично посещал это королевство в 1156, 1157, 1162, 1166, 1168, 1170, 1173, 1178 и 1186 годах. Помимо этого, господство над страной доставляло заботы не только благодаря целенаправленной политике раздачи привилегий и влиянию на замещение важных епископских кафедр, но и из-за введения института имперских легатов в этой части Империи⁵⁰³. Действительно, именно феномен появления имперских легатов в Бургундии обнаруживает бросающиеся в глаза параллели с развитием дел в Италии. В нем, как будто, неявно просматриваются развернутое планирование и организация всеобщего штауфеновского имперского господства, причем и Ломбардия, и Северная Бургундия, и, пожалуй, также герцогство Швабия выступают как подлинное ядро Империи⁵⁰⁴.

Впрочем, условия для такого рода интенсивного включения Северной Бургундии в концепцию господства Барбароссы были чрезвычайно благоприятными из-за расположенных здесь владений, выделенных в приданое Беатрисе. Правда, первоначальное наделение архиепископа Безансонского легатской должностью (в середине 1160-х годов) и его чисто местная активность при исполнении своей функции имперского легата оказываются ниже того впечатления, которое позволило бы говорить о некоем сознательно действующем и эффективном инструменте императорской политики. Однако принятие этих легатских функций впоследствии такими персонами, как граф Людвиг фон Саарверден или клирик Даниил, все-таки проясняет то, каким образом здесь действительно создавались новые возможности и приемы управления страной. Церингены в качестве конкурентов были из него преимущественно исключены. Начало 1170-х годов уже отчетливее демонстрирует все более сильное подчинение Бургундии непосредственному господству дома Штауфенов. В последние

годы жизни императрицы она распоряжалась в Северной Бургундии как единовластная правительница. Эти права перешли затем к сыну императора Оттону, пфальцграфу Бургундскому, страна превратилась в своего рода апанаж штауфеновского дома.

На других основаниях формировались отношения в южной части этого королевства, в Арелате⁵⁰⁵. Высшее духовенство этой области ради укрепления своих позиций в противодействии знатным конкурентам с их территориальной политикой (таким как сеньоры Бо, но также и сеньорам земель графства Прованс, происходившим из дома графов Барселонских) установило контакты со штауфеновским двором Конрада III. Эти контакты были закреплены рядом королевских дипломов.

С самого начала господство над Арелатом было для Барбароссы интегрированной составной частью его бургундской политики, что подчеркивалось уже в соглашении с Церингенами от 1152 года. В соответствии с мероприятиями своего предшественника Фридрих уже в первые годы правления выдал грамоты большинству южнобургундских адресатов, а женитьбой на Беатрисе значительно укрепил свои позиции, равно как и свой авторитет, в этой южной части страны. Вследствие начавшейся схизмы Арелат оказался затем зоной приложения интенсивных политических усилий государя. В 1160 году он резко сменил проводившийся до сих пор курс на взаимодействие с домом Бо и в результате вернул графство Прованс Барселонскому дому, который не только поддержал Барбароссу в его борьбе с итальянскими городами, но и вступил с ним в родственные отношения благодаря браку императорской кузины Рихильды с графом Раймундом Беренгаром III. Архиепископская резиденция Арль⁵⁰⁶ смогла при этом избавиться от своего сильного противника — сеньоров Бо, но на их место заступил Барселонский дом, который в той же мере урезал суверенитет архиепископства.

Положение имперских властей в южной Бургундии ухудшилось затем в середине шестидесятых годов, когда после смерти союзного графа Раймунда Беренгара III его двоюродный брат, король Альфонс Арагонский, начал все больше и больше распространять свою власть на морское побережье Прованса, а также и в глубь страны. Правда, все это во многом было игрой сил локального масштаба, и умение Штауфена извлечь из нее выгоду, которое около 1170 года ознаменовалось новым изменением его политики, привело к подлинной кульминации штауфеновского господства над Бургундией. Против экспансионистских намерений Арагона на стороне императора выступили не только архиепископ Арльский, но и вся знать этих земель во главе с графами Форкалькье, а также граф Тулузский, после своей женитьбы на вдове Раймунда Беренгара III, Рихильде, действовавший все более проштауфеновски. Это новое соотношение сил оказало решающее воздействие на консолидацию имперского господства в данной части страны. Летом 1178 года Барбаросса предпринял свой, вероятно, самый знаменитый поход в Бургундию, пройдя от Турина через Мон-Женевр и долину Дюранса до Арля, откуда он вдоль Роны отправился на север. Пышная коронация Штауфена в Арле 30 июля этого года⁵⁰⁷ не только обозначила триумф после окончания длившейся почти два десятилетия схизмы, но и была, несомненно, выражением консолидирующего господства над королевством Бургундия.

Хотя Барбаросса лично и не посещал больше Арелат в позднейшие годы своего правления, он должен был и далее энергично поддерживать там свои права изданием постановляющих документов. При этом особенно бросается в глаза то, каким гибким, прагматичным, демонстрирующим высокую приспособляемость образом проявлял он свою активность. В противоположность его более ранним грамотам, здесь наряду с интересами местных епископов выделяются также интересы находящихся на подъеме город-

ских кругов. Принципиально акцентируя епископские позиции, Штауфен демонстрировал, что признает вполне широкое, учитывающее и эти общественные силы, регулирование отношений традиционных властей на определенной политической сцене ради их взаимного согласия. Помимо этого он также явно искал компромисса с могущественными знатными фамилиями и в случае с сеньорами Бо и с епископской резиденцией Оранжем был даже готов отказаться в пользу господства знати над городом от постоянной, обычно сохранявшейся епископальной модели городской власти⁵⁰⁸. Готовый к компромиссам политик, правилом всех мероприятий которого было соблюдение высших интересов Империи, — именно в качестве такого выдающегося политического таланта являет себя Штауфен и в рамках своего господства в Бургундии, позиции которой в структуре Империи не в последнюю очередь определялись ее пограничным положением относительно королевства Франция.

2. ФРИДРИХ БАРБАРОССА, ПАПСТВО И КЛИР

Церкви как одной из наиболее значительных «государственно-несущих» сил в средние века отводилась абсолютная решающая роль в созидании Империи. Отношение государя к миру духовенства, к папству как к вершине церкви и к епископату, орденскому и немонашескому клиру как к ее базису должно рассматриваться, соответственно, в качестве центральной сферы имперской политики. В десятилетия борьбы за инвеституру отношения между *imperium* и *sacerdotium* приняли вид всемирно-исторического противостояния. В основе этого лежали феномен королевского или императорского влияния на церковь, так отчетливо сформировавшийся в связи с оттоновской системой имперской церкви, и в то же время принципиальное привлечение прежде всего епископата к потребностям управления Империей. Реализовалось это влияние через инвеституру, то есть, в конечном счете, через назначение на епископские должности монархом, который вместе с передачей епископам светских суверенных прав предписывал им руководящую роль в создании структуры Империи.

При ранних Салиях это вмешательство имперских властей в церковные дела распространилось также и на папство. В связи с отчетливо нараставшим со времени синода в Сутри (1046 год) влиянием государя на престол Святого Петра папству угрожала опасность все большей зависимости от Империи. К тому же тогда, с середины XI века, развернулась дискуссия о необходимости реформ церков-

ного устройства, в фокусе которой находился вопрос о симонии, продажности церковных санов и должностей. Уже вскоре эта дискуссия, особенно в Верхней Италии, смешалась с ранними коммунальными движениями. Этой всемирно-исторической борьбе довелось тяжелейшим образом потрясти прежде всего правление двух последних Салиев, Генриха IV и Генриха V. Лишь в конце господства последнего из Салиев наметилось постепенное сближение противоборствующих сторон, и 23 сентября 1122 года с папой Каликстом II был заключен так называемый Вормский конкордат.

Важными пунктами этого соглашения были следующие. Император впредь отказывался осуществлять инвеституру кольцом и посохом и давал согласие на канонические и свободные выборы епископов и аббатов. Папа взамен соглашался — для германских земель — на присутствие на таких выборах государя, причем тому разрешалось поддерживать *sanior pars*, то есть наиболее благоразумную партию, при отсутствии большинства. Кроме того, в Германии вверение светских суверенных прав, темпоралий, посредством скипетра должно было производиться еще до рукоположения в сан, тогда как в Италии и Бургундии оно происходило только после избрания и рукоположения. Принципиальное значение для осуществления этого компромисса имело разделение духовных и светских прав (*spiritualia — temporalia*): это крупное идейно-теоретическое достижение в эпоху Штауфенов должно было найти свое продолжение в понятийно ясном изложении регалий, суверенных прав Империи, столь значимых для городских сил Италии. Вормский конкордат, без сомнения, явился поначалу весомым успехом церкви, но в то же время завершил тяжелый кризис Империи и создал государю новое пространство для маневра. Прежде всего, разумеется, вопрос заключался в том, как наметившуюся теперь нормализацию реализовать на практике — причем необходи-

мо констатировать при этом, что позиции Империи могли энергично отстаиваться и дальше. Новейшие исследования сумели внести существенные поправки в прежний образ «поповских королей» даже относительно периодов правления Лотаря III и Конрада III, поколебленных тяжелым внутригерманским кризисом⁵⁰⁹.

Одной из решающих контактных зон в отношениях между *imperium* и *sacerdotium* издавна было проведение коронации императора папой — акт, который всегда предполагал согласие между обоими высшими авторитетами. Папству все же не удалось использовать эту ситуацию для укрепления собственных позиций: напротив, оно само часто бывало весьма заинтересовано в осуществлении коронации из-за грозившей ему опасности (проблемы схизмы, зависимость от поддержки государя из-за усиления норманнской власти в Сицилии или оппозиции римских горожан). Здесь все-таки следует указать на некоторые принципиальные моменты, относящиеся к оценке папской политики и к вопросу о ее эффективности. Так, папство могло опереться на институциональную сплоченность церкви, на ее сформированную иерархическую структуру. Можно было распоряжаться богатой традицией политико-дипломатических расчетов, успешно и энергично развивать связи — особенно со времени борьбы за инвеституру — со всеми частями христианского мира. Нельзя забывать и о богатом жизненном опыте большинства персон, занимавших престол Святого Петра, — как совокупном, так и индивидуальном.

В середине XII столетия папство пребывало в сложно-составном сплетении политических связей, которое определялось в особенности региональными проблемами. К ним относились отношения с римской городской оппозицией, усилившейся благодаря учреждению сената в 1143 году и связавшей себя с критиками внутри самой церкви, вроде Арнольда Брешианского, а также отношения с сицилийс-

кой державой норманнов. По сравнению с ними связи с Империей были менее интенсивными. Конраду III мешали оказать действенную поддержку папству столкновения с Вельфами, так и не позволившие ему за время его правления отправиться в коронационный поход в Рим. Ситуация неожиданно изменилась с избранием королем швабского герцога Фридриха. Вопрос об отношениях с папством и стремление как можно скорее получить императорскую корону оказались в центре внимания уже по случаю переговоров с князьями, проведенных на следующий день после королевской коронации в Ахене. Хотя новый король поначалу подчинился мнению светских князей о том, что поход на юг пока должен быть отложен и нужно стремиться к окончательному умиротворению германской части Империи, он все же немедленно выслал делегацию к папе Евгению III. В ее состав, наряду с избранным архиепископом Хиллином Трирским и епископом Эберхардом Бамбергским, входил аббат Адам Эбрахский — как и папа, выходец из ордена цистерцианцев. Хотя в последующие месяцы отношения с папством складывались отнюдь не безоблачно⁵¹⁰, взаимодействие со Штауфеном было все-таки совершенно необходимо папе из-за его тяжелого положения в силу острой оппозиции со стороны римских горожан⁵¹¹. Еще осенью 1152 года в курию явилось повторное посольство, состоявшее из епископов Ансельма Хафельбергского и Германа Констанцкого, графов Ульриха фон Ленцбурга, Гвидо Гуэрры и Гвидо ди Бьяндрате. Под новый год там было достигнуто письменное соглашение, которое король ратифицировал в марте 1153 года в Констанце. Наряду с решением энергично противодействовать греческой экспансии против Италии, римлян и королевства Сицилии, там была определена согласована императорская коронация⁵¹².

Осенью 1154 года Барбаросса выступил в свой коронационный поход. Хотя в основных структурах положение в

общем не изменилось, однако с избранием папой англичанина Николаса Брейкспира, Адриана IV, на престоле Святого Петра оказался человек, который отныне уделял отношениям с Империей все же большее внимание, нежели его предшественник. Знаменательна для едва ли гармоничных вначале отношений двух высших властей знаменитая сцена в Сутри, когда Штауфен только после длительных переговоров выказал готовность исполнить требуемую Адрианом почетную службу, а именно провести в поводу его лошадь и при спешивании держать ему стремя. Подобные сцены редко передавались традицией в столь пластичной форме. Король из рода Штауфенов выступает здесь как человек, уделяющий большое внимание формальным вопросам — формальностям, которые, правда, в ту эпоху символических правовых действий имели огромное политико-практическое значение. Требования папы должны были восприниматься феодальным мышлением того времени, и непосредственно в среде князей, благородных сеньоров и рыцарей, сопровождавших штауфеновского короля в Рим, как предосудительные⁵¹³.

Папа самым решительным образом настаивал на поддержке со стороны Штауфена. Это нашло свое отчетливое проявление в борьбе, вспыхнувшей в Риме сразу после императорской коронации 18 июня 1155 года, которую новый император, правда, сначала счел для себя успешной, но которая в итоге — наряду с другими причинами — вынудила его вывести свои войска из города. Меры, предпринятые им в римской округе, уже здесь отчетливо проявившиеся притязания Империи на использование властных прав в *Patrimonium Petri* должны были лишь утвердить папу в своем и прежде прохладном отношении к Фридриху. Серьезные последствия приобрело прежде всего согласие государя на последующую военную интервенцию на юг Италии, отклоненную в итоге большинством князей⁵¹⁴. В результате папа счел себя обманутым в самых

главных своих ожиданиях. В следующем году Адриан IV вступил в переговоры с Сицилией, которые уже в июне 1156 года привели к заключению Беневентского договора, положившего конец напряженности в отношениях между курией и норманнами, вновь усилившейся было начиная с 1140-х годов.

Успешные отношения между *imperium* и *sacerdotium*, для которых с момента Констанцкого договора (1153 год) определяющей была общая конфронтация с Сицилией, оказались отныне под угрозой. Впрочем, 1157 год принес еще большее обострение ситуации.

Внешним поводом явилось назначение примасом Швеции архиепископа Эскиля Лундского, произведенное папой в январе 1157 года. Император не мог в бездействии смотреть на эту папскую активность: ею урезались права назначения примаса, принадлежавшие Гамбург-Бременскому архиепископству. Эскиль был пленен на обратном пути с севера в родную Бургундию. Впрочем, общую подоплеку заново возродившейся напряженности следует видеть в постоянном расширении средств принуждения и зон влияния папства, которое все более использовало в своем воздействии на местные церкви чрезвычайно эффективный инструмент папских легатов⁵¹⁵. Латентно существовавшие противоречия привели к взрыву, когда на рейхстаге в Безансоне в октябре 1157 года императору было зачитано папское послание с упреками за пленение шведского митрополита. Канцлер Райнальд фон Дассель при этом перевел предложение о намерении папы охотно предоставить императору еще большие бенефиции, чем он уже предоставлял до сих пор, в подчеркнутой форме и таким образом, что ключевое слово «*beneficia*» воспроизвел как «лен»⁵¹⁶.

Окончательный разрыв произошел! В циркулярных письмах государь обратился ко всей Империи, настойчиво поднимая голос против этого неслыханного возрастания папс-

ких притязаний на власть. Ряд фальсифицированных, происходящих не из имперской канцелярии посланий тех же лет заходили остротой своего тона намного дальше. В них император будто бы принципиально подчеркивает право избираться князьями и передает руководство церковью по эту сторону Альп архиепископу Хиллину Трирскому — мысли, которые отчасти вполне могли соответствовать штауфеновским представлениям, отчасти же весьма сомнительны. В любом случае это необычные и интересные документы об «общественном» мнении, о реакции на мероприятия папства⁵¹⁷.

В результате двусторонние отношения достигли своей низшей точки. Папа, видя, что перед ним сомкнутый фронт, включавший и духовных имперских князей, вынужден был пойти на уступки. Еще до выступления в свой второй итальянский поход Штауфен в июне 1158 года, находясь возле Аугсбурга, добился от Адриана послания, в котором оспариваемое им слово было знаменательно уточнено понятием *bona facta* (то есть «благодеяния»). Однако уже вскоре проявилась новая напряженность во взаимоотношениях, средоточием которой стал вопрос о назначении на равеннскую кафедру сына графа Гвидо ди Бьяндрате, тоже Гвидо. К концу 1158 года он перерос в столкновение по поводу протокольных вопросов составления императорских посланий папе⁵¹⁸. Весной 1159 года, когда имперская политика приходила во все большую конфронтацию с городской оппозицией в Верхней Италии, император установил контакты с римским городским духовенством и проштауфеновски настроенными представителями коллегии кардиналов⁵¹⁹. Летом того же года обнаружилась связь Адриана с враждебно настроенной по отношению к Империи группой городов — Миланом, Брешиа, Пьяченцей и Кремой. Казалось, в ближайшее время произойдет отлучение Штауфена от церкви, но в этот момент, 1 сентября 1159 года, папа скончался.

Уже накануне этого события Фридрих послал в Рим посольство, которое в случае провала переговоров с курией было также уполномочено начать переговоры с городом Римом, постоянным противником папства. Несомненно, присутствие этих представителей имперских властей в Риме во время намеченного на начало сентября избрания папы сыграло важную роль, хотя предпринятые ими меры и их образ действий отчетливо не явствуют из источников. Проведение выборов определялось наличием в кардинальской коллегии двух партий: во-первых, находившейся в меньшинстве группы дружественно настроенных по отношению к Штауфену кардиналов, сплотившихся вокруг Оттавиано ди Монтичелли⁵²⁰, во-вторых, располагавшей большинством «сицилийской» партии во главе с канцлером умершего папы, Роландо Бандинелли. С самого начала происходящее было предметом имперской политики, как это уже происходило в 1130 году во время избрания, приведшего к схизме⁵²¹, и в противоположность более ранней схизме XII столетия. Император, осаждавший в тот момент город Крему, после переговоров с духовенством, в том числе особенно с несколькими значительными цистерцианскими аббатами, в начале 1160 года созвал в Павии собор, чтобы разрешить вопросы спорных папских выборов. Правда, с самого начала не могло быть сомнения в том, что государь выступит в поддержку Оттавиано — Виктора IV, а не Роландо — Александра III⁵²². Александр решительно воспротивился вызову в Павию, сославшись при этом на то, что судить папу никому не позволено.

Словно и не ожидая ничего иного, собравшееся в Павии в феврале 1160 года церковное собрание вынесло свой приговор в пользу императорского папы, высказавшись за Виктора IV. Свидетельства об этих событиях должны рассматриваться как более чем тенденциозные, картина единодушного решения определенно неверна. Мы должны принимать в расчет массивное давление со стороны

имперских властей, которые ни в коем случае не могли допустить такого заявления этого собора, которое противоречило бы их представлениям. В связи с этим принятым в Павии решением Штауфен, несомненно, переоценил свои политические возможности в отношениях с папством, пытаясь в некотором роде следовать произвольному хозяйничанию в делах церкви в духе Империи времен ранних Салиев. В период, когда папство после своих успехов в борьбе за инвеституру на протяжении первой половины XII века обрело значительное и действенное расширение прав и властных возможностей, такая попытка неизбежно должна была потерпеть неудачу. Она лишь открыла последующую эпоху тяжелых столкновений.

Длившаяся с 1159 по 1177 год схизма — несомненно, один из главных факторов всего периода правления Фридриха Барбароссы — привела к отчетливой поляризации церковных сил Империи. Прежде всего, Виктор IV нашел деятельную поддержку со стороны Штауфена, причем позиции сторонников Виктора в германских землях могли быть обеспечены в максимальной степени. Партия сторонников Александра севернее Альп имела свой центр в архиепископстве Зальцбург, сплотившись вокруг архиепископов Эберхарда (умер в 1164 году) и Конрада (умер в 1168 году). По мере развития событий она прирастала, впрочем, так и не достигнув масштаба прямой угрозы для имперских властей. Напротив, в бургундских землях церковная политика императора — и с затягиванием схизмы все более — столкнулась с несравнимо большими проблемами. Там все же сказывалась еще и близость к Французскому королевству, которое в первое десятилетие схизмы составило главную опору Александра III. Южнее Альп, где мероприятия Империи именно в начале шестидесятых годов были особенно концентрированными, вопрос церковно-политической ориентации клира нельзя рассматривать вне подоплеку его тесной связи с борьбой городов. К ней

добавлялся — в той же мере, как и в остальных частях Империи, — еще и личностный момент, проблема отношения отдельных епископов к государю. В центральноитальянских землях в начальные годы схизмы, не в последнюю очередь благодаря мерам, предпринятым имперским легатом Райнальдом фон Дасселем, налицо было содействие со стороны верных Империи, расположенных к Виктору клириков, которые защищали право императора распоряжаться этой частью страны в церковно-политическом отношении.

Штауфен ни на йоту не отклонялся от своего высказанного в 1160 году решения. В июне 1161 года синод в Лоди вновь объявил о признании Виктора IV. Позиции Империи в Средней Италии и в окрестностях Рима становились все сильнее, что даже вынудило Александра III в конце того же года оставить Рим. Роковой для государя стала поддержка папы городом Генуей, предоставившим в его распоряжение корабли, которые доставили его во Францию, в изгнание. Именно в дни величайшего политического триумфа Штауфена, когда он в марте 1162 года сумел окончательно покорить «ломбардскую метрополию», его противнику-папе удалось бежать на запад. В итоге, оказавшись на вершине власти, император одновременно потерпел поражение, чреватое тяжелыми последствиями. Он предъявил претензию королю Людовику VII Французскому за принятие папы в землях, находящихся под его властью. После этого при содействии проштауфеновских кругов Французского королевства еще в мае 1162 года было заключено соглашение, предусматривавшее личную встречу обоих монархов на границе Империи с целью завершения схизмы⁵²³.

Впрочем, Барбаросса отнюдь не помышлял о действительно объективном арбитраже. Из его разосланных имперским князьям приглашений на эту встречу явствует, что речь при этом недвусмысленно должна была идти об утверждении папы Виктора IV. Когда впоследствии встре-

ча на Соне в конце лета 1162 года была фактически сорвана — Александр III, в соответствии со своим принципом не признавать судебного приговора о его папском статусе, на нее не явился — впервые явно обнаружилась неудача императорской церковной политики в отношении схизмы. Фридрих сам вынужден был затем сказать, что с этим срывом переговоров по церковному вопросу удача отвернулась от него⁵²⁴.

Правда, начатые в 1163 году переговоры с Александром III, не приведшие ни к каким позитивным результатам, демонстрируют гибкость штауфеновской политики, то, что император был не только готов проявить терпимость к отдельным представителям высшего духовенства своей державы⁵²⁵, но и вполне склонен к компромиссу, примирению в трудные времена. Впрочем, позиции, занятые сторонами в схизме, уже слишком устоялись, чтобы позволить таким путем прийти к соглашению. Ситуация затем решительным образом обострилась, когда после смерти Виктора IV в апреле 1164 года при преобладающем влиянии Райнальда фон Дасселя дело дошло до избрания следующим антипапой (Пасхалием III) Гвидо Кремонского. Император был раздосадован самовольными действиями своего легата, хотя о коррекции политического курса отныне должен был думать намного меньше, чем до сих пор. Райнальд в эту эпоху выполнял все более определяющую роль, выступая мотором имперской политики. К проведенным им весной 1165 года переговорам с английским королем восходит также и новая внешнеполитическая ориентация на королевство Плантагенетов. Установление этих отношений на западе, понимаемое одновременно как мера против Французского королевства⁵²⁶, составило решающую базу для Вюрцбургской клятвы, сформулированной на Троицу 1165 года⁵²⁷. Император при этом лично брал на себя обязательства в отношении антипапы и отказывался признать Александра III.

Реализация Вюрцбургской клятвы в кругу духовных и светских имперских князей, которые были приведены к этой присяге, выявила вскоре первые трещины в столь однородной до этого картине восприятия схизмы в Германии. Зальцбургское архиепископство стояло особняком уже с самого начала схизмы, даже такой человек, как Вихман Магдебургский, на время дистанцировался от Империи. Но прежде всего следует учесть позицию архиепископа Конрада Майнцского из рода Виттельсбахов, который — еще до Вюрцбургского дня — открыто перешел на другую сторону, в лагерь Александра III. Впоследствии принесение Вюрцбургской клятвы стали требовать не только в Германии, но и в Италии. Четвертый итальянский поход Штауфена, в который он выступил осенью 1166 года, представлял собой атаку на Южную Италию и державу норманнов и был призван окончательно — на этот раз военными средствами — решить проблему схизмы. В июле 1167 года Барбаросса после ряда значительных успехов прибыл со своим войском под Рим, куда Александр III вернулся уже в конце 1165 года. Поскольку папе удалось бежать из города, поставленная цель не могла быть достигнута. Сразу после этого в войске императора вспыхнула внушившая ему ужас римская малярия, которой были унесены многие выдающиеся князья, в том числе Райнальд фон Дассель, герцог Фридрих Ротенбургский, сын Конрада III, и другие. Барбаросса вынужден был смириться с самым жестоким поражением, с ударом судьбы, отягчившим все его правление.

Переговоры с противоборствующим папством начались зимой 1167–1168 года, когда император вел в Верхней Италии безнадежные арьергардные бои против враждебных ему коммун, объединившихся с весны 1167 года в Ломбардскую лигу. Посредниками в этих контактах⁵²⁸ были конверс-картезианец Дитрих Сильв-Бенитский, находившийся в родстве со Штауфеном, епископ Павии Петр и цистерцианцы Александр из Сито и Готфрид из Оксера, а так-

же приор Гран-Шартреза Базилий. Когда государь благодаря соглашению с графом Гумбертом Савойским все-таки счел обеспеченным свой заблокированный прежде отход из Италии, он прервал эти переговоры еще до того, как они привели к какому-либо результату. Кончина папы Пасхалия III 20 сентября 1168 года заново пробудила надежды на прекращение схизмы. Уже неоднократно завязывавшиеся контакты с курией фактически были возобновлены. Однако фактор надрегионально действующей власти коммун, заново включенный в великую политическую борьбу эпохи с образованием Ломбардской лиги, не был принят в расчет при этом соглашении. Тесная связь Александра III с ломбардским союзом городов расстраивала в дальнейшем любую попытку заключения мира. Альянс между папством и городами долго еще представлял собой непреодолимое препятствие для примирения с Империей.

Лишь новая мирная инициатива⁵²⁹ летом 1176 года, когда Штауфен после поражения при Леньяно (29 мая 1176 года) вынужден был проявить готовность к уступкам своим городским противникам, привела в результате к успеху, к концу схизмы. Первые контакты заново устанавливали Дитрих Сильв-Бенитский и два цистерцианца, аббат Гуго из Боннево и епископ Понтий Клермонский. Но достигнуть столь долго преследовавшейся цели позволило в первую очередь то обстоятельство, что переговоры с папством отныне удалось вести при всемерном вычленении ломбардского вопроса. В предварительном соглашении в Ананьи в ноябре 1176 года было достигнуто решающее смягчение противоречий. После дальнейшей фазы интенсивных переговоров, не в последнюю очередь и о выборе места для проведения миротворческого съезда, в Венеции в июле 1177 года было восстановлено взаимное согласие между *imperium* и *sacerdotium*. Венецианский мир прекратил продолжавшуюся почти два десятилетия ожесточенную борьбу императора и папы, причем Штауфену уда-

лось придать своим позициям вполне благоприятный вид. В решении вопроса о епископах-схизматиках он отчасти одержал верх, отчасти вынужден был продемонстрировать готовность к компромиссу, а также предоставил папе военную поддержку при его возвращении в Рим. В то же время были достигнуты не только перемирие в Ломбардии (на шесть лет) и мир с Сицилийским королевством (на пятнадцать лет), но и, прежде всего, сохранены притязания Империи на наследство Матильды, что указывало в будущее, став существенным успехом политики Барбароссы. То, что он отнюдь не был готов отказаться от имперских прав в отношении папства, доказывает предпринятый им сразу после пребывания в Венеции объезд Средней Италии, где он, к неудовольствию Александра III, явочным порядком заместил вновь учрежденную должность герцога Сполето⁵³⁰. Именно в этой зоне императору удалось еще около 1173/1174 годов за финансовую компенсацию вернуть Империи права, переданные в 1152 году герцогу Вельфу VI. В поздние годы правления Барбароссы и при его преемнике она превратилась в одну из важных позиций имперского господства южнее Альп.

Интенсивные контакты с папством Штауфен возобновились только в 1183 году, когда, заключив в июне этого года Констанцкий мир, сумел окончательно урегулировать столь долго продолжавшиеся столкновения с ломбардскими городами. Этот мир открыл перед штауфеновской имперской политикой новые возможности, обеспечив ее полем деятельности, которое она до сих пор вряд ли имела. Отныне император устремил свои интересы в первую очередь на наследие Матильды. За согласие папы на использование этих владений он предложил Люцию III, преемнику Александра III, и кардиналам десятую часть имперских доходов с Италии. Люций, правда, на это не пошел: он не хотел оказаться в жестко зафиксированной, хозяйственной зависимости от Империи⁵³¹. Состоявшаяся осенью 1184

года в Вероне встреча двух глав христианства также не дала результатов в разрешении принципиальных вопросов. В те же дни — 29 октября 1184 года — в Аугсбурге было объявлено о помолвке наследника штауфеновского трона, короля Генриха VI, с Констанцией, теткой короля Вильгельма II Сицилийского. Хотя в то время и нельзя еще было предусмотреть будущий ход событий — наследование Штауфенами престола норманнского королевства, — все-таки укрепленное отныне брачным союзом политическое соглашение между Империей и Сицилией составило существенный новый фактор в международной расстановке сил, который мог стать опасным для папства.

Отнюдь не свободные от взаимных трений отношения Штауфена с папством пережили новое ухудшение в понтификат преемника Люция, Урбана III, сохранившего в качестве папы и прежний свой сан архиепископа Миланского. Центральным пунктом противоречий стали в первую очередь события вокруг замещения кафедры Трирского архиепископства, где двойные выборы разрешились имперскими властями в пользу их кандидата Рудольфа⁵³². Впрочем, вместе с тем надо учитывать и общую политическую обстановку — впечатляющий образ действий императора в надежно удерживаемой тогда Империей итальянской ее части и предпринятое штауфеновской политикой наведение мостов в Южной Италии. Барбаросса отреагировал на попытку папского вмешательства в трирские дела блокадой альпийских перевалов, преградившей путь папским легатам. Новый разрыв с папством казался неотвратимым. В отличие от ранних лет своего правления, теперь император пребывал на вершине своей власти и своего авторитета и был в состоянии держать в рамках дозволенного даже небезопасную внутригерманскую оппозицию вокруг архиепископа Филиппа Кёльнского, а в конечном итоге, весной 1188 года, полностью устранить ее, подчинив себе главу епархии. Ситуацию, однако, должна была полностью изме-

нить проблема Святой земли, где в октябре 1187 года султан Саладин после победы над рыцарским христианским войском при Хаттине захватил Иерусалим. Смерть Урбана III осенью 1187 года, и в результате исключение из политической борьбы непримиримого противника Штауфена, также привела к уменьшению противоречий и открыла дорогу к примирению. Вскоре, в марте 1188 года, на «хофтаге Иисуса Христа»⁵³³ в Майнце Фридрих принял крест, тем самым вторично, после 1146 года, обязавшись отправиться в крестовый поход. В процессе последних приготовлений к этому великому предприятию весной 1189 года было достигнуто согласие с папством.

Впрочем, трактовка связей Штауфена с папами его эпохи лишь частично раскрывает тему его отношения к церкви. Гораздо интенсивнее, несравнимо регулярнее были контакты с высшим духовенством Империи, к которым мы теперь обратим наше внимание. Государь фактически был окружен духовными лицами: ранним утром он был обязан посещать мессу⁵³⁴, имперская канцелярия и придворная капелла были опорными составными частями его придворного государственного аппарата, представители высшего духовенства играли видную роль в совете и при обсуждении политических дел. Принципиальной основой для двусторонних связей был уже упоминавшийся Вормсский конкордат 1122 года, с избирательными предписаниями которого, впрочем, в реальности поступали по здравому политическому размышлению. Имеется много примеров из эпохи правления Штауфена, начиная уже с выборов в Утрехте, Магдебурге и Аугсбурге в 1152 году, которые свидетельствуют о том, каким образом он оценивал свое влияние на избрание епископов и с какими энергией и настойчивостью стремился при этом отстоять и провести однажды принятое решение. В Анналах Дизибоденберга под 1157 годом содержится интересное сообщение о том, что император тогда хитростью заставил аббатов, проб-

стов и самых знатных министриалов Майнцской церкви после смерти архиепископа Арнольда провести выборы преемника только в его присутствии. Хотя речь при этом не идет о собрании соборного капитула, непосредственно имеющем право голоса, и присутствие государя при избрании епископов было установлено уже в Вормском конкордате, здесь уже отчетливо высвечивается та осторожность и осмотрительность, с которыми Штауфен, явно своевременно, стремился укреплять свое влияние.

Значение высшего духовенства для функционирования Империи в ее целостности можно видеть, наряду с выдающейся ролью отдельных представителей клира в совете государя, и тем самым в политическом планировании, особенно в выполнении ими порученных служб. В соответствии с нормами ленного права, они были обязаны подавать совет и помощь (*consilium et auxilium*), причем эти обязанности заслуживают более подробного описания. На первое место, без сомнения, следует поставить обязанность участия в военных походах⁵³⁵, без которой были бы невозможны многочисленные военные предприятия Барбароссы. Освобождение от этой обязанности, какие-либо исключения вряд ли кому-нибудь полагались. Архиепископ Гамбург-Бременский и епископ Хальберштадтский за неявку для участия в коронационном походе Штауфена в декабре 1154 года в Ронкалье были присуждены к лишению их ленов. Церкви имперских областей взамен участия в походах часто вынуждены были принимать на себя тяжелые финансовые обременения: мы слышим о закладах, о продаже имущества, но также и об отчуждении церковной утвари ради доставки требуемых средств. Впрочем, в связи с этим надо указать и на заметные полководческие таланты многих представителей духовенства.

Затем следует обратить внимание на обязанность участия в придворных выездах, непременно посещение объявленных хофтагов, без соблюдения которой административ-

ная деятельность эпохи в конечном счете была бы доведена до абсурда. Осуществляемая таким образом обязанность участвовать в совете государя приводила, правда, также и к тому, что князья порой вынуждены были согласованно принимать весьма прискорбные для себя решения. Наконец, такое же решающее значение приобрела гостевая обязанность, то есть обязанность принимать на постоя главу Империи и его свиту. Она представляла собой одну из важных основ столь характерного для Средневековья нестационарного способа правления. Изучение итинерариев⁵³⁶ делает очевидным интенсивность, с которой при Фридрихе I привлекались для постоя государя прежде всего епископские резиденции, расположенные в Империи. Применительно к германским землям статистику итинерариев возглавляют Вюрцбург, Вормс и Шпайер. Остановки в монастырях, напротив, отмечаются намного реже, а впоследствии определяющее значение приобретает учащение постоя в собственных имперских пфальцах. Также и южнее Альп Штауфен подчеркнуто предписывает в одном из законов, сформулированных в Ронкалье в 1158 году, свою претензию на постоя в епископско-городских пфальцах⁵³⁷. Для этой территории нам известно о нескольких случаях строительства собственно имперских пфальцев в городах (Лоди, Парма). Характерно, что там встречаются — как правило, за пределами городской застройки, перед воротами города — так называемые «монастырские пфальцы» (например, Сан-Сальваторе близ Павии)⁵³⁸.

При желании еще детальнее описать отношение Барбароссы к духовенству нам придется порекомендовать несколько случайных примеров, которые, наряду с главными общими чертами, учитывают индивидуально-личностный момент отношений. Если мы выберем из большого числа случаев архиепископство Майнцское⁵³⁹, то положение этой епархии будет характеризоваться прежде всего должностью эрцканцлера для германской части Империи, но также

и ее выдающейся ролью в контексте избрания короля, при котором ей отводился «первый голос». При избрании самого Фридриха его отдал майнцкий архиепископ Генрих, который использовал свое право против штауфеновского кандидата. Подоплекой этого обстоятельства были территориально-политические интересы Майнцской церкви, преимущественно в области Везера — Лайне⁵⁴⁰. Год спустя Барбаросса воспользовался присутствием папского легата, прибывшего в Германию для ратификации договора с папой Евгением III, для выступления против Майнца. На Вормсском хофтаге на Троицу 1153 года Генрих заодно с епископами Хильдесхайма, Айхштетта и Миндена был лишен своего сана. Проведенное сразу после этого новое избрание закончилось выдвижением — при определяющем воздействии со стороны короля — прежнего имперского канцлера Арнольда⁵⁴¹, происходившего из рода майнцских министерялов Зеленхофенов. Во время своего правления (1153–1160 годы) Арнольду пришлось столкнуться с большими проблемами, которые во многом были результатом его низкого происхождения. Когда он в момент отсутствия государя в 1155 году вступил в конфликт с Германом, пфальцграфом Рейнским, Барбаросса после своего возвращения из Италии решительно и жестко навел порядок, присудив обе стороны к позорящему наказанию «несения собаки», которое, однако, позволил себе заменить для архиепископа — из уважения к его сану.

Последовательное привлечение именно этого архиепископства к имперской службе, особенно мобилизация обильных финансовых средств для второго итальянского похода Штауфена, должно было ввергнуть власть Арнольда в тяжелый кризис, выход из которого оказался в конечном счете невозможен. В отсутствие задержавшегося в Италии государя архиепископ не мог действенно противостоять жесткому сопротивлению, исходящему не только из бюргерско-министеряльной среды, но и из кругов духовенства. В июне 1160 года дело дошло до волнений, и Арнольд пал от руки убийц.

При избрании нового епархиального главы еще летом того же года появились кандидатуры Рудольфа фон Церингена, брата герцога Бертольда IV, и мерзбургского соборного пробста Кристиана фон Буха. Император отклонил обе и впоследствии сумел сделать новым майнцским архиепископом Конрада фон Виттельсбаха⁵⁴². Наказание убийц Арнольда последовало лишь три года спустя, когда Барбаросса весной 1163 года лично прибыл в Майнц, и укрепления города должны были пойти под снос.

Правда, с принятием императором решения в пользу Виттельсбаха тяжелый кризис в отношениях с майнцским архиепископством вступил в свою следующую стадию. Во время схизмы Конрад все отчетливее склонялся на сторону Александра III, а в 1165 году открыто перешел в его стан, примкнув к папистским противникам Штауфена. И тогда пробил час не снискавшего успеха в 1160 году мерзбургского пробста Кристиана, который тем временем поднялся до поста имперского канцлера и зарекомендовал себя наилучшим образом как имперский легат в Италии. В сентябре 1165 года Кристиан фон Бух⁵⁴³ был возведен на майнцскую архиепископскую кафедру. В последующем он остался верным защитником штауфеновского имперского господства, правда, центр тяжести его политической активности и далее находился южнее Альп, где он, прежде всего в семидесятые годы, вплоть до своей смерти в 1183 году, соблюдал интересы Империи в Средней Италии. Кристиана можно рассматривать как прототип характерного для эпохи полководца духовного происхождения. Кульминациями его военных предприятий были одержанная совместно с Райнальдом фон Дасселем победа над римлянами в мае 1167 года, осада Анконы в 1173 году (впрочем, безуспешная) и возвращение папы Александра III в Рим в результате заключенного в 1177 году Венецианского мира.

Это длительное отсутствие архиепископа в своей епархии Фридрих вполне успешно использовал для проведе-

ния собственных территориально-политических мероприятий в его области. Знаменательно в первую очередь последовавшее в 1170 году основание на майнцской территории города Гельнхаузена на реке Кинциг⁵⁴⁴. Таким образом Империя обеспечила себе не только возведение собственного пфальца, но и создание городской хозяйственной структуры в том самом районе, который именно в эпоху Барбароссы стал одним из оплотов Империи, превратился в *terra imperii*⁵⁴⁵. Конрад фон Виттельсбах, который после своего перехода на сторону Александра III был возведен им в сан кардинала Сабины, в ходе миротворческого съезда в Венеции примирился с императором и был назначен зальцбургским архиепископом. Лишь после смерти Кристиана в 1183 году он смог снова вернуться в свое исконное архиепископство. В последующем он вступил в специфическую конфронтацию со столь успешно расширенным за этот временной промежуток влиянием Империи на его вотчину, где и другие, помимо императорских, силы — как знать, так и министерялы — сумели использовать ради собственных интересов разросшийся вакуум в сфере майнцкого господства. Несмотря на такое развитие событий, в последние годы правления Штауфена ничего не может свидетельствовать о каком-либо отчуждении между императором и майнцской архиепископской кафедрой. Более того, именно тогда в Майнц были перенесены два значительнейших хофтага всей эры Барбароссы. В 1184 году здесь состоялось знаменитое Майнцское Троичное торжество с посвящением в рыцари императорских сыновей Генриха и Фридриха, обрамленное праздничными рыцарскими состязаниями, воспетое крупнейшими поэтами эпохи. Четыре года спустя в городе собрался «хофтаг Иисуса Христа», на котором было принято окончательное решение отправиться в крестовый поход, и старый император в знак смирения перед столь великим поводом символически передал председательствование Сыну Божьему.

Из большого числа епископов Империи выделяются многие персоны, состоявшие в особенно близких и даже родственных отношениях с государем-Штауфеном. Среди них можно указать и на Эберхарда Бамбергского⁵⁴⁶, который обнаруживается в окружении Барбароссы еще до избрания того королем, а затем становится одним из главных советников Штауфена и всегда выступает на стороне монарха в критические дни его правления, например во время смуты Безансонского рейхстага осенью 1157 года⁵⁴⁷. Для этой столь тесной связи не в последнюю очередь характерно то необычное обстоятельство, что после смерти Эберхарда (1170 год) император никогда больше не посещал его епископский город. Или же мы думаем о епископе Гартмане Бриксенском (умер в 1164 году)⁵⁴⁸, занимавшем при дворе высокочтимое положение, которое может быть описано понятием «духовник» или, возможно, даже «духовный отец». Этому доверенному лицу император оказывал свое расположение даже в тяжелые времена схизмы, когда он при освящении одного переносного алтаря осенью 1163 года милостиво стерпел совершенно проалександровское настроение Гартмана. Более того, столь тесные связи с отдельными духовными лицами можно документально подтвердить и для Италии, где тот же епископ Луни Петр в 1183 году был недвусмысленно назван «другом императора»⁵⁴⁹. Очевидно — и это точно так же должно приниматься в расчет касательно отношений Барбароссы со светскими князьями, — государь владел искусством дружески привязывать к себе индивидуальности. Он, без сомнения, должен был располагать личным обаянием, излучая некую притягательную силу, которой было не так уж легко противостоять.

Правда, отношения Штауфена с миром епископов имперской Италии, как правило, приобретали все-таки иной вид. Там получили решающее значение тесные контакты и зоны соприкосновения епископской и коммунально-город-

ской политики. Важную роль играло также обстоятельство пространственной удаленности — несмотря на лежащие годами пребывания императора в землях южнее Альп. Соответственно, городской епископ имперской Италии мог либо пытаться благодаря контактам с главой Империи расширить и сделать более благоприятными собственные позиции в противовес своему городу, либо даже выступал в качестве посредника между городом и Империей. Так, например, епископ Теобальд Веронский осенью 1155 года предпринял поездку к германскому двору только для того, чтобы вновь привести в порядок отношение Штауфена к городу на Эче, расстроенное самым серьезным образом после нападения на Фридриха в Веронском ущелье. Даже архиепископ «ломбардской метрополии» Милана, Оберт, несмотря на существовавший с 1153–1154 годов тяжелый кризис в отношениях города и Империи, сохранял на протяжении нескольких лет (до 1159 года) в основном лояльное отношение к императору. Только затронувший его лично удар судьбы (гибель племянника Оберта во время боев вокруг Кремы), но в первую очередь начало схизмы заставили главу епархии встать на сторону противников Империи, а тем самым — и на сторону своего города⁵⁵⁰. Правда, были и епископы, следовавшие главной политической линии, независимой от их города, противоречившей его интересам. Характерные примеры этого дают прежде всего лица, оставившие свои исконные епископские резиденции, а отчасти даже удалившиеся в изгнание в Германию после возникновения Ломбардской лиги и ее первых успехов в борьбе с императором — такие как Гарсидоний Мантуанский или Альберик Лодийский⁵⁵¹.

Наряду с епископатом также и орденский клир, настоятели монастырей составляли часть духовенства, с которой император находился в столь же тесном контакте. Прежде всего аббаты имперских монастырей, таких как Фульда или Лорш⁵⁵², обязывались — точно так же, как и

епископы, — к разнообразному служению Империи, участвовали с собственными контингентами в итальянских перемещениях Штауфена, а порой должны были нести и бремя приема у себя главы Империи. Так же, как и в отношениях с епископскими имперскими церквями, применительно к монастырям многократно проявляется вмешательство в комплекс сконцентрированных здесь прав господства, обоснованное элементом фогтства и обеспечивающее влияние Империи. Так, например, обладание фогтством над имперским монастырем Вайсенбург еще со времен деда Барбароссы было существенным основанием для штауфеновской власти в нижнем Эльзасе и северной Швабии⁵⁵³. Около 1180 года приобретение прав фогтства над Райхенау (из владений Генриха Льва) и Санкт-Галленом (из владений графа Рудольфа фон Пфуллендорфа) составило решающую базу сильно расширившихся в итоге позиций Штауфенов в районе Боденского озера⁵⁵⁴.

Особенно типичный профиль обнаруживают отношения Штауфена со знаменитейшим реформированным бенедиктинским орденом эпохи — цистерцианцами. Их выдающееся значение в первой половине XII века было неразрывно связано с личностью Бернара Клервоского. Барбаросса тоже лично встретился с этим человеком в декабре 1146 года и тогда, впечатленный его силой убеждения, вместе со своим дядей-королем принял крест. Очевидно, не в последнюю очередь из-за принадлежности папы Евгения III к цистерцианскому ордену избранный в марте 1152 года королем Штауфен дополнил затем свою первую посылаемую в Рим делегацию аббатом-цистерцианцем, а именно Адамом Эбрахским. Правда, отношениям с этим орденом, в первые годы правления Барбароссы гармоничным, не омраченным сколько-нибудь заметной напряженностью, впоследствии, с началом схизмы, был нанесен очень тяжелый ущерб. Единодушная солидарность цистерцианцев с Александром III наказывалась государем с максимальной строгос-

тью, к ним применялись крайне радикальные меры, нередко они даже изгонялись из Империи⁵⁵⁵. Лишь в середине шестидесятых годов здесь наметились изменения, которые, впрочем, объяснялись не уступкой императора, а, скорее, имели своим основанием начавшиеся разногласия между цистерцианцами и папой. Этому прежде всего содействовала церковная борьба в Англии вокруг Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. Папа постоянно оттягивал ясное изложение своей точки зрения, стараясь избежать окончательного разрыва с английским королем. Когда впоследствии, в 1165 году, совместные действия этого государя с Барбароссой обернулись тяжелым ударом по папской политике, именно цистерцианцы оказались теми, кому из-за предоставленного Томасу Бекету приюта в особенности пришлось испытать на себе большую часть связанных с этим невзгод⁵⁵⁶. Впоследствии орден должен был усиленно подключиться к попыткам примирения *imperium* и *sacerdotium*. Как в 1167–1168, так и в 1176 году цистерцианские аббаты решающим образом выступали во время трудных переговоров — необычный поворот и устойчивое изменение в политике ордена. Этот вклад цистерцианцев в примирение сторон во время схизмы приобрел принципиальное значение. После заключения мира в Венеции и император, и папа были им недвусмысленно признательны и благодарны⁵⁵⁷.

Как уже отмечалось в связи с вопросом об отношениях с епископскими имперскими церквями, решающая роль естественно и постоянно придавалась фактору личных связей. Это ведет нас и к проблеме религиозных позиций самого Фридриха Барбароссы⁵⁵⁸. Несомненно, мы должны исходить при этом из тесной связи с церковью и духовенством, характерной именно для высшей знати эпохи. Каждодневное общение с представителями клира, основание собственных фамильных монастырей, предпочтение, оказываемое определенным церквям в качестве усыпальниц

аристократических родов, условия осуществления церковных фогтских прав, не подлежащие пересмотру с точки зрения властных прав знати, — все это составные элементы мозаичной картины связей с миром духовенства, очевидные и в случае Барбароссы. Рагевин выразительно излагает нам, что к повседневным привычкам Штауфена относились ежеутреннее раннее посещение мессы и доверительное общение с духовными лицами⁵⁵⁹. Церковные мужи не только привлекались государем к совету по вопросам большой политики, император, очевидно, искал с ними беседы, касающейся проблем спасения души. Он выказывал чрезвычайный интерес к теологическим дискуссиям, и при этом был готов также слушать и со вниманием относиться к аргументам, не совпадающим с его взглядами. Очень выразительно это проступает в разговорах, которые Барбаросса вел в сентябре 1163 года в Нюрнберге с крупным теоретиком его эпохи, пробстом Герхохом Райхерсбергским, проалександровский образ мыслей которого император не пытался изменить и явно относился к нему терпимо⁵⁶⁰.

В личном общении государя с духовными лицами нередко проявляется именно момент благоговения перед духовной и моральной высотой соответствующей персоны, момент почитания и восхищения. Один особенно красивый эпизод предлагается нам в дважды встречающемся сообщении из разных жизнеописаний святого Убальда Губбийского. Когда коронованный несколько недель назад император в середине лета 1155 года впервые следовал по Средней Италии и сразу после завоевания Сполето намеревался также захватить город Губбио в наказание за сопротивление его власти, он будто бы отказался от этого намерения благодаря встрече с епископом Убальдом. В аутентичности этого известия, переданного двумя возникшими независимо друг от друга сочинениями, едва ли можно сомневаться. Однако и тот факт, что преемник Убаль-

да, Теобальд, в начале шестидесятых годов посвятил императору составленное им житие своего праведного предшественника, однозначно говорит в пользу истинности события. Барбаросса почтительно одарил внушающего уважение епископа и вернул его городу свою милость⁵⁶¹.

В таком одаривании и почитании духовных лиц и церквей должен в определенной степени проявляться материальный субстрат отношений государя с клиром. Можно доказать многочисленными примерами, что Штауфен с готовностью выступал жертвователем и дарителем в пользу церкви. В 1162 году — в год своего триумфа над Миланом — государь повелел выдать денежное пожертвование всем церквям Империи: о нем мы имеем сведения в связи с той его частью, что была выделена аббатству Петерсхаузен близ Констанца. Благотворительные пожертвования Штауфена, которому в Бамбергском некрологе был присвоен знаменательный титул *amator ecclesiarum* (почтитель церквей), засвидетельствованы многими отдельными сообщениями. Они являются важным выражением его личной религиозности, которую, впрочем, нельзя описать и понять, не принимая во внимание данностей имперской политики, стремления Фридриха к репрезентации и исполнению своей обязанности правителя. Так, например, не без этой значительной имперско-политической подоплеки следует рассматривать и понимать дарение Ахенской придворной капелле по поводу канонизации Карла Великого в декабре 1165 года. Поддержка церкви не только являлась выражением религиозного настроения, но и, более того, относилась к высшим обязанностям государя как их важная составная часть. Такого рода пожертвования — в немалой своей части известные нам из записей некролога — могли состоять в денежных выплатах, в почетных дарах и подарках, среди которых особенно выделяются предметы церковной утвари, но также и великолепный круглый светильник придворной капеллы в Ахене или мощи, а кроме

того и в наделении привилегиями, которые гарантировались грамотами.

Странным образом Фридрих Барбаросса по-настоящему не выступает в качестве основателя монастырей — заключение, которое, впрочем, можно смело счесть относительным в силу прочих многократно подтверждаемых поощрений церкви со стороны монарха. В результате его инициатива как «основателя» может усматриваться, во-первых, в поощрении и поддержке таких начинаний, во-вторых, с учетом нескольких основанных госпиталей. Тесная связь госпиталей с разрастающейся в этот период городской жизнью, но одновременно и значение этого института для уменьшения нужды, как и для развития средств сообщения (функции странноприимного дома), могли стать для Штауфена существенными поводами обратить большее внимание именно на этот вид церковных учреждений. Возможно, здесь допустимо увидеть и реалистическое, весьма связанное с практикой проявление человеческого характера Фридриха Барбароссы.

К области феноменов, несущих на себе постоянный отпечаток большой политики и нужды в репрезентации и демонстрации суверенитета Империи, относится и участие императора в крупных церковных празднествах и действиях, связанных с канонизацией. Как правило, с исключительным великолепием отмечались три больших церковных праздника в году — Пасха, Троица и Рождество. Они были предпочтительными датами торжественных коронаций, на которых властитель «шел под короной». Однако даты церковных торжеств, «святые дни», избирались также по преимуществу и для созыва больших имперских собраний, использовались нередко для того, чтобы особенно выразительно подчеркнуть политические деяния государя⁵⁶². По поводу личного участия императора в церковных празднествах следует далее вспомнить о его присутствии при освящении церквей, например в 1157 году в

Фульде или в 1179 году в цистерцианском монастыре Вальдзассен, а также при перенесении мощей. Так, перенесение останков покровителя города Лоди, Святого Бассиана, из Старого в Новый Лоди осенью 1163 года не только дало повод достойным образом завершить намеченный императором в 1158 году перенос города с Ламбро на Адду. Одновременно оно послужило — при личном участии штауфеновского антипапы Виктора IV — масштабной демонстрацией церковной политики Империи в период схизмы. К тому же самом контексту относится и проведенная двумя годами позже канонизация Карла Великого в Ахене, хотя в случае с западноевропейским примером оказывалась задействована несравнимо большая, можно сказать, европейская политическая сцена.

Священные реликвии составляли особый фокус религиозного почитания в жизни Средневековья. Обладание сокровенными мощами выступало в качестве высокой цели, которую постоянно преследовали не только сама церковь, но и государь. В этом контексте самым знаменитым событием эпохи Барбароссы является, несомненно, дарение мощей трех святых королей архиепископу Кёльнскому Райнальду фон Дасселю. Они попали во владение императора во время разрушения Милана весной 1162 года, а два года спустя архиепископ Кёльнский, награжденный передачей этого несравненного сокровища, перенес их в своей епархиальный город, где с начала XIII века они стали храниться в великолепном, существующем и поныне реликварии⁵⁶³. Однако мощи также постоянно сопровождали штауфенский двор в его продолжительных путешествиях как неотъемлемая составная часть богослужения. Сам император проявлял максимальный интерес к приобретению новых реликвий, но они вручались также — и в подтверждение можно сослаться не только на пример трех святых королей — как особо почетный дар духовным лицам, пользующимся высоким авторитетом и отмеченным особыми заслугами⁵⁶⁴.

Если в итоге мы еще раз зададим вопрос о личном отношении Барбароссы к религиозным делам, то ответить на него, продвинувшись к сути, к самому человеку, окажется не так уж легко из-за тесного переплетения многих приведенных здесь примеров с большой политикой той эпохи. Вероятно, стоит поостеречься того, что при подобном анализе будут чересчур выдаваться вперед лишь отдельные грани его религиозных представлений, тогда как все они, в своем единстве, были нераздельными составляющими личности Штауфена. В каждом из случаев он демонстрирует такой образ действий в религиозных делах, очевидно, типичный для его эпохи и для его исконного социального окружения, который, пожалуй, лучше всего можно описать термином «аристократически-рыцарское благочестие».

3. ФРИДРИХ БАРБАРОССА, КНЯЗЬЯ, ЗНАТЬ И МИНИСТЕРИАЛИТЕТ

Связи государя со светским миром, образовывавшимся знатью и министериа­литетом, определялись прежде всего тем, что речь в этом случае шла о первой­шей сфере его жизни, из которой он сам происходил и в которой возрос. В эпоху высокого Средневековья она характеризовалась рыцарским образцом поведения и рыцарскими представлениями, которым во многом считал себя обязанным и глава Империи, равнявший­ся на них в своей собственной жизни. Тесное сплетение имперского правительства с аристократическим окружением, особенно княжеским, в которое само это правительство было включено столь существенным образом, проявлялось начиная уже с каролингской эпохи тем, что к делам управления привлекались как духовные, так и светские магнаты Империи. Без этого элемента были бы невозможны не только совет при государе, но и реализация политического планирования, воплощение в действительность решений и замыслов.

С приходом смутного времени борьбы за инвеституру эти проблемы участия князей в имперских делах должны были выступить намного отчетливее, чем когда-либо прежде⁵⁶⁵. Масштабное столкновение Салиев с реформаторским папством заставило все общество Империи, в том числе и знать, выказать растущий раскол на противостоящие друг другу группировки. Дело дошло до демонстративного акта избрания антикороля, Рудольфа фон Райнфельдена. С этим были связаны, с одной стороны, чрезвычайное воз-

растание значимости княжеской власти, но, с другой стороны, также и необходимость для государя найти себе новых союзников и, вместе с ними, поддержку своей собственной позиции. К этому контексту относится содействие городам, равно как и министералам Империи, со стороны Генриха IV⁵⁶⁶, а также женитьба деда Барбароссы на дочери правителя, которая сыграла столь решающую роль и благодаря которой этот знатный швабский род был возведен в герцогское достоинство и одновременно оказался в теснейшей связи с Империей.

Это возрастание значимости княжеской власти, участие которой в крупных политических решениях должно было приобрести отныне намного более существенную роль, непосредственно составив «*conditio sine qua non*»⁵⁶⁷ для поля деятельности государя, проявилось с особой выразительностью во время королевских избраний первой половины XII века⁵⁶⁸. Сверх того оно нашло свое выражение во взаимодействии политических сил эпохи, в ожесточенных столкновениях имперских властей с княжеской оппозицией, где Штауфены сначала — в правление Лотаря III — приняли участие на стороне противников Империи, а затем — при Конраде III — на стороне обладателя трона. При подготовке выборов как 1138, так и 1152 годов штауфеновскими претендентами на трон велись переговоры с князьями ради того, чтобы получить максимально широкую поддержку осуществлению собственных целей. Правда, предпосылки для успеха второй, впоследствии достигшей его кандидатуры на трон, выдвинутой Штауфенами, были намного благоприятнее. Швабский герцог Фридрих благодаря своему родству с Вельфами и своим вполне добрым отношениям с этими давними противниками его дяди-короля мог начать переговоры на гораздо более устойчивой платформе.

Основанием связей главы Империи с его аристократическим окружением были ленные отношения, которые дол-

жны рассматриваться как собственно организующий принцип средневековой королевской власти. Эти правовые отношения являлись двусторонними: их главное содержание должны были составлять обязанность защиты со стороны сеньора и обязанность «совета и помощи» (*consilium et auxilium*) со стороны ленников. Именно в этом контексте — а не только исходя из давно уже развивавшегося, политически мотивированного участия князей в правительственных делах — должно восприниматься постоянное внимание, которое государь уделял сотрудничеству с князьями в принятии важных решений эпохи. К совету князей прибегали постоянно при проведении хофтагов и при вынесении решений придворного суда. Судебные заключения оглашались на основании приговоров, которые должны были формулироваться представителями одного с фигурантом сословия.

Как чрезвычайно важная сфера двусторонних отношений должен быть особо упомянут вопрос об участии князей в имперском ополчении, то есть в военной поддержке имперской политики⁵⁶⁹. При этом для времени господства Фридриха I несомненна определенная перемена. В течение своего правления государь вынужден был искать новые возможности, стараясь противодействовать нежеланию князей со своими контингентами принимать участие в далеко заходящих военных кампаниях. Проблема этой военной поддержки, отказ в которой был непредставим для Империи, нередко ставила Штауфена в исключительно сложное положение, приводила подчас к полной зависимости от княжеской военной помощи. Особенно в начале его правления можно неоднократно констатировать оглядку на пожелания и возражения князей, когда он, например, уже в дни королевской коронации в Ахене временно отказался от плана скорого отправления в Рим или в том же году не реализовал план похода против венгров, обсуждавшийся на совете светских князей. Антипатия кня-

зей, прежде всего светских, к наступлению на Южную Италию летом 1155 года привела в конечном итоге к длительному ухудшению отношений императора с папой, который посредством этой военной операции — первоначально одобренной и Фридрихом — хотел безотлагательно укрепить свою собственную позицию.

Штауфен постоянно использовал клятву как средство обязать князей к участию в военных походах, причем ему удавалось также и интересы Империи обратить в мотивировку согласия князей и принятия ими решений. Основная проблема при этом, без сомнения, состояла в том, что речь, как правило, велась об итальянских походах и тем самым о военном вмешательстве в дела далеко расположенных областей, которое вынуждало князей зачастую надолго отлучаться с их наследственной территории. Как кульминацию штауфеновских ополчений этого времени можно расценивать, несомненно, второй итальянский поход Барбароссы в 1158 году, в котором приняла участие большая часть германских имперских князей. Король Богемский, герцоги Австрийский, Каринтийский, Швабский и Церингенский, пфальцграф Рейнский, несколько позже также герцоги Вельф VI и Генрих Лев — если назвать только некоторые имена — предоставили при этом значительные военные контингенты. С продолжением политических мероприятий Империи, сконцентрированных на Италии и ее внутренних делах, готовность князей участвовать в них все-таки заметно снизилась. Существенное значение приобрело также то обстоятельство, что во время отлучки государя из Германии на пространстве к северу от Альп постоянно вспыхивали территориально-политические конфликты, которые занимали интерес князей в несравненно большей мере, чем нужды штауфеновской итальянской политики. В результате император при проведении своих итальянских походов уже с середины шестидесятых годов все более вынужден был возвращаться к использова-

нию оплачиваемых наемников, так называемых «брабансонов»⁵⁷⁰, и одновременно заметно тяжелее стали обязательства городских войск из самой Италии. Драматической кульминацией в вопросе об условиях и форме участия в имперском ополчении при Фридрихе Барбароссе стал затем отказ Генриха Льва предоставить военную помощь монаршему двоюродному брату в Кьявенне в начале 1176 года. Лишь в 1184 году, в политических обстоятельствах, полностью изменившихся в результате заключения мира с Александром III в Венеции (1177 год) и с ломбардскими городами в Констанце (1183 год), для императора стало возможным предпринять его шестой и последний итальянский поход — абсолютно мирный, уже без войск.

Внутри германской части Империи широкое поле для столь сложного сплетения отношений между Империей и князьями составляла княжеская территориальная политика, как и территориальная политика самого государя. Уже в связи с участием князей в имперском ополчении можно указать на то, каким образом из этих территориальных интересов нередко проистекали трудные проблемы для политики Империи. Однако сверх того здесь выступает еще и собственно штауфеновская территориальная политика, проводившаяся с большой энергией и достигавшая значительных успехов⁵⁷¹. Нередко она приводила к напряженным отношениям и столкновениям с противниками из числа князей и аристократии. Уже в эпоху первого герцога из Штауфенов, деда Барбароссы, этот знатный род проявил исключительное умение сохранять и расширять свои властные позиции — способность, которая нашла прямое продолжение в последующих поколениях. Новейшие исследования при этом по праву обращают внимание на роль территориально-политических мероприятий Конрада III, который — во многом на фоне борьбы с Вельфами — сумел добиться признания в различных зонах, особенно в средненемецком регионе, и при этом заложить решающие

основания, на которых его племянник и наследник смог продолжить политическое строительство⁵⁷².

Фридрих Барбаросса с очевидным успехом развил эти начинания. Уже в начальные годы своего правления он сумел подчеркнуть свое влияние в районе Везера, равно как и к югу от Гарца, чем он — в столкновении с духовными и светскими князьями и одновременно общим с ними образом действий — обозначил свое отношение к саксонскому герцогству Вельфов. Именно отношения с Генрихом Львом отчетливо показывают, как Штауфен определил здесь зону влияния своего господства, искусно сменив готовность к компромиссу на твердое отстаивание своей позиции. Впрочем, традиционным ядром штауфеновской территориальной политики была область герцогства Швабского с сопредельными областями Франконии и Эльзаса, где власть правящей фамилии сконцентрировалась особым образом. Хотя в Швабии государь и не создавал препятствий на пути к наследству для своего двоюродного брата, сына Конрада III, Фридриха фон Ротенбурга, отдельные намеки — такие как именование Барбароссы герцогом Швабии или Эльзаса⁵⁷³ — уже в первые годы его правления показывают, что он не намеревался совершенно отказаться от своего собственного влияния на эти родовые земли. Фридрих фон Ротенбург, который в сентябре 1157 года на хофтаге в Вюрцбурге был посвящен в рыцари, прежде всего встал на сторону императора в борьбе с итальянскими городами в последующие годы. Его положение в Швабии претерпело тяжелый кризис во время так называемой «Тюбингенской распри» 1164–1166 годов, которую государь урегулировал в пользу вельфских противников юноши⁵⁷⁴. Его бросающееся в глаза дистанцирование от штауфеновской церковной политики, прежде всего во время принесения Вюрцбургской клятвы 1165 года, не привело, впрочем, к разрыву с императором. В 1166 году он принял участие в итальянском походе и погиб летом 1167 года от римской малярии. В результате

государь смог закрепить швабское герцогство за своим собственным сыном, тоже Фридрихом.

Внимание императорской территориальной политики было постоянно направлено на области, сопредельные герцогству Швабия: здесь все-таки обнаружилась возможность для всемерного расширения собственной властной позиции. Так, пфальцграфство Рейнское в 1156 году после смерти Германа фон Шталека, который, будучи женатым на сестре Конрада III, все же не оставил после себя наследников, было передано сводному брату императора, Конраду. И на него Барбаросса тоже сумел сохранить свое определяющее влияние⁵⁷⁵. Самостоятельные, противоречившие императорским интересам действия должны были прекратиться, Конрад мог действовать только в унисон с имперской политикой⁵⁷⁶. Правда, согласие между братьями никогда не нарушалось надолго. Приобретение пфальцграфом фогтских прав на имперское аббатство Лорш и Вормское епископство может вполне рассматриваться как составная часть территориально-политических мероприятий императора.

На севере и востоке собственно швабской области и на более широком пространстве Франконии уже штауфеновские предки Фридриха I успешно защищали позиции своего дома от епископства Вюрцбургского. Сам Барбаросса благодаря своему первому браку с Аделой фон Фобург навел мосты с отдаленными восточными землями. Здесь нужно назвать в особенности Нюрнберг как традиционную позицию Штауфенов и — с конца 1170-х годов — пфальц на реке Эгер. Герцогство вюрцбургских епископов, которому Штауфен в 1168 году дал гарантии своей грамотой⁵⁷⁷, ни в коем случае не следует представлять как уступку чужим властным комплексам. Несколькими годами спустя, летом 1174 года, с епископской церковью Бамберга удалось согласовать дальнейшие территориальные приобретения в восточной Франконии⁵⁷⁸.

Особое направление территориально-политические интересы штауфеновского государя приобрели на южных и юго-западных рубежах Швабского герцогства. Крупную силу противодействия со стороны знати в этой зоне, без сомнения, представляли собой Церингены⁵⁷⁹, против которых Барбаросса уже в середине 1140-х годов действовал при помощи вооруженной силы, но с которыми он достиг примирения еще до своего избрания королем. Перенос прав Империи на Бургундию в 1152 году предоставил в распоряжение церингенского герцога обширную, значимую область, которую уже в 1127 году подчинил своей власти Лотарь III. Тем самым Штауфены, разумеется, весьма искусно направили территориально-политические интересы этих своих конкурентов в швабском регионе на более удаленный регион, так что те в принципе перестали быть непосредственными противниками в Швабии. В результате бракосочетания императора с наследницей графства Бургундии Беатрисой в июне 1156 года по позициям Церингенов и в этой расположенной к юго-западу от Швабии области был нанесен тяжелый удар, последствия которого должны были проявиться только в течение будущих лет.

Как через Бургундию, так и через южношвабские земли проходил ряд важных магистралей к альпийским перевалам и, соответственно, в имперскую область, лежащую к югу от Альп. Это обстоятельство вызывало особый специфический интерес Штауфенов. Если рассмотреть в сравнении мероприятия имперских властей на этом обширном пространстве к северу и к югу от Альп, состоявшем из Ломбардии, Бургундии и герцогства Швабии, обратив внимание прежде всего на интенсивность и размах политико-административной деятельности, на появление имперских легатов не только в Италии, но также и в Бургундии, как и на бросающееся в глаза свидетельство о назначении в семидесятые годы собственного прокуратора по делам королевских имуществ в Швабии, Дегенхарда фон Хелленш-

тейна⁵⁸⁰, то можно предположить, что Штауфен хотел конституировать здесь территориальное ядро своего непосредственного господства, фактически для себя самого⁵⁸¹. Здесь, на юге германской области Империи и Швабии, приобрели большое значение контакты Барбароссы с графом Рудольфом фон Пфуллендорф-Брегенцем — контакты, в которых можно распознать подлинную дружбу⁵⁸². После смерти сына графа, ставшего летом 1167 года одной из многочисленных жертв римской малярии, Рудольф постепенно уступил связанные со своим титулом обширные права императору, который сумел закрепить за собой фогтство над епископством Курским, а после смерти самого графа — около 1180 года — также и над Санкт-Галленом. Еще один графский род этой зоны — графы фон Ленцбурги — должен был приобрести подобное же значение для Штауфена. После вымирания этой фамилии Фридрих в середине зимы 1173 года лично отправился в родовой замок Ленцбургов и смог присвоить себе тогда права фогта над Райнау, Шенисом и Беромюнстером⁵⁸³.

Таким же образом император впоследствии сумел преодолеть и даже использовать в целях своей территориальной политики кризис, пожалуй, наиболее тяжелый за весь период его правления — последствия катастрофы его войска под Римом в середине лета 1167 года. Тогда не только герцогство Швабия окончательно перешло в его прямое распоряжение, но он получил также значительные имущества и права тех представителей знати, которых под Римом погубила малярия. В южной Швабии в это время к нему перешли владения Вартхаузенов, Биберахенов и Швайнхаузенов, а из владений сеньоров фон Швабегг — фогтство над Аугсбургским и Урсбергским монастырями. Затем и в 1170-е годы ему довелось добиться дальнейшего крупного успеха в тех же областях. Его дядя Вельф VI, чей сын Вельф также стал жертвой римской малярии, передал императору свои обширные наследные владения в

Швабии, которые сначала хотел предоставить своему племяннику Генриху Льву, ввиду отказа могущественного саксонского и баварского герцога заплатить за это предполагаемую сумму. Затем в январе 1179 года Вельф, после того как заключил договор о назначении Штауфена наследником, был пожалован своими аллодами и дополнительно выделенным имперским достоянием в качестве ленов. Тем самым было обеспечено будущее расширение сферы штауфеновского господства⁵⁸⁴.

Начавшееся тогда же выступление Барбароссы против Генриха Льва, которое привело к смещению этого могущественного герцога и к радикальному обновлению политической обстановки в Империи, также принесло императору, с приобретением фогтства над Райхенау, новый выигрыш в его южношвабской территориальной политике. На севере Германии, который отныне вновь был открыт для влияния Империи, мероприятия Штауфена выглядели иначе. О распространении штауфеновских территориальных интересов в подлинном смысле слова здесь думать не приходилось. Император понимал это, применив для осуществления своих притязаний на этот регион средства имперской политики, разделив саксонское герцогство между архиепископством Кёльнским и домом Асканиев, но также вступив и на путь целенаправленной политики в отношении городов — здесь можно привести в подтверждение грамоты, изданные для Любека, Гамбурга и Бремена.

Наброшенная здесь лишь очень грубо и обобщенно картина штауфеновской территориальной политики может произвести впечатление, будто отношения государя с княжеским и знатным окружением полностью управлялись столкновениями территориальных интересов различных династий, включая и самого главу Империи. Хотя им, без сомнения, и следует отвести центральную роль, подобная картина была бы, однако, неполной и искажающей факты. Разумеется, основополагающее значение приобретал имев-

ший всеобщее признание королевский ранг, явно не в последнюю очередь касаясь участия в военном ополчении, равно как и обсуждения на советах и принятия политических решений во время хофтагов и имперских собраний. Поэтому следует порекомендовать глубже заняться вопросом о том, что же вообще представляли собой средства «княжеской политики», чтобы исчерпать всю сложность этих отношений. Здесь, несомненно, первым делом нужно еще раз указать на ленно-правовые связи, образующие само строение Империи. Однако помимо них император пользовался в особенности и такими средствами, как похвала и порицание, награждение и наказание.

Многочисленны свидетельства того, как Штауфен — не отличаясь в этом от своих предшественников на троне — за выдающиеся заслуги перед Империей, в значительной степени по поводу обширных военных предприятий эпохи его правления, удостоивал экстраординарными привилегиями или выдавал диплом награждаемым, которые обычно слабо были связаны с Империей. Так, например, князь Владислав Богемский в январе 1158 года получил королевский титул во исполнение заключенного с императором в июне 1156 года тайного договора о будущей поддержке им государя в действиях против Милана и об активной военной помощи против Польши летом 1157 года. Подобные факты повышения в ранге или наделения чрезвычайным правооснованием с самого начала правления Барбароссы могут быть многократно подтверждены свидетельствами. Можно, например, назвать возведение Австрии в ранг герцогства (сентябрь 1156 года), признание герцогства Сполето, маркграфства Тосканы, княжества Сардинии и прав герцога Вельфа VI на родовые владения Матильды в 1152 году или — спустя два года — передачу Генриху Льву права инвеституры в епископствах Ольденбургском, Мекленбургском и Ратцебургском, так же как и во всех епископствах, учреждаемых в будущем за Эльбой.

Летом 1167 года, вскоре после катастрофы, постигшей императорскую армию под Римом, когда вспышка малярии вызвала тяжелые потери среди князей и в войсках Штауфена, император принес свою благодарность происходившим с северо-запада Тосканы сеньорам Буджиано и Маона за помощь, оказанную в крайне опасный и тяжелый кризисный период, выдав диплом с подтверждением их владений и прав⁵⁸⁵. Таким образом, были отмечены представители местной знати, которые в обычных обстоятельствах едва ли удостоились бы контакта с императором.

Впрочем, авторитет императора гораздо отчетливее проявлялся в связи с порицаниями и наказаниями. Именно успешное разрешение конфликтов между князьями в существенной мере содействовало укреплению престижа верховной власти в Империи. Характерным примером этого является развитие отношений с Церингенами⁵⁸⁶, которые в результате распространения штауфеновской власти на Бургундию вынуждены были смириться с тяжелым ущербом, нанесенным интересам их собственного господства. Хотя Фридрих после своего бракосочетания с Беатрисой Бургундской как бы в порядке компенсации передал им права на инвеституру в епископствах Лозаннском, Женевском и Сьонском (Зиттенском), Церингены могли осуществлять их лишь частично, и к тому же в 1162 году по приговору князей были лишены этих прав в отношении Женевы. Хотя здесь не может быть речи ни о порицании, ни о наказании в собственном смысле слова, неотвратимым результатом все-таки стал тяжелый кризис в церингенско-штауфеновских отношениях, который дополнительно обострился из-за отклонения кандидатуры Рудольфа фон Церингена на майнцский архиепископский престол (1160 год). Его урегулирование было достигнуто лишь с течением времени.

Самым известным примером наступления Барбароссы на позиции имперских князей является, несомненно, низложение Генриха Льва как герцога Баварии и Саксонии⁵⁸⁷,

пришедшееся на 1180 и ближайшие годы. Этот двоюродный брат императора, определенно, самый значимый и самый могущественный имперский князь своего времени, в ходе форсированного Барбароссой примирения с Вельфами вступил в тесные контакты с Империей и ее главой. В качестве герцога Саксонии и Баварии он располагал самой обширной зоной господства в германской части Империи. В течение долгих лет Штауфен близко взаимодействовал с ним. Гармония, взаимопонимание и доверие господствовали в отношениях двух государственных мужей. Прежде всего, под власть Вельфа была всецело передана северная часть германской державы. С согласия государя герцог пользовался там правами инвеституры в ряде епископств, находившихся в колонизованной области. Его энергичные действия особенно яркое проявляются в случае с основанием города Любека (с 1158 года). Напряженность в территориально-политических отношениях с соседними князьями является еще одним доказательством интенсивной экспансионистской политики Вельфа, которая на востоке саксонского герцогства сталкивалась с противостоящими силами архиепископства Магдебургского и маркграфов Бранденбургских из дома Асканиев, на западе — с противодействием архиепископства Кёльнского. Со стороны Империи район Гарца составлял зону, до которой распространялась экспансия вельфской власти, но на которую в то же время принципиально сохранялись определенные возможности влияния, прежде всего в Госларе. Непосредственно к югу и к юго-востоку от Гарца принадлежавшие королю земли замыкались Золотой долиной, областью вокруг реки Плайсе и Фогтландом, которые уже со времен Конрада III, а затем, при Барбароссе, в еще большей мере относились к районам, в которых королевская власть проявляла прямую заинтересованность⁵⁸⁸.

Начиная с шестидесятых годов XII века вельфская территориальная политика на севере Германии постоянно

наталкивалась на сопротивление князей и знати, и император вынужден был неоднократно вмешиваться, улаживая конфликты. Хотя, с одной стороны, эти вмешательства Штауфена имели следствием возрастание и демонстрацию авторитета имперской власти, с другой стороны, они выявляли также и трудности, возникавшие перед государем, суживая пространство для действий, связанных с потребностями его итальянской политики. Тем не менее и впредь доминировали хорошие отношения с Генрихом Львом, который как своим последовавшим в 1162 году разводом с Клеменцией фон Церинген, так и согласованным в 1165 году браком с Матильдой Английской показал себя тесно связанным с политическими мероприятиями своего кузена-императора. Еще в ходе его паломничества в Святую землю в 1172 году на него, наряду с епископом Конрадом Вормским, посланным тогда в качестве легата императора, могли быть возложены дипломатические задачи по проведению переговоров с византийским императором. Впрочем, именно этой поездке суждено было наметить первую точку разрыва в его отношениях с Барбароссой. Уже сам фактически королевский прием, оказанный Генриху императором Мануилом, едва ли мог усилить доверие Штауфена к своему вельфскому родственнику. Вдобавок герцог во время переговоров в Византии, кажется, явно превысил свои полномочия и перейдя рамки признанной за ним императором свободы действий, сделал василевсу уступки, которые позднее многими — но, впрочем, не самим государем — были инкриминированы ему в качестве «государственной измены»⁵⁸⁹.

Если позволить себе распознать в этих событиях всего лишь начало отчуждения, которое сперва и правда не привело к подлинному разрыву, то ими, тем не менее, все-таки были произведены, так сказать, первые атмосферные помехи в штауфеновско-вельфских отношениях. В последующие годы дело дошло до настоящего, форменного раз-

рыва не благодаря широкому европейскому контексту, а из-за территориально-политических интересов — чрезвычайно типичным для связей между имперскими властями и княжеским окружением образом. В связи с этим известна прежде всего сцена встречи Барбароссы с Генрихом в Кьявенне в начале 1176 года, столь драматично изображаемая позднейшей историографией. В ее исторической достоверности, несмотря на многие проблематичные детали, прежде всего на мнимое падение на колени императора перед Вельфом, сомневаться не приходится⁵⁹⁰. В Кьявенне нужды штауфеновской итальянской политики, требование присылки новых военных контингентов из Германии для борьбы против верхнеитальянских коммун вновь оказались связаны с территориально-политическими амбициями имперских князей севернее Альп, которые решающим образом содействовали обострению ситуации. Фридрих ставил вопрос об участии Генриха Льва в противоборстве в Италии или о деятельной поддержке с его стороны в военных столкновениях, тот же выдвигал требование уступить Гослар. Приняв это условие, император должен был бы полностью пожертвовать своей столь успешной до сих пор территориальной и хозяйственной политикой на южном рубеже саксонского герцогства и поставить ее на новые основания. С этим он согласиться не мог.

Когда спустя два года император в абсолютно изменившейся политической ситуации (с папством и норманнским Сицилийским королевством был, наконец, заключен мир, с Ломбардской лигой — перемирие) вернулся в Германию, политические отношения в области севернее Альп были снова поколеблены тяжелыми столкновениями Вельфов с их противниками в саксонских землях. Однако, в отличие от обстоятельств 1160-х годов, дело теперь совершенно очевидно не заключалось в стремлении императора урегулировать конфликты, то есть сохранить позиции Генриха Льва. Он внял резким жалобам на Вельфа и начал

процесс против своего двоюродного брата. В результате герцогу пришлось ощутить на себе всю прочность и строгость императорской власти. Его действия ужесточились во многом из-за мероприятий Империи, неоднократно угрожавших его территориально-политическим интересам. Как тяжелый удар он должен был воспринять прежде всего соглашение между Барбароссой и их общим дядей Вельфом VI о передаче южношвабских владений Вельфов Штауфену. Правда, к этой неудаче он отчасти и сам был причастен: все-таки предложение Вельфа сделать его наследником он упустил, не выплатив за это оговоренную сумму.

Потребовалось два военных похода императора, в 1180 году в район Гарца, в 1181 году на крайний север Саксонского герцогства вплоть до Любека, чтобы подчинить Вельфа силой оружия и превратить в реальность его смещение, последовавшее уже в начале 1180 года. Несмотря на эти заметно потрясшие Империю события, мы не видим признаков хоть какой-нибудь опасности, которая серьезно угрожала бы авторитету государя. Конечно же, и многочисленные противники Вельфа были прочной базой для мероприятий имперских властей. Здесь сказались мудрые, осмотрительные и искусные действия Штауфена, который, с явной оглядкой на князей Империи, получив в свое распоряжение благодаря смещению Генриха Льва герцогства Бавария и Саксония, вновь выдал их в надел в территориально измененной форме и тем самым сумел решающим образом укрепить собственные позиции. Оба герцогства были расчленены или уменьшены, с чем было связано создание новых территорий, лучше поддающихся контролю и управлению. Западная часть Саксонии (области Кёльнской и Падерборнской епархий) в качестве герцогства Вестфалии перешли к архиепископу Кёльнскому, саксонский восток в виде герцогства Энгерн — к Бернхарду из дома Асканиев, то есть к традиционному противнику Вельфа, с

которым тот десятилетиями состоял в конфликте. Баварией были наделены пфальцграфы Виттельсбахи, чем было положено начало той роли, которую они затем играли в Баварии и для Баварии на протяжении столетий. Тем не менее, в соответствии с отчетливо проявляющимся здесь принципом «divide et impera» («разделяй и властвуй»), область господства маркграфов Штирийских, с давних пор развивавшаяся очень самостоятельно, была одновременно возведена в ранг отдельного герцогства. Вычленение из баварского властного комплекса андесского маркграфства Истрии, сеньоры которого впредь выступали как герцоги Кроации (Хорватии) и Далмации, затем под титулом герцога Мерании⁵⁹¹, было дальнейшим шагом к разрушению прежних обширных блоков власти.

Но главное — то, как со смещением Генриха Льва и с реорганизацией Империи, ставшей его результатом, все отчетливее выкристаллизовывалось отдельное сословие имперских князей⁵⁹², характерную особенность которого следует видеть в непосредственной связи с Империей, в наделении ленами исключительно от лица имперского главы. Правда, и в отношении данного феномена исследователи смогли установить, что первые шаги на этом пути были сделаны уже в первой половине XII столетия, что в Барбароссе и здесь тоже надо видеть не столько подлинного «новатора», сколько человека, который по преимуществу дал ход уже имевшимся налицо возможностям, расширил их и максимально эффективно применил на деле. И все же не подлежит сомнению, что имперские князья как подлинное сословие должны восприниматься только со времени около 1180 года.

В первую очередь графы стали теми, кого четкий барьер отделял отныне от прямого доступа к главе Империи. Этим все-таки были достигнуты концентрация решающих сил в Империи, особенно тесная, даже неразрывная связь носителей княжеской власти с государем и, тем самым,

подведение под его господство обновленного, гораздо лучше защищенного фундамента.

Именно пример Генриха Льва показывает, что к средствам «княжеской политики» Фридриха Барбароссы наряду с похвалой и порицанием, награждением и наказанием относились также главным образом умелые тактические действия в отношении его социального окружения, покровительство одним персонам при одновременном отстранении других и, таким образом, в конечном счете постоянно присутствующий во всей политике Штауфена принцип «*divide et impera*». Существенные основания для отношений императора с княжеским миром его времени должны усматриваться далее в узких и широких родственных союзах между Штауфеном и многочисленными родами высшей знати⁵⁹³. Так, сам император через свою мать Юдифь состоял в ближайшем родстве с Вельфами, которые при его предшественниках находились в открытой оппозиции к Империи. Бабенберги — Генрих Язомирготт, Оттон Фрейзингенский и Конрад Пассауский (с 1164 года архиепископ Зальцбургский) — были связаны с ним через свою мать, Агнессу из рода Салиев, приходившуюся также бабушкой Барбароссе. Виттельсбахи тоже были родственниками (*consanguinei*) Штауфена.

Через его родную сестру Берту, состоявшую в браке с герцогом Маттиасом Верхнелотарингским, осуществлялись тесные контакты с крайним западом Империи. Брак его сводной сестры Юдифи с ландграфом Людвигом II Тюрингским навел мосты с областью, имевшей значение прежде всего в связи с позицией Вельфов в Саксонии. В 1156 году после смерти Германа фон Шталека, женатого на сестре Конрада III, Гертруде, Фридрих титуловал в качестве пфальцграфа Рейнского своего сводного брата Конрада. Сам Штауфен в своем первом, расторгнутом в 1153 году браке, имел супругой Аделу фон Фобург и в результате смог распространить свою власть и свое влияние вглубь восточ-

нофранконских земель. В июне 1156 года он взял в жены Беатрису, наследницу графства Бургундии, после того как были сорваны переговоры о заключении брака с Восточной Римской империей. Эта женитьба открыла для штауфеновской территориальной политики совершенно новое поле, на котором она могла проводиться, будучи направленной в особенности против конкурентов-Церингенов.

От брака с Беатрисой Бургундской произошло не меньше одиннадцати детей — восьми сыновей и трех дочерей, даты жизни, а отчасти даже и имена которых исследователям удастся реконструировать лишь с большим трудом⁵⁹⁴. В любом случае, свидетельства лучше удостоверяют сыновей монаршей четы: в июле 1164 года в Павии родился первый сын, получивший главное для Штауфенов имя Фридрих. Годом позже, в ноябре 1165-го, в Нимвегене появился на свет второй сын Генрих (данное ему имя отсылает к салической традиции) — впоследствии наследник престола, уже в четырехлетнем возрасте избранный королем. Во время военного похода против Рима и Южной Италии в феврале 1167 года в замке Модильяна близ Фанцы увидел этот мир третий сын императора, Конрад, который после смерти своего старшего брата в конце 1169 года получил его имя и стал герцогом Швабии. Затем, в промежутке между 1170 и 1177 годами, родились Оттон, впоследствии пфальцграф Бургундский, Конрад, впоследствии герцог Швабский, и Филипп, пробст Ахена, затем герцог Тосканский и Швабский и с 1198 года король. На те же годы — очевидно 1173 и 1175-й — выпало известное лишь из более поздней традиции рождение сыновей Райнальда и Вильгельма, которые умерли еще в детском возрасте. Вообще же, с весьма высокой долей вероятности, первым ребенком от этого брака была дочь Беатриса (умерла около 1174 года), а следующей, осенью 1168 года, появилась на свет девочка, имя которой до нас не дошло. Этот ребенок умер где-то в конце 1184 года, найдя упо-

коение вслед за своей сестрой Агнессой, скончавшейся 8 октября того же года.

В связи с интересующим нас контекстом — отношением Барбароссы к княжескому окружению — важен прежде всего вопрос о том, в какие брачные союзы вступали дети государя или какие из этих союзов намечались. Уже в случае с первым свидетельством, которое было здесь приведено, о договоренности по поводу брака старшего сына императора с дочерью английского короля, достигнутой весной 1165 года, обращает на себя внимание тот факт, что при этом продумывались преимущественно связи с крупными зарубежными властителями, с королевскими домами. Таким образом, матримониальную политику Штауфена следует рассматривать в свете его «интернациональной» политики. Также и дочери государя в первую очередь, наряду со старшим сыном, призваны были помогать выстраивать и укреплять подобные контакты Империи посредством оговоренных или только еще планируемых брачных связей. Для Беатрисы, старшей дочери Барбароссы, около 1173–1174 годов предусматривалось заключение брака с королем Вильгельмом II Сицилийским — план, который, впрочем, впоследствии оказался неудачным⁵⁹⁵. Примерно в то же самое время к Штауфену через посланника обратился султан Саладин, причем Беатриса была избрана в качестве невесты для сына мусульманского правителя⁵⁹⁶. Ее младшая сестра уже в раннем детстве была определена в невесты Ричарду Львиное Сердце, в то время еще графу Пуату, или принцу Эммериху (Имре), сыну короля Белы III Венгерского⁵⁹⁷. Генриху VI его оговоренным в 1184 и заключенным в 1186 году браком с Констанцией Сицилийской суждено было после смерти Барбароссы открыть для штауфеновской имперской истории совершенно новое измерение⁵⁹⁸. Его младший брат, Фридрих Швабский, в первые годы своей жизни носивший имя Конрад, был сначала — в 1181 году — обручен с дочерью короля

Вальдемара Датского⁵⁹⁹. Бракосочетание, впрочем, не состоялось, и во время похода крестоносного войска через Венгрию была достигнута договоренность о его женитьбе на дочери венгерского короля⁶⁰⁰.

Таким образом, в матримониальной политике штауфеновского императора находились свою опору рубежи большой политики Империи. Однако устанавливаемые при этом контакты все же никоим образом не были свободны от обратного влияния на них связей с имперскими князьями, как и от учета их интересов. Особенно отчетливо это проявляется применительно к отношениям императора со своим вельфским кузеном Генрихом Львом⁶⁰¹, если рассматривать брачные договоренности 1180-х годов с датским и английским королевствами еще и на фоне закрепления Вельфов на этой чужой политической сцене. Благодаря своему браку с Матильдой Английской, согласованному в 1165 году и заключенному в Миндене в 1168 году, Вельф располагал поддержкой в державе Плантагенетов, которой с 1182 года суждено было стать местом его изгнания. Связи Генриха с Данией основывались, с одной стороны, на его положении фактического вице-короля у северной границы Империи, но нашли свое выражение и в браке Гертруды, его дочери от брака с Клеменцией фон Церинген, с сыном короля Вальдемара, впоследствии унаследовавшим трон под именем Кнута VI. В первом браке, с 1166 года, Гертруда была замужем за двоюродным братом Барбароссы, герцогом Фридрихом фон Рутенбургом, сыном короля Конрада III, который, впрочем, уже летом 1167 года умер под Римом от малярии.

Чтобы, приняв во внимание родственные связи Штауфена с различными княжескими домами его Империи, еще более расширить панораму его отношений с князьями, необходимо учесть важный ракурс, который раскрывает феномен подлинно дружеских контактов императора с отдельными персонами, простирающихся в приватную сферу

Фридриха Барбароссы уже как человека. Традиция не часто позволяет проследить дружбу такого рода столь же полно, как в случае с графом Рудольфом фон Пфуллендорфом⁶⁰², происходившим из южношвабских земель и именованным еще и по другим своим главным владениям — Брегенцу, Рамсбергу и Швайнсхуту. Уже при разделе наследства его тестя, графа Рудольфа фон Брегенца, в начале правления Фридриха I бросается в глаза, что этот человек, уже тогда близкий к государю, получил ту часть владений, которая имела решающее значение для связей с югом, с Италией. Пфуллендорфец всегда относился к числу персон, входивших в непосредственное окружение Штауфена, занимая при дворе почетное место близкого доверенного лица императора. Характерно, и не в последнюю очередь, то обстоятельство, что летописец из Лоди Ачербо Морена помещает пфуллендорфца в ряд своих описаний избранных персон императорского двора. Доверительные взаимоотношения и дружба с императором, пожалуй, нашла наиболее знаменательное выражение в территориальной политике графа, развивавшейся в полном соответствии со штауфеновскими интересами. Даже тяжелая личная утрата Рудольфа, смерть его единственного сына Бертольда летом 1167 года возле Рима, не нанесла никакого ущерба отношениям с главой Империи и никак их не омрачила. Напротив, начиная с 1168 года он фактически сделал императора (и его род) своим наследником. Уже в 1170 году Барбаросса смог распорядиться пфуллендорфским фогтством над епископством Кур и передать его своему сыну, герцогу Фридриху Швабскому. Когда граф Рудольф принял затем, в 1180 году, паломничество в Святую землю, из которого ему не суждено было вернуться, его фамильные владения, но также и особенно ценное, приобретенное в 1166 году имперское фогтство в отношении монастыря Санкт-Галлен, были приняты Штауфеном. В результате, но также и благодаря своему соглашению с

Вельфом VI о наследовании Штауфенами его территорий и приобретению фогтских прав на островной монастырь Райхенау, прежде подчинявшийся как фогту Генриху Льву, император в начале 1180-х годов сумел решающим образом упрочить и расширить позиции своей фамилии в южношвабских землях, в области Боденского озера и на важнейших коммуникациях с Италией.

Наши резюмирующие выводы об отношениях Штауфена с его княжеским и знатным окружением до сих пор были сосредоточены на области, расположенной к северу от Альп. Соответственно, следует обратить внимание также и на положение дел в южном королевстве Италия, где, впрочем, «княжеская политика» должна рассматриваться в рамках структурно-исторического процесса, развивавшегося существенно иным образом. Хотя обозначение Италии в штауфеновскую эпоху как «страны городов» подчеркивает только один аспект панорамы этой области, не может быть сомнения в том, что силы итальянских князей и знати находились в состоянии непрерывной оборонительной борьбы против коммун — борьбы, в которой они нередко терпели поражения. Правда, эту картину следует дифференцировать не только в региональном смысле, но и применительно к отдельным выдающимся знатым родам⁶⁰³. Впрочем, необходимо решительно подчеркнуть относительность вопроса, ставившегося на первый план более ранней историографией — поддерживал ли Барбаросса со всей энергией знать в ее борьбе против коммун. Ради подкрепления своего авторитета, реализации своих политических мероприятий он был вынужден постоянно высматривать вокруг союзников. При этом подобные соратники могли происходить из рядов знати, но также — из вполне прагматических соображений — разыскиваться и среди городов. Вражда и соперничество между городами в локальной борьбе за власть приводили, например, на сторону императора традиционных противников миланцев — города

Павию, Кремону, Лоди и Комо, так же как, наоборот, восстанавливали против Империи союзников «ломбардской метрополии», особенно Брешиа, Крему, Тортону и Пьяченцу. Как выразительный пример отношений Штауфена со знатью Италии можно расценивать связи с родом Монферрат⁶⁰⁴. Маркграф Вильгельм был связан с Фридрихом Барбароссой благодаря своему браку с дочерью Бабенберга Леопольда III, Юдифью. В то же время его теща Агнесса была бабкой государя. Способом, типичным именно для фронтового положения, в котором находилась знать имперской Италии по отношению к коммунам, Вильгельм уже во время первого итальянского похода нового короля, предпринятого в 1154–1155 годах, искал его поддержки. Она и была ему предоставлена, когда Штауфен повел военное наступление против Кьери и Асти. Существенным для сильной позиции маркграфа было, впрочем, не в последнюю очередь то обстоятельство, что в области его господства, сконцентрированного в восточном Пьемонте к югу от реки По, вряд ли имелись значительные города, которые могли бы представлять для него большую угрозу. Во время тяжелых столкновений с ломбардскими коммунами, прежде всего с Миланом, заполнивших имперскую историю начиная с 1158 года, маркграф входил в число самых верных и постоянных соратников императора по оружию. Доверительные отношения между Вильгельмом и Фридрихом нашли свое превосходное выражение в сентябре 1164 года — не только в выдаче пары дипломов со щедрым удостоверением владельческих прав, но прежде всего в том, что государь оставил на попечение маркграфа своего первенца Фридриха, которого слабая телесная конституция не позволила взять с собой в поход через Альпы в Германию, предстоявший в самое ближайшее время.

Позднее, с возникновением Ломбардской лиги и следовавшим параллельно ему крахом штауфеновского имперского господства в Ломбардии, неизменная верность импе-

ратору обернулась для Монферрата крайне опасным положением. В конце концов он вынужден был склониться перед превосходством городов, вступив в соглашение с Лигой. Во время пятого итальянского похода Штауфена Вильгельм, естественно, снова встал на сторону Империи. Он был решающей движущей силой в столкновениях этого периода, которые сконцентрировались вокруг города Александрия, основанного в центральной области господства его дома при определяющем участии союзных городов. Безуспешность военных интервенций, которая, наконец, подвигла государя вступить на путь переговоров, стала решающим фактом для будущего развития отношений между маркграфом и Барбароссой. Интересы Вильгельма, отставание им своих позиций в борьбе против враждебных коммун, должны были при этом пасть неизбежной жертвой. Вдобавок к этому в центральноитальянском регионе очень скоро проявились и новые конфликтные зоны, где мероприятия императорской политики также не пошли на пользу дому Монферрат. Конрад, сын маркграфа Вильгельма, чей брат Райнер в 1180 году женился на Марии, дочери византийского императора Мануила⁶⁰⁵, в ходе своей энергичной территориальной политики в Средней Италии вступил в конфликт с имперскими властями. В 1179 году он даже взял в плен Кристиана Майнцского, имперского легата Барбароссы в этой зоне⁶⁰⁶. При окончательном примирении императора с Ломбардской лигой, но уже и прежде, при примирении с городом Александрией, о каком-либо учете интересов маркграфского дома Монферрат не было больше и речи⁶⁰⁷.

Наряду с подобными связями штауфеновского государя с кругами высшей знати имперской Италии, в подтверждение чему могут быть упомянуты также маркграфы Маласпина, графы Бьяндрате или граф Гвидо Гуэрра, наряду со многими другими персонами⁶⁰⁸, здесь должно быть уделено внимание группе выдающихся вассалов, также имев-

ших при Барбароссе большое значение для политики Империи. Речь при этом идет о потомках вассалов Матильды Тосканской, которых обычно объединяют понятием «Матильдин вассалитет»⁶⁰⁹. Благодаря обширному владельческому комплексу великой графини они уже рано начали играть значительную роль в качестве носителей различных функций и как локальные сеньоры во многих частях имперской Италии, особенно в зоне Апеннин между Виа Эмилия и северо-западной Тосканой. Уже в период правления Лотаря III они выступили как самостоятельная по отношению к Империи группа, добивавшаяся при этом от императора поддержки в борьбе против поднимавшихся в то же самое время городских сил. При Фридрихе Барбароссе, с 1152 года и до начала семидесятых годов, достояние Матильды вместе со связанными с ним владельческими правами в принципе было выделено герцогу Вельфу VI, впрочем, государь постоянно акцентировал свой собственный сюзеренитет. Ввиду проалександровской позиции, занятой его вельфским дядей во время схизмы, Фридрих еще более усилил свое влияние в этой зоне. После того как герцог примерно в 1173 или 1174 году согласился на отступную плату взамен своих имперских прав в Италии, император в результате умелых дипломатических переговоров с папством сумел закрепить за собой эти владения, столь важные для утверждения позиций Империи к югу от Альп. Даже если дело и не дошло до окончательного урегулирования претензий, выдвинутых как со стороны римской церкви, так и со стороны Империи, Барбаросса все же не оставил сомнения в том, что рассматривает бывшее достояние Матильды в качестве интегрированной составляющей своего господства в Италии. Позднее, во время своего последнего итальянского похода (1184–1186 годы), он подчеркнул свои притязания не только тем, что обязал миланцев оказать ему военную поддержку при повторном овладении наследием Матильды. Император тогда еще и

лично посетил болезненную зону в Апеннинах, к югу от Реджо и Модены, и посредством выдачи привилегий привязал к себе ряд важных представителей вассалов Матильды, таких, например, как Гарфаньяна и Версилия в северных окрестностях Лукки.

Итак, чтобы резюмировать проблему отношений Барбароссы с миром итальянской знати, нам останется констатировать, что к югу от Альп основания для господства знати были все же гораздо слабее и неопределеннее, чем в германской части Империи. Серьезного противника для знати на юге следует видеть не в конкурентах из ее собственных рядов и не в Империи: напротив, им определенно являлся мир коммун. Противодействие коммун давало повод искать помощи у имперских властей и стремиться обрести в них сильную политическую опору. Для Империи же, наоборот, связь с кругами знати хотя и составляла всегда один из возможных регулирующих элементов в борьбе различных сил, но все-таки именно только один из них, наряду с другими. Не в последнюю очередь то, что в своих властных и финансовых возможностях мир итальянской знати был гораздо более ограничен по сравнению с городами, привлекало государя в этой части Империи все же бесспорно именно к коммуна́м как к непосредственной основе для мероприятий, оформлявших его господство.

Обращение к комплексу связей Штауфена с общностью мирян, прежде всего знати, но также и близких к знати слоев, осталось бы, впрочем, фрагментарным, если бы мы не захотели привлечь и следующий характерный для эпохи общественный круг. Его конституирование в период высокого Средневековья относится к наиболее выделяющимся феноменам социального подъема, наблюдаемого в эти столетия. Речь идет о *министериа́литете*⁶¹⁰, который прежде всего в XII столетии все более обретает свои контуры и собственный профиль в общественной структуре Империи. Министериа́лы изначально были обладате-

лями «службы» (*ministerium*), к несению которой они привлекались на местах в рамках господства как представителей знати, так и духовенства. При этом сначала речь шла о людях несвободного состояния, которые, впрочем, в процессе исполнения этой службы достигали отчетливо различимого социального возвышения — особенно если подразумевалась квалифицированная служба, вроде исполнения обязанностей стольника (трухзеса), камерария, кравчего или маршала. Положение министерала к тому же реально зависело от положения его господина, так что, естественно, между министералами монастыря Корвей, архиепископа Майнцского или самой Империи могли существовать значительные ранговые различия.

Начиная с салической эпохи королевская власть в растущем масштабе использовала эти вновь выдвинувшиеся слои, но здесь все-таки обнаружилось совершенно новое для прежней расстановки сил, все более повышающее свою значимость сословие, на которое благодаря этому можно было с успехом опереться. Правда, Штауфену сначала пришлось отличать штауфеновско-швабский министералитет от имперского, но с возвышением до уровня королевской власти обе этих сферы смешивались в одну, нередко однородную социальную структуру. Здесь тоже, как и в случае с князьями и знатью, особо выдвигались отдельные персоны, отмеченные частым присутствием при дворе, тесной личной близостью к государю, а также, во многом именно благодаря этому, уже и обширными собственными областями господства, состоявшими из многих наделов. Яркий такой пример являет собой, в частности, происходящий из Пфальца имперский министерал Вернер фон Боланден, обнаруживаемый в министеральном властном комплексе этого периода ленной книгой, которая относится к концу XII столетия⁶¹¹.

Не в последнюю очередь с передачей должностей и связанных с ними требований могло быть сопряжено то, что

министерялы из такого рода сокровищницы могли почерпнуть опыт политической деятельности и техники управления, что они нередко проявляли себя как подлинно идеальный персонал для самых трудных должностных сфер. Там, где требовались вдохновение для принятия решений, способность их реализовать и полная мера политической интуиции и гибкости, там теперь предоставлялась возможность прибегнуть к помощи не одних только представителей духовенства или знати. Там в штауфеновскую эпоху во все возрастающем числе приступали к действиям министерялы. Этот феномен можно хорошо понять прежде всего в рамках итальянской политики. Правда, сам Барбаросса при этом поначалу делал большую ставку на духовных лиц, графов и благородных, что можно подтвердить ссылкой на носителей значительных должностей ломбардского имперского управления в 1160-е годы — епископа Генриха Люттихского (Льежского), графов Генриха фон Дица и Гебхарда фон Лойхтенберга или благородных господ Маркварда фон Грумбаха и Арнольда фон Дорштадта. Но уже в эти годы первый министерял направлен в Италию: фогт Вильгельм фон Ахен был назначен графом Сиены. Со всей определенностью участием министерялов в штауфеновской итальянской политике суждено было пойти в гору уже позднее, причем для времени Барбароссы следует назвать, в частности, Бертольда фон Хокёнигсбурга, занятого в 1180-е годы на Виа Эмилия, а применительно к 1190-м годам сослаться прежде всего на таких людей, как Марквард фон Аннвайлер.

Столь богатая различными гранями и аспектами⁶¹² картина отношений Штауфена с миром князей, знати и министерялитета становится в результате чрезвычайно пестрой и все-таки с особой разносторонностью проявляет здесь и условия, и возможности имперского господства. В лице министерялов, с их активным привлечением к деятельности в интересах Империи, император смог распоряжаться

поистине неисчерпаемым резервуаром высочайших талантов, служащих нуждам его правления. Сплоченность этой общественной группы в Империи была несравнимо прочнее, чем она могла быть у князей или даже знати со всей их самостоятельностью и амбициями территориально-политического свойства, нередко диаметрально противоположными имперским интересам. Это отсутствие в рядах министералов широких возможностей для развития их господства, чреватое далеко идущими последствиями, делало министералитет чрезвычайно важной опорой имперских властей, которые нередко могли оказываться в состоянии отчетливого конфликта с княжеским и знатным окружением именно из-за его собственных, столь сильно проявляющихся политических интересов.

4. ФРИДРИХ БАРБАРОССА И ГОРОДА

Для того, чтобы в сжатом виде раскрыть вопрос об отношениях имперских властей с городами⁶¹³, потребуется сначала сделать принципиально важные предварительные замечания. Ни в коем случае не следует рассматривать города Империи раннего штауфеновского времени как некий гомогенный корпус или совершенно единообразное «сословие» — из-за очень сильно различающихся направлений их развития в трех имперских королевствах. Рациональнее рассмотреть отдельно данные, относящиеся к территориям южнее и севернее Альп, а также и к Бургундии, отдав при этом справедливость различным проявлениям феномена «город», но также и политическим мероприятиям государя по отношению к городам. В то время как в Италии, с выдвижением там примерно в середине XII века коммунальных конституционных форм и вытеснением традиционной власти клира и знати, уже давно задавали тон городские силы, в немецких землях обстоятельства развивались несоизмеримо медленнее. Бургундское пространство в своей северной части демонстрировало структурные условия, сходные с известными из германской области, в то время как на юге, в Арелате, приблизительно в то же время можно уже наблюдать отчетливые свидетельства как хозяйственного, так и политического подъема городских слоев.

С салической эпохи, прежде всего с междоусобиц периода правления Генриха IV, лишь несовершенно характеризуются и излишне типизируются броскими словами «борьба

за инвеституру», города германской области Империи все более оказываются в поле зрения имперской политики. В особенности рейнские епископские города выступают тогда как потенциальные союзники государя⁶¹⁴ против сильной оппозиции ему со стороны знати и клира. Посредством выдачи дипломов Салии сумели связать с собой бюргерско-городские силы. Правда, эти мероприятия не приобрели еще широкого, всеобщего характера в рамках политики Империи, они скорее были понятны лишь исходя из ситуации того времени и именно ею существенно обусловлены. Разрозненными и спорадическими оставались королевские грамоты, выдававшиеся городским адресатам, еще и в первой половине XII века, хотя и очевидно, что городское мироустройство было теперь прочнее включено в политические расчеты государя.

Именно к началу XII столетия относятся уже и истоки княжеской городской политики. Известнейшим примером являются здесь Церингены с инициированным ими около 1120 года основанием города Фрайбург в Брайсгау⁶¹⁵. В сфере этой княжеской активности впоследствии должны были особенно ясно определиться два мотива: с одной стороны, намерение посредством политических мероприятий в отношении городов принять участие в подъеме хозяйственных сил эпохи, с другой — стремление иметь в своем распоряжении обороноспособные опорные пункты в стратегически важных точках области собственного господства. Также и Штауфены уже с ранних пор сумели стать причастными к этим устремлениям. Правда, среди мероприятий, которые отец Барбароссы проводил в годы своего имперского регентства, начиная со 1116 года⁶¹⁶, в верхнерейнской области, доминировало еще строительство бургов. Однако то обстоятельство, что городское развитие Хагенау восходит своими первыми шагами еще ко времени господства этого швабского герцога в Эльзасе, говорит о настойчивом интересе к содействию городским силам, а

в конечном счете и о ясном осознании уже этим Штауфеном открывающихся здесь новых возможностей утверждения собственного господства.

Со вступлением на престол Фридриха Барбароссы в 1152 году внешние рамки отношений в германской области Империи приняли поначалу совершенно новый вид. Улаживание многолетнего конфликта с Вельфами привело к замирению страны, имевшему далеко идущие последствия, к миру, который в особенности пошел на пользу столь существенно выраженным купеческим интересам городского населения Империи. Важными свидетельствами германской городской политики Фридриха I являются — не отличаясь в этом от предшествовавшего ему времени — его дипломы, выданные городским адресатам. При этом, правда, сразу же бросается в глаза сам факт явного количественного роста такого рода распоряжений. Но наряду с этим и наличествующие в его итинерарии епископские города⁶¹⁷, и факты основания городов монархом указывают на особое место, отводимое в рамках его политики городскому мироустройству. Сначала практически ее объектом были епископские города, которым Штауфен уделял особенно пристальное внимание. Здесь также отразилось существенное отличие от времени Конрада III, в чей период правления, потрясаемый кризисами, этот элемент или совершенно упускался из виду, или не мог быть привлечен к укреплению власти.

Первым полноценным «городским дипломом» Барбароссы в германских землях была выданная им в 1156 или 1157 году грамота для Аугсбурга. На основании, очевидно, уже до этого проведенных переговоров между самими претендующими на господство в городе кругами Аугсбурга в ней подробно регламентировались права епископа и бюргерства. Речь не может идти о том, что император здесь дает преимущество городу перед епископом. Скорее интерес государя однозначно заключается в том, чтобы устранить

сами возможные проблемные поля, обеспечив привлечение епископа к исполнению требуемых от него имперских служб. Но все-таки он позволил новым растущим социальным слоям добиться первых политических прав. Правда, защита интересов Империи как была, так и осталась основной максимой всех действий императора. В тех случаях, когда представители городских сил по-настоящему подвергали опасности позиции городских сеньоров-епископов и грозили их пошатнуть, он принимал очень жесткие и строгие меры. Известно, например, выступление в январе 1157 года против трирского бюргерства, заключившего клятвенный союз в связи с территориальной политикой сводного брата Барбароссы, пфальцграфа Конрада Рейнского. Всю суровость императорского правосудия довелось ощутить на себе весной 1163 года городу Майнцу, лишившемуся городского статуса за участие городских кругов в убийстве архиепископа Арнольда (июнь 1160 года).

Затем, в шестидесятые годы, на первый план в политических мероприятиях Штауфена выдвинулся тип города, который обнаружил себя уже со времен Лотаря III и при Конраде III доминировал в спорадических проявлениях политической активности этого государя в отношении городов: «города-пфальцы», или «города имперских земель»⁶¹⁸. Речь при этом идет о городских сообществах, которые обрели свою точку кристаллизации в центрах господства самой имперской власти, нередко будучи связанными с одним из пфальцев. Их примеры мы находим, среди прочих, в Дуйсбурге, Ахене, Кайзерсверте или Дортмунде. При Барбароссе к этим уже с давних пор привилегированным местам добавились новые, которые самим своим месторасположением демонстрируют то, как Штауфен умел использовать возможности закладки городов и поощрение их развития для целей государственного строительства. Можно назвать, например, императорские грамоты для Хагенау (1164 год), то есть для опорного пункта в штауфеновском

Эльзасе, пользовавшегося покровительством уже его отца, или для Гельнхаузена (1170 год) и Вецлара (1180 год), где он в борьбе с территориально-политической властью архиепископства Майнцкого утверждал и расширял имперские владения вокруг традиционного места постройки пфальца — Франкфурта. Сюда же относятся мероприятия в Плайсенланде⁶¹⁹, то есть в южном предполье вельфского герцогства Саксонии, где император оказал свое содействие Альтенбургу и Пегау и тем самым продолжил развивать активность, которую проявлял в этом районе уже Конрад III. Правда, обстоятельный анализ выделяемых в каждом случае прав показывает, что для бюргерских прав, обеспечивавших участие в принятии совместных решений, он устанавливал более узкие границы. В результате выделяемые права вряд ли могут обозначаться как «передовые» или даже «революционные»⁶²⁰. Но все-таки и здесь тоже вновь находит свое отчетливое выражение то, как Барбаросса понимал контролирующее содействие городской жизни, прежде всего хозяйственным силам города, рассматривая его в качестве неотъемлемой составной части возможностей оформить свое господство.

Свое влияние на эти города имперских земель Штауфен не в последнюю очередь обеспечивал тем, что подчеркивал выведение юрисдикции из имперского уровня. Здесь он располагал возможностью вмешиваться в сферу низшей юрисдикции. Та же сфера в епископских городах, как правило, не была ему непосредственно доступна вследствие господствующего положения, занимаемого епископом. Там чаще всего речь шла о вверении банна крови тому фогту, которому придавалось решающее значение. Естественно, обстоятельства для Империи складывались благоприятно в том случае, если она сама могла распоряжаться подобными правами фогтства. В рейнских епископских городах права фогтства уже с начала XII столетия находились в руках Штауфенов. Пфальцграф Рейнский — им с 1156

года был Штауфен, сводный брат императора, — обладал правами фогта в отношении архиепископства Трирского, с 1173–1174 годов — также епископства Вормсского. Гибель многих представителей немецкой знати во время катастрофической для императорского войска вспышки малярии летом 1167 года близ Рима открыла новые возможности для расширения штауфеновских владельческих прав. Вскоре после возвращения императора из Италии он сумел приобрести для своего дома фогтские права в епископствах Кур и Аугсбург⁶²¹. Они попали в руки его сына, герцога Фридриха Швабского.

Для позднего периода правления Фридриха Барбароссы, прежде всего для 1180-х годов, можно констатировать явное усиление активности городской политики в германской части Империи, которое заметно не в последнюю очередь по осязаемому возрастанию числа выданных городским адресатам дипломов. В связи с этим говорят о повороте в буквальном смысле слова, о некоей цезуре, и стремятся найти ответ на вопрос, в чем же можно видеть основания для этого «прорыва». Звучащее при этом указание на завершение схизмы, в том смысле, что была окончательно устранена многолетняя напряженность отношений внутри имперской структуры, несомненно, важно, хотя церковный раскол вряд ли оказывал непосредственное воздействие на формирование связей с германской городской средой. Города относились к нему лишь постольку, поскольку городские сеньоры-епископы, привлеченные для исполнения имперских служб, были вынуждены неоднократно и чересчур надолго отлучаться из своих резиденций или получать займы у тех же городских кругов. Эта ситуация в немалой степени способствовала усилению позиций городских сил в локальных властных связях. Даже сам император учел это обстоятельство в парадигматической манере, свойственной его образу политических действий, когда для подготовки своего пятого итальянского похода (1174–1178 годы)

обратился за финансовой поддержкой к епископскому городу Камбре и при этом не прибегнул к епископскому пожертвованию, как обычно всегда делал прежде, а принял помощь непосредственно от городских кругов. Несмотря на многочисленные косвенные воздействия схизмы на положение городских сил Германии, оно, конечно, — в противоположность Италии, не было обусловлено здесь церковно-политически, не приводило к принципиальному групповому объединению городов против Империи или даже к конфликту между городом и епископом.

Следующим фактором, который приводился в качестве обоснования упомянутого поворота в городской политике Барбароссы, было заключенное в 1177 году перемирие с верхнеитальянскими городами, объединившимися в Ломбардскую лигу. Также и в этом случае в первую очередь — не каким-то иным образом, чем по поводу достигнутого одновременно мира с Александром III, — следует думать об общем умиротворении ситуации, об упразднении прежних обстоятельств Империи, с доминирующими в течение многих лет напряженными отношениями, конфликтами и столкновениями. В результате императорская политика открывала для себя поле действий, которого до сих пор не было в ее распоряжении. Политика Империи в Италии с самого начала правления Штауфена всегда по преимуществу определялась элементом городской политики. Отсюда, несомненно, проистекали большой опыт, возможность ознакомиться с политическим и хозяйственным потенциалом городского мироустройства. Но такого рода познание и осознание должны были впоследствии отразиться и на немецких условиях. Прямых данных в пользу подобного взаимодействия — ни восстановленных непосредственно по инициативам самого императора, ни фактических — привести не удастся. Однако саму столь отчетливую активизацию городской политики в германской части Империи примерно с 1180 года все-таки кажется

возможным понимать не в последнюю очередь исходя из богатого «итальянского» опыта Барбароссы.

На это же время, около 1180 года, выпадает одно из главных решающих событий всего правления Барбароссы — низложение Генриха Льва, вельфского двойного герцога. Только успех миротворческого съезда в Венеции с завершением схизмы в результате, перемирие с Ломбардской лигой и мир с сицилийской норманнской державой сделали этот поворот штауфеновской политики вообще возможным. Вытекающие отсюда потребности переустройства Империи, постановления государя о герцогствах Саксонии и Баварии позволили тогда немецкому городскому мироустройству со всей очевидностью проявиться в поле зрения имперской политики. Сама возможность рассматривать растущее число выданных тогда городских дипломов фактически как поворот в политике кажется небеспроблемной в свете того интереса, который Барбаросса уделял городскому мироустройству уже с начала своего правления. Необходимо, все-таки, констатировать не только некую настойчивую активизацию, но и очевидную новую черту этой политики в связи с новым выдвижением епископских городов. Прежде всего в бывших вельфских областях, особенно на севере Империи, который ранее был в значительной степени предоставлен господству вельфского кузена императора, стали теперь устанавливаться непосредственные контакты с городами. Дипломы для Гамбурга, Бремена и Любека удостоверяют эту деятельность. Город Регенсбург как традиционный главный пункт Баварского герцогства в последнее десятилетие правления Барбароссы оказался в особой тесной связи с Империей. После 1185 года он обозначался как «город императора» (*civitas sua*).

Не только в вельфских странах, но и за пределами этой области император выступал в ту эпоху с мероприятиями из сферы городской политики. Рейнские епископские города Шпайер и Вормс, состоявшие со времен Салиев в

тесной связи с высшей имперской властью, получили императорские привилегии. В городе Камбре рядом дипломов были подвергнуты детальной регламентации сеньориальные отношения между епископом и городом. Одна императорская грамота этих лет заслуживает нашего особого внимания, ведь она содержит некий раздел, который при поверхностном рассмотрении мог бы быть воспринят как программное высказывание об отношениях господства в немецких епископских городах. Речь идет об оформленном в феврале 1182 года в Вимпфене дипломе для Триента, самого южного немецкого епископского города. Там значится, что этот город на границе имперской области никого не может иметь консулами, но что он должен с верностью и преданностью состоять под властью своего епископа, «так, как это обычно принято в прочих городах германского королевства». Отсюда, несомненно, можно вывести, что эта образцово изложенная схема структуры управления немецких епископских городов не только была правилом, но в соответствии с этим принципом императором давались также и привилегии. И все-таки в поздний период правления Барбароссы уже имелись исключения из этой нормы: ведь сам государь в отдельных случаях санкционировал даже определенные права совместного принятия решений городскими кругами в условиях епископского господства над городом. Понятным это столь программно воздействующее высказывание становится только с учетом локальных особенностей развития самого Триента. Этот епископский город по причине своего уязвимого положения на границе с королевством Италия давно уже испытывал влияния, вдохновленные примером коммунального движения. Еще в начале 1170-х годов в городе на Этче впервые появились консулы. Барбаросса, таким образом, принимал во внимание местные условия, когда он именно здесь пресек распространение на немецкую землю конституционных отношений итальянского городского мира,

столь успешно развивавшихся и многие годы чрезвычайно опасных для его господства⁶²².

Политическая реальность в каждом отдельном случае всегда играет весьма существенную роль в отношении Барбароссы к немецким городам. Именно здесь проявляет себя необыкновенное мастерство императора, его способность проявлять гибкость, находить компромисс и действовать прагматически. Городской мир по своей социальной структуре был, несомненно, новым элементом внутри имперской целостности. Здесь соединялись в своеобразную общественную структуру купеческие круги, группы служилых людей и людей, прежде находившихся в личной зависимости, стягивавшихся в город, переживавших там свой социальный подъем в качестве податных⁶²³ с освобождающими от этой зависимости финансовыми отягощениями. Особое внимание должно быть уделено при этом весьма важному участию министералитета в городской социальной структуре⁶²⁴, ведь речь идет о группе, которая — в общем и целом — была особым образом связана с королевской властью. Тот факт, что Штауфен в основанных им городах, например в Хагенау, предпочитал использовать министералов для оформления властных отношений на местах, определенным образом корреспондировал с привлечением той же самой группы и в широком контексте имперской политики, в том числе как важных должностных лиц в Италии⁶²⁵. И все же было бы, без сомнения, неверным не видеть и в купеческих кругах (*mercatores, negotiatores*) целевую группу городской политики государя. Уже в связи с переговорами, определенно предшествовавшими выдаче специальных дипломов, должно допускаться наличие контактов между имперскими властями и городским сообществом, которого касались принятые ими постановления. При этом купцы в значительной мере особенно выдвигались на первый план также и в городах имперских земель, таких как Дуйсбург или Гельнхаузен. Предоставленные им

торговые привилегии недвусмысленно подтверждают экономическую заинтересованность Империи в их поддержке. Одно — правда, единичное — свидетельство показывает нам даже, что император в такого рода мероприятиях определенно опирался на совет купцов, когда в рамках оформления ахенской экономической области (предоставление ярмарочных прав и приведение в порядок монетного двора в Ахене в 1166 году) были призваны на совещание *mercatores* близлежащих городов⁶²⁶.

К концу своего правления Штауфен в обширных частях своего германского королевства обрел городскую политику, совершенно сглаживавшую региональные различия. С самого начала своего господства он уделял внимание бытованию городов. Замирение германской области Империи, достигнутое уже вскоре после его воцарения, дало возможность также и епископские города снова в полной мере сделать целью императорских мероприятий. Одновременно Барбаросса энергично и успешно продолжил развивать контакты с городами-пфальцами и городами имперских земель, начатые его предшественниками, и выступил в качестве основателя новых городов в области собственного господства Штауфенов, но также и в областях, конституировавшихся как имперские округа. Затем падение Генриха Льва дало императору возможность на основе мира с папством и верхнеитальянскими коммунами решительным образом расширить и интенсифицировать свою активность в сфере городской политики, что в конечном счете позволило превратить городскую среду в одну из опор его господства.

Южнее Альп, в королевстве Италия⁶²⁷, отношения имперских властей с городским миром имели намного более длительную традицию, в соответствии с неизмеримо большим значением этого элемента во властной структуре этой области. Первая половина XII столетия была эпохой, в которую новой конституционной модели городских ком-

мун, заметной с XI века, суждено было утвердиться в обширных районах страны. Господство города над его округой, контадо, и очень далеко заходящие автономные права относительно сюзеренитета Империи были существенными характерными чертами влияния этих сил. Последним, кто вступил на итальянскую землю до начала правления Барбароссы, был Лотарь III. Отсутствие Империи в те годы, когда у власти находился Конрад III, только благоприятствовало дальнейшему подъему коммун⁶²⁸. Связи первого государя-Штауфена с итальянскими городами ограничивались выдачей отдельных, впрочем, незначительных, грамот, среди которых должны быть названы прежде всего предоставляющие право чеканить монету Генуе, Пьяченце и Асти. Об активном влиянии короля не могло быть и речи ввиду внутригерманской смуты, столкновений с вельфской оппозицией.

Фридрих I вошел в непосредственный контакт с существовавшими в Италии отношениями уже в первый год своего правления, в связи с началом переговоров с папством. Прекращение конфликта с Вельфами, широкое признание его власти воздействовали также и на южную часть Империи, политические силы которой — и среди них не в последнюю очередь города — отныне снова вынуждены были всемерно считаться с имперскими властями. В марте 1153 года при королевском дворе в Констанце появились два бюргера города Лоди, которые под впечатлением, произведенным на них юным королем, решились подать жалобу на миланцев, издавна притеснявших их родной город, не имея на эту акцию полномочий от отцов города⁶²⁹. В результате Штауфен получил свидетельство гегемонистских устремлений «ломбардской метрополии», о чем он, вероятно, был также информирован к этому времени и епископом Комо. Таким образом соотношение политических сил в Ломбардии попало в поле зрения штауфеновской политики. Они были очень близки к тому положению,

какое застал еще Лотарь III во время своего первого итальянского похода. К миланской группе городов, состоявшей из самого Милана, Брешиа, Пьяченцы, Тортоны и Кремы, находились в оппозиции Павия и Кремона, Лоди и Комо были подчинены миланцами уже в начале XII столетия (соответственно, в 1111 и 1127 годах).

Эти предзнаменования определили и обстановку коронационного похода Барбароссы, предпринятого осенью 1154 года. На рейхстаге в Ронкалье в начале декабря этого года прозвучали жалобы на экспансионистскую политику Милана и союзных с ним городов. С такими жалобами выступил ряд городских, но также и представлявших знать противников миланцев. Одновременно там появились посланники двух приморских городов — Генуи и Пизы. О военной кампании непосредственно против могущественной «ломбардской метрополии» думать не приходилось ввиду небольшой численности имперских войск. Ограничились тем, что разорили окрестности Милана и захватили некоторые воздвигнутые там опорные пункты. В начале следующего года король по призыву маркграфа Монферратского и епископа Асти развернул наступление на Кьери и Асти и после многодневной осады овладел союзным миланцам городом Тортона. Тем самым была уже последовательно зафиксирована будущая политическая ориентация Барбароссы — противодействие Милану. Победное торжество после взятия Тортоны, прошедшее в Павии, где он был коронован в апреле 1155 года в церкви старого лангобардского дворца, посвященной святому Михаилу, подчеркнуло его связь с городом на реке Тичино как с традиционным противником миланцев.

По мере дальнейшего продвижения к Риму расширилось непосредственное знание Штауфена о политических обстоятельствах Италии. На Виа Эмилия он установил тогда контакты с правовой школой Болоньи, тесно связанной с Империей со времен Салиев. Именно тогда он выдал

«Authentica habita», свою знаменитую привилегию для школяров — студентов и профессоров университета Болоньи. Но свое влияние он мог укреплять также и с помощью своих посланцев в те города этой зоны, которые не посещал лично, например, возведя Ансельма фон Хафельберга на кафедру архиепископства Равеннского. Города Средней Италии, которые он миновал один за другим на своем пути в Рим и во время своего возвращения после императорской коронации, нередко с нескрываемым недоверием взирали на вновь усилившуюся власть Империи, а отчасти оказывали открытое сопротивление и должны были — как, например, Сполето — подвергнуться захвату. Когда император в конце лета 1155 года вновь возвратился в Верхнюю Италию, в настроении миланцев ничего не изменилось. Чтобы потеснить их господствующие позиции, что с помощью военных средств удалось сделать лишь отчасти, в недостаточной мере, они были объявлены находящимися в имперской опале, и после наделения Кремоны правом чеканить монету один из их традиционных противников перешел на сторону Штауфена. События в Веронском ущелье⁶³⁰, когда император попал в исключительно опасное положение, должны были еще в последние дни его первого итальянского похода сделать для него совершенно очевидным ту опасность, которая проистекала для Империи со стороны городских сил Италии.

В последующие годы к королевскому двору в Германии продолжали постоянно являться для обращения с жалобами делегации ломбардских городов, непосредственно затронутых гегемонистскими устремлениями миланцев, и среди них в первую очередь Павии, Комо и Лоди. Вследствие этого Штауфен был как нельзя лучше информирован о тех широких инициативах, на которые сделали тогда ставку опальные миланцы ради укрепления своих территориально-политических позиций. После того как первоначально предполагавшийся поход против Южной Италии совершен-

но утратил свой смысл из-за заключенного в Беневенте договора между папой Адрианом IV и сицилийской норманнской державой, обязательство князей принять участие в имперском ополчении весной 1157 года было заменено на участие в военном выступлении против Милана. После этого широко развернулись необходимые приготовления. Не только богемского князя Владислава, увенчанного 18 января 1158 года в Регенсбурге королевской короной, но и королевство Венгрию, и польского князя Болеслава удалось обязать участвовать в этом походе⁶³¹. В начале 1158 года, на начало лета которого было намечено выступление войск, Барбаросса послал своего канцлера Райнальда и Отто фон Виттельсбаха, имевшего с ним тесные личные связи, на юг в качестве своих легатов. Проявив большое мастерство, они сумели расположить местные политические круги в пользу Империи. Им удалось действительно использовать сюзеренитет императора на территории вплоть до Адриатического побережья, в Равенне и Анконе. Благодаря соглашению с Пьяченцей еще в июне один из важнейших союзников Милана выбыл из рядов противника.

Ввиду успешного соединения многочисленных врагов Милана в борьбе за дело Империи — в сражениях лета 1158 года участвовали не только большинство имперских князей Германии, но и значительное число городов имперской Италии, вплоть до Средней Италии — сопротивление ломбардской метрополии оказалось сломлено в течение немногих недель. Ее традиционные союзники или еще до этого перешли на сторону императора, или же были поставлены на колени в результате осады их самих (Брешиа). Город Лоди, которому еще весной 1158 года довелось пережить свое второе — после 1111 года — разорение миланцами, окончательно поменял позицию. По соглашению с императором и с его одобрения город в начале августа был перенесен с реки Ламбро на реку Адда,

где заново основанный Новый Лоди (Lodi Nuovo) составил впоследствии прочную опору для имперских властей. В начале сентября миланцы вынуждены были капитулировать, их существовавшее с начала XII века засилье было ликвидировано. Комо, Лоди и графство Сеприо были лишены права свободно распоряжаться своими делами. При этом император все же поступал обдуманно: горожанам не пришлось испытать ни разрушения городских укреплений, ни полного роспуска их союзов (Крема, Изола Комачина).

Впрочем, Барбаросса не проявил желаний опрометчиво упустить из рук успех своего предприятия и после капитуляции Милана позволить его противникам нарастить их собственное могущество. Вскоре после этого он выступил с несомненно давно уже вынашивавшимся планом оформления отношений итальянского городского мира с Империей. При этом определенные области, прежде всего сельские, как, в частности, уже называвшаяся зона Сеприо, с самого начала интегрировались в систему непосредственного господства Империи. С привлечением представителей городов, а также при содействии представителей правовой школы Болоньи на рейхстаге в Ронкалье в ноябре 1158 года рядом законов и постановлений были принципиально заложены основы для будущего взаимодействия города и Империи в Италии. Главным пунктом этой программы регулярных действий было прежде всего определение регалий, суверенных прав императора, которым ясно описывался объем этих привилегий, издавна вымогавшихся и оспаривавшихся городами⁶³². Среди трех изданных в Ронкалье законов⁶³³ решающее значение, наряду с обозначением притязаний государя на пфальцы в городах и решением о выплате дани, обычной уже в античное время, имело в особенности подчеркивание принципиального происхождения всякой юрисдикции и должностной власти от Империи. Именно с этим было связано требование инвеституры городских должностных лиц, консулов.

Реализации этой политической программы были посвящены последующие годы. Уже вскоре проявилась связанная с этим напряженность. Только что улаженные конфликты вспыхивали вновь. Начиная с рубежа 1158 и 1159 годов в города направлялись императорские легаты, чтобы назначать там должностных лиц (*potestates*) и консулов. Образ действий, которого при этом придерживались, был по существу таков, что кандидаты, выдвигавшиеся в результате выборов в руководящий городской орган, только после испытания, устраиваемого представителями Империи, получали инвеституру и тем самым право исполнять свою должность. При этом, имея дело с городами, верными Империи более длительное время, такими как Павия, Кремона или Лоди, встречались с их готовностью подчиниться. Но в случае с городами «миланской группы» ограничение избирательного права, связанное с таким порядком, очень скоро наталкивалось на отказ его принять и приводило к новым столкновениям. Уже в конце января 1159 года произошел разрыв с Миланом. Пьяченца, которую лишь благодаря искусному использованию внутригородских разногласий в предыдущем году смогли склонить на сторону Империи, примкнула к миланцам приблизительно в апреле-мае этого года. Противоборство достигло своей кульминации с лета того же года, во время более чем полугодовой осады Кремы, с сопротивлением которой не сумел справиться уже Лотарь III в 1132 году. Император не мог позволить все более и более распоряжаться собой территориально-политическим интересам ломбардских городов, свое выступление против Кремы он самым тесным образом связывал с амбициями кремонцев. Даже если в своих действиях против города на реке Серियो он мог прибегнуть к поддержке германских имперских князей, в то время особенно Генриха Льва и Вельфа VI, все же расквартирование войск по итальянским городам становилось все более важным для императорской политики.

Начало папской схизмы в сентябре 1159 года привнесло новое, до сих пор явно не встречавшееся измерение в борьбу Барбароссы с коммунами. Отныне к конфликту в политической борьбе за власть нередко добавлялся конфликт церковно-политический. Еще перед смертью Адриана IV враждебные Империи города Милан, Брешиа, Пьяченца и Крема вступили в контакты с курией и папой, которого уже давно чрезвычайно раздражало состояние отношений со штауфеновским императором, пообещав не заключать с монархом мира без согласия папы или его католического преемника. Консулы ряда городов, верных императору, таких, например, как Павия и Новара, были затем, в марте 1160 года, отлучены от церкви. Это произошло, когда после утверждения Виктора IV синодом в Павии раскол обострился самым решительным образом. При этом и внутри самих городов дело дошло до создания различных группировок. Епископы, поддерживавшие Александра, могли — как, например, в Пизе — выступать против позиции, занятой городом, и верный Империи епископ — например, Гарсидоний Мантуанский — мог при обратном положении вещей столкнуться со сходными проблемами. Подчас разделение на разные группировки существовало внутри самого городского клира.

Борьба против Милана продолжалась. Несмотря на триумф над Кремой в январе 1160 года, сказывались растущая нехватка поддержки со стороны германских имперских князей, но особенно — кризис схизмы со всеми его многообразными проявлениями, которые не сулили скорого завершения столкновений. Только опустошительное разорение миланской округи и блокада коммуникаций с Брешиа и Пьяченцей, а в результате отсечение борющегося города от решающих баз снабжения, поставили его на колени. В марте 1162 года миланцы были вынуждены безоговорочно подчиниться. Сам город был предан разрушению при определяющем участии в исполнении наказания

ломбардских городов из числа его противников. Его жители были выселены в многочисленные мелкие местечки округи и тем самым претерпели судьбу, которую сами готовили горожанам Лоди. В этом кульминационном пункте своей городской политики в Италии Штауфен открыл новую фазу имперского господства на территории южнее Альп. Отныне ломбардский мир городов стал усиленно приобщаться к формированию непосредственного имперского управления Штауфенов. Наряду с должностными лицами Империи, которые управляли сельскими округами, отчасти немецкие подеста обнаруживаются и в самих городах. Тогда как еще в Ронкалье пытались оформить отношения с итальянскими городами согласно однозначной норме, теперь снова отходили от этого принципа единообразного обращения. Прежде всего, было оказано явное предпочтение городам, которые в борьбе против Милана приняли сторону императора, как, например, Кремона и Павия. Но в то же время другие, тоже верные Империи города меньшего политического значения, такие как Лоди, Новара или Бергамо, нередко ощущали проводимые ломбардской имперской администрацией мероприятия как ущерб их собственным интересам и даже как притеснение.

Триумф над Миланом позволил впоследствии центрально-итальянским областям все чаще оказываться в поле зрения императорской политики. Если назначение герцога Вельфа VI сеньором этих земель все отчетливее обнаруживало свою ошибочность из-за проалександровской позиции этого дяди императора, то завершение борьбы в Ломбардии отныне предоставляло возможность активно применить на деле сюзеренитет Империи над территорией южнее Апеннин. В отношениях со взаимно конкурирующими Генуей и Пизой благодаря умело проводимой долгие годы политике лавирования Штауфену удавалось не только отстоять, но и приумножить пользу для Империи, используя интерес обоих приморских городов к Сардинии.

Соответственно, он мог заручиться существенной поддержкой флота, прежде всего в связи со своими военными планами, направленными против Сицилии. Движителями императорской политики в этом направлении выступали в первую очередь имперские легаты, сначала Райнальд фон Дассель, затем Кристиан фон Бух. В особенности Райнальд постоянно ориентировал при этом свои мероприятия на контакты с городами этих областей, которым позволял оказывать содействие именно ввиду схизмы и сопротивления местных представителей духовенства, приверженных Александру III.

Осенью 1163 года, после того как потерпели неудачу несколько попыток прекратить церковный раскол, император вновь вернулся в Италию, покинутую им лишь в августе предыдущего года. Тогда он произвел личную проверку действенности имперского управления в Ломбардии, созданного после падения Милана. На это время, вне всякого сомнения, приходится максимальный размер налогов, взимавшихся Империей в Италии. Финансовая база штауфеновского господства была тогда обеспечена как нельзя лучше. Хотя размер налогового бремени едва ли превышал традиционный для консульских городских властей⁶³⁴, вскоре вновь вспыхнули волнения, в значительной степени произраставшие из обстоятельства чужеземного господства над страной. Городские силы Верхней Италии объединились тогда, весной 1164 года, в первый после салической эпохи⁶³⁵ союз, заключенный между Вероной, Виченцей, Падуйей и Венецией, названный вскоре *Lega Veronese* (Веронская лига) и поддержанный, благодаря городу у лагуны, также византийским императором. Первые волнения обнаружили себя уже и в более узком ломбардском пространстве, и все же позиции Империи пока еще доминировали настолько, чтобы не позволить сопротивлению вылиться в реальные формы. Поход в область Вероны в июне 1164 года не принес государю ощутимого результата. Его

контрмеры вынужденно ограничились выдачей привилегий Тревисто, Мантуе и Ферраре, чтобы таким образом хотя бы ослабить фронт противника.

Спустя три года Веронская лига обрела конгениально-го, и при этом гораздо более широкого по составу и боепособного преемника — Ломбардскую лигу. При этом, наряду со многими другими факторами, сказались неуступчивость императора, которую он проявил в отношении жалоб, изложенных должностными лицами имперского управления в момент выступления монарха в его четвертый итальянский поход осенью 1166 года, а также контакты, установленные с Веронским союзом в 1065–1066 годах Кремоной, до сих пор неизменно верной Империи. В начале марта 1167 года Ломбардская лига выступила на политическую арену. Милан был отстроен заново, сам император в конце лета того же года вынужден был отступить перед военной силой объединенных коммун, попав в крайне затруднительное положение вследствие катастрофы, вызванной вспышкой малярии в районе Рима. Его отступление из Италии весной следующего года должно расцениваться как самое настоящее «бегство». Как следствие рухнула система ломбардского имперского управления. Силы Лиги определяли ход политических событий в Верхней Италии.

Уже с момента основания союзной крепости Алессандрия весной 1168 года коммуны с еще большей интенсивностью возобновили тесные связи с папой Александром III. В результате император осознал, что оказался перед лицом чрезвычайно опасного альянса враждебных ему сил. Алессандрия стала главной целью военного наступления во время пятого итальянского похода Штауфена, начатого в 1174 году. Провал полугодовой осады города Танаро привел весной 1175 года к первым переговорам с Лигой и заключению мира в Монтебелло. Оказанное на императора давление, в последующем также со стороны Алек-

сандра III, с целью разрешить конфликт, но, вероятно, также и проблематичность действительно долгосрочного урегулирования спорных вопросов, позволили вновь разгореться военному противоборству. В этой ситуации проявилось, впрочем, большое политическое мастерство Барбароссы. Он завязал переговоры с Тортоной⁶³⁶ и, вероятно, также с Кремоной и сумел соглашениями с этими городами ослабить доселе единый фронт Ломбардской лиги. Поражение при Леньяно, когда Штауфен вместе с только что прошедшими через Альпы германскими запасными частями был разбит северо-западнее Милана в конце мая 1176 года, не было, правда, тем решающим успехом, каким пытались изобразить его в своей пропаганде в первую очередь миланцы. Однако оно должно было наглядно продемонстрировать Барбароссе бесперспективность дальнейшей военной конфронтации. Затем, с возобновлением переговоров с папой Александром III, Штауфену удалось прорвать фронт своих противников. Одновременно с заключением мира с папством в Венеции летом 1177 года было достигнуто также шестилетние перемирие с Ломбардской лигой. Тем самым была устранена многолетняя конфронтация Империи с верхнеитальянскими коммунарами. Правда, мир, которого император издавна добивался для Империи, еще не установился окончательно, но стрелки в будущее были решительно переведены. Успех Барбароссы выразился прежде всего в том, что примирение с Александром III окончательно разрушило столь опасный альянс враждебных ему сил. Триумфально прошла начавшаяся сразу после пребывания императора в Венеции поездка по Средней Италии, где Штауфен крепко связал с Империей бывшие вельфские области герцогства Сполето и маркграфства Тоскана. Пизу и Геную, два приморских города, многолетнюю взаимную вражду которых решение третейского суда императора смогло умерить уже в 1175 году, Фридрих лично посетил еще в начале 1178 года.

Хотя отношения с городами поначалу еще не могли быть урегулированы в форме длительного мира, можно, все-таки, без всякого сомнения настаивать на том, что и со стороны коммун ввиду совершенно изменившегося политического положения не предполагалось продолжения военной конфронтации. В последующие годы именно церковь усиленно выступила против притеснений со стороны городской власти в Италии⁶³⁷. Мы неоднократно узнаем о разногласиях и напряженности в отношениях. Так, в Лоди попытка принудить монастырь Сан-Пьетро в Старом Лоди (Lodi Vecchio) к строительству домов в Новом Лоди (Lodi Nuovo) даже привела к вмешательству папы, который отлучил от церкви подеста и его советников. Правда, император в эти годы сосредоточил свое главное внимание на интересах германской области Империи — центральной темой было смещение Генриха Льва. Однако ряд дипломов для духовных адресатов в верхнеитальянских городах подтверждает то, что он в то же время искал контакты с традиционными церковными авторитетами этого региона. Даже если нередко и достигалась помощь Империи против мероприятий городских властей в контадо, где монастыри, соборные капитулы и подобные им церковные институты имели в своем распоряжении значительные собственные земли, при этом становится очевидным, как Штауфен в результате мог создавать новые точки опоры для своей политической активности. В конечном счете и здесь тоже принцип «*divide et impera*»⁶³⁸ превращался в максиму, определяющую его действия.

Замечательным ходом императорской политики было тогда примирение с Александрией еще в канун окончательного достижения мира с городами Лиги. В начале марта 1183 года была оговорена амнистия этого города, который отныне должен был носить название Чезария (Cesaria)⁶³⁹. В результате были решающим образом улучшены позиции Империи на переговорах с ломбардцами,

начавшихся несколькими неделями позже. В Пьяченце эти переговоры уже в конце апреля привели к успеху. 20 июня 1183 года в Констанце был заключен окончательный мир⁶⁴⁰. С этим *pax Constantiensis*, равно уклоняющимся от оценки любой из двух сторон в категориях победы или поражения⁶⁴¹, для каждой из сторон был достигнут приемлемый компромисс. Отныне мир коммун являлся устойчивой составной частью имперской структуры. Города получили постановление о суверенитете Империи (связанном с регалиями), ставшее предметом столь долгой борьбы, и согласились в принципе с необходимостью инвеституры консулов. Император обеспечил себе не только разовую денежную компенсацию в размере 16 000 фунтов (равных 9840 маркам) в императорской монете, но и ежегодный ценз в 2000 марок⁶⁴², касающийся всех регалий, а также апелляционную юрисдикцию относительно конфликтов, оцениваемых суммой более 25 фунтов в императорской монете. Таким образом, признание коммун не только дало Империи прочную финансовую базу: несомненно, неизмеримо выше следует оценивать значительный политический выигрыш.

Фактически города, прежде занимавшие враждебную позицию, во время последнего итальянского похода Барбароссы (1184–1186 годы), в который он, что показательно, отправился без войска, представляли собой надежных союзников имперских властей. Теперь — в полную противоположность прежнему положению вещей — дело дошло до совместных действий с Миланом, в то время как отношения с Кремоной заметно ухудшились. 11 февраля 1185 года в Реджо было документально закреплено соглашение с «ломбардской метрополией». Уже в мае этого года во исполнение договоренностей 1160 года императором была вновь заложена разрушенная Крема. Внешней кульминацией в полном смысле превосходных теперь отношений Штауфена с Миланом была свадьба наследника престола

с Констанцией Сицилийской в Сант-Амброджо 27 января 1186 года. Тесное взаимодействие с миланцами все более углубляло пропасть между Барбароссой и городом на По Кремоной. Весной 1186 года дело дошло до военной конфронтации между Штауфеном и городом, причем Кремона, хотя и не была непосредственно атакована, уже в июне 1186 года вынуждена была подчиниться.

Однако союз с Миланом, примирение с Ломбардской лигой предоставили императору важное поле деятельности также и ввиду его устремлений к более прочному включению в сферу своего господства бывших владений Матильды, обеспечили ему поддержку коммун и на этом направлении его политической активности. Для того случая, если бы он тогда, не в последнюю очередь в связи с этими своими интересами, вступил в новый конфликт с папством, прежняя опасность совместных действий городских сил с силами церкви отныне была преодолена. В центрально-итальянском регионе, который, параллельно с заключением матримониального союза с норманнской Сицилией, заново приобрел значение, перед Барбароссой также открылась возможность усиленно утверждать господство Империи. Если во время своего пребывания там летом 1185 года он и принял в отношении городов суровые меры, лишив их — за исключением Пизы и Пистойи — прав господства над городской округой, контадо, то эти мероприятия, несомненно, следует рассматривать в большей связи с обеспечением имперских прав для будущего господства его сына, короля Генриха VI. Таким образом Барбаросса давал своему наследнику возможность выступать с позиции силы. Доказательством тому являются его мероприятия в 1186 году, когда он сумел добиться урегулирования взаимоотношений, настойчиво подчеркивающего права Империи, с такими значительными городами, как Лукка, Кремона и Перуджа, — отчасти собственными военными мерами, отчасти опираясь на действия своего отца.

Таким образом, Фридрих I был первым государем высокого Средневековья, которому удалось интегрировать в конституционную структуру Империи и тем самым использовать в интересах собственного господства самостоятельно развивавшуюся политическую и экономическую силу итальянского городского мироустройства. Здесь он в тесном взаимодействии с учеными правоведами болонской школы развил политический план, который, благодаря регальной инвеституре городских консулов, должен был обеспечить влияние Империи на ход выборов, вряд ли управляемых иным способом, на саму конституцию городских властей. Пусть его попытка после триумфа над Миланом полностью подчинить своей политике верхнеитальянские коммуны, создав некую собственно имперскую администрацию, закончилась крахом с возникновением городских союзов и из-за неразрешенных в то же самое время проблем схизмы. Однако в конечном итоге он, упорно не покидая принципиальных позиций, все же сумел ответить на этот вызов, самый сложный за весь период его правления. В трудные годы пятого итальянского похода, начиная с 1174 года, ввиду невозможности решить дело в свою пользу военной конфронтацией, он вернулся к испытанному политическому средству — принципу «*divide et impera*». В результате он смог не только прорвать дипломатическими средствами сомкнутую фалангу городских противников, но и развалить в конечном итоге альянс коммун с папством. После Констанцкого мира Штауфен, ясно осознав фактическую расстановку сил, сменил свои союзнические связи на прямо противоположные. Заключив союз с Миланом и упорядочив отношения с Ломбардской лигой, он в поздний период своего правления сумел привести имперское господство над Италией к новой кульминации и тем самым обеспечить своему наследнику хорошо укрепленный фундамент для вступления во власть.

В Бургундском королевстве⁶⁴³ отношения государя с городами формировались исключительно компонентом епископских городов. Грамоты, выданные городским адресатам в этом регионе, в подавляющем своем большинстве были предназначены епископам-сеньорам городов, которые обычно утверждались государем посредством регалий, в том числе о господстве над городом (*dominium civitatis*), и должны были осуществлять власть взамен отсутствующего императора. Таким образом, мы обнаруживаем здесь явную традиционную схему мероприятий в области городской политики, типичную прежде всего для германской области Империи. В то же время этот факт отражает все еще мало оформленный правовой статус бюргерско-городских сил.

При этом необходимо особо различать северную часть Бургундии и Арелат на юге, где благодаря тесным хозяйственным взаимосвязям с областями имперской Италии положение было иным. Здесь консульские органы правления могут быть засвидетельствованы источниками уже примерно с первой половины XII века. Первая попытка Барбароссы закрепить господство над страной в союзе с герцогской властью Церингенов обладала лишь преходящим значением и незначительной эффективностью. С момента женитьбы Штауфена на Беатрисе Бургундской в 1156 году значение этого региона в общем контексте императорской политики существенно изменилось. На базе штауфеновских прав господства (отныне уже в собственном смысле слова) в Бургундии это королевство, прежде всего в северной своей части, становится важным фактором в масштабах всей Империи. Личное пребывание здесь императора, назначение имперских легатов для этой страны и — в более поздние годы — обеспечение наследных прав сына императора, Оттона, в графстве Бургундия — вот главные элементы той мозаики, из которой складывается картина властных отношений в этой зоне.

В отношении городов Бургундии Барбаросса в принципе придерживался очерченной выше модели епископского сеньориального господства над городами. Однако его постановления все же показывают, что в отдельных случаях он был вполне готов признать за растущими городскими силами пространство для принятия политических решений, если благодаря этому можно было не ставить в критическое положение самого епископа и восстановить отношения, полезные в общеимперском смысле. Подобно тому, как это проявляется относительно германской части Империи, городскую политику Штауфена в Бургундии тоже сложно определить в виде четко оформленного плана: это скорее подходит для Италии. Его позиция в отношении городской среды проявляется скорее в частных решениях, несколько примеров чему здесь все-таки стоит привести. В области графства Бургундия наибольшим значением среди городов обладала, несомненно, архиепископская резиденция Безансон. Уже в феврале 1153 года Барбаросса впервые остановился в городе на реке Ду, за чем последовали еще многие посещения (в 1153, 1157, 1162, 1166, 1168, 1170, 1178 годах)⁶⁴⁴. Во время долгого понтификата архиепископа Гумберта (1134–1161 годы) дело там дошло до первого выступления бюргеров и городских министералов. Они добились того, что архиепископ вынужден был отказаться от взимания прямых поборов, взамен чего ему уступили долю в рыбной торговле на трех ярмарках. В смутный период церковной схизмы император изгнал архиепископа Вальтера, сторонника папы Александра, и в 1163 году возвел на архиепископскую кафедру Безансона вышедшего из имперской канцелярии пробста Хериберта Ахенского. Тогда положение иерарха в части, касающейся господства над городом, никак нельзя было считать благоприятным. Сменивший Хериберта около 1170 года архиепископ Эберхард, который уже около 1172 года примирился с Александром III, летом 1177 года — к моменту

заклучения мира в Венеции — для сдерживания городской оппозиции вынужден был обратиться за помощью к императору. Барбаросса тогда применил имперскую опалу к созданному в Безансоне *coniuratio* — клятвенному союзу сил, выступивших против сеньора города, впрочем, знаменательно обеспечив себе при этом половину причитавшейся архиепископу штрафной выплаты. Два года спустя наследственно-правовой статус бюргеров города был урегулирован императорской грамотой вполне благоприятно для их интересов. Как отсюда видно, с одной стороны, архиепископ вынужден был вступить на путь компромисса, но, с другой стороны, и император ни в коей мере не противодействовал новым растущим общественным силам с позиции абсолютного отрицания.

На подобные же действия Штауфена можно указать и в связи с городом Арлем — с областью, где намного раньше проявили себя и выступления городских сил, и консульские формы правления. Правда, угроза положению иерарха исходила в особенности от оппозиции знати — сеньоров Бо и графов Форкалькье, в то время как в отношениях с городскими консулами присутствовало достаточное взаимопонимание. В начале 1160-х годов император порвал с Бо, тесно связанными с Империей со времен Конрада III, что, впрочем, не принесло пользы архиепископу Арльскому. Речь тогда шла об урегулировании отношений господства в более широком контексте графства Прованс. С вверением этого графства Барселонскому дому на сцену выступил новый конкурент иерарха. В апреле 1164 года архиепископ Раймунд получил диплом, который, несмотря на определенный положительный результат для Арльской церкви, отныне удостоверял разделение прав господства, созданное в результате привлечения Барселонского дома. И все же обращает на себя внимание тот факт, что император в этой грамоте, впервые подчиняя арльский консулат архиепископу, принимал во внимание и городские силы

архиепископской резиденции — в данном случае именно как важную опору сеньора города. Большой ущерб позициям Империи в Южной Бургундии начиная с середины 1160-х годов наносили действия арагонского короля Альфонса, который после смерти своего двоюродного брата, союзного императору, оспаривал его статус в Провансе и на морском побережье. Вместе с тем эта новая расстановка сил заставила ряд представителей знати вновь перейти на сторону Штауфена. Только после заключения Венецианского мира Барбаросса опять смог фактически реализовать суверенитет Империи над этой зоной. Его триумфальный поход по землям Бургундии летом 1178 года обрел свою демонстративную кульминацию в коронационной церемонии, состоявшейся в Арле 30 июля⁶⁴⁵. Если Арльская церковь была удостоена в выданном тогда дипломе титула «*principalis sedes regni Burgundie*» (главная кафедра королевства Бургундии), то здесь не в последнюю очередь обнаруживается и выдающееся место города. Известная лишь из более поздних упоминаний директива императора консулам Арля, которая наряду с подтверждением прав архиепископа ясно удостоверяет их назначение и власть над городом, — еще одно свидетельство того, как государь интегрировал городские круги Бургундии в свою политику.

В епископском городе Валансе мы вновь встречаем характерный пример его городской политики в бургундских землях. В принципе и здесь все исходило из модели епископского господства над городом. Правда, в Валансе документально не подтверждается возникновение консулата во времена Барбароссы, но и здесь бюргерские круги выступают весьма впечатляюще. Во время единственного посещения города императором в августе 1178 года при предъявлении одной епископской грамоты *super regimine illius civitates*, то есть о господстве над городом, бюргеры выдвинули требование императорского санкционирования их участия в политических делах собственной родины. Про-

тествовавший против этого епископ, очевидно, хотел использовать присутствие государя для того, чтобы с его помощью снова сделать обратимой уступку, отвоеванную горожанами в один из кризисных моментов сеньориального господства. После совещания с епископом Вьенна, эрцканцлером всей Бургундии и одновременно главой диоцеза Валанс, а также с благородными и высшей знатью страны Фридрих вынес свое решение. Хотя господство епископа над городом в принципе было сохранено, бюргеры все же получили существенное упрочение их лично-правового статуса и защиту их денежных операций. Очевидно, им даже был передан собственный аутентичный экземпляр императорской грамоты.

В заключение стоило бы привести еще один пример из мира бургундских городов, позволяющий сделать интересное наблюдение по поводу городской политики Штауфена. Случай с епископским городом Оранжем демонстрирует, что император при известных условиях был готов отойти от той схемы епископского господства над городом, которая обычно выявляется повсеместно. Уже во время единственного установленного пребывания в Оранже в августе 1178 года дому Бо, который имел здесь доминирующие позиции, была выдана грамота, а городской епископ оставлен без внимания. В противоположность прочим бургундским городам император, таким образом, считался здесь с фактическими властными отношениями. Осенью 1184 года Барбаросса, передав господам Бо право чеканки монеты в Оранже, предоставил им выгоднейшие в финансовом смысле суверенные права, которые в остальном были постоянной частью регалий, выданных епископу. Сверх того было определено, что назначение там консулов должно быть связано с получением согласия от этого знатного рода.

Именно мероприятия Барбароссы в сфере городской политики должны рассматриваться как чрезвычайно характерные для его способностей правителя и для его прав-

ления вообще. Столкнувшись с мощными как в экономическом, так и в политическом отношении общественными силами, он проявил свой большой талант политика. Гибкий в поступках, готовый учесть весьма различающиеся обстоятельства местного господства и примерить свои мероприятия к этим ограничительным рамкам, он сумел утвердиться и здесь, на поприще борьбы с миром городов. Неудачи были преодолены, способность к отступлению от политической линии и воля идти на компромисс дали ему возможность обеспечить в итоге господство Империи, сохранив в форме властной структуры «блага мира» (*bonum pacis*), как замечательно определено это в одном из его городских дипломов⁶⁴⁶.

5. ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

В начале этого обобщающего обзора связей Фридриха Барбароссы с современными ему зарубежными государствами необходимо поставить вопрос об общераспространенных тогда представлениях по поводу отношений с иными государственными образованиями, а в конечном счете — о проблеме мнимого или действительного «штауфеновского мирового господства», столь сильно дебатированной исследователями. При этом историография, если обобщить ряд интересных ссылок, отказалась от мнения о фактическом притязании Штауфена на реальное мировое господство. Напротив, она увидела в засвидетельствованном документами понятии императорской *auctoritas* указание на вышестоящее положение Империи над другими державами в смысле, отличном от политической гегемонии⁶⁴⁷. Лишь недавно обратили внимание на то, что мысль о мировом господстве, которую можно обнаружить у императора и у папы, была гораздо менее связана с реальной политической структурой Запада, чем с христианской общностью, *respublica christiana*⁶⁴⁸. Фактически именно применительно к Барбароссе может быть доказан церковно-религиозный компонент этой идеи, особенно в отношении к церкви, к самому папству. Достаточно вспомнить, как Штауфен поздней осенью 1159 года в полном осознании своего верховенства обратился ко всему западному христианству, включая обоих кандидатов на папский престол, с тем чтобы прояснить церковный вопрос на созванном им соборе в Павии. Это чрез-

мерное преувеличение штауфеновских властных притязаний, к тому же никогда не связывавшихся с объективными условиями разрешения церковной схизмы, должно было уже тогда, и скоро, вызвать к жизни его критиков. Иоанн Солсберийский по поводу церковного собрания в Павии в феврале 1160 года, когда Штауфен встал на сторону Виктора IV, произнес знаменитые слова: «Кто назначил немцев судьями над народами?» Тем самым отвергались чрезмерные притязания имперских властей на то, чтобы решить церковный вопрос практически своей собственной волей и так, чтобы это имело законную силу для всего Запада⁶⁴⁹.

Если в результате становится ясным, насколько понимание мирового господства концентрировалось в особенности на церковно-политической проблеме и преимущественно там проявлялось⁶⁵⁰, то ясно также и обратное: политико-государственные связи Империи с соседними королевствами по большей части должны рассматриваться в том аспекте, что Барбаросса проводил здесь скорее глубоко эшелонированную политику союзов. Отношения с другими государствами — постольку, поскольку не имелось более давних зависимостей и ленно-правовых союзов (как с королевством Дания) — формировались вполне на основе паритетности. Не может быть и речи о том, что Штауфен действовал как «владыка мира».

Мир раннештауфеновской эпохи в основном образовывался следующими властными блоками: Византийской империей на Востоке, на восточной границе Империи — королевством Венгрия, в Средиземноморском регионе — норманнской сицилийской державой, но также и государственными образованиями на Иберийском полуострове, на западе — королевствами Францией и Англией и на севере — Датским королевством, находящимся в ленной зависимости от Империи. Очень похожий вид приобрели отношения с Польшей, в которых также имел силу принцип сюзеренитета Империи.

При рассмотрении отношений с Восточной Римской империей в то же время должны совокупно приниматься во внимание и отношения с Венгерским и Сицилийским королевствами, неразрывно с ними переплетенные, а также отдельные отсылки к связям с Венецией. Византийская государственность⁶⁵¹ при династии Комнинов с конца XI века вновь вступила на путь длительной консолидации: отчетливый подъем был несомненен. Впоследствии событием, решающим также и для Византии, стала королевская коронация норманна Рожера II Сицилийского. Тем самым, что немаловажно, на бывших византийских землях возникло государство, которому на целые десятилетия суждено было стать постоянной темой политики Комнинов. В 1135 году император Иоанн предложил западному императору, Лотарю III, сообща выступить против норманнов. Следствием заключенного тогда союза были повторявшиеся вплоть до 1170-х годов попытки Восточного Рима утвердиться в Италии, направленные не только против норманнов и предпринимавшиеся не только в пределах собственно их области. При развитии этих ранних контактов инициатива определенно исходила от басилевса, который в 1139 году сумел склонить Штауфена Конрада III⁶⁵² к продлению союзного соглашения. Правда, в результате ухудшились первоначально превосходные отношения Конрада с державой арабов. Если еще в 1139 году был согласован брак сына Штауфена, Генриха (VI), с дочерью короля Белы II, Софией, то в последующие годы Штауфен поддерживал продвигаемого Византией претендента на венгерский трон Бориса против сына Белы II, Гезы II (начиная с 1141 года).

Отношения между Штауфенами и Комнинами составляли проблему во многом потому, что Конрад не обладал императорским достоинством. Поэтому он мог иметь отношение к так называемой «проблеме двух императоров» лишь посредством в высшей степени искусной дипломатии, про-

явившейся прежде всего в искусстве формулировок, которое демонстрировал видный государственный муж, Вибальд, аббат Ставило⁶⁵³. В середине сороковых годов инициатива опять исходила от василевса, теперь — после смерти его отца — от Мануила Комнина, который возобновил связи с Западом в еще большем объеме. В январе 1146 года последовало намеченное уже при Иоанне Комнине бракосочетание восточно-римского императора и свояченицы Штауфена, Берты фон Зульцбах, которая приняла греческое имя Ирина. В качестве кульминации тесных связей между обеими империями следует, без сомнения, расценить крестовый поход Штауфена, который без поддержки Мануила был бы заранее обречен на неудачу (впрочем, такая судьба и без того была ему уготована). Этот союз, существовавший с 1145 года, но теперь более выражено направленный против Сицилии, был заново подтвержден договором в Фессалониках, заключенным осенью 1148 года, причем в соглашение был включен также швабский герцог Фридрих, впоследствии наследник Конрада. При этом штауфеновский король, кажется, в дополнение к более ранним договоренностям, знаменательным образом обязывался к уступкам в Италии, составившим часть приданого за его свояченицу. Этому пункту договора уже вскоре, в начале правления Барбароссы, суждено было приобрести большое значение⁶⁵⁴.

Хотя военное выступление против Сицилии уже неоднократно согласовывалось и, несомненно, принесло бы также и папству в высшей степени желательное облегчение, дело до него не дошло. Норманнскому королю удалось заключить противодействующий альянс с французским королем и Вельфами. Самому Конраду в годы, следовавшие за крестовым походом, помешали развить энергичную деятельность болезнь и незатихающие выступления вельфской оппозиции. Его преемник, Фридрих Барбаросса, в своей византийской политике, несмотря на мно-

гие параллели с прежней, уже в первые годы правления явно отошел от курса своего предшественника⁶⁵⁵. Может быть, и нельзя понимать его твердое желание с особой энергией защищать права Империи, *honor imperii*, в смысле совершенно новой концепции господства, так сказать, программно провозглашенного начала новой эры⁶⁵⁶. И все-таки эта констатация притязаний Империи и ее верховенства относительно Византии привела к коренному изменению отношений. В Констанцском договоре с папой Евгением III он обязывался сохранять враждебную позицию в отношении Рожера Сицилийского — обязательство, которое папа знаменательно не брал на себя в своих обещаниях. Оба партнера по переговорам обещали, впрочем, не уступать никаких земель в Италии греческому государю и в случае вторжения изгнать его настолько скоро, насколько это будет возможно.

Хотя еще при Конраде III была сделана попытка, так сказать, нейтрализовать весьма сомнительную уступку итальянских имперских земель Восточному Риму при помощи матримониального проекта, все-таки лишь Барбаросса стал тем, кто отчетливо провел здесь границу предупредительности по отношению к грекам⁶⁵⁷. Впоследствии еще и в год заключения Констанцкого договора дело дошло до возобновления прямых переговоров между обеими империями, причем инициативу взял в свои руки Барбаросса. Тогда, после расторжения своего первого брака с Аделой фон Фобург, он приступил к переговорам о женитьбе на племяннице Мануила, Марии. Таким образом, в договоре с папой Барбаросса сделал первый шаг в направлении четкого урегулирования отношений с Византией, причем свое твердое намерение не делать грекам в Италии никаких территориальных уступок подкрепил параллельным обязательством римской церкви. Теперь речь, очевидно, шла о том, чтобы при искусном возобновлении политических мероприятий своего предшественника направить отношения

с василевсом в регулируемое русло и тем самым ослабить их напряженность.

Драматическое обострение ход событий претерпел впоследствии, в связи с переговорами, которые император, коронованный лишь за несколько недель до этого, вел с византийской делегацией летом 1155 года близ Анконы. Проект матримониальной связи государя с Восточным Римом был все еще далек от осуществления. Таким образом, интерес к военному выступлению против Южной Италии в союзе с греками, что соответствовало бы их интенциям, не мог найти почвы не только у имперских князей, но и у самого Штауфена. Правда, император направил греческим послам несколько писем, которые должны были гарантировать им всяческое содействие при планируемом военном походе в Апулию. Впрочем, в этих мандатах — вероятно, адресованных городам в Апулии, — несомненно, оговаривалось принципиальное главенство штауфеновской Империи. В любом случае, Фридрих тогда едва ли смог бы отказаться от своей сохранявшейся на протяжении многих лет политической линии, заключавшейся в категорическом препятствовании всякой византийской экспансии в Италии⁶⁵⁸.

Во время следующего появления греческого посольства при штауфеновском дворе год спустя стало уже невозможным скрывать глубокие разногласия между двумя империями. На это отчетливо указывает прежде всего упрек в том, что упомянутых императорских мандатов в Анконе греки будто бы «добились обманом». Прервав многолетние переговоры о заключении брака, Штауфен в июне 1156 года женился на Беатрисе Бургундской. Тогда же, преобразовав Австрию в герцогство, он сумел окончательно прояснить вопрос о вельфских притязаниях на Баварию путем повышения в ранге Бабенбергов. С этим была связана стабилизация положения на восточной границе Империи, чему способствовали также связи с герцогством Богемия, по-

стоянно укреплявшиеся начиная с 1156 года⁶⁵⁹. Император Мануил хотя и прекратил контакты с Империей, в которой он тогда пытался найти прикрытие с тыла в своей борьбе против венгров, однако не окончательно. Еще в сентябре 1157 года в Вюрцбурге по просьбе императрицы Берты-Ирины ее племянник, Фридрих Швабский, был посвящен в рыцари.

Политическая сцена в Южной Италии вследствие договора в Беневенте (1156 год) между папой Адрианом IV и королем Вильгельмом Сицилийским изменилась в то время решительным образом⁶⁶⁰. Именно папа выступил тогда же посредником при заключении в 1158 году мира на тридцать лет между норманнами и императором Мануилом⁶⁶¹. Год спустя василевс еще раз обратился к Штауфену с просьбой сделать ему территориальные уступки на Адриатическом побережье, от Апулии до Пентаполиса. Барбаросса, впрочем, уже весной 1158 года выразил непреклонность своей позиции тем, что решительно подчеркнул свой сюзеренитет над Анконой⁶⁶², неизменным центром тяжести византийских экспансионистских планов. Затем, с началом схизмы, разрыв Барбароссы с Восточным Римом стал очевидным. Мануил, отныне решительный противник Штауфена, выступил в 1163–1164 годах с планом широкой коалиции против западной империи⁶⁶³. До сих пор он категорически не признавал Александра III. Теперь он изменил свое отношение к давшему папе приют королю Людовику VII Французскому, с которым вступил в родственные отношения благодаря своему второму браку с Марией Антиохийской, и предложил этому государю союз при одновременном признании Александра. Казалось, плотную придвинулась опасность альянса между Восточным Римом, Сицилией, Францией и папством, но соглашение не состоялось из-за отказа Людовика.

К тому же Фридрих Барбаросса смог начиная с 1157 года использовать в своих целях традиционную функцию

Венгрии как буферного государства между Западом и Востоком. Король Геза II послал войска против Милана, поддерживав тем самым штауфеновскую итальянскую политику в том виде и таким способом, которые, как правило, были в обычае только у имперских князей или властителей, находившихся в ленной зависимости от Империи⁶⁶⁴. Впрочем, схизма затем омрачила установившиеся связи: уже в 1161 году Геза заключил конкордат с Александром III. После смерти Арпада 31 мая 1162 года разгоревшаяся борьба за трон не только для штауфеновских имперских властей, но и для византийской политики открыла богатые возможности укрепить здесь свое влияние посредством интервенций и поддержки различных кандидатов. При этом прочного успеха добилась все-таки держава Комнинов, тогда как мероприятия Барбароссы, личное вмешательство которого делали невозможным нужды итальянской политики, в конечном итоге оказались неэффективными. В 1170-е годы, в правление короля Белы III, женатого на дочери императора Мануила, в королевстве Арпадов доминировало византийское влияние⁶⁶⁵.

Однако василевс в шестидесятые годы использовал себе во благо не только стесненность штауфеновской церковной политики схизмой, он также установил контакты с городской оппозицией в Ломбардии. Через Венецию коммунальным противникам Штауфена потекли тогда богатые денежные субсидии⁶⁶⁶. Уже в момент возникновения Веронской лиги в 1164 году эти выплаты приобрели большое значение. Начатое в контексте основания Ломбардской лиги в 1167 году восстановление города Милана получило такую же поддержку посредством византийской финансовой помощи. Традиционно тесными были связи Восточного Рима с итальянскими приморскими городами, наряду с Венецией — прежде всего с Пизой и Генуей, что характерно для последующей направленности византийской политики⁶⁶⁷. Заметная уже с 1167 года трещина в отношениях с вене-

цианцами, которые уклонялись от оказания византийцам военной помощи в борьбе против Далмации — зоны собственных непосредственных интересов города у лагуны, — впоследствии привела к возобновлению переговоров между двумя империями. До сих пор император Мануил все еще держал в подвешенном состоянии свои контакты с Александром III вследствие растянувшихся на годы переговоров об унии между церквями папского Рима и Константинопольского патриархата, находившимися в состоянии раскола с 1054 года⁶⁶⁸. Впрочем, инициатива переговоров с Восточным Римом исходила от Барбароссы, который в период, последовавший за катастрофой 1167 года под Римом, оказался в крайне тяжелом положении. Несмотря на несомненные успехи, достигнутые в германских землях, например избрание королем его сына Генриха в июне 1169 года, ввиду нового срыва переговоров с папским противником велением времени стали переосмысление внешнеполитических обстоятельств и реорганизация системы союзов⁶⁶⁹.

Было искусно использовано стесненное позицией Венеции положение Комнинов. Во время переговоров, проводившихся во второй половине 1170 года Кристианом Майнцским в Константинополе, была повторно достигнута договоренность о брачных узах, на основе которых намеревались вернуться к упорядоченным отношениям: Генрих VI должен был сочетаться браком с дочерью Мануила, Марией. Однако василевс ради укрепления своих позиций, сделав сразу две ставки в игре политических сил, в то же самое время начал переговоры о заключении брака с королем Вильгельмом II Сицилийским, который также был избран потенциальным супругом для Марии⁶⁷⁰. Для продолжения переговоров в начале 1172 года в Византию был послан епископ Конрад Вормсский, который ради этой поездки присоединился к паломничеству Генриха Льва. Правда, во время последовавших переговоров ясно проявилось дипло-

матическое мастерство василевса. Вследствие сицилийского матримониального проекта императора Мануила положение штауфеновского легата внезапно стало весьма критическим. В этой ситуации герцог-Вельф, очевидно, попытался найти выход и открыл перед греками перспективу заполучить те опорные пункты на итальянском побережье Адриатики, которых они уже давно добивались.

Правда, для самого штауфеновского императора это был пункт, на который он не мог согласиться никогда и ни под каким видом. Хотя сицилийский матримониальный проект Мануила и не состоялся, не суждено было осуществиться и матримониальному союзу между двумя империями⁶⁷¹. Несколько позже Штауфен развил другой план женитьбы, причем тот принес ему заключение дружественного союза с Сицилией⁶⁷². Эта радикальная смена его прежней внешней политики в Средиземноморье (до сих пор противостояние с норманнской державой всегда отнoсилось к устойчивым компонентам штауфеновской политики) была существенно обоснована в процессе переговоров с Византией, возобновленных в 1170 году. Союз Барбароссы с Сицилией мог решающим образом ослабить позиции восточно-римского императора, как, впрочем, и папства. Сам Мануил лишь незадолго до этого с успехом делал ставку на византийско-норманнскую матримониальную связь в качестве средства давления во время своих переговоров с представителями Штауфена. В 1173–1174 годах испытанный имперский легат в Италии, Кристиан Майнцский, вновь возглавил штауфеновскую дипломатию и повел переговоры с норманнским двором. Хотя замысел неожиданно встретил в качестве препятствия оглядку короля Вильгельма II на Александра III⁶⁷³, эти намерения все же следует рассматривать как первый важный шаг на пути к договору о мире на пятнадцать лет между Империей и Сицилией, заключенному в 1177 году в Венеции. Матримониальной связи с норманнами суждено было осуществиться только в 1184–

1186 годах, когда бракосочетание штауфеновского наследника престола с теткой сицилийского короля, Констанцией, в корне изменило структуру всей политической сцены Европы.

В июне 1174 года при императорском дворе в Регенсбурге появилась последняя византийская делегация в связи со все еще продолжавшимися переговорами о заключении брака, но ей не дано было достичь успеха. Комнин в последующие годы был занят на других фронтах своей державы, перенеся в 1176 году тяжелый, решающий для него удар — разгром при Мириокефале. Только в связи с подготовкой к крестовому походу Барбароссы в существенно изменившейся ситуации были возобновлены переговоры с Византией⁶⁷⁴. Несмотря на недвусмысленное соглашение о мирном следовании через ее земли крестоносного войска, напряженность в отношениях, конфликты и столкновения с византийцами в последующем не исчезли. Взаимные отношения — прежде всего со стороны Исаака Ангела — определялись глубоким недоверием. В конце концов только после применения военной силы василевс смирился с опустошением обширных областей своей империи рыцарями-крестоносцами и позволил их армии переправиться через Геллеспонт и совершить дальнейший марш по Малой Азии.

В рамках постоянных военных интервенций формировались отношения имперских властей с Польшей⁶⁷⁵. Ленно-правовая включенность польского княжества в имперское устройство существенно не выделялась на фоне отношений с королевством Дания, а во многих фазах правления Барбароссы — также и с венгерским королевством. Проникновение во все эти области его господства — посредством той же выдачи привилегий датским, польским или венгерским адресатам — плохо поддается обобщению, но все же оно должно было подчеркиваться сюзеренитетом Империи, опирающимся на ленную зависимость. При этом

государь многократно лично вмешивался в дела Польши, тогда как дела в Венгрии он предоставил улаживать бабенбергскому герцогу, а в Дании — Генриху Льву. В Польше после смерти Болеслава III в 1138 году произошел распад сеньориальных отношений. Следствием стали многолетние междоусобицы между претендентами на трон. В 1157 году Барбаросса предпринял интервенцию в Польшу, поводом для которой послужило изгнание князя Владислава II, который породнился со Штауфеном благодаря своему браку с Агнессой, сводной сестрой Конрада III, принадлежащей к дому Бабенбергов, и впоследствии жил изгнанником в Германии. Хотя Болеслав IV, брат Владислава, подчинился, принес клятву верности и обязался не только выплатить дань, но и участвовать в походе против Милана, после ухода Штауфена он не сдержал этих обещаний.

Тем не менее мероприятия государя все-таки принесли впоследствии определенный результат. Они, так сказать, подготовили почву для заселения немцами Силезии. Об этой части Польши зашла особая речь в 1163 году, когда Фридрих путем дипломатического давления сумел добиться того, что строптивый Болеслав IV уступил Силезию своему племяннику Болеславу Высокому и Мешко, сыну Владислава II⁶⁷⁶. Волнения в Польше, правда, продолжались, и в 1172 году дело опять дошло до военного похода императора на восток. К этому добавились вспыхнувшие в то же время разногласия между двумя упомянутыми братьями. Болеслав Высокий, принявший в 1166 году участие в итальянском походе Барбароссы, смог вернуться в Бреслау. Значительный финансовый успех Штауфена выразился тогда в размере фактически взысканной после этого дани, затребованной за период с 1157 года, в общей сложности за последние шестнадцать лет: она составила 8000 марок серебром⁶⁷⁷. Не наступило затишья в Польше и в конце правления Барбароссы. Изгнанный в 1180 году ве-

ликий князь Мешко тщетно взывал к Империи о помощи, несмотря на посулы большой денежной выплаты. Произошло ли его возвращение в Гнезно при поддержке поморского князя Богислава по настоянию императора, неизвестно⁶⁷⁸. Впоследствии первой военной акцией молодого короля Генриха VI летом 1184 года стал военный поход в Польшу, результатом которого стало все же принесение присяги на верность великим князем Казимиром⁶⁷⁹.

За пределами Польши едва ли можно отметить признаки более интенсивных политических устремлений штауфеновского государя на востоке. Кажется, скорее, что император использовал силы в пограничных зонах своей собственной Империи или в подлежащих ей соседних королевствах, чтобы проявить активность при необходимости. В 1165 году мы узнаем об одном присягнувшем на верность императору русинском князе, который явился перед Штауфеном в Вене в составе свиты венгерского короля⁶⁸⁰. Подобные единичные контакты определенно представляли интерес не для императора, а для внешних сил. Сходные отношения можно видеть и в случае обращения за помощью к Барбароссе со стороны Владимира Галицкого. Этот князь после своего бегства в Венгрию был взят под стражу королем Белой, намеревавшимся сделать правителем в западнорусском княжестве собственного сына Андраша. Штауфен, непосредственно готовившийся тогда отправиться в крестовый поход, никоим образом не предполагал своего прямого вмешательства в это дело, но посоветовал Владимиру обратиться к Казимиру, великому князю Польскому⁶⁸¹.

Отношения королевства Дания с Империей⁶⁸² во многом обнаруживают параллели с изложенными выше штауфеновско-польскими отношениями. Хотя и в случае с самостоятельным королевством, здесь тоже отчетливо выступали на первый план тесные ленно-правовые связи и сюзеренитет Империи. В значительной степени благопри-

ятным для нее было доминирование в Дании все еще архаичной, связанной с военной функцией королевской власти. Бушевавшие при Конраде III усобицы дали Фридриху повод уже в первые месяцы своего правления принять меры по наведению порядка и тем самым энергично подчеркнуть зависимое положение Дании. В связи с разделом страны между тремя претендентами на трон — Кнудом, Свеном и Вальдемаром — на Мерзебургском хофтаге, состоявшемся на Троицу 1152 года, королевская власть была отобрана у Кнуда и передана Свену, с которым Барбаросса был знаком со времен своего собственного рыцарского воспитания. Усобицы здесь тоже продолжились, подобно тому, как это было в Польше. В 1157 году король вероломно напал на обоих своих противников во время одного из пиров. Кнуд при этом погиб. Когда в августе того же года дело дошло до решающей битвы на равнине Гратехайде, Вальдемар все-таки сумел добиться победы. Свен был убит, когда пытался бежать.

В июне 1158 года датское посольство появилось в лагере уже готового выступить в Италию императора близ Аугсбурга. Было согласовано личное прибытие Вальдемара для принесения присяги на верность: датчанин должен был появиться при дворе спустя сорок дней после возвращения Штауфена в Германию. В сентябре 1162 года Вальдемар с чрезвычайной пунктуальностью исполнил это обязательство, принеся требуемую присягу в Безансоне. Несмотря на оппозицию части датского клира штауфеновскому антипапе Виктору IV, дело не дошло до антиштауфеновской позиции в схизме и перехода короля датчан в противоположный лагерь. Правда, в последующем контакты с Германией были всецело доверены вельфскому кузену императора, герцогу Генриху Льву. Вельф активизировал свои связи с Данией не в последнюю очередь благодаря браку своей дочери Гертруды с наследником датского престола Кнудом VI в период между 1171 и 1176 годами⁶⁸³. Только

низложение герцога, и прежде всего военный поход императора летом 1181 года, достигший Любека, привели к возобновлению прямых контактов с Империей. Король Вальдемар тогда оказал Штауфену военную помощь, авторитет Империи совершенно определенно перевесил родственные связи с тестем единственного сына. Оживленные таким образом контакты необходимо было застраховать матримониальной связью: дочь Вальдемара была избрана невестой императорского сына Фридриха Швабского⁶⁸⁴. Хотя после смерти Вальдемара (12 мая 1182 года) Кнуд VI отправил свою сестру в Германию с половиной приданого, в дальнейшем он все же не проявил ни желания прислать недостающую половину приданого, ни готовности принести требуемую присягу на верность Империи. В 1187 году Барбаросса повелел и невесту, и ее приданое отвезти назад в Данию. В этот момент притязания на ленную зависимость датчан от Империи, успешно поддерживавшиеся долгие годы, потерпели крах. Кнуд VI, для которого во многом именно низложение Генриха Льва создало необходимое пространство политической свободы, заложил впоследствии фундамент для возвышения датской монархии.

В той же мере, как отношения Империи с Византией могут быть рационально изложены только с учетом отношений с Сицилией, Венгрией, но также еще с Венецией и папством, контакты Штауфена с западными державами — Францией и Англией — вследствие многосторонних сношений и связей лучше всего могут быть резюмированы в общем контексте⁶⁸⁵. До начала XII столетия отношения Империи с Капетингами развивались вполне гармонично. Генрих IV в конце своего правления искал у короля Филиппа I поддержки в борьбе против собственного сына Генриха V, отношения которого с Францией, таким образом, были омрачены с самого начала. Ситуация к тому же изменилась в результате союза между папством и Капетингами, заключенного в 1017 году в Сен-Дени: эта поли-

тическая ось удержалась и во время схизмы, начавшейся в 1159 году. В значительной степени основу для этого союза составляла угроза Французскому королевству со стороны норманнской Англии, которая обострилась ввиду утверждения Генриха I в Нормандии (1106 год). Английский государь уже вскоре после этого установил контакты с молодым Салием. В 1109 году он обещал отдать в жены Генриху V свою дочь Матильду, спустя пять лет этот брак был заключен. Конец его правления, казалось даже, предрекал начало прямого военного конфликта между Империей и Францией. Генрих V уже стоял с войсками в районе Меца, чтобы оказать помощь своему тестю (1124 год). Однако Людовик VI в этой ситуации сумел мобилизовать силы своей страны. Под золотым выпелом (изначально, вероятно, знамя аббатства Сен-Дени), которому вскоре под именем «орифламы» суждено было стать военным знаменем Франции, собирались силы против враждебного императора. К тому же Салий вынужден был остановить свой поход из-за восстания в Вормсе, и опасности настоящих столкновений удалось избежать.

Английская супруга императора после его смерти в 1125 году возвратилась на свою родину, но не сумела взять там верх над своим двоюродным братом Стефаном Блуасским. Вторым браком она сочеталась с графом Готфридом Анжуйским. Благодаря их сыну Генриху дому Плантагенетов суждено было добиться английского трона. В 1150 году Генрих стал герцогом Нормандии, два года спустя он женился на Элеоноре (Алиеноре) Аквитанской, которая незадолго до этого была разведена со своим первым супругом, королем Людовиком VII Французским. В результате норманнское королевство Англия, после того как Генрих в 1154 году вступил на трон вслед за Стефаном Блуасским, располагало обширными континентальными владениями, которые в существенной степени определяли отношения с Францией.

Контакты Империи с королевством Капетингов были возобновлены при Штауфенах, во время крестового похода Конрада III, и, несмотря на неоднократное военное взаимодействие, были отмечены недоверчивым и отрицательным отношением друг к другу. В первую очередь состояние конфронтации между Империей и Францией постоянно подчеркивал союз между королем Рожером Сицилийским, Вельфами и Людовиком VII, осуществленный в 1148 году. Из первых лет правления Фридриха I нам ничего не известно об отношениях с западными державами, очевидно, политика в эти годы и там, и здесь была сконцентрирована на другом круге вопросов. Лишь после своей императорской коронации, когда господство Штауфена в Империи было поставлено на надежную и прочную основу, Фридрих в 1157 году направил делегацию в Англию и предложил Генриху II заключить дружественный союз. Мы узнаем об этой инициативе из ответного послания Плантагенета, передаваемого Рагевином, которое благодаря своему бросающемуся в глаза покорному тону долгое время расценивалось как доказательство мнимых притязаний Барбароссы на «мировое господство». Хотя новейшая историография способна отвести надлежащее место этой явно ошибочной точке зрения⁶⁸⁶, все же богатые дары, поднесенные английскими послами на рейхстаге в Вюрцбурге осенью 1157 года, указывают на принципиальную готовность к установлению или продолжению отношений взаимного согласия.

Якобы «всемирное» значение штауфеновского господства нашло свое первое, раннее выражение еще и в том, что на этом Вюрцбургском съезде ко двору Штауфена впервые явились послы из многих частей западного мира. Наряду с Англией и Византией туда направили свои делегации также Дания, Венгрия, Италия, Бургундия, Испания и Франция⁶⁸⁷. Французский король, самим основам господства которого угрожали не только внутренняя оппозиция, но и английские континентальные владения, ввиду такого

развития событий оказался явно отодвинутым на второй план. Барбаросса, за год до этого женившийся на Беатриче Бургундской, сразу после съезда в Вюрцбурге предпринял поход в Бургундию. Там он последовательно освидетельствовал самые значительные пункты и при этом применил на деле свои права — не только как император, но и как новый сеньор страны — в непосредственном соседстве с французскими землями. Таким образом, не случайным было то, что Людовик VII намеревался тогда встретиться со Штауфеном, но одновременно, движимый глубоким недоверием, предусмотрительно привел в готовность войска. Впрочем, до непосредственной встречи двух государей дело не дошло, ограничившись переговорами между двумя канцлерами — Райнальдом фон Дасселем и магистром Альдерихом. Послание императора возвещало Людовику, что он собирается провести совет с князьями по поводу назначения новой встречи, правда, только после предстоявшего итальянского похода⁶⁸⁸.

Совершенно новое измерение в отношениях с западными державами открылось в связи с началом схизмы. Посылка легатов на синод в Павии с целью добиться признания Виктора IV также и на западе успеха не имела. Английский и французский клир уже летом 1160 года в Бове высказался за Александра III⁶⁸⁹. Впрочем, короли этих государств поначалу еще не приняли окончательного решения. Бегство Александра из Италии во Францию весной 1162 года вновь обратило внимание императорской политики на державу Капетингов, ставшую отныне страной изгнания враждебного папы. Благополучно состоявшийся побег оказался весьма своевременным, поскольку Барбаросса, одержав окончательную победу над Миланом, переживал наивысший военно-политический триумф своей итальянской политики и поэтому должен был оказать Александру особенно жесткую встречу. Возмущенный монарх обратился с нотой протеста к епископу Суассона, канцле-

ру Людовика VII, который, приняв Александра, оказался в чрезвычайно опасном положении. Сразу после этого король вступил в контакты с императором. Обеспокоенности ему должно было во многом добавить то обстоятельство, что в декабре 1161 года при императорском дворе английский посланник подтвердил союз, в принципе существовавший с 1157 года. Вдобавок и отношения Людовика с Александром никоим образом не были свободны от напряженности: все-таки папа, разрешив сыну английского короля вступить в брак, нанес слишком большой ущерб французским территориальным интересам.

В мае 1162 года в Павию был послан дальний родственник Барбароссы граф Генрих (Анри) Шампанский, называемый графом Труа, — одновременно шурин Людовика VII и, как глава дома Блуа, его ценнейшая опора в противодействии интересам Плантагенетов на континенте. Была достигнута договоренность о личной встрече на реке Сона неподалеку от Доля в конце августа того же года. При этом сюда должны были прибыть также противоборствующие папы, чтобы процедурой третейского суда разрешить проблему схизмы. Правда, предположить принятие объективного решения со стороны императора можно было со столь же малой вероятностью, как и в случае с синодом в Павии в феврале 1160 года⁶⁹⁰. Эта преувеличенность штауфеновского ощущения власти, даже заносчивость, теснейшим образом связанные с большим политическим триумфом 1162 года и из него вытекающие, должны были, конечно, предопределить и неудачу намеченной встречи. Правда, французский король не сумел склонить Александра III к тому, чтобы тот отказался от своего принципиального несогласия с вынесением ему какого-либо приговора и отправился вместе с Людовиком на Сону. Но в то же время и самим королем после ознакомления его с фактическими намерениями императора должны были все более осознаваться проблематичность и бесперспективность

этой встречи. Несомненно, благоприятным для него было то обстоятельство, что Барбаросса опоздал прибыть на Сону к согласованной дате, 29 августа⁶⁹¹, и в результате Людовик по праву мог указать на то, что тщетно его дожидался — правда, без предусмотренного присутствия папы. Оживленно дискутируемый в научной литературе вопрос о нарушении королем договоренности должен быть, таким образом, совершенно определенно дифференцирован — в конечном итоге, если соизмерять с политической реальностью, он ставится не вполне рационально. Сомнительно допускать заключение некоего альтернативного договора на том основании, что вследствие частично реализованного тогда соглашения французский эмиссар граф Анри де Труа в случае срыва встречи двух государей должен был бы свой французский коронный лен впредь принимать от императора.

Барбаросса не мог отступить от своей однажды выбранной политической линии в схизме, напротив, создается впечатление, будто неудача встречи заставила его — по крайней мере на время — еще яснее определить свою позицию. Правда, решающее значение получило при этом также и влияние авторитетного советника императора, Райнальда фон Дасселя, чрезмерно склонного к радикальным действиям. Если Райнальд отстаивал тогда ту точку зрения, что назначение папы как епископа Рима должен был производить исключительно *imperator Romanorum*, становилось ясно, что на компромиссы и переговоры надеяться не приходилось. Тот же Иоанн Солсберийский, чье восклицание из письма по поводу синода в Павии мы уже цитировали («Кто назначил немцев судьями над народами?»), показывает нам в одном из следующих посланий, что сам Фридрих должен был воспринять срыв встречи на Соне как особенно тяжелый удар. Император сам вынужден был сказать, что с этих дней в конце лета 1162 года успехи его пошли на убыль и и удача, *fortuna*, которая до сих пор возносила его, начала ему изменять⁶⁹².

Сначала, впрочем, ничего не предвещало этого разочарования. Тяжесть удара Штауфену дано было осознать лишь постепенно. В последующем отношения с Францией оставались очень напряженными. Стремление императора к укреплению позиций Империи подчеркивало эту конфронтацию с западным соседом. Впрочем, растущая поддержка Александру со стороны бургундского клира не могла нанести особого ущерба императору. Сторонники Александра имели успех особенно на границе по реке Роне, например в Лионе, в то же время последователи Виктора в Восточной Франции, такие как аббат Гуго Ключийский, не сумели удержать своих позиций и вынуждены были удалиться в немецкое изгнание. Свои мероприятия против Франции Барбаросса часто вынужден был ограничивать простыми угрозами. Однако, несмотря на антагонизм с Людовиком VII, в это время все же не реализовался предложенный тому василевсом план широкой антиштауфеновской коалиции с участием Византии, Сицилии, Франции и Александра III⁶⁹³.

Решающее изменение политической ситуации произошло в 1165 году, когда Штауфен сумел вовлечь в схизму на своей стороне постоянного противника Капетингов, Генриха II Английского. Правда, начиная с 1159–1160 годов Генрих стоял на стороне Александра III, хотя и представлял собой скорее половинчатого союзника. Однако с началом своего конфликта с архиепископом Кентерберийским, а в прошлом его собственным канцлером, Томасом Бекетом, он вступил во все более усиливающееся противоречие с папой. Так что весной 1165 года миссия к английскому двору в Руане под руководством Райнальда фон Дасселя сумела скрепить договором в принципе существовавшие уже с 1157 года и проявлявшиеся еще в 1161 году хорошие отношения, которым была придана форма двойной матримониальной связи. Была достигнута договоренность о бракосочетании единственного тогда сына импера-

торской четы Фридриха, родившегося в Павии в июле 1164 года, и снова свободного после развода с Клеменцией фон Церинген вельфского герцога Генриха Льва с дочерьми Плантагенета, Элеонорой и Матильдой⁶⁹⁴. Если для короля представляла интерес прежде всего поддержка в борьбе с Францией и строптивым архиепископом Кентерберийским, то императору союз дал основание провозгласить так называемую «Вюрцбургскую клятву», посредством которой во время Вюрцбургского рейхстага на Троицу 1165 года должна была еще раз подтвердиться единодушная позиция всей Империи в отношении схизмы. Впрочем, требование принести эту клятву выявило тогда в рядах имперских князей линию разлома, которая, отразив церковную борьбу, прошла и по германской области Империи. Кульминацией этой политики, без сомнения, была канонизация Карла Великого в Ахене в декабре 1165 года, причем, следуя английским и французским образцам, именно государь был причислен к лику, так сказать, державных святых, на которых в собственных интересах претендовала также традиция Французского королевства⁶⁹⁵.

Хотя Генрих II ни в коем случае не мог считаться верным и хорошим союзником — его собственные интересы, конечно же, постоянно преобладали — Штауфен в последующие годы все-таки твердо придерживался этой политической ориентации. В сентябре 1168 года он вновь послал в английский Руан делегацию, руководимую Генрихом Львом, с февраля этого года женатого на Матильде Английской, своим прежним канцлером и теперешним Кельнским архиепископом Филиппом фон Хайнсбергом и Кристианом Майнцским, на протяжении многих лет зарекомендовавшим себя в качестве дипломата с самой лучшей стороны⁶⁹⁶. В тот момент Барбаросса предлагал для усиления церковно-политических мероприятий Генриха военную помощь против Франции и даже собирался развивать план того, как самому добиться французского трона в качестве

преемника Карла Великого, чтобы передать его затем принцу Генриху Английскому. Впрочем, предпринятая впоследствии попытка Плантагенета заставить английскую церковь присягнуть антипапе потерпела неудачу в условиях массового сопротивления клириков — сторонников Александра. Если император, таким образом, вынужден был признать, сколь малоэффективными были его контакты с Англией, то убийство Томаса Бекета два года спустя (29 декабря 1170 года) должно было сделать дальнейшее существование союза совершенно невозможным. Очевидно, еще до этого убийства в кафедральном соборе Кентерберри, глубоко потрясшего весь средневековый мир и воспринятого всеми как святотатство, штауфеновская дипломатия снова начала прощупывать возможности, связанные с Францией. Даже во время переговоров в Руане осенью 1168 года допускалось это налаживание контактов — тогда, впрочем, безрезультатное. И Штауфен все-таки осуществил радикальное изменение своих отношений с западными державами, изменение, которому суждено было определять политический облик Европы вплоть до XIII столетия.

Решающее значение для этого поворота имели, вероятно, также успехи, достигнутые Барбароссой в бургундских землях около 1170 года, когда он сумел замирить страну, привлечь на свою сторону прежде враждебных ему представителей знати и продемонстрировать свою толерантность и готовность к компромиссу местному духовенству, в основном поддерживавшему Александра. В феврале 1171 года в местечке Вокулёр недалеко от Туля состоялась первая и единственная личная встреча Фридриха и Людовика VII. Ее непосредственный результат выразился, вероятно, лишь в частном вопросе — в важной договоренности о совместных действиях против бесчинств наемных отрядов, тревожащих покой страны. Впрочем, политические последствия этой встречи оказались несравнимо большими. Хотя следующие переговоры о заключении брака не

принесли успеха из-за сопротивления Александра III, оно уже не могло больше подорвать взаимопонимание, установившееся отныне между Штауфеном и Капетингом.

В связи с действиями Барбароссы против Генриха Льва, зятя короля Генриха II Английского, значение отношений с западными державами в поздний период правления первого штауфеновского императора должно было вновь возрасти⁶⁹⁷. Унаследовавший трон своего отца французский король Филипп II Август уже весной 1180 года через посланника поспешил заверить императора, что не предоставит Вельфу никакой помощи, к чему пытался подвигнуть его Плантагенет. Впоследствии, после окончательного низложения Генриха Льва, английский двор стал местом его изгнания. Во многом именно из-за него в 1184 году должны были возобновиться контакты между Империей и Англией. Отношения между Штауфеном и Капетингом в начале 1180 х годов были отягощены территориальными проблемами в пограничной зоне. Граф Филипп Фландрский, который уже давно поддерживал прекрасные отношения с Империей, прежде всего с императрицей Беатрисой, благодаря браку своей племянницы Изабеллы фон Геннегау с Филиппом II Августом был последнему дядей и имел лены как от Империи, так и от Франции, вступил в территориально-политический конфликт со своим царственным племянником. Он неоднократно обращался к императору с просьбой о поддержке, обещая ему при этом прежде всего приобретение Фландрии и тем самым территориальное расширение его господства вплоть до пролива. Хотя Штауфен и вмешался в это дело, оказав дипломатическое давление на французского короля в пользу своего ленника, и на Троицу 1182 года в Майнце даже заключил с графом договор о наследовании, имевший, впрочем, мало шансов реализоваться, очевидно, император все-таки никогда не предполагал выступить с военной поддержкой фландрских амбиций. Сохранению хороших отношений с Францией

Барбаросса определенно отдавал предпочтение. Действительно пуститься в подобную авантюру и рисковать ради нее разрывом с Капетингом было совсем не свойственно государю с его характерной рассудительной и осмотрительной манерой действий. Однако у короля Генриха VI, наследника престола Империи, граф Филипп встретил иной, нежели у самого императора, чрезвычайно сочувственный отклик на свои планы и свою бурную деятельность. В 1185 году отец-император вынужден был даже удерживать сына категорическим запретом вмешиваться в борьбу на стороне фландрца. Начало противостояния на западной границе Империи не могло отвечать интересам государя. Там для сдерживания Кёльнских экспансионистских устремлений, ошутимо усилившихся после получения архиепископом Филиппом Кёльнским титула герцога Вестфальского, император привлек на свою сторону графа Балдуина фон Геннегау, который в конфликте между Францией и Фландрией принял сторону французского короля. Таким образом, борьба никоим образом не ограничивалась территориально и могла бы угрожать Империи в целом. Решительность императора оказала свое действие. Уже в ноябре 1185 года состоялось примирение Филиппа Фландрского и Филиппа II Августа.

В 1184 году английский король, отправив своего зятя Генриха Льва на большое Троичное торжество в Майнце, обратился через него к императору с предложением союза. Если в 1157 и 1165 годах инициатива урегулирования отношений с Англией исходила от Империи, то на этот раз в таком обратном повороте событий отразилось общепризнанное и утвердившееся в европейском масштабе положение имперской власти. Фридрих принял предложение, условием которого, очевидно, стало позволение бывшему вельфскому герцогу, прождавшему какое-то время ответа, вернуться в Германию. В конце лета к английскому двору прибыло посольство архиепископа Филиппа Кёльнского. Эмиссары императора достигли договоренности о помолв-

ке Ричарда Львиное Сердце с дочерью Барбароссы, что, без сомнения, стало важным успехом штауфеновской дипломатии⁶⁹⁸. Впоследствии для поддержки усилий Генриха Льва вернуться на родину английская делегация была направлена к папе, который должен был ходатайствовать перед императором. Когда император затем — вероятно, в сентябре 1184 года в Милане — встретился с этими послами из Англии и узнал об успехах своего собственного посольства⁶⁹⁹, то немного позже, во время встречи с папой Люцием III в Вероне, он дал Вельфу свое соизволение вернуться на родину.

Хотя брак дочери императора с Ричардом Львиное Сердце и не был заключен из-за ее смерти в конце 1184 года, с помилованием Вельфа отношения с Англией все же очень заметно утратили свою напряженность. Отношения с Францией после окончания фландрской смуты в ноябре 1185 года тоже можно было расценивать как укрепившиеся. Предложение герцога Гуго Бургундского Штауфену выступить вместе с ним против Капетинга встретило категоричный отказ Барбароссы, выраженный характерными словами, что он не собирается переходить «границы своей Империи»⁷⁰⁰. Даже если обозреть только поздний период жизни государя, в нем все-таки отразится существенный аспект штауфеновской политики относительно западных держав, а именно уважение традиционных границ и последовательное соблюдение их неприкосновенности. После возвращения из своего последнего итальянского похода Барбаросса снова оказался в конфронтации с оппозиционным ему могущественным имперским князем, на этот раз с архиепископом Филиппом Кёльнским⁷⁰¹. Духовный князь с передачей ему герцогства Вестфалия (1180 год), особенно начиная с 1184 года, начал проводить самостоятельную и широкую территориальную политику, суть которой явно проявлялась в сближении с вернувшимся на родину Генрихом Львом и в связях с фландрской смутой. При этом

кёльнец поддерживал тесные отношения с Англией, находившие свою основу в экономических связях города Кёльна с этим королевством. В результате принятия Францией не признанного и изгнанного Барбароссой архиепископа Фольмара Трирского⁷⁰² на рубеже 1186 и 1187 годов вновь произошло отчуждение между Империей и державой Капетингов.

Впрочем, начало нового противостояния Англии и Франции весной 1187 года вновь разрядило ситуацию для императора, открыв его политике пространство для решительных действий. Уже в мае этого года Фридрих предложил Филиппу II Августу заключить союз. В Туле договор был зафиксирован письменно и торжественно скреплен обоими государями печатями — золотыми буллами⁷⁰³. Известия о мнимом военном вмешательстве на стороне его французского союзника вряд ли достоверны ввиду антипатии Штауфена к такому образу действий, многократно подтверждавшейся в прежние годы. Тем не менее успех соглашения был все-таки очевиден для обеих сторон. В Империи сама собой сошла на нет кёльнская оппозиция, трирский вопрос был окончательно решен в пользу императора. В декабре 1187 года престарелый Штауфен в Ивуа близ Музона, где в 1006 году уже проходила встреча Генриха II с королем Робертом, лично встретился с Капетингом. Наряду с вопросами укрепления союза на первый план выступили проблемы Святой земли, подготовка крестового похода. На майнцском «Хофтаге Иисуса Христа», где Барбаросса окончательно принял крест, весной 1188 года состоялось примирение с Филиппом Кёльнским. Тогда же был вновь урегулирован конфликт между Англией и Францией. Короля Генриха II вынудило склониться к примирению сближение его сына Ричарда Львиное Сердце с Филиппом II Августом.

Гораздо менее интенсивно — в силу большой отдаленности — развивались связи штауфеновской Империи с

Иберийским полуостровом, особенно с существовавшими там испанскими государственными образованиями⁷⁰⁴. При этом для XII столетия важно проводить различия между королевствами Леоном, Кастилией и Галисией, а также Арагоном. Благодаря разделению между сыновьями Фердинанда I (1037–1065) сначала наступило состояние раздробленности в центрально- и западноиспанских землях. Начиная с Альфонса VI (1065/72–1109) и до правления его дяди Альфонса VII (1126–1157) власть снова была сконцентрирована в одних руках. С последним из названных монархов Барбаросса уже в первый год своего правления установил отношения, отправив свою кузину Рихильду⁷⁰⁵ из Шпайера в Испанию для бракосочетания с кастильцем⁷⁰⁶. При этом говорить о более интенсивных и регулярных контактах сложно ввиду скудости свидетельств. В этом контексте все же следует обратить внимание на пребывание испанского посла в Вюрцбурге в сентябре 1157 года, а также на отправку легатов в Испанию как следствие синода в Павии или приглашение испанцев на встречу с Людовиком VII Французским в августе-сентябре 1162 года.

Контакты, исходившие от Империи и ведущие к ней, развивались прежде всего вокруг брачных связей. При этом вдове Рихильде после смерти своего супруга довелось еще неоднократно сыграть значительную роль. В 1161 году, став также родственницей штауфеновскому антипапе Виктору IV, она вышла замуж за Раймунда Беренгара III, графа Барселоны, благодаря чему восточноиспанская и южнофранцузская область владычества этого дома оказалась в поле зрения штауфеновской дипломатии⁷⁰⁷. В 1113 году графы унаследовали графство Прованс. С 1137 года они правили в королевстве Арагон, в 1162 году ими был введен королевский титул. Распоряжаясь Провансом, где они, правда, конфликтовали с местными силами, а также с графами Тулузскими, они приобрели большое значение для

бургундской политики Штауфена. Видимо, во многом вследствие начавшейся схизмы император стремился теперь утвердить свой сюзеренитет над южнобургундскими землями на новом и более прочном основании. При разрыве со своими прежними союзниками из дома Бо он заключил союз с графом Раймундом Беренгаром IV как сеньором графов Барселоны, поддержавшим его также в борьбе против Милана, и передал ему земли графства Прованс к югу от Дюранса. Когда граф затем в августе 1162 года скончался перед самой встречей с императором неподалеку от Турина, партнером Штауфена по соглашению выступил Раймунд Беренгар III, обвенчавшийся с Рихильдой за год до этого. В самом Арагоне умершему унаследовал его сын, король Альфонс, который, очевидно, не чувствовал себя связанным договором и несколькими годами спустя превратился в противника Империи.

Тулузский граф Раймунд V, интересы которого были серьезно задеты этими мероприятиями, уже в 1163 году проявил себя как упорный противник имперских властей, заключив с дофином Вьеннским договор о наследовании в пользу его юного сына Альберика и тем самым открыв ворота французскому влиянию на Бургундию⁷⁰⁸. Примерно тогда же штауфеновским интересам в Бургундии стал угрожать конфликт с Церингенами. В 1162 году разведенная с Генрихом Львом Клеменция фон Церинген вышла замуж за графа Гумберта Савойского⁷⁰⁹. В 1165 году, казалось, наметилось соглашение между графом Тулузским и Раймундом Беренгаром III, когда последний обручил свою дочь Дульчию с наследником графства Тулузского. Примерно в то же время из-за своего конфликта с епископом Иоанном Гренобльским тулузец оказался отлучен от церкви, позиция в поддержку Александра, занятая им в схизме, пошатнулась⁷¹⁰. Решающее воздействие в тот момент — в том числе и для Империи — должно было оказать то, что Тулузскому дому после смерти Раймунда Беренгара III

в 1166 или 1167 году оказалось невозможно унаследовать Прованс. Кузен умершего графа, король Альфонс Арагонский, захватил власть в этой области, игнорируя позицию своей племянницы Дульчии, и впоследствии добился признания, прежде всего на морском побережье. Реакцией на это Раймунда V Тулузского стало расторжение им брака с Констанцией, сестрой короля Людовика VII Французского, и женитьба на кузине Барбароссы Рихильде, уже повторно овдовевшей после смерти графа Барселоны и Прованса⁷¹¹.

Сначала император не мог эффективно воспрепятствовать арагонским планам в отношении Прованса. Впрочем, угроза территориальным интересам тулузца, вероятно, составила тогда решающий мотив для перехода Раймунда V в 1170 году на сторону Штауфена. Только после завершения схизмы Барбароссе представился случай энергично и успешно осуществить на практике свой сюзеренитет над всем Бургундским королевством, включая его южные части, Прованс и Арелат. Уже во время посещения Генуи в феврале 1178 года Штауфен использовал свою всеми признанную власть для того, чтобы с генуэзской помощью подчинить себе такие города, как Ницца, Грасс и Фрежюс, то есть важные опорные пункты арагонского влияния на нынешнем Лазурном берегу. Затем, летом того же года, он предпринял триумфальный поход по Бургундии, в результате прочно интегрировав страну в сферу штауфеновского имперского господства⁷¹².

Испании — правда, теперь уже центральноиспанскому региону — суждено было еще раз вернуться в поле зрения императорской политики. С 1150-х годов в этих землях, после смерти короля Альфонса VII, связанного благодаря женитьбе на Рихильде родственными узами с Барбароссой, наступил период нового рассредоточения власти. Санчо III (1157–1158) и после него его сын Альфонс VIII (1158–1214) правили в восточной половине (Кастилии и

Толедо), Фердинанд II (1157–1188) — в западной. Альфонс VIII с 1170 года был женат на дочери английского короля Элеоноре, которая по вюрцбургскому соглашению 1165 года сначала была избрана невестой старшего императорского сына Фридриха. Очевидно, штауфеновский император в последние годы своего правления стремился противодействовать этой испанско-английской связи: все-таки в 1180-е годы двор Плантагенетов был пристанищем беглого Генриха Льва, а тем самым и центром антиштауфеновской политики тех лет. Так или иначе, весной 1187 года Барбаросса отправил к кастильско-толедскому двору своего посланника, который в мае в Гормасе вел переговоры о заключении брака между императорским сыном Конрадом и дочерью королевской четы, Беренгарией⁷¹³. Для испанца это предложение оказалось очень кстати — оно усиливало его позиции в борьбе против собственного кузена, Альфонса IX Леонского (1188–1229). В апреле 1188 года в Зелигенштадте был заключен брачный договор между Конрадом фон Ротенбургом и испанкой, оригинал которого дошел до нас. Сразу после этого сын императора отправился к испанскому двору, но стал там жертвой кастильской интриги. Альфонс VIII явно согласился с этим матримониальным планом императора главным образом для того, чтобы нанести урон могуществу своего тезки-кузена, который сам должен был жениться на Беренгари. Конрад фон Ротенбург уже в начале 1189 года снова вернулся в Германию, окончательно брак расстроился в 1191 или 1192 году⁷¹⁴. Таким образом, контакты с центральноиспанскими королевствами остались лишь эпизодом, и впоследствии они вряд ли представляли собой зоны, которых непосредственно касалась политика Империи.

Как правило, еще более отдаленным, отодвинутым к самому краю горизонта представлялся штауфеновскому владыке исламский мир. Контакты с ним проявлялись обычно только в связи с крестовыми походами, да и в этом

случае только в крайне враждебной, военной форме. Правда, все-таки и здесь имеются отдельные достойные внимания исключения, известия о связях в рамках переговоров и даже матримониальных проектов⁷¹⁵, которые существенно дополняют наш образ Барбароссы как политика, демонстрируя прежде всего размах его дипломатической активности. Вероятно, весной 1172 года император через Геную отправил посланника к султану Саладину, которому во второй половине XII века суждено было возвести силы ислама на необычайную высоту. Движущий мотив Штауфена в случае с этой необычной дипломатической акцией можно, без сомнения, видеть в попытке обеспечить себе максимально выгодную позицию в возобновленных в 1170 году переговорах с восточно-римским императором Мануилом. В этих его действиях отчетливо проявилось и то, насколько искусно Барбаросса сумел перенять для своих собственных целей образец и манеру столь изощренной византийской дипломатии. Саладин ответил присылкой посольства, которое предложило заключить брак между сыном султана и дочерью императора и почти полгода путешествовало со штауфеновским двором по Германии (в 1173–1174 годах). Барбаросса оказывал послам широкое гостеприимство, позволяя им составить представление о городах и нравах немецких земель Империи. Только в 1174 году мусульмане, награжденные богатыми подарками, были отпущены на свою родину. Хотя брак не состоялся, Штауфен в это время все же явно мог оказывать дипломатическое давление на Византию.

В те же годы дело дошло и до контактов с малоазиатским государством сельджуков⁷¹⁶. Вероятно, в связи с паломничеством Генриха Льва в 1172 году султан Кылыч-Арслан II Иконийский был приобщен к его дипломатической активности, что также должно пониматься только в контексте переговоров, которые велись с Византией. Для сельджуков, с точки зрения укрепления их позиций в борьбе

с императором Мануилом, подобные контакты с западным императором представляли такой же интерес, как и для самого Барбароссы. Согласно сообщению Оттона Санкт-Блазинского (правда, более позднему), Кылыч-Арслану довелось еще один раз, в 1179 году, обратиться к штауфеновскому двору и, подобно его брату по вере Саладину, предложить заключение матримониальной связи. Но и эти переговоры остались лишь эпизодом. Новое соприкосновение с исламским миром произошло впоследствии только уже в связи с крестовым походом⁷¹⁷. Захват Саладином Иерусалима (1187 год) в конечном счете дал повод для этого предприятия. Уже во время самого похода в мае 1190 года дело дошло до взятия столицы сельджукского государства Икония (Коньи). При этом мы больше не слышим ничего, напоминающего о дружественных контактах в 1170-е годы. Впрочем, в распоряжении Кылыч-Арслана в 1190 году больше не имелось неограниченной власти. Он находился тогда в остром конфликте со своими сыновьями.

Если мы попытаемся в заключение подчеркнуть важные средства «внешней политики» Фридриха Барбароссы, то составление матримониальных проектов и их реализация красной нитью пройдут через весь период его правления. Правда, такие браки оказывали лишь первичное и неглубокое воздействие на завязывание, регулирование и укрепление взаимных отношений. Ими лишь открывалось поле для дипломатических переговоров, поле, на котором несомненное дарование императора приносило свои плоды. И здесь проявлялся его необычный политический талант, так же, как это происходило в других сферах его правления. Вступление в союзы с противниками противников, дипломатия в чистейшем виде господствовали в искусном здании штауфеновской «внешней политики». Напротив, использование военных средств, имевшихся в распоряжении самих имперских властей, приобретало, как правило, лишь подчиненное значение.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. ФРИДРИХ БАРБАРОССА: «ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ» И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Необычная гибель императора вдали от имперских земель, а также судьба его бранных останков привели — правда, только в позднее Средневековье — к созданию многочисленных легенд, которые в течение веков сгустились в феномен «таинственного исчезновения»⁷¹⁸. При исторической оценке этого мифического возвышения первого штауфеновского императора следует, впрочем, подчеркнуть, что здесь обращает на себя внимание не только большая дистанция в собственном временном смысле. Сам образ личности монарха при этом отчуждается, преобразуется и подгоняется к более поздним представлениям о страстно желаемых императорской власти и императорском величии. Хотя и в самом 1190 году смерть Барбароссы произвела глубокое впечатление, поскольку вместе с ней повсеместно оплакивался удар, нанесенный судьбой великому предприятию западного христианства. Ход событий в Империи эта смерть изменить все-таки не смогла: Генрих VI продолжал без помех управлять текущими политическими событиями.

Один фольклорный мотив, впервые фиксируемый тремя стихотворениями XIV века на средневерхненемецком языке, мог быть более тесно связан с мнением современников события. Император, который на чудесном коне возвращается для участия в крестовом походе, в Сирии вешает свой щит на сухое дерево, которое вновь начинает зеле-

нет, и освобождает Святую землю на вечные времена⁷¹⁹. Гораздо больше известно о формировании легенд, которые изображают государя, в действительности якобы не умершего, а продолжающего жить в таинственной горе, чтобы, впоследствии вернувшись оттуда, восстановить справедливость и порядок в Империи. Правда, эти легенды первоначально связывались с персоной и смертью внука Барбароссы, императора Фридриха II. В качестве мест, где будто бы продолжал жить этот таинственный император, назывались Киффхойзер в Золотой долине под Тилледой, Унтерсберг близ Зальцбурга или Фельсхёле возле Кайзерслаутерна. В связи с Фридрихом I эти легенды впервые нашли свое литературное отражение в «Народной книжечке об императоре Фридрихе», изданной в 1519 году⁷²⁰. В результате горы Киффхойзер, которые уже в первой половине XV века связывались с сидящим здесь легендарным императором Фридрихом, во времена зарождавшегося научного интереса к эпохе Штауфенов, когда немецкие гуманисты впервые издавали знаменитые хроники ранештауфеновского периода, воспринимались более широкой публикой как убежище Штауфена. Там — внутри горы — он сидел за столом, оплетаемом его становящейся все длиннее бородой, ожидая своего возвращения в мир.

Подлинный ренессанс этим легендам суждено было пережить в XIX столетии. Сочиненное в 1817 году под впечатлением освободительной войны против императора Наполеона стихотворение Фридриха Рюккерта «Барбаросса» придало кругу сказаний о Киффхойзере литературную форму: «Имперское величье / Хранит он под скалой / И с ним в своем обличье / Вновь в час вернется свой»⁷²¹. Растущее национальное чувство и патриотизм были определяющими факторами для этого обращения к погруженному в прошлое императорскому величию. В этих духовно-исторических феноменах обнаруживаются разносторонние корни дальнейшего развития сюжета в том же столетии.

Многое ведет отсюда и к основанию империи 1871 года. Вильгельминовской Пруссии суждено было к концу XIX века развить государственную идеологию, весьма существенно ориентированную на штауфеновское императорское величие эпохи высокого Средневековья. В 1896 году было завершено сооружение Национального монумента на Киффхойзере, но также и возведенной перед восстановленным Госларским пфальцем конной статуи Вильгельма I, которую Феликс Дан с явным намеком на государя-Штауфена назвал *Barbablanca*⁷²² — настолько этот памятник выражал дух Фридриха Барбароссы.

Правда, все эти легенды, но прежде всего их переработки в XIX веке, вдохновленные идеологическими предписаниями, уводят очень далеко от исторической личности Штауфена, мешая непредвзятому взгляду на реальные условия несомненно важной эпохи средневековой истории Европы. Такое восприятие эпохи Штауфенов и подобные воззрения на нее сохранили свою действенность и в эру национал-социализма, что после 1945 года бросило тень на образ этой эпохи, скомпрометировав ее в глазах широкой общественности. Даже позднесредневековые легендарные изображения способны были лишь очень условно отразить подлинную жизнь и деяния штауфеновского императора. Тем не менее, они оказались способны на долгое время задать широкому кругу людей восприятие его образа, а вместе с ним и соответствующую историческую память. Именно поэтому и в биографическом описании нельзя оставить без внимания эту «посмертную жизнь» государя — напротив, необходимо постоянно осознавать, что между исторической реальностью и легендарным преувеличением существуют явные различия.

Если мы напоследок еще раз вернемся к вопросу о месте первого штауфеновского императора во всем контексте развития средневековой Империи, то сначала должны будем осмыслить происхождение и личность этого челове-

ка. Штауфен был возведен в ряд первых князей Империи в результате кризиса, потрясшего господство Салической династии и лишь приблизительно описываемого словами «борьба за инвеституру». При этом он не получил немедленно какого-либо первостепенного преимущества из своего нового положения герцога Швабского. Если государю противостоял антикороль, то и деду Барбароссы Фридриху Штауфену также пришлось бороться с мощными силами противодействия в собственном герцогстве. Явное усиление своего могущества изведал его сын, отец Барбароссы герцог Фридрих II, когда его дядя, император Генрих V, на время своего второго итальянского похода назначил его имперским регентом. Ряд достигнутых успехов — не в последнюю очередь территориально-политических — улучшил его позиции, но и способствовал установлению отныне таких отношений с главой Империи, которые уже не были свободны от напряженности.

На эти годы (декабрь 1122 года) и выпало рождение старшего сына швабского герцога, будущего императора Фридриха Барбароссы. Его детство было омрачено тяжкими конфликтами между его отцом и его дядей Конрадом, с одной стороны, и Лотарем III, с другой. Брат его вельфской матери Юдифи, Генрих Гордый, в 1127 году сочетался браком с королевской дочерью Гертрудой. Эта тесная политическая связь Вельфа с Лотарем III положило начало штауфеновско-вельфскому конфликту, которому долго суждено было определять положение в Империи, прежде всего во время регентства Конрада III, начавшегося с 1138 года. В эти проникнутые борьбой годы юный Фридрих получил свое рыцарское воспитание, стал испытанным в боях и хорошо владеющим оружием мужчиной, каким он оставался и впоследствии, уже будучи государем. Но сквозь этот образ закаленного в многочисленных военных кампаниях своего времени и весьма удачливого мужа проступает и иная черта, различимая уже с начала 1140 х годов, —

совершенно выдающаяся самостоятельность в политических решениях и действиях. Очевидно, определяющим фактором для Фридриха после ранней смерти его матери (около 1130 или 1131 года) оставалось родство с Вельфами. Во всяком случае, бросается в глаза его тесный контакт со своим дядей Вельфом VI, даже в период конфликта этого дома со штауфеновским королем Конрадом.

Затем, начиная с 1147 года, Барбаросса окончательно выходит на арену великих политических событий своей эпохи. Возведенный после смерти своего отца на трон герцога Швабского, он принимает участие в несчастливом крестовом походе своего дяди-короля. Здесь он впервые соприкоснулся с большими политическими проблемами, с отношениями с Восточной Римской империей, Французским королевством и сицилийской державой норманнов. Спустя несколько лет, с возведением Фридриха на королевский престол, пробил его великий час. Если в его избрании, вне всякого сомнения, весьма значительную роль сыграло родство с Вельфами, дававшее перспективу прекращения разорительных столкновений в германских землях, то его пригодность на роль правителя все же определено основывалась и на выдающемся политическом таланте. Как человека проницательного, сведущего в совете, честолюбивого, чуждого всякой несправедливости, щедрого и красноречивого — правда, только на своем родном языке, — описывает его Вибальд из Ставло папе Евгению III. С большим искусством проведя предвыборные переговоры, Барбаросса сумел обеспечить избрание своей кандидатуры. Центральная проблема правления его предшественников — противостояние с князьями — была всецело разрешена. Унаследованные от его дяди короля и при этом никогда не прекращавшиеся напряженные отношения внутри Империи Барбаросса сумел смягчить терпением, а порой и подлинным смирением. Без сомнения, Штауфен был человеком, не только в особенности и во

многих отношениях пригодным к исполнению обязанностей государя, но еще и преисполненным новых задач и вытекающих из них требований. Отношения с князьями и свою связь с ними он воспринимал как несущий фундамент своего королевства. Ведь и он сам, и его род вышли из их рядов и были наилучшим образом знакомы с их проблемами.

Барбаросса постоянно искал консенсус с миром князей и в своих политических решениях опирался на их совет, правда, не допуская при этом своей зависимости от их воздействия на имперскую политику. С самого начала он сумел тесно привязать к себе имперский епископат, решающим образом усилив этим свою позицию в отношении папства. Взгляды на отношения двух верховных властей христианства сначала были представлены учением о двух мечах, то есть о равнозначности *imperium* и *sacerdotium* — взглядами, занявшими особое место в период борьбы за инвеституру. Это учение могло удерживать свои позиции до тех пор, пока в отношениях между двумя властями господствовало полное согласие. Однако уже при первых контактах Штауфена с папством отчетливо проявилось и столь характерное для Барбароссы представление о том, что Империя вверяется Богом. Выразительную картину мира представлений штауфеновского двора дают жестокие споры по поводу инцидента в Безансоне. Там, в ответ на подчеркивание папой превосходства его положения над императорским, со стороны государя было указано, что его положение определено непосредственно Богом и обосновано избранием князьями. Несколько позже схизма, начавшаяся в сентябре 1159 года, должна была решительным образом поколебать именно теоретические основания отношений двух верховных властей. Правда, еще до этого в имперской канцелярии, а тем самым и в высшей коллегии советников императора и, несомненно, с его непосредственным участием был выдвинут некий новый элемент пред-

ставлений о господстве. Обращение к позднеантичным традициям «священной империи» (*sacrum imperium*) и одновременно умелые заимствования из идейного мира процветавшего в Италии римского права создавали новую базу аргументации и для отношений с папством, защищали и усиливали позицию, так сказать, сакрализуемой Империи и ее правителя.

С началом схизмы политика штауфеновского императора в основном определялась факторами внутрицерковной борьбы, конфликта с ломбардскими коммунами, отношений с князьями Империи и — во все возрастающей мере — с иноземными королевствами, причем эти элементы теснейшим образом переплетались друг с другом. Особенную роль играла схизма, в конечном счете являвшая собой почти непреодолимое препятствие для всех мероприятий государя. В Италии Фридрих с самого начала своего правления предпринял попытку восстановить позиции Империи, сильно подорванные и ввиду долгого отсутствия верховной власти, и растущей властью коммун. Контакты с правовой школой Болоньи, процветавшей начиная с позднесалического времени, и — параллельно с ними — умелое заимствование самих принципов римского права были соединены в программе рейхстага в Ронкалье в пакет мероприятий, который должен был служить достижению этой цели. Правда, политическая реализация этой программы, даже при использовании противоречий, существовавших между соперничавшими друг с другом городами, потребовала длительной борьбы. В любом случае, в высшей степени достойным внимания остается сформулированное здесь программное обоснование политики императора и попытка наладить имперское управление, способное функционировать даже во время отсутствия государя в стране. В качестве главных методов выступала посылка имперских легатов в межрегиональных масштабах и должностных лиц Империи — в локальных рамках. Во всем этом проявляют-

ся политическая мысль и политическое планирование, которые придают эпохе Фридриха I черты неординарности, даже исключительности. Правда, речь здесь идет также и о некоторой попытке ограничить развитие событий в королевстве Италия, несущее на себе сильный коммунально-городской отпечаток, — в той мере, которая кажется совместимой с представлениями императора о власти. Его стремление восстановить *honor imperii*, суверенное право, едва ли было чем-то революционно новым, во многом оно скорее обнаруживало черты традиционности и зависимости от традиции. Для него речь шла о возвращении Империи ее прежнего высокого статуса, о сохранении прерогатив, вытекающих из его ранга государя. Эта главная консервативная черта образа его правления все-таки противостояла его действиям, прагматичным и гибким в том, что касалось деталей. Это, пожалуй, и составляет сущность его правления, но также и суть очарования, исходящего от его личности сквозь столетия.

Соответствие Барбароссы своей обязанности верховного правителя особенно проявлялось в моменты наибольших успехов, но также и тяжелейших поражений. В качестве таких показательных событий могут быть названы, например, его сдержанное поведение в отношении представителей Зальцбургской епархии, оппозиционной императору в вопросах схизмы, которое он проявил в дни своего триумфа над Миланом (март-апрель 1162 года), или преодоление, вероятно, самой тяжелой катастрофы за все время его правления, постигшей его войско во время эпидемии малярии в районе Рима (август 1167 года). Образ этого человека составляют, впрочем, и чрезвычайно спорные решения — такие, например, как в случае с провалом встречи с Людовиком VII Французским поздним летом 1162 года.

Советники из его ближайшего окружения нередко приобретали определяющее влияние на императора. Самый

показательный пример здесь, без сомнения, — канцлер Райнальд фон Дассель, который в 1159 году по императорскому желанию был возвышен до ранга архиепископа Кельнского, и смертью которого во время упомянутой катастрофической эпидемии под Римом во многих смыслах завершилась целая эпоха. Нередко из отношения двух этих личностей друг к другу выносятся впечатление, что Райнальд стоял в качестве движущей силы за многими политическими решениями Штауфена. Однако следует все же предостеречь от того, чтобы делать из этого вывод о, так сказать, безоговорочной зависимости Барбароссы от совета этого мужа. Окончательное решение, без сомнения, в каждом из случаев оставалось за императором, который отнюдь не всегда одобрал образ действий Райнальда, но в то же время осознавал, какой выдающийся политический талант ему служит.

Соответствие Барбароссы своей обязанности государя едва ли смогло бы настолько проявить себя и пройти такую проверку делом в любой другой период, чем в десятилетие между 1167/68 и 1177 годами. После крушения имперского господства в Италии и гибели столь многих имперских князей под Римом Фридриху удалось разрешить значительную часть проблем, создававших наибольшую угрозу для его господства. Территориально-политические успехи уже вскоре после 1167 года составили прочный фундамент для новой фазы широких и интенсивных политических мероприятий, причем император сумел также — и в первую очередь — защитить позиции своего собственного дома.

В 1070–1071 годах Барбаросса осуществил подлинный переворот в своих отношениях с западными державами, в результате которого за союзом с Англией последовало политическое сотрудничество с Францией. В результате на его сторону перешел традиционный союзник Александра III, однако нерешенной проблемой оставался вопрос о ломбар-

дском городском союзе, который с 1167 года весьма успешно концентрировал вокруг себя враждебные Штауфену силы. И Фридрих еще раз вступил на путь военной конфронтации. Потерпевшая впоследствии неудачу осада Александрии также должна рассматриваться исключительно как акт возмездия за серьезное оскорбление императорского величия.

Многолетние столкновения в Италии — с самых давних пор — превращали в трудноразрешимую проблему необходимость посылки германскими князьями своих ополчений в земли южнее Альп. Императору не хватало войск — чем дальше, тем больше. Введение в дело наемников, а также привлечение городских и княжеских контингентов из Италии оказывались здесь плохой заменой. Фридрих, думается, должен был ясно осознать сложности этой ситуации, сделав отныне упор на использование политических средств. Он сумел привлечь на свою сторону не только традиционно проштауфеновски настроенные города, но и, еще до завершения военного противоборства, превратил в своих союзников членов Ломбардской лиги, таких как Тортона и Кремона. Здесь с особенной ясностью и выразительностью можно видеть применение исконного принципа господства — «*divide et impera*», который Штауфен несколько позже широко использовал и в Германском королевстве. Впрочем, решающий поворот в своей политике Фридрих осуществил при подготовке новых переговоров с Александром III. Если уже с шестидесятых годов — особенно в кризисных ситуациях имперского господства — неоднократно налаживались такие контакты, то все-таки лишь теперь сложились предпосылки для успешного достижения договоренности. Мир в Венеции не только завершил схизму, расколовшую христианство в 1159 году, но и позволил одновременно установить более или менее упорядоченные связи с Ломбардской лигой и норманнским королевством Сицилией. Реальные политические нужды

привели к примирению между *imperium* и *sacerdotium*, не затронув или не прояснив до конца принципиальных вопросов их взаимного соотношения.

Потребности итальянской и церковной политики Штауфена оказывали постоянное обратное воздействие на ситуацию в Германском королевстве. К северу от Альп нередко вспыхивали волнения, эффективно вмешаться в которые находившийся на юге император не мог или мог только после своего возвращения. И напротив, немецкие князья, как правило, проявляли небольшой интерес к участию в продолжительных и разорительных военных походах в Италию. На протяжении десятилетий прочный стержень политики по отношению к князьям в немецких землях составляли для Барбароссы его связи со своим вельфским кузеном Генрихом Львом. Император предоставил Генриху широкую свободу политических действий на севере Германии, тот же оставался верным государю — даже во время схизмы. Фридрих неоднократно выступал на стороне Вельфа в его столкновениях с противниками из числа князей. Правда, после брака Генриха с дочерью английского короля Матильдой и отхода императора от союза с Англией, упрочившегося во многом благодаря этому браку, между ними возник первый конфликт интересов. К тому же сыграли свою роль территориально-политические трения и, вероятно, отказ Генриха Льва предоставить военную помощь пребывающему в Италии государю. Утвердившийся благодаря успеху в Италии, Фридрих принял тогда решение, пожалуй, в наибольшей степени отяготившее его правление в Германском королевстве. Он решил выступить против могущественного двойного герцога из рода Вельфов в правовой форме судебного процесса. Штауфен полагал, что право и князья на его стороне, и одновременно переживал тогда апогей своей власти и своего авторитета. В результате раздела бывших вельфских владений и наделения ими традиционных противников Генриха Льва

или персон, на протяжении долгого времени верных Империи, Барбаросса осуществил глубокое преобразование и обновление властных отношений в Германском королевстве. Последствия этого смещения, успех которого был обеспечен только после военных интервенций, проявились и помимо собственно территориальных преобразований — в структурных изменениях. Благодаря отчетливо выразившейся теперь связи имперских князей с государем и наделянию ленами, которое он предпринимал, произошло замыкание сословия имперских князей как высшей группы в составе ленной пирамиды с королем во главе. Правда, самому Штауфену нельзя приписывать, так сказать, планомерное и руководящее участие в этих структурных изменениях: здесь он, несомненно, лишь подхватил существующие тенденции. Впрочем, при этом ясно вырисовываются вытекающие из ленного права отношения как основной каркас для условий и структур господства в Империи Фридриха I.

В 1180 е годы Штауфен достиг вершин своего «всемирного значения» как в самой Империи, так и по отношению к другим христианским землям. Своими мыслями и деяниями он должен был — уже и из-за своего преклонного возраста — все чаще обращаться ко времени, которое наступит после его смерти. От его брака с дочерью бургундского графа Беатрисой, благодаря которому положение как штауфеновского рода, так и Империи существенно укрепились за счет королевства Бургундии, родилось несколько сыновей, которые все активнее вступали в политическую жизнь. Уже в 1169 году второй по старшинству сын императорской четы, Генрих, был избран королем. После посвящения в рыцари, пройденного им вместе со своим братом, герцогом Фридрихом Швабским, во время Майнцских Троичных торжеств 1184 года, он начал активно участвовать в делах государственного управления. Впрочем, выступать соправителем можно было только в рамках гра-

ниц, очерченных венценосным отцом. Уже в эту эпоху в текстах некоего Готфрида из Витербо в отчетливо оформленном и устоявшемся виде предстает восприятие дома Штауфенов, занимающего трон сообразно самой своей природе, в сонме владык, правящих со времен античности. Для старого императора, находившегося во власти традиционных представлений о соотношении *imperium* и *sacerdotium*, в особенности поэтому оказалось возможным еще при собственной жизни добиваться от папы императорской коронации королевского сына.

Впрочем, отношениям с церковью суждено было еще раз пережить серьезный кризис. С 1077 и 1083 годов папство лишилось возможности использовать своих многолетних политических союзников, верхнеитальянские коммуны и королевство Сицилию, в качестве рычагов для формирования связей с Империей. Напряженные территориально-политические отношения в Италии, образ действий императора в архиепископстве Трирском, но прежде всего, вероятно, бракосочетание штауфеновского наследника престола с Констанцией Сицилийской, согласованное в 1184 и состоявшееся в 1186 годах, вновь оживили старые противоречия. В отличие от прежних обстоятельств, — возможно, подобно тому, как это было в первые годы его правления, — Барбаросса знал, что князья в подавляющем большинстве на его стороне. После смещения Генриха Льва государственная власть в Германии окончательно укрепилась, и оппозиция кельнского архиепископа не могла тут ничего изменить. Южнее Альп права Империи после Констанцкого мира с Ломбардской лигой, но прежде всего после союза с многолетним противником Миланом, также были защищены наилучшим образом. Император сумел ограничить опасность нового конфликта с папством продуманными политическими ходами.

В эти последние годы жизни овдовевшего в 1184 году Штауфена его престиж распространился далеко за преде-

лы границ Империи, он стал доминирующим фактором политической жизни Запада. Когда после захвата Иерусалима султаном Саладином встал вопрос о новом крестовом походе — спустя четырнадцать лет после неудачного предприятия дяди Барбароссы, в котором Фридрих участвовал еще юношей, — папство вынуждено было уступить. Только с помощью Римского императора подобное предприятие можно было воплотить в жизнь хоть с какой-то надеждой на успех. Решив отправиться в крестовый поход, император принял на себя главенство в христианском мире. Даже чужеземные хронисты, во времена схизмы нередко весьма критически настроенные против Империи, восхваляли его теперь как «своего» императора.

Для самого Барбароссы крестовый поход во многом должен был стать воплощением в жизнь его рыцарского идеала, но также и его представления о долге христианского государя, так выразительно определенного Карлом Великим, его первым предшественником на троне средневековой империи. Пасть в этом предприятии означало, в конечном счете, высшее выражение всего того, чего император страстно желал, на что надеялся и к чему стремился. Но одновременно эта смерть самым решительным образом способствовала преувеличению и чрезмерному завышению исторической оценки, данной Барбароссе последующими поколениями. Нередко она препятствует объективному взгляду на саму эту личность, на успехи и провалы, в конечном счете — на историческую реальность правления, длившегося почти четыре десятка лет. Штауфен остается в нашей картине истории, несомненно, выдающимся правителем, но в то же время и личностью — высокой и глубокой, человеком, рыцарственно мыслящим и религиозно чувствующим, сочетающим настойчивые, порой жестокие политические акции с необходимыми для успеха осторожностью и проницательностью.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ambrosioni A. Le città italiane fra Papato e Impero dalla pace di Venezia alla pace di Costanza // La pace di Costanza 1183: Un difficile equilibrio di poteri fra società italiana et Impero. Milano–Piacenza, 27–30 aprile, 1983. Bologna, 1984. (Studi e testi di storia medioevale; 8). P. 35–57.

Gli *Annales Pisani* di Bernardo Maragone / A cura di M. L. Gentile. Bologna, 1936. (Rerum Italicarum Scriptores. Nuova Edizione; 6/2).

Annali Genovesi di Caffaro e de'suoi continuatori / Ed. L. T. Belgrano e C. Imperiale di Sant'Angelo. Genova, 1890–1901. T. I–II. (Fonti per la storia d'Italia; 11–12).

Appelt H. Friedrich Barbarossa und die italienischen Kommunen // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 87–131.

Appelt H. Die Kaiseridee Friedrich Barbarossas // Ibid. S. 208–244.

Appelt H. Der Vorbehalt kaiserlicher Rechte in den Diplomen Friedrich Barbarossas // Ibid. S. 33–57.

Appelt H. Die Kanzlei Friedrich Barbarossas // Die Zeit der Stauer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 5: Supplement: Vorträge und Forschungen / Hrsg. R. Haussherr und Ch. Väterlein. S. 17–35.

Appelt H. Die Erhebung zum Herzogtum // Das Werden der Steiermark. Die Zeit der Traungauer / Hrsg. von G. Pferschy. Graz; Wien; Köln, 1980. (Veröffentlichungen des Steiermärkischen Landesarchives; 10). S. 63–74.

Appelt H. Federico Barbarossa nella storiografia tedesca a partire dal XVIII secolo // Federico Babarossa nel dibattito storiografico in Italia

e in Germania / A cura di R. Manselli e J. Riedmann. Bologna, 1982. (Annali dell'Istituto storico italo-germanico; 10). P. 17–43.

Appelt H. Kaiserin Beatrix und das Erbe der Grafen von Burgund // Aus Kirche und Reich: Studien zu Theologie, Politik und Recht im Mittelalter: Festschrift für Friedrich Kempf zu seinem 75. Geburtstag und 50jährigen Doktorjubiläum / Hrsg. von H. Mordek. Sigmaringen, 1983. S. 275–283.

Appelt H. Friedrich Barbarossa (1152–1190) // Kaisergestalten des Mittelalters / Hrsg. von H. Beumann. München, 1984. S. 177–198.

Arbinger N. Komitat, Adel und städtische Kommune in der Lombardei während des 11. und 12. Jahrhunderts. Studien zur historischen Geografie der Lombardei im Hochmittelalter: Ungedr. phil. Diss. Wien, 1967.

Arens F. Die staufischen Königspfalzen // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3. S. 129–142.

Assmann E. Friedrich Barbarossas Kinder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Bd. 33. S. 435–472.

Gli atti del comune di Milano fino all'anno MCCXVI / A cura di C. Manaresi. Milano, 1919.

Baaken G. Die Altersfolge der Söhne Friedrich Barbarossas und die Königserhebung Heinrichs VI. // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1968. Bd. 24. S. 46–78.

Baaken G. Unio regni ad imperium: Die Verhandlungen von Verona 1184 und die Eheabredung zwischen König Heinrich VI. und Konstanze von Sizilien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1972. Bd. 52. S. 219–297.

Bachmann J. Die päpstliche Legation in Deutschland und Skandinavien (1125–1159). Berlin, 1913. (Historische Studien; 115).

Baur H. Das Reichsgut in Venetien: Ungedr. phil. Diss. Frankfurt a. M., 1922.

Beumann H. Das Reich der späten Salier und der Staufer 1056–1250 // Handbuch der europäischen Geschichte / Hrsg. von Th. Schieder. Stuttgart, 1987. T. II: Europa im Hoch- und Spätmittelalter / Hrsg. von F. Seibt. Stuttgart, 1987. S. 280–382.

Bordone R. La società urbana nell'Italia comunale (secoli XI–XIV). Torino, 1984. (Documenti della Storia; 40).

Borst A. Die Staufer in der Geschichtsschreibung // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 263–275.

Bosonis Vitae Adriani IV et Alexandri III // *Le Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire* par L. Duchesne. 2 éd. Paris, 1892. (Bibliothèque des école française d'Athènes et de Rome, 2e serie).

Bosl K. Die Reichsministerialität der Salier und Staufer. Stuttgart, 1950–1951. T. 1–2. (Schriftenreihe der Monumenta Germaniae historica; 10/1, 10/2).

Breuer N. Geschichtsbild und politische Vorstellungswelt in der Kölner Königschronik sowie der "Chronica S. Pantaleonis": Diss. Würzburg, 1966.

Brezzi P. I Comuni cittadini italiani e l'Impero medioevali // *Nouve questioni di storia medioevali*. Milano, 1964. P. 177 sqq.

Brezzi P. Gli uomini che hanno creato la Lega Lombarda // *Popolo e stato in Italia nell'età di Federico Barbarossa. Alessandria e la Lega Lombarda: Relazioni e comunicazioni al XXXII congresso storico subalpino per la celebrazione dell'VIII centenario della fondazione di Alessandria*. Torino, 1970. P. 247–261.

Brezzi P. Gli alleati italiani di Federico Barbarossa (feodatori e città) // *Federico Babarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania / A cura di R. Manselli e J. Riedmann*. Bologna, 1982. (Annali dell'Istituto storico italo-germanico; 10). P. 157–197.

Brinken B. Die Politik Konrads von Staufen in der Tradition der Rheinischen Pfalzgrafschaft: Der Widerstand gegen die Verdrängung der Pfalzgrafschaft aus dem Rheinland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts. Bonn, 1974. (Rheinisches Archiv; 92).

Brühl C. Fodrum, Gistum, Servitium Regis. Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums im Frankenreich und in den fränkischen Nachfolgestaaten Deutschland, Frankreich und Italien vom 6. bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. Köln; Graz, 1968. (Kölner historische Abhandlungen; 14/1, 14/2).

Brühl C. Die Finanzpolitik Friedrich Barbarossas in Italien // *Historische Zeitschrift*. 1971. Bd. 213. S. 13–37.

Brühl C., Kölzer Th. Das Tafelgüterverzeichnis des römischen Königs. (Ms. Bonn, S. 1559). Köln; Wien, 1979.

Brune Th., Baumunk B. Wege der Popularisierung // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 327–338.

Bühler H. Die frühen Staufer im Ries // Früh- und hochmittelalterlicher Adel in Schwaben und Bayern / Hrsg. von I. Eberl, W. Härtung und J. Jahn. Sigmaringendorf, 1988. (Regio. Forschungen zur schwäbischen Regionalgeschichte; 1). S. 270–294.

Bünau H. von. Leben und Thaten Friedrichs I., Römischen Kaisers. Leipzig, 1722.

Büttner H. Die Alpenpaßpolitik Friedrich Barbarossas bis zum Jahre 1164/65 // Grundfragen der alemannischen Geschichte. Sigmaringen, 1952. (Vorträge und Forschungen; 1). (Nachdruck: Stuttgart, 1962). S. 243–276.

Büttner H. Das Erzstift Mainz und das Reich im 12. Jahrhundert // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 1959. Bd. 9. S. 18–36.

Büttner H. Staufische Territorialpolitik im 12. Jahrhundert // Württembergisch Franken. 1963. Bd. 47 (Neue Folge: Bd. 37). S. 5–27.

Büttner H. Friedrich Barbarossa und Burgund: Studien zur Politik der Staufer während des 12. Jahrhunderts // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967 / Hrsg. von Th. Mayer. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 79–120.

Büttner H. Das politische Handeln Friedrich Barbarossas im Jahre 1156 // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1970. Jg. 106. S. 54–67.

Büttner H. Staufer und Zähringer im politischen Kräftespiel zwischen Bodensee und Genfer See während des 12. Jahrhunderts // Schwaben und Schweiz im frühen und Hohen Mittelalter / Hrsg. von H. Patze. Sigmaringen, 1972. (Vorträge und Forschungen; 15). S. 437–530.

Cardini F. Il Barbarossa: Vita, trionfi e illusioni di Federico I imperatore. Milano, 1985.

Cartellieri A. Das Zeitalter Friedrich Barbarossas 1150–1190. Aalen, 1972. (Weltgeschichte als Machtgeschichte; 5)

Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2.

Cheney M. G. The Recognition of Pope Alexander III: Some Neglected Evidence // English Historical Review. 1969. Vol. 84. P. 474–497.

Classen P. Gerhoch von Reichersberg: Eine Biographie. Wiesbaden, 1960.

Classen P. La politica di Manuele Comneno tra Federico Barbarossa e le città italiane // *Popolo e stato in Italia nell'età di Federico Barbarossa: Alessandria e la Lega lombarda: Relazioni e comunicazioni al XXXIII congresso storico subalpino per la celebrazione dell'VIII centenario della fondazione di Alessandria*. Torino, 1970. P. 263–279.

Classen P. Das Konzil von Toulouse 1160: eine Fiktion // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1973. Bd. 29. S. 220–224.

Claude D. Geschichte des Erzbistums Magdeburg bis in das 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1975. Teil 2. (Mitteldeutsche Forschungen; 67 / II).

Darmstädter P. Das Reichsgut in der Lombardei und Piemont. 568–1250. Straßburg, 1896.

Decker-Hauff H. Das Staufische Haus // *Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung*. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. S. 339–374.

Dilcher G. Die Entstehung der lombardischen Stadtkommune: Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. Aalen, 1967. (Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte; N. F. 7).

Droege G. Das kölnische Herzogtum Westfalen // *Heinrich der Löwe / Hrsg. von W.-D. Mohrmann*. Göttingen, 1980. (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung; 39). S. 275–307.

Eickhoff E. Friedrich Barbarossa im Orient: Kreuzzug und Tod Friedrichs I. Tübingen, 1977. (Istanbuler Mitteilungen; Beiheft 17).

Engelmann E. Zur städtischen Volksbewegung in Südfrankreich: Kommunefreiheit und Gesellschaft. Arles, 1200–1250. Berlin, 1959. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte; 4).

Engels O. Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert (I) // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1971. Bd. 27. S. 373–456.

Engels O. Neue Aspekte zur Geschichte Friedrich Barbarossas und Heinrichs des Löwen // *Selbstbewußtsein und Politik der Staufer*. Göppingen, 1977. (Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst; 3). S. 28 ff.

Engels O. Zur Entmachtung Heinrichs des Löwen // *Festschrift für Andreas Kraus zum 60. Geburtstag / Hrsg. von P. Fried und W. Ziegler*.

Kallmünz/Opf., 1982. (Münchener Historische Studien: Abteilung Bayerische Geschichte; 10). S. 45–59.

Engels O. Die Staufer. 3. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1984. (Urban-Taschenbücher; 154).

Engels O. Zum Konstanzer Vertrag von 1153 // *Deus qui mutat tempora: Menschen und Institutionen im Wandel des Mittelalters: Festschrift für A. Becker zu seinem 65. Geburtstag* / Hrsg. von E.-D. Hehl, H. Seibt, F. Staab. Sigmaringen, 1987. S. 235–258.

Engels O. Die Iberische Halbinsel von der Auflösung des Kalifats bis zur politischen Einigung // *Europa im Hoch- und Spätmittelalter* / Hrsg. von F. Seibt. Stuttgart, 1987 (Handbuch der Europäischen Geschichte; 2). S. 918–998.

Engels O. Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert: Festgabe zu seinem 60. Geburtstag. Sigmaringen, 1988.

Face R. Secular History in Twelfth-century Italy: Caffaro of Genoa / *Journal of Medieval History*. 1980. Vol. 6. P. 169–184.

Fasoli G. Federico Barbarossa e le città lombarde // *Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967*. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 121–142.

Fasoli G. La Lega Lombarda: antecedenti, formazione, struttura // *Ibid.* S. 143–160.

Fasoli G. *Friedrich Barbarossa* und die lombardischen Städte // *Friedrich Barbarossa* / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975 (Wege der Forschung; 390). S. 149–183.

Fasoli G. Aspirazioni cittadine e volontà imperiale // *Federico Barbarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania* / A cura di R. Manselli e J. Riedmann. Bologna, 1982. (Annali dell'Istituto storico italo-germanico; 10). P. 131–152.

Favreau-Lilie M.-L. Zur Pilgerfahrt des Grafen Rudolf von Pfullendorf: Ein unbeachteter Originalbrief aus dem Jahre 1180 // *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. 1975. Bd. 123 (Neue Folge: Bd. 84). S. 31–45.

Feldmann K. Herzog Welf VI. und sein Sohn: Das Ende des süddeutschen Welfenhauses (mit Regesten): Diss. Tübingen, 1971.

Fleckenstein J. *Friedrich Barbarossa* und das Rittertum: Zur Bedeutung der großen Mainzer Hofage von 1184 und 1188 // *Festschrift*

für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971. Göttingen, 1972. Bd. 2. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 36 / II). S. 1023–1041.

Fried J. Friedrich Barbarossas Krönung in Arles (1178) // *Historisches Jahrbuch*. 1983. Jg. 103. S. 347–371.

Fried J. Die Wirtschaftspolitik Friedrich Barbarossas in Deutschland // *Blätter für deutsche Landesgeschichte*. 1984. Jg. 120. S. 195–239.

Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975 (Wege der Forschung; 390).

Gattermann G. Die deutschen Fürsten auf der Reichsheerfahrt: Studien zur Reichskriegsverfassung der Stauferzeit: Ungedr. phil. Diss. Frankfurt a. M., 1956.

Gerhohi praepositi Reichersbergensis opera inedita II: Expositionis psalmorum pars tertia et pars nona. Tomus I. Partis tertiae sectio prima / Cura et studio D. ac O. van den Eynde et P. A. Rijmersdael. Romae, 1956. (Spicilegium pontificii Athenaei Antoniani; 9).

Germania Pontificia: T. I–III / Hrsg. von A. Brackmann. Berlin, 1910–35; T. IV / Hrsg. von H. Jakobs. Göttingen, 1978; T. VI–VII / Hrsg. von Th. Schieffer. Göttingen, 1981–86.

Gernhuber J. Die Landfriedensbewegung in Deutschland bis zum Mainzer Reichslandfrieden von 1235. Bonn, 1952.

Geschichte Salzburgs: Stadt und Land / Hrsg. von H. Dopsch. Bd. 1, Teil 1. Salzburg, 1981.

Giese W. Das Gegenkönigtum des Staufers Konrad 1127–1135 // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanische Abteilung*. 1978. Bd. 95. S. 202–220.

Giesebrecht W. von. *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*. Bd. 5. Leipzig, 1880; Bd. 6 / Hrsg. und fortgesetzt von B. von Simpson. Leipzig, 1895.

Görich K. Ein Kartäuser im Dienst Friedrich Barbarossas: Dietrich von Silbénite (c. 1145–1205). Salzburg, 1987. (Analecta Cartusiana; 53).

Goetz H.-W. *Das Geschichtsbild Ottos von Freising*. Köln; Wien, 1984 (Archiv für Kulturgeschichte; Beiheft 19).

Goez W. «...iuravit in anima regis»: Hochmittelalterliche Beschränkungen königlicher Eidesleistung // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1986. Bd. 42. S. 517–554

Grundmann H. Rotten und Brabanzonen: Söldner-Heere im 12. Jahrhundert // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1942. Bd. 5. S. 419–491.

Grundmann H. Der Cappenberger Barbarossakopf und die Anfänge des Stiftes Cappenberg. Köln; Graz, 1959. (Münstersche Forschungen; 12).

Grundmann H. Rezension von: Peter Rassow, Honor Imperii // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975 (Wege der Forschung; 390). S. 26–32.

Guagnini G. I Malaspina: Origine, fasti, tramonte di una dinastia. Milano, 1973.

Güterbock F. Die Gelnhäuser Urkunde und der Prozeß Heinrichs des Löwen: Neue diplomatische und quellenkritische Forschungen zur Rechtsgeschichte und politischen Geschichte der Stauferzeit. Hildesheim; Leipzig, 1920. (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens; 32).

Güterbock F. Tortonas Abfall vom Lombardenbund: Eine diplomatische Untersuchung // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde. 1924. Bd. 45. S. 306–359.

Güterbock F. Die Rektoren des Lombardenbundes in einer Urkunde für Chiaravalle // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1926. Bd. 18. S. 1–29.

Güterbock F. Zum Schisma unter Alexander III: Die Überlieferung des Tolosanus und die Stellungnahme der Romagna und Emilia // Papsttum und Kaisertum: Forschungen zur politischen Geschichte und Geisteskultur des Mittelalters: Paul Kehr zum 65. Geburtstag dargebracht / Hrsg. von A. Brackmann. München, 1926. S. 376–397.

Güterbock F. Piacenzas Beziehungen zu Barbarossa auf Grund des Rechtsstreits um den Besitz des Poübergangs // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1932/33. Bd. 24. S. 62–111.

Güterbock F. Kaiser, Papst und Lombardenbund nach dem Frieden von Venedig // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1933/34. Bd. 25. S. 158–191.

Güterbock F. Zur Geschichte Burgunds im Zeitalter Barbarossas // Zeitschrift für schweizerische Geschichte. 1937. Jg. 17. S. 145–229.

Güterbock F. Le lettere del notaio imperiale Burcardo intorno alla politica del Barbarossa nello scisma ed alla distruzione di Milano // *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. 1949. N. 61. P. 1–65.

Hägermann D. Die Urkunden Erzbischof Christians I. von Mainz als Reichslegat Friedrich Barbarossas in Italien // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 1968. Bd. 14. S. 202–301.

Hägermann D. Beiträge zur Reichslegation Christians von Mainz in Italien // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. 1969. Bd. 49. S. 186–238.

Hageneder O. Weltherrschaft im Mittelalter // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1985. Bd. 93. S. 257–273.

Hausmann F. Die Anfänge des staufischen Zeitalters unter Konrad III. // *Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967*. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 53–79.

Haverkamp A. Die Regalien-, Schutz- und Steuerpolitik in Italien unter Friedrich Barbarossa bis zur Entstehung des Lombardenbundes // *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte*. 1966. Bd. 29. S. 3–159.

Haverkamp A. Herrschaftsformen der Frühstauer in Reichsitalien. 2 Bde. Stuttgart, 1970–1971. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 1–2).

Haverkamp A. Friedrich I. und der hohe italienische Adel // *Beiträge zur Geschichte Italiens im 12. Jahrhundert*. Sigmaringen, 1971. (Vorträge und Forschungen; Sonderbd. 9). S. 53–92.

Haverkamp A. Das Zentralitätsgefüge Mailands im hohen Mittelalter // *Zentralität als Problem der mittelalterlichen Stadtgeschichtsforschung* / Hrsg. von E. Meynen. Köln; Weimar; Wien, 1979. S. 48–78.

Haverkamp A. La Lega Lombarda sotto la guida di Milano (1175–1183) // *La pace di Constanza 1183: Un difficile equilibrio di poteri fra società italiana et Impero*. Milano–Piacenza, 27–30 aprile, 1983. Bologna, 1984. (Studi e testi di storia medioevale; 8). P. 159–178.

Haverkamp A. Der Konstanzer Friede zwischen Kaiser und Lombardenbund (1183) // *Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich* / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 11–44.

Heimpel H. Friedrich I. Barbarossa // Neue deutsche Biographie. Bd. 5. Berlin, 1961. S. 459 ff.

Heinemann H. Untersuchungen zur Geschichte der Zähringer in Burgund // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1983. Bd. 29. S. 42–192; 1984. Bd. 30. S. 97–257.

Heinemeyer K. Der Prozeß Heinrichs des Löwen // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1981. Jg. 117. S. 1–60.

Heinemeyer K. König und Reichsfürsten in der späten Salier- und frühen Stauferzeit // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1986. Jg. 122. S. 1–40.

Heinemeyer W. Der Friede von Montebello: 1175 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1954. Bd. 11. S. 101–139.

Heinemeyer W. Die Verhandlungen an der Saône im Jahre 1162 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1964. Bd. 20. S. 155–189.

Heinemeyer W. "Beneficium — non feudum, sed bonum factum": Der Streit aus dem Reichstag zu Besançon 1157 // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1969. Bd. 15. S. 155–236.

Heinrich der Löwe / Hrsg. von W.-D. Mohrmann. Göttingen, 1980. (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung; 39).

Hellmann S. Die Grafen von Savoyen und das Reich bis zum Ende der staufischen Periode. Innsbruck, 1900.

Herkenrath R. M. Reinald von Dassel: Reichskanzler und Erzbischof von Köln: Ungedr. phil. Diss. Graz, 1962.

Herkenrath R. M. Regnum und Imperium in den Diplomen der ersten Regierungsjahre Friedrichs I. // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 323–359.

Herkenrath R. M. Die Reichskanzlei in den Jahren 1174 bis 1180. Wien, 1977. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-histor. Klasse Denkschriften; 130). — öòèòóáòñý êâè: Reichskanzlei 1.

Herkenrath R. M. I collaboratori tedeschi di Federico I // Federico Barbarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania / A cura di R. Manselli e J. Riedmann. Bologna, 1982. (Annali dell'Istituto storico italo-germanico; 10). P. 199–232.

Herkenrath R. M. Miscellen zu den Diplomen Friedrichs I. // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1982. Bd. 28. S. 223–270.

Herkenrath R. M. Die Reichskanzlei in den Jahren 1180 bis 1190. Wien, 1985. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-histor. Klasse Denkschriften; 175). — цитируется как: Reichskanzlei 2.

Hernández F. J. Los cartularios de Toledo. Catálogo documental. Madrid, 1985. (Monumenta ecclesiae Toletanae historica. Series I: Regesta et inventaria historica; 1).

Heyen F.-J. Über die Trierer Doppelwahlen von 1183 und 1242 // Archiv für mittelrheinische Kirchengeschichte. 1969. Bd. 21. S. 21–33.

Hilsch P. Die Bischöfe von Prag in der frühen Stauferzeit: Ihre Stellung zwischen Reichs- und Landesgewalt von Daniel I. (1148–1167) bis Heinrich (1182–1197). München, 1969. (Veröffentlichungen des Collegium Carolinum; 22).

Historia ducum Veneticorum / Ed. H. Simonsfeld // MGH. Scriptores. T. 14. Hannover, 1883. P. 72 ff.

Historia Welforum / Hrg., übersetzt und erläutert von E. König. Stuttgart; Berlin, 1938. (Schwäbische Chroniken der Stauferzeit; 1).

Hödl G. Das Erzstift Salzburg und das Reich unter Kaiser Friedrich Barbarossa // Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde. 1974/1975. Bd. 114. S. 37–55.

Höing N. Die «Trierer Stilübungen»: Ein Denkmal der Frühzeit Friedrich Barbarossas // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1955. Bd. 1. S. 257–239; 1956. Bd. 2. S. 125–249.

Hofmann H. Die Heiligen Drei Könige: Zur Heiligenverehrung im kirchlichen, gesellschaftlichen und politischen Leben des Mittelalters. Bonn, 1975. (Rheinisches Archiv; 94).

Hoke R. Die Freigrafschaft Burgund, Savoyen und die Reichsstadt Besançon im Verbands des mittelalterlichen deutschen Reiches // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanische Abteilung. 1962. Bd. 79. S. 106–194.

Holtzmann R. Das Carmen de Frederico I. imperatore aus Bergamo und die Anfänge einer staufischen Hofhistoriographie // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde. 1922. Bd. 44. S. 252–313.

Holtzmann R. Der Weltherrschaftsgedanke des mittelalterlichen Kaisertums und die Souveränität der europäischen Staaten // Historische Zeitschrift. 1939. Bd. 159. S. 251–264.

Holtzmann W. Papst Alexander III. und Ungarn // Ungarische Jahrbücher. 1927. Bd. 6. S. 397–426.

Holtzmann W. Quellen und Forschungen zur Geschichte Friedrich Barbarossas (Englischen Analekten 1) // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde. 1930. Bd. 48. S. 384–413.

Hotz W. Pfalzen und Burgen der Stauferzeit: Geschichte und Gestalt. Darmstadt, 1981.

Hucker B. U. Friedrich Barbarossa als Empfänger von Zahlungen Bremer Bürger // Bremisches Jahrbuch. 1987. Bd. 65. S. 125–139.

Ex Hugonis Pictavini Libro de libertate monasterii Vizeliacensis / Ed. G. Waitz // MGH. Scriptores. T. 26. Hannoverae, 1882. P. 143sq.

Italia Pontificia: T. I–VIII / Hrsg. von P. F. Kehr. Berlin, 1905–1935; T. IX / Hrsg. von W. Holtzmann. Berlin, 1962; T. X / Hrsg. von D. Girgensohn. Zürich, 1975.

Italische Quellen über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I. / Übers. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1986. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17a).

Janssen W. Die päpstlichen Legaten in Frankreich vom Schisma Anaklets II. bis zum Tode Coelestins III. (1130–1198). Köln; Graz, 1961.

Jordan K. Friedrich Barbarossa. Kaiser des christlichen Abendlandes. Göttingen; Berlin; Frankfurt a. M., 1959. (Persönlichkeit und Geschichte; 13).

Jordan K. Staufer und Kapetinger im 12. Jahrhundert // Francia. 1974/75. Bd. 2. S. 136–151.

Jordan K. Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979.

Kap-Herr H. von. Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. Straßburg, 1881.

Kauffmann H. Die italienische Politik Kaiser Friedrichs I. nach dem Frieden von Constanz (1183–1189): Beiträge zur Geschichte der Reichspolitik und Reichsverwaltung der Staufer in Italien. Greifswald, 1933. (Greifswalder Abhandlungen zur Geschichte des Mittelalters; 3).

Kehr P. F. Der Vertrag von Anagni im Jahre 1176 // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde. 1888. Bd. 13. S. 75–118.

Keller H. Adelherrschaft und städtische Gesellschaft in Oberitalien 9. bis 12. Jahrhundert. Tübingen, 1979. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom; 52).

Keller H. Über den Charakter Freiburgs in der Frühzeit der Stadt // Festschrift für B. Schwineköper zu seinem 70 Geburtstag / Hrsg. von H. Maurer und H. Patze. Sigmaringen, 1982. S. 249–282.

Kesztycka F. von. Kaiserin Beatrix: Gemahlin Friedrichs I. Barbarossa: Phil. Diss. / Freiburg in der Schweiz. Poznan, 1923.

Kienast W. Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270): Weltkaiser und Einzelkönige. Stuttgart, 1974–1975. Bd. 1–3. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 9/1–3).

Kiener F. Verfassungsgeschichte der Provence seit der Ostgotenherrschaft bis zur Errichtung der Konsulate (510–1200). Leipzig, 1900.

Kirfel H. J. Weltherrschaftsidee und Bündnispolitik: Untersuchungen zur auswärtigen Politik der Staufer. Bonn, 1959. (Bonner historische Forschungen; 12).

Klebel E. Die Grafen von Sulzbach als Hauptvögte des Bistums Bamberg // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1926. Bd. 41. S. 108–128.

Koch G. Auf dem Wege zum Sacrum Imperium. Berlin, 1972. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte; 20).

Koch W. Die Reichskanzlei in den Jahren 1167 bis 1174: Eine diplomatisch-paläographische Untersuchung. Wien, 1973. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften; 115).

Koch W. Die Schrift der Reichskanzlei im 12. Jahrhundert (1125–1190): Untersuchungen zur Diplomatie der Kaiserurkunde. Wien, 1979. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften; 134).

Kottje R. Zur Bedeutung der Bischofsstädte für Heinrich IV // Historisches Jahrbuch. 1978. Bd. 97/98. S. 131–157.

Kraus A. Das Herzogtum der Wittelsbacher: Die Grundlegung des Landes Bayern // Wittelsbach und Bayern. Bd. I/1: Die Zeit der frühen Herzöge: Von Otto I. zu Ludwig dem Bayern / Hrsg. von H. Glaser. München, 1980. (Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1180–1350).

Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. 3 Bde. Neudruck: Aalen, 1964. (Geschichte der europäischen Staaten; 55. Allgemeine Staaten-geschichte 1/35).

Kupper J.-L. Raoul de Zähringen évêque de Liège 1167–1191: Contribution à l'histoire de la politique impériale sur la Meuse moyenne. Bruxelles, 1974.

Lamma P. Commeni e Staufer: Ricerche sui rapporti fra Bisanzio e l'Occidente nel secolo XII. Roma, 1955–1957. T. 1–2. (Istituto Storico Italiano per il Medio Evo. Studi storici; Fasc. 14–18, 23–25).

Lammers W. Weltgeschichte und Zeitgeschichte bei Otto von Freising // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 5: Supplement: Vorträge und Forschungen / Hrsg. R. Haussherr und Ch. Väterlein. S. 77–90.

Lechner K. Die Babenberger: Markgrafen und Herzoge von Österreich 976–1246. Wien; Köln; Graz, 1976. (Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung; 23).

Lenel W. Der Konstanzer Frieden von 1183 und die italienische Politik Friedrichs I. // Historische Zeitschrift. 1923. Bd. 128. S. 189–261.

Leonhard J.-F. Die Seestadt Ancona im Spätmittelalter: Politik und Handel. Tübingen, 1983. (Bibliothek des Deutschen Historisches Instituts in Rom; 55).

The Letters of John of Salisbury. Vol. I / Ed. by W. J. Millor and H. E. Butler, revised by C. N. L. Brooke. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Toronto; New York, 1955. (Nelson Medieval Texts); Vol. II / Ed. by W. J. Millor, H. E. Butler and C. N. L. Brooke. Oxford, 1959. (Oxford Medieval Texts).

Lexikon des Mittelalters. Bd. 1–6. München; Zürich, 1980–1993. Bd. 7–9. München, 1995–1998.

Lilie R.-J. Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnen und der Angeloï (1081–1204). Amsterdam, 1948.

Löcher K. Die Staufer in der bildenden Kunst // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 291–310.

Ludwig Ch. Untersuchungen über die frühesten 'Podestaten' italienischer Städte. Wien, 1973. (Dissertationen der Universität Wien; 90).

Maccarrone M. Papato e Impero: dalla elezione di Federico I alla morte di Adriano IV (1152–1159). Roma, 1959. (Lateranum. Nova Series. An. 25. N. 1–4).

Madertoner W. Die zwiespältige Papstwahl des Jahres 1159. Wien, 1978. (Dissertationen der Universität Wien; 136).

Mariotte J.-Y. Le Comté de Bourgogne sous les Hohenstaufen: 1156–1208. Paris, 1963. (Cahiers d'études comtoises ; 4).

Mariotte J.-Y. Le schisme de 1159, la légation de Roger de Vico Pisano et leurs traces diplomatiques à Clairefontaine // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1972. Bd. 18. S. 303–341.

Maurer H. Chiavenna und die «Ehre» des Herzogtums Schwaben: Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte des 12. Jahrhunderts // Festschrift Friedrich Hausmann / Hrsg. von H. Ebner. Graz, 1977. S. 339–354.

Maurer H. Der Herzog von Schwaben: Grundlagen, Wirkungen und Wesen seiner Herrschaft in ottonischer, salischer und staufischer Zeit. Sigmaringen, 1978.

Mayer H.-E. Staufische Weltherrschaft? Zum Brief Heinrichs II. von England an Friedrich Barbarossa von 1157 // Friedrich Babarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 184–207.

Mayer Th. Die Ausbildung der Grundlagen des modernen deutschen Staates im hohen Mittelalter // Historische Zeitschrift. 1939. Bd. 159. S. 457–487.

Mayr H. Der Pontifikat des Gegenpapstes Viktor IV. (1159–1164) im Spiegel seiner Urkunden: Ungedr. Hausarbeit am Institut für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1974.

Migge W. Die Staufer in der deutschen Literatur seit dem 18. Jahrhundert // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 275–290.

Möhring H. Saladin und der Dritte Kreuzzug. Wiesbaden, 1980. (Frankfurter historische Abhandlungen; 21).

Monumenta Corbeiensia / Ed. Ph. Jaffé. Berolini, 1864. (Monumenta rerum Germanicarum; 1).

Monumenta Germaniae Historica. Цитируется как: MGH:

— Die Admonter Briefsammlung, nebst ergänzenden Briefen / Hrsg. von G. Hödl und P. Classen // MGH. Die Briefe der deutschen Kaiserzeit. Bd. IV. München, 1983.

— Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. I: Inde ab a. 911 usque ad a. 1197 / Ed. L. Weiland // MGH. Legum Sectio IV. Hannoverae, 1893. Neudruck: 1963.

— Die Urkunden Friedrichs I. 1152–1158 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath, W. Koch, J. Riedmann, W. Stelzer und K. Zeilinger. Hannover, 1975. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/1).

— Die Urkunden Friedrichs I. 1158–1167 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath und W. Koch. Hannover, 1979. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/2)

— Die Urkunden Friedrichs I. 1168–1180 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath und W. Koch. Hannover, 1984. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/3).

Munz F. Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics. London, 1969.

Nahmer D. von der. Die Reichsverwaltung in Toscana unter Friedrich I. und Heinrich VI.: Diss. Freiburg i. Br., 1965.

Nahmer D. von der. Zur Herrschaft Friedrich Barbarossa in Italien / *Studi medievali*. 1974. Anno 15/2. Serie 3. P. 587–703.

Nieder Korn J. P. Die Mitgift der Kaiserin Irene: Anmerkungen zur byzantinischen Politik König Konrads III // *Römische historische Mitteilungen*. 1986. Bd. 28. S. 125–139.

Nieder Korn J. P. *Traditio, a quibus minime cavimus*: Ermittlungen gegen König Balduin III. von Jerusalem, den Patriarchen Fulcher und den Templerorden wegen Verrats bei der Belagerung von Damaskus (1148) // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1987. Bd. 95. S. 53–68.

Oedinger F. W. Das Bistum Köln von den Anfängen bis zum Ende des 12. Jahrhunderts // *Geschichte des Erzbistums Köln*. Bd. 1 / Hrsg. von E. Hegel. 2 Aufl. Köln, 1972.

Oehring S. Erzbischof Konrad I. von Mainz im Spiegel seiner Urkunden und Briefe (1161–1200). Darmstadt; Marburg, 1973. (Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte; 25).

Ohnsorge W. Die Legaten Alexanders III. im ersten Jahrzehnt seines Pontifikats (1159–1169). Berlin, 1928. (*Historische Studien*; 175).

Ohnsorge W. Päpstliche und gegenpäpstliche Legaten in Deutschland und Skandinavien, 1159–1181. Berlin, 1929. (Historische Studien; 188).

Ohnsorge W. Die Bedeutung der deutsch-byzantinischen Beziehungen im 12. Jahrhundert für den deutschen Osten // Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung. 1941. Bd. 5. S. 249–259.

Ohnsorge W. Die Byzanzpolitik Friedrich Barbarossas und der 'Landesverrat' Heinrichs des Löwen // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1943. Bd. 6. S. 118–149.

Opll F. Das kaiserliche Mandat im 12. Jahrhundert (1125–1190) // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1976. Bd. 84. S. 290–327.

Opll F. Beiträge zur historischen Auswertung der jüngeren Hildesheimer Briefsammlung // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Bd. 33. S. 473–500.

Opll F. Die Winterquater im Leben Friedrich Barbarossas // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1977. Bd. 85. S. 332–341.

Opll F. Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978 (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1).

Opll F. Friedrich Barbarossa und das Oberrheingebiet // Stauferzeit: Geschichte, Literatur, Kunst. Stuttgart, 1978. (Karlsruher Kulturwissenschaftliche Arbeit; 1). S. 36–46.

Opll F. Amator ecclesiarum: Studien zur religiösen Haltung Friedrich Barbarossas // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1980. Bd. 88. S. 70–93.

Opll F. Studien zur frühen Wiener Handelsgeschichte // Wiener Geschichtsblätter. 1980. Jg. 35. S. 49ff.

Opll F. «Potestates Placentie»: Ein Beitrag zur Geschichte der staufischen Reichsherrschaft in der Lombardei // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1985. Bd. 93. S. 31–46.

Opll F. L'attenzione del potere per un grande transito sovregionale: il Monte Bardone nel XII secolo // Quaderni Storici. 1986. Nuova serie. 61. P. 57–75.

Opll F. Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6).

Opll F. *Divide et impera: Federico Barbarossa, Alessandria / Cesarea, Genova e Tortona // Il Barbarossa e i suoi alleati liguri-piemontesi: Atti del Convegno storico internazionale / A cura di G. Bergaglio. Gavi, 1987. P. 85 sqq.*

Opll F. *Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi: Stadtentwicklung im Spannungsfeld zwischen Reich und Städtebündnis // Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 63–96.*

Opll F. *Verona e l'Impero all'epoca di Federico Barbarossa: La formazione del Comune e le vicende relative all'Impero // Verona dalla caduta dei Carolingi al libero Comune. Convegno del 24–25 maggio 1985: Atti. Verona, 1987. P. 29 sqq.*

Opll F. *Barbarossa in Bedrängnis: Zur uneinheitlichen Datierung eines Diploms aus dem Spätsommer 1167 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1987. Bd. 43. S. 194–201.*

Opll F. *Der Dritte Kreuzzug (1189–1190) und die Bulgaren // Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich. 1988. Nr. 2.VIII.1986. S. 83ff.*

Bischof Otto von Freising und Rahewin. *Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica / Übers. von A. Schmidt, hrsg. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1974. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17).*

Overmann A. *Gräfin Mathilde von Tuscanen: Ihre Besitzungen: Geschichte ihres Gutes von 1115–1230 und ihre Regesten. Innsbruck, 1895.*

Pacaut M. *Friedrich Barbarossa. Stuttgart, 1969.*

La pace di Constanza 1183: *Un difficile equilibrio di poteri fra società italiana ed impero. Bologna, 1984. (Studi e testi di storia medioevale; 8).*

Patze H. *Kaiser Friedrich Barbarossa und der Osten // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 337–409.*

Patze H. *Friedrich Barbarossa und die deutschen Fürsten // Die Zeit der Stauer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 5: Supplement: Vorträge und Forschungen / Hrsg. R. Haussherr und Ch. Väterlein. S. 35–76.*

Pelzer H. *Friedrichs I. von Hohenstaufen Politik gegenüber Dänemark, Polen und Ungarn: Diss. Borna bei Leipzig, 1906.*

Petersohn J. Saint Denis — Westminster — Aachen: Die Karls-Translatio von 1165 und ihre Vorbilder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1975. Bd. 31. S. 420–454.

Petersohn J. Der Vertrag des Römischen Senats mit Papst Clemens III. (1188) und das Pactum Friedrich Barbarossas mit den Römern (1167) // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1974. Bd. 82. S. 289–337.

Petersohn J. Rahewin IV, 49: «Seu de recipiendo prefecto»: Zur Rolle der Präfektur bei den kaiserlich-römischen Verhandlungen von 1159 // Geschichtsschreibung und geistiges Leben im Mittelalter: Festschrift für H. Löwe zum 65. Geburtstag / Hrsg. von K. Hauck und H. Mordek. Köln; Wien, 1978. S. 397–409.

Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12).

Rassow P. Der Prinzgemahl: Ein Pactum matrimoniale aus dem Jahre 1188. Weimar, 1950. (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit; 7/1).

Rassow P. Honor Imperii: Die neue Politik Friedrich Barbarossas 1152–1159. 2 Aufl.: Darmstadt, 1961.

Raumer F. von. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. 6 Bde. Leipzig, 1823–1825.

Regesta Imperii: Die Regesten des Kaiserreiches unter Friedrich I. 1152 (1122)–1190. 1 Lieferung: 1152 (1122)–1158 / Nach J. F. Böhmer neubearb. von F. Opll unter Mitwirkung von H. Mayr. Wien; Köln; Graz, 1980. (Böhmer J. F. Regesta Imperii; IV/2). Цитируется как: BOM.

Regesta pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII / Ed. Ph. Jaffé. Editionem secundam correctam et auctam auspiciis G. Watterbach curaverunt S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner, P. Ewald. T. II. Lipsiae, 1888.

Die Regesten der Erzbischöfe von Köln im Mittelalter. Bd. 2: 1100–1250 / Bearb. von R. Knipping. Bonn, 1901. (Publikationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde; XXI/2).

Reichskanzlei 1. — н.н.: Herkenrath R. M. Die Reichskanzlei in den Jahren 1174 bis 1180...

Reichskanzlei 2. — н.н.: Herkenrath R. M. Die Reichskanzlei in den Jahren 1180 bis 1190...

Reuter T. A. *The Papal Schism, the Empire and the West, 1159–1169*: Ungedr. phil. Diss. / Merton College. Oxford, 1975.

Reuter T. *Das Edikt Friedrich Barbarossas gegen die Zisterzienser // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1976. Bd. 84. S. 328–336.

Riedmann J. *Studien über die Reichskanzlei unter Friedrich Barbarossa in den Jahren 1156–1166 // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1967. Bd. 75. S. 332–402 1968. Bd. 76. S. 23–105.

Riedmann J. *Die Beurkundung der Verträge Friedrich Barbarossas mit italienischen Städten: Studien zur diplomatischen Form von Vertragsurkunden im 12. Jahrhundert*. Wien, 1973. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse. Sitzungsberichte; 291/3).

Rill G. *Zur Geschichte der Würzburger Eide von 1165 // Würzburger Diözesangeschichtsblätter*. 1960. Bd. 22. S. 7–19.

Rösch G. *Venedig und das Reich: Handel- und verkehrspolitische Beziehungen in der deutschen Kaiserzeit*. Tübingen, 1982. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom; 53).

Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik et H. Roeder. 2 T. Hauniae, 1931–1957.

Schaller H. M. *Der heilige Tag als Termin mittelalterlicher Staatsakte // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1974. Bd. 30. S. 1–24.

Schaller N. *Die Alpenpässe in der Politik der Staufer*: Ungedr. phil. Diss. Wien, 1968.

Scheffer-Boichorst P. *Kaiser Friedrich' I. letzter Streit mit der Kurie*. Berlin, 1866.

Scheibelreiter G. *Der deutsche Thronstreit 1198–1208 im Spiegel der Datierung von Privaturkunden // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1976. Bd. 84. S. 337–377; 1977. Bd. 85. S. 36–76.

Schlesinger W. *Bischofssitze, Pfalzen und Städte im deutschen Itinerar Friedrich Barbarossas // Aus Stadt- und Wirtschaftsgeschichte Südwestdeutschlands: Festschrift für E. Maschke zum 75. Geburtstag*. Stuttgart, 1975. (Veröffentlichungen der Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg; B 85). S. 1–56.

Schmale F.-J. Friedrich I. und Ludwig VII. im Sommer des Jahres 1162 // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. 1968. Bd. 31. S. 315–368.

Schmale F.-J. Lothar III und Friedrich I als Könige und Kaiser // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 33–52. Wiederabgedr. in: Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 121 ff.

Schmid K. Graf Rudolf von Pfullendorf und Kaiser Friedrich I. Freiburg i. Br., 1954. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte; 1).

Schmid K. De regia stirpe Waiblingensium: Bemerkungen zum Selbstverständnis der Staufer // Schmid K. Gebetsgedenken und Selbstverständnis im Mittelalter: Festgabe zu seinem Geburtstag. Sigmaringen, 1983. S. 454–466.

Schmidt U. Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7).

Schöntag W. Untersuchungen zur Geschichte des Erzbistums Mainz unter den Erzbischöfen Arnold und Christian I. (1153–1183). Darmstadt; Marburg, 1973. (Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte; 22).

Schreiner K. Die Staufer als Herzöge von Schwaben // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 7–20.

Schreiner K. Die Staufer in Sage, Legende und Prophetie // Ibid. S. 275–290.

Schreiner K., Hofacker H.-G. Spätmittelalterliche und neuzeitliche Staufer-Überlieferungen in Schwaben und Württemberg // Ibid. S. 311–326.

Schreiner K. Friedrich Barbarossa, Herr der Welt // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 5: Supplement: Vorträge und Forschungen / Hrsg. R. Hauss herr und Ch. Väterlein. S. 521–580.

Schrod K. Reichstraßen und Reichsverwaltung im Königreich Italien (754–1197). Stuttgart, 1974. (Beihefte zur Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte; 25).

Schubring K. Die Herzoge von Urslingen: Studien zu ihrer Besitz-, Sozial- und Familiengeschichte mit Regesten. Stuttgart, 1974. (Veröffentlichungen der Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg; B 67).

Schubring K. Die Herren von Lützelhardt: Beiträge zur Bestimmung ihrer Herkunft // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 1981. Jg. 40. S. 262–283.

Schultz K. Die Ministerialität als Problem der Stadtgeschichte: Einige allgemeine Bemerkungen, erläutert am Beispiel der Stadt Worms // Rheinische Vierteljahrsblätter. 1968. Jg. 32. S. 184–219.

Schultz K. Zensualität und Stadtentwicklung im 11./12. Jahrhundert // Beiträge zum hochmittelalterlichen Städtewesen. Köln; Wien, 1982. (Städteforschung / Hrsg. von H. Stob; A 11). S. 73–93.

Simonsfeld H. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Friedrich I. Teil. 1: 1152–1158 // Jahrbücher der Deutschen Geschichte. Neudr. der 1. Aufl. von 1908; Berlin, 1967.

Steindorff L. Die dalmatischen Städte im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1984. (Städteforschung / Hrsg. von H. Stob; A 20).

Stephan-Kühn F. Wibald als Abt von Stablo und Corvey und im Dienste Konrads III.: Phil. Diss. Köln, 1973.

Stob H. Formen und Wandel staufischen Verhaltens zum Städtewesen // Stob H. Forschungen zum Städtewesen in Europa. Köln; Wien, 1970. Bd. I. S. 51–72.

Strachwitz M. Die Privilegierungen des italienischen Adels durch Kaiser Friedrich I.: Ungedr. Staatsprüfungsarbeit am Institut für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1968.

Studi sulla Pace di Constanza. Milano, 1984. (Deputazione di Storia patria per le province Parmensi. Sezione di Piacenza).

Theuerkauf G. Der Prozeß gegen Heinrich den Löwen: Über Landrecht und Lehnrecht im hohen Mittelalter // Heinrich der Löwe / Hrsg. von W. D. Mohrmann. Göttingen, 1980. (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung; 39). S. 217–248.

Thomson R. M. An English Eyewitness of the Peace of Venice, 1177 // Speculum. 1975. Vol. 50. P. 21–32.

Trautz F. Die Könige von England und das Reich 1272–1377: Mit einem Rückblick auf ihr Verhältnis zu den Staufern. Heidelberg, 1961.

Vignati C. Storia diplomatica della Lega lombarda. Torino, 1975. (Erstdruck: Milano, 1866).

Violante C. La società milanese nell'età precomunale. 2 Aufl.: Roma; Bari, 1974. (Universale Laterza, 284).

Vollmer F. X. Reichs- und Territorialpolitik Kaiser Friedrichs I.: Ungedr. phil. Diss. Freiburg i. Br., 1951.

Vollrath H. Konrad III. und Byzanz // Archiv für Kulturgeschichte. 1977. Jg. 59. S. 321–365.

Wattenbach W., Schmale F.-J. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter: Vom Tode Kaiser Heinrichs V. bis zum Ende des Interregnum. Bd. 1. Darmstadt, 1976.

Wehl H.-P. Reichsabtei und König, dargestellt am Beispiel der Abtei Lorsch mit Ausblicken auf Hersfeld, Stablo und Fulda. Göttingen, 1970. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 28).

Weis H. Die Grafen von Lenzburg in ihrer Beziehungen zum Reich und zur adligen Umwelt: Ungedr. phil. Diss. Freiburg i. Br., 1959.

Willemsen C. A. Die Bildnisse des Staufer: Versuch einer Bestandaufnahme // Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst. Bd. 4. Göppingen, 1977.

Die Zeit der frühen Herzoge: Von Otto I. zu Ludwig dem Bayern: Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1180–1350 / Hrsg. von H. Glaser. München; Zürich, 1980. (Wittelsbach und Bayern; I/1)

Wolf G. Imperator und Caesar — zu den Anfängen des staufischen Erbreichgedankens // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung, 390).

Wolfram G. Friedrich I. und das Wormser Concordat. Marburg, 1883.

Wolter H. Die Verlobung Heinrichs VI mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch. 1985. Jg. 105. S. 30–51.

Wulz W. Der spätstauferische Geschichtsschreiber Burchard von Ursberg: Persönlichkeit und historisch-politisches Weltbild. Stuttgart, 1982. (Schriften zur südwestdeutschen Landeskunde; 18).

Wurst O. Bischof Hermann von Verden 1148–1167: Eine Persönlichkeit aus dem Kreise um Kaiser Friedrich I. Barbarossa. Hildesheim, 1972. (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens; 79).

Die Zähringer: Eine Tradition und ihre Erforschung / Hrsg. von K. Schmid. Sigmaringen, 1986. (Veröffentlichungen zur Zähringer-Ausstellung; 1).

Die Zähringer: Anstoß und Wirkung / Hrsg. von H. Schadek und K. Schmid. Sigmaringen, 1986. (Veröffentlichungen zur Zähringer-Ausstellung; 2).

Zeillinger K. Zwei Diplome Barbarossas für seine römischen Parteigänger (1159) // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1964. Bd. 20. S. 568–581.

Zeillinger K. Die Notare der Reichskanzlei in den ersten Jahren Friedrich Barbarossas // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1966. Bd. 22. S. 475–555.

Zeillinger K. Friedrich Barbarossa, Wibald von Stablo und Eberhard von Bamberg // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1970. Bd. 78. S. 210–223.

Zeillinger K. Friedrich I. Barbarossa, Manuel I. Komnenos und Süditalien in den Jahren 1155/1156 // Römische Historische Mitteilungen. 1985. Bd. 27. S. 53–83.

Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 1–5.

Zerbi P. Un inedito dell'archivio Vaticano e il convegno di Verona (a. 1184) // Aevum. 1954. Vol. 28. P. 470 sqq.

Дополнение к списку литературы и источников

Appelt H. Kaisertum, Königtum, Landesherrschaft: Gesammelte Studien zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte / Hrsg. O. Hageneder und H. Weigl. Wien; Köln; Graz, 1988. (Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung; Erg. Bd. 28).

Barbarossa und die Prämonstratenser. Göppingen, 1989 (Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst; 10).

Csendes P. Heinrich VI. Darmstadt, 1993. (Gestalten des Mittelalters und der Renaissance / Hrsg. von P. Herde)/

Federico I Babarossa e l'Italia nell'ottocentesimo anniversario della sua morte: Atti del Convegno, Roma, 24–26 maggio 1990 / A cura di I. Lori Sanfilippo. Roma, 1990/92. (Bulletino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano; 96).

Firpo F. L'area e gli anni della genesi di Alessandria: Dinamiche e interferenze politico-sociali // Bollettino storico-bibliografico subalpino. 1994. Vol. 92. Fasc. II. P. 477 sqq.

Friedrich Barbarossa. Handlungsspielräume und Wirkungsweisen des staufischen Kaisers / Hrsg. von A. Haverkamp. Sigmaringen, 1992. (Vorträge und Forschung; 40).

Georgi W. Friedrich Barbarossa und die auswärtigen Mächte: Studien zur Außenpolitik 1159–1180. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris, 1990. (Europäische Hochschulschriften. Reihe III; 442).

Heinrich der Löwe und seine Zeit: Herrschaft und Repräsentation der Welfen 1125–1255: Katalog der Ausstellung Braunschweig 1995 / Hrsg. von J. Luckhardt und F. Niehoff. 3Bd. München, 1995.

Irsigler F. Köln und die Stauer im letzten Drittel des 12. Jahrhunderts // Europas Städte zwischen Zwang und Freiheit: Die europäische Stadt um die Mitte des 13. Jahrhunderts / Hrsg. von W. Hartmann. Regensburg, 1995: (Schriftenreihe der Europa-Kolloquien im Alten Reichstag. Sonderband). S. 83–96.

Kaiser Friedrich Barbarossa. Landesausbau — Aspekte seiner Politik — Wirkung / Hrsg. von E. Engel und B. Töpfer. Weimar, 1994. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte; 36).

Kresten O. Der «Anredestreit» zwischen Manuel I. Komnenos und Friedrich I. Barbarossa nach der Schlacht von Myriokephalon // Römische historische Mitteilungen. 1992/93. Bd. 43/35. S. 65–110.

Monumenta Germaniae historica:

— Die jüngere Hildesheimer Briefsammlung / Hrsg. von R. de Kegel // MGH. Die Briefe der deutschen Kaiserzeit. Bd. VII. München, 1905.

— Die Urkunden Friedrichs I. 1180–1190 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath, W. Koch, und B. Pferschy. Hannover, 1990. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/4).

— Die Urkunden Friedrichs I. Einleitung, Verzeichnisse / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath und B. Meduna. Hannover, 1990. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/5).

Oppl F. Le origine dell'egemonia territoriale Milanese // Atti dell'11 Congresso internazionale de studi sull'alto medioevo, Milano 26–30 ottobre 1987. Spoleto, 1989. T. I. P. 173 sqq.

Opll F. Das Treffen von Nis vom Juli 1189 in seinem historischen Umfeld // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1989. Bd. 97. S. 435–442.

Opll F. *Gli imperatori Svevi e la Valdinievole // Pescia e la Valdinievole nell'età dei Comuni / A cura di C. Violante e A. Spicciati*. Pisa, 1995. (*Studi Medioevali / Collana diretta da C. Violante; 1*). S. 1 sqq.

Regesta Imperii: Die Regesten des Kaiserreiches unter Friedrich I. 1152 (1122)–1190. 2 Lieferung: 1158–1168 / Nach J. F. Böhmer neubearb. von F. Opll. Wien; Köln; Graz, 1991. (Böhmer J. F. *Regesta Imperii; IV/2*).

Stehkämper H. Friedrich Barbarossa und die Stadt Köln: Ein Wirtschaftskrieg am Niederrhein // *Köln: Stadt und Bistum in Kirche und Reich des Mittelalters: Festschrift für Odilo Engels zum 65. Geburtstag / Hrsg. von H. Vollrath und S. Weinfurter*. Köln; Weimar; Wien, 1993. (*Kölner Historische Abhandlungen; 39*). S. 367–414.

Stöckel J.-P. Die königliche Heerfahrtspraxis in der frühen Stauferzeit (1125 bis 1190) dargestellt anhand der Anteilnahme des deutschen Hochadels unter Lothar III., Konrad III. und Friedrich I. Barbarossa: *Phil. Diss. Teil 1–2*. Berlin, 1993.

Von Schwaben bis Jerusalem. Facetten staufischer Geschichte: *Festschrift für Gerhard Baaken zum 65. Geburtstag / Hrsg. von S. Lorenz und U. Schmidt*. Sigmaringen, 1995. (*Veröffentlichungen des Alemannischen Instituts; 61*).

Weinfurter S. Erzbischof Philipp von Köln und der Sturz Heinrichs des Löwen // *Köln. Stadt und Bistum in Kirche und Reich des Mittelalters: Festschrift für Odilo Engels zum 65. Geburtstag / Hrsg. von H. Vollrath und S. Weinfurter*. Köln; Weimar; Wien, 1993. (*Kölner Historische Abhandlungen; 39*). S. 455–482.

Wolter H. Friedrich Barbarossa und die Synode zu Pavia im Jahre 1160 // *Ibid.* S. 415–453.

Die Zeit von Konrad I. bis Heinrich VI. 911–1197 / *Bearb. von B. Diestelkamp und E. Rotter*. Köln; Wien, 1988. (*Quellen und Forschungen zur höchsten Gerichtsbarkeit im Alten Reich, Sonderreihe: Urkundenregesten zur Tätigkeit des deutschen Königs- und Hofgerichts bis 1451 / Hrsg. von B. Diestelkamp; 1*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BOM — Regesta Imperii: Die Regesten des Kaiserreiches unter Friedrich I. 1152 (1122)–1190. 1 Lieferung: 1152 (1122)–1158 / Nach J. F. Böhmer neubearb. von F. Opll unter Mitwirkung von H. Mayr. Wien; Köln; Graz, 1980. (Böhmer J. F. Regesta Imperii; IV/2).

MGH — Monumenta Germaniae Historica:

MGH. DF. I. :

Die Urkunden Friedrichs I. 1152–1158 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath, W. Koch, J. Riedmann, W. Stelzer und K. Zeilinger. Hannover, 1975. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/1).

Die Urkunden Friedrichs I. 1158–1167 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath und W. Koch. Hannover, 1979. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/2).

Die Urkunden Friedrichs I. 1168–1180 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath und W. Koch. Hannover, 1984. (MGH. Diplomata regum et imperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/3).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Bünau H. von. Leben und Thaten Friedrichs I., Römischen Kaisers.* Leipzig, 1722; литературу о Штауфенах см.: *Borst A. Die Staufer in der Geschichtsschreibung // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung.* Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 263–275; отдельно о Фридрихе Барбароссе см.: *Appelt H. Federico Barbarossa nella storiografia tedesca a partire dal XVIII secolo // Federico Babarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania / A cura di R. Manselli e J. Riedmann.* Bologna, 1982. (Annali dell'Istituto storico italo-germanico; 10). P. 17–43.

² *Raumer F. von. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit.* 6 Bde. Leipzig, 1823–1825 (цит. по: *Borst A.* Op. cit. S. 270–271.).

³ *Giesebrecht W. von. Geschichte der deutschen Kaiserzeit.* Bd. 5. Leipzig, 1880; Bd. 6 / Hrsg. und fortgesetzt von B. von Simpson. Leipzig, 1895.

⁴ Ср.: *Schreiner K. Friedrich Barbarossa, Herr der Welt // Die Zeit der Staufer.* Bd. 5: Supplement: Vorträge und Forschungen / Hrsg. von R. Haussherr und Ch. Väterlein. S. 558–581.

⁵ *Ibid.* S. 558.

⁶ Отмечу в связи с этим работы Г. Хаймпеля, К. Йордана, М. Пако, Ф. Мунца и Ф. Кардини: *Heimpel H. Friedrich I. Barbarossa // Neue deutsche Biographie.* Bd. 5. Berlin, 1961. S. 459 ff.; *Jordan K. Friedrich Barbarossa. Kaiser des christlichen Abendlandes.* Göttingen; Berlin; Frankfurt a. M., 1959. (Persönlichkeit und Geschichte; 13); *Pacaut M. Friedrich Barbarossa.* Stuttgart, 1969; *Munz F. Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics.* London, 1969; *Cardini F. Il Barbarossa. Vita, trionfi e illusioni di Federico I imperatore.* Milano, 1985. За новейшей информацией относительно всего времени Штауфенов отсылаю читателя к работе О. Энгельса (*Engels O. Die Staufer.* 3. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1984. (Urban-

Taschenbücher; 154).), отдельно о Фридрихе I см. также: *Appelt H. Friedrich Babarossa (1152–1190) // Kaisergestalten des Mittelalters / Hrsg. von H. Beumann. München, 1984. S. 177–198*; важнейшие исследования по отдельным вопросам см. в сборниках: *Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12)*; *Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390)*. Разумеется, эпоха Барбароссы нашла свое отражение в соответствующих учебных пособиях; из последних см.: *Beumann H. Das Reich der späten Salier und der Staufer 1056–1250 // Handbuch der europäischen Geschichte / Hrsg. von Th. Schieder. Stuttgart, 1987. T. II: Europa im Hoch- und Spätmittelalter / Hrsg. von F. Seibt. Stuttgart, 1987. S. 280–382.*

⁷ Под руководством Г. Аппельта на сегодняшний день вышло три тома в серии *Diplomata (Herrscherurkunden von 1152–1180)*: *Die Urkunden Friedrichs I. 1152–1158 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath, W. Koch, J. Riedmann, W. Stelzer und K. Zeilinger. Hannover, 1975*; *Die Urkunden Friedrichs I. 1158–1167 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath und W. Koch. Hannover, 1979*; *Die Urkunden Friedrichs I. 1168–1180 / Bearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von R. M. Herkenrath und W. Koch. Hannover, 1984. (MGH. Diplomata regum et imoperatorum Germaniae — Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser; 10/1–3)*; четвертый том (1181–1190 годы, грамоты императрицы Беатрисы, утраченные императорские дипломы и подделки) находится в верстке — в Венском отделении издания *Diplomata* я имел возможность просмотреть ее.

⁸ Первую часть тома я сумел выпустить совместно с Хубертом Майром: *Die Regesten des Kaiserreiches unter Friedrich I. 1152 (1122)–1190. 1 Lieferung: 1152 (1122)–1158 / Nach J. F. Böhmer neubearb. von F. Opll unter Mitwirkung von H. Mayr. Wien; Köln; Graz, 1980. (Böhmer J. F. Regesta Imperii; IV/2) (далее — BOM)*; и с тех пор работаю над второй частью (1158–1168 годы), вчерне уже готовой.

⁹ См. каталог выставки: *Die Zeit der Staufer. Stuttgart, 1977–1979. Bd. 1–5.*

¹⁰ *Vignati C. Storia diplomatica della Lega lombarda. Torino, 1975. (Первое изд.: Milano, 1866).*

¹¹ См., например: *Fasoli G.* Federico Barbarossa e le città lombarde // *Probleme des 12. Jahrhunderts*. S. 121–142; нем. перевод: *Fasoli G.* *Friedrich Barbarossa und die lombardischen Städte* // *Friedrich Babarossa*. S. 149–183; *Fasoli G.* La Lega Lombarda: antecedenti, formazione, struttura // *Probleme des 12. Jahrhunderts*. S. 143–160; *Fasoli G.* Aspirazioni cittadine e volontà imperiale // *Federico Barbarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania* / A cura di R. Manselli e J. Riedmann. Bologna, 1982. (*Annali dell'Istituto storico italo-germanico*; 10). P. 131–152.

¹² См., например: *Brezzi P.* I Comuni cittadini italiani e l'Impero medioevali // *Nouve questioni di storia medioevali*. Milano, 1964. P. 177 sqq.; *Brezzi P.* Gli uomini che hanno creato la Lega Lombarda // *Popolo e stato in Italia nell'età di Federico Barbarossa*. Alessandria e la Lega Lombarda: Relazioni e comunicazioni al XXXII congresso storico subalpino per la celebrazione dell'VIII centenario della fondazione di Alessandria. Torino, 1970. P. 247–261.

¹³ См.: *Appelt H.* Friedrich Barbarossa und die italienischen Kommunen // *Friedrich Babarossa*. S. 87–131; *Haverkamp A.* Herrschaftsformen der Frühstaufer in Reichsitalien. 2 Bde. Stuttgart, 1970–1971. (*Monographien zur Geschichte des Mittelalters*; 1–2); *Nahmer D. von der.* Zur Herrschaft Friedrich Barbarossa in Italien // *Studi medievali*. 1974. Anno 15/2. Serie 3. P. 587–703; *Nahmer D. von der.* Die Reichsverwaltung in Toscana unter Friedrich I. und Heinrich VI.: Diss. Freiburg i. Br., 1965; *Opll F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (*Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters*. Beihefte zu Böhmer J. F. *Regesta Imperii*; 6).

¹⁴ См.: *Haverkamp A.* Friedrich I. und der hohe italienische Adel // *Beiträge zur Geschichte Italiens im 12. Jahrhundert*. Sigmaringen, 1971. (*Vorträge und Forschungen*; Sonderbd. 9). S. 53–92; *Brezzi P.* Gli alleati italiani di Federico Babarossa (feodatari e città) // *Federico Babarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania* / A cura di R. Manselli e J. Riedmann. Bologna, 1982. (*Annali dell'Istituto storico italo-germanico*; 10). S. 157–197.

¹⁵ Наиболее близко к решению этого вопроса приближаются работы Г. Зимонсфельда, В. фон Гизебрехта-Зимзона: *Simonsfeld H.* *Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Friedrich I.* Teil. 1: 1152–

1158 // *Jahrbücher der Deutschen Geschichte*. Neudr. der 1. Aufl. von 1908: Berlin, 1967; *Giesebrecht W. von*. Op. cit.

¹⁶ Об этом см.: *Opff F.* Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer *Regesta Imperii*; 1).

¹⁷ Это меткое выражение Юлиуса Фикера использовано в: *Opff F.* Das Itinerar. S. 2.

¹⁸ К истории канцелярии см.: *Zeillinger K.* Die Notare der Reichskanzlei in den ersten Jahren Friedrich Barbarossas // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1966. Jg. 22. S. 475–555; *Riedmann J.* Studien über die Reichskanzlei unter Friedrich Barbarossa in den Jahren 1156–1166 // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1967. Bd. 75. S. 332–402. 1968. Bd. 76. S. 23–105; *Koch W.* Die Reichskanzlei in den Jahren 1167 bis 1174: Eine diplomatisch-paläographische Untersuchung. Wien, 1973. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften; 115); *Koch W.* Die Schrift der Reichskanzlei im 12. Jahrhundert (1125–1190): Untersuchungen zur Diplomatie der Kaiserurkunde. Wien, 1979. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften; 134); *Herkenrath R. M.* Die Reichskanzlei in den Jahren 1174 bis 1180. Wien, 1977. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-histor. Klasse Denkschriften; 130); *Herkenrath R. M.* Die Reichskanzlei in den Jahren 1180 bis 1190. Wien, 1985. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-histor. Klasse Denkschriften; 175); а также обзор Г. Аппельта: *Appelt H.* Die Kanzlei Friedrich Barbarossas // *Die Zeit der Staufer*. Bd. 5. S. 17–35. О роли отдельных сотрудников канцелярии см. также: *Herkenrath R. M.* I collaboratori tedeschi di Federico I // *Federico Babarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania* / A cura di R. Manselli e J. Riedmann. Bologna, 1982. (*Annali dell'Istituto storico italo-germanico*; 10). P. 199–232.

¹⁹ См.: *Regesta pontificum Romanorum a condita ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII* / ed. Ph. Jaffé. Editionem secundam correctam et auctam auspiciis G. Watterbach curaverunt S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner, P. Ewald. T. II. Lipsiae, 1888; а также тома «Понтификальной Италии» и «Понтификальной Германии»: *Italia*

Pontificia: T. I–VIII / Hrsg. von P. F. Kehr. Berlin, 1905–1935; T. IX / Hrsg. von W. Holtzmann. Berlin, 1962; T. X / Hrsg. von D. Girgensohn. Zürich, 1975; Germania Pontificia: T. I–III / Hrsg. von A. Brackmann. Berlin, 1910–35; T. IV / Hrsg. von H. Jakobs. Göttingen, 1978; T. VI–VII / Hrsg. von Th. Schieffer. Göttingen, 1981–86. Документы анипапы Виктора IV детально излагаются в работе Г. Майра: Mayr H. Der Pontifikat des Gegenpapstes Viktor IV. (1159–1164) im Spiegel seiner Urkunden: Ungedr. Hausarbeit am Institut für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1974.

²⁰ Для детального исследования необходимо привлечение необозримого числа региональных сборников документов (Urkundenbücher), потому и не приводимых здесь по отдельности.

²¹ В связи с ними см. издание документов в: Gli atti del comune di Milano fino all'anno MCCXVI / A cura di C. Manaresi. Milano, 1919.

²² Грамоты, изданные Райнальдом фон Дасселем, в том числе в качестве имперского легата, см.: Die Regesten der Erzbischöfe von Köln im Mittelalter. Bd. 2: 1100–1250 / Bearb. von R. Knipping. Bonn, 1901. (Publikationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde; XXI/2). О Кристиане фон Бухе, архиепископе Майнцском с 1165 года, как об имперском легате см.: Hägermann D. Die Urkunden Erzbischof Christians I. von Mainz als Reichslegat Friedrich Barbarossas in Italien // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1968. Bd. 14. S. 202–301. Регесты документов, относящихся к легации епископа Вердена, см.: Wurst O. Bischof Hermann von Verden 1148–1167: Eine Persönlichkeit aus dem Kreise um Kaiser Friedrich I. Barbarossa. Hildesheim, 1972. (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens; 79).

²³ Наибольшее значение представляют в этом отношении коллекции писем из Адмонта и Зальцбурга, из которых в настоящее время издана только первая: Die Admonter Briefsammlung, nebst ergänzenden Briefen / Hrsg. von G. Hödl und P. Classen // MGH. Die Briefe der deutschen Kaiserzeit. Bd. IV. München, 1983.

²⁴ К вопросу об интерпретации письмовников см.: Opfl F. Beiträge zur historischen Auswertung der jüngeren Hildesheimer Briefsammlung // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Jg. 33. S. 497 ff.

²⁵ Здесь по-прежнему актуальна публикация Ф. Яффе: *Monumenta Corbeiensia* / Ed. Ph. Jaffé. Berolini, 1864. (*Monumenta rerum Germanicarum*; 1); о личности самого аббата см.: *Stephan-Kühn F. Wibald als Abt von Stablo und Corvey und im Dienste Konrads III.*: Phil. Diss. Köln, 1973; *Zeillinger K. Friedrich Barbarossa, Wibald von Stablo und Eberhard von Bamberg* // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1970. Bd. 78. S. 210–223.

²⁶ См. издание писем с английским переводом: *The Letters of John of Salisbury*. Vol. I / Ed. by W. J. Millor and H. E. Butler, revised by C. N. L. Brooke. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Toronto; New York, 1955. (*Nelson Medieval Texts*). Vol. II / Ed. by W. J. Millor, H. E. Butler and C. N. L. Brooke. Oxford, 1959. (*Oxford Medieval Texts*).

²⁷ О «бременных» посланиях из Хильдесхаймского письмовника см.: *Opfl F. Beiträge*. S. 474; *Hucker B. U. Friedrich Barbarossa als Empfänger von Zahlungen Bremer Bürger* // *Bremisches Jahrbuch*. 1987. Bd. 65. S. 125–139.

²⁸ См., например: *Höing N. Die "Trierer Stilübungen": Ein Denkmal der Frühzeit Friedrich Barbarossas* // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 1955. Bd. 1. S. 257–239; 1956. Bd. 2. S. 125–249.

²⁹ См. в связи с этим обзор Ваттенбаха и Шмале: *Wattenbach W., Schmale F.-J. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter: Vom Tode Kaiser Heinrichs V. bis zum Ende des Interregnum*. Bd. 1. Darmstadt, 1976.

³⁰ О его значении как историографа см.: *Goetz H.-W. Das Geschichtsbild Ottos von Freising*. Köln; Wien, 1984. (*Archiv für Kulturgeschichte*; Beiheft 19); *Lammers W. Weltgeschichte und Zeitgeschichte bei Otto von Freising* // *Die Zeit der Staufer*. Bd. 5. S. 77–90.

³¹ К вопросу об оспариваемой нами «придворности» см.: *Holtzmann R. Das Carmen de Frederico I. imperatore aus Bergamo und die Anfänge einer staufischen Hofhistoriographie* // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*. 1922. Bd. 44. S. S. 252–313.; иную точку зрения см.: *Engels O. Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert: Festgabe zu seinem 60. Geburtstag*. Sigmaringen, 1988. S. 234. Это определение ни в коем случае не следует воспринимать в том смысле, что Оттон будто бы искал близости ко двору чаще, нежели другие историогра-

фы; оно в большей степени отсылает нас к исключительной информированности этого историка.

³² О нем см. новейшее исследование: *Wulz W.* Der spätstaufische Geschichtsschreiber Burchard von Ursberg: Persönlichkeit und historisch-politisches Weltbild. Stuttgart, 1982. (Schriften zur südwestdeutschen Landeskunde; 18).

³³ В подавляющем большинстве изданы в серии *Scriptores* (издание большого формата) или *Scriptores rerum Germanicarum ad usum scholarum* (учебное издание) в «Исторических памятниках Германии» (*Monumenta Germaniae historica*).

³⁴ Об этом см. также: *Breuer N.* Geschichtsbild und politische Vorstellungswelt in der Kölner Königschronik sowie der «Chronica S. Pantaleonis»: Diss. Würzburg, 1966.

³⁵ См. ее издание с немецким переводом: *Historia Welforum* / Hrsg., übersetzt und erläutert von E. König. Stuttgart; Berlin, 1938. (Schwäbische Chroniken der Stauferzeit; 1).

³⁶ *Italische Quellen über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I.* / Übers. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1986. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17a). S. 240 ff.

³⁷ Новейшее издание см.: *Italische Quellen*. S. 34 ff.; см. также мою рецензию в: *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1988. Bd. 96. S. 172 ff.

³⁸ См. *Oppl F.* Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi: Stadtentwicklung im Spannungsfeld zwischen Reich und Städtebündnis // *Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich* / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 63–96.

³⁹ *Annali Genovesi di Caffaro e de'suoi continuatori* / ed. L. T. Belgrano e C. Imperiale di Sant'Angelo. Genova, 1890–1901. Т. I–II. (Fonti per la storia d'Italia; 11–12); астично изданы в: *Italische Quellen*. S. 296 ff. О Каффаро см.: *Face R.* Secular History in Twelfth-century Italy: Caffaro of Genoa // *Journal of Medieval History*. 1980. Vol. 6. P. 169–84.

⁴⁰ *Gli Annales Pisani* di Bernardo Maragone / A cura di M. L. Gentile. Bologna, 1936 (*Rerum Italicarum Scriptores*. Nuova Edizione; 6/2).

⁴¹ *Bosonis Vitae Adriani IV et Alexandri III // Le Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire par L. Duchesne. 2 éd. Paris, 1892. (Bibliothèque des école française d'Athènes et de Rome, 2e serie);* в авторе см.: *Maleczek W. Boso // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1980. Bd. II. S. 478 f.*

⁴² По данной причине отрывок этот с полным правом приведен в новейшем издании Ф. Й. Шмале: *Italische Quellen. S. 308 ff.* Об отношениях имперских властей и Сицилии см.: *Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2;* также см. об этом ниже: С. 341 и далее.

⁴³ Об отношениях с Византией см.: *Lamma P. Comneni e Staufer: Ricerche sui rapporti fra Bisanzio e l'Occidente nel secolo XII. Roma, 1955–1957. Т. 1–2. (Istituto Storico Italiano per il Medio Evo. Studi storici; Fasc. 14–18, 23–25);* также см. об этом ниже: С. 341 и далее.

⁴⁴ *Historia ducum Veneticorum / Ed. H. Simonsfeld // MGH. Scriptores. Т. 14. Hannoverae, 1883.*

⁴⁵ *Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik et H. Roeder. 2 Т. Haunia, 1931–1957.*

⁴⁶ *Ex Hugonis Pictavini Libro de liberatione monasterii Vizeliacensis / Ed. G. Waitz // MGH. Scriptores. Т. 26. Hannoverae, 1882. P. 143 sqq.*

⁴⁷ Сведения по генеалогии (без ссылок на документы и довольно спорные) см.: *Decker-Hauff H. Das Staufische Haus // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 339 ff.;* а также в сокращенном виде: *Engels O. Die Staufer. 3. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1984. (Urban-Taschenbücher; 154). S. 7;* затем о ранних Штауфенах ср.: *Engels O. Neue Aspekte zur Geschichte Friedrich Barbarossas und Heinrichs des Löwen // Selbstbewußtsein und Politik der Staufer. Göppingen, 1977. (Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst; 3). S. 28;* к вопросу о самосознании Штауфенов см.: *Schmid K. De regia stirpe Waiblingensium: Bemerkungen zum Selbstverständnis der Staufer // Schmid K. Gebetsgedenken und Selbstverständnis im Mittelalter: Festgabe zu seinem Geburtstag. Sigmaringen, 1983. S. 454–466;* и новейшее исследование: *Bühler H. Die frühen Staufer im Ries // Früh- und hochmittelalterlicher Adel in Schwaben und Bayern / Hrsg. von I. Eberl, W. Härtung und J. Jahn.*

Sigmaringendorf, 1988. (Regio. Forschungen zur schwäbischen Regionalgeschichte; 1). S. 270–294.

⁴⁸ См. об этом последнюю работу: *Bühler H.* Op.cit. S. 270 ff.

⁴⁹ Ср.: *Maurer H.* Chiavenna und die «Ehre» des Herzogtums Schwaben: Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte des 12. Jahrhunderts // Festschrift Friedrich Hausmann / Hrsg. von H. Ebner. Graz, 1977. S. 268 ff.

⁵⁰ О Бабенбергах см.: *Lechner K.* Die Babenberger: Markgrafen und Herzoge von Österreich 976–1246. Wien; Köln; Graz, 1976. (Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung; 23).

⁵¹ Время возникновения этого физического недостатка, разумеется, неизвестно, ср.: *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7). S. 62, Anm. 10.

⁵² См. об этом: *Schmidt U.* Op. cit. S. 34, Anm. 2.

⁵³ Gesta Friderici. I, 12 // Bischof Otto von Freising und Rahewin. Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica / Übers. von A. Schmidt, hrsg. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1974. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17). S. 152; О значении района Верхнего Рейна для Штауфенов см. также: *Op// F.* Friedrich Barbarossa und das Oberrheingebiet // Stauferzeit: Geschichte, Literatur, Kunst. Stuttgart, 1978. (Karlsruher Kulturwissenschaftliche Arbeit; 1). S. 36 ff.

⁵⁴ *Op// F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6). S. 83.

⁵⁵ Gerhohi praepositi Reichersbergensis opera inedita II: Expositionis psalmodum pars tertia et pars nona. Tomus I. Partis tertiae sectio prima / Cura et studio D. ac O. van den Eynde et P.A. Rijmersdael. Romae, 1956. (Spicilegium pontificii Athenaei Antoniani; 9). P. 52.

⁵⁶ Ср.: *Op// F.* Amator ecclesiarum: Studien zur religiösen Haltung Friedrich Barbarossas // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1980. Bd. 88. S. 85; *Schreiner K.* Die Staufer als Herzöge von Schwaben // Die Zeit der Staufer. Bd. 3. S. 10.

⁵⁷ *Engels O.* Die Staufer. S. 20; важно, впрочем, отметить, что подчинение фамильных монастырей папской юрисдикции в эпоху борьбы за инвеституру нередко подтверждается документами и

во многом может расцениваться как прямое выражение менталитета знати, в меньшей степени — как собственно политическая позиция в споре об инвеституре.

⁵⁸ *Schreiner K.* Op. cit. S. 9 f.

⁵⁹ См.: *Die Zähringer: Anstoß und Wirkung / Hrsg. von H. Schadek und K. Schmid.* Sigmaringen, 1986. (Veröffentlichungen zur Zähringer-Ausstellung; 2). S. 11 ff.

⁶⁰ О выборах 1125 года см.: *Engels O.* Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert (I) // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1971. Bd. 27. S. 439 f.; *Schmidt U.* Op. cit. S. 34 ff.

⁶¹ Об этом сообщает Эккехард, аббат Ауры, см.: *Schmidt U.* Op. cit. S. 37, Anm. 14.

⁶² *Schmidt U.* Op. cit. S. 52 ff.

⁶³ Ср.: *Giese W.* Das Gegenkönigtum des Staufers Konrad 1127–1135 // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanische Abteilung.* 1978. Bd. 95. S. 202 ff.; *Schmidt U.* Op. cit. S. 60 ff.

⁶⁴ См. об этом также: *Opf F.* Stadt und Reich. S. 320.

⁶⁵ О выборах 1138 года см.: *Engels O.* Die Staufer. S. 28 ff.; и из последних работ: *Schmidt U.* Op. cit. S. 69 ff.

⁶⁶ Документы по этому вопросу см.: BOM 3ff.

⁶⁷ Об этом см.: *Opf F.* Die Winterquater im Leben Friedrich Barbarossas // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.* 1977. Bd. 85. S. 332 ff.

⁶⁸ BOM 73.

⁶⁹ BOM 9.

⁷⁰ От этого брака произошли на свет несколько сводных братьев и сестер Барбароссы, среди них — будущий пфальцграф Рейнский Конрад и Юдифь, будущая супруга Людвига II Тюрингского.

⁷¹ См. об этом: BOM 10.

⁷² BOM 25.

⁷³ BOM 25, 26, 28, 29.

⁷⁴ *Schmidt U.* Op. cit. S. 109 ff.

⁷⁵ BOM 34; о событиях этого похода Конрада III в Святую землю см. из последних работ: *Niederkorn J. P.* Traditio, a quibus minime cavimus: Ermittlungen gegen König Balduin III. von Jerusalem,

den Patriarchen Fulcher und den Templerorden wegen Verrats bei der Belagerung von Damaskus (1148) // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1987. Bd. 95. S. 53 ff.

⁷⁶ BOM 34; см. также ниже с. 343.

⁷⁷ Как метко замечено у О. Энгельса: *Engels O.* Die Staufer. S. 35.

⁷⁸ BOM 34; расстановка сил, сложившаяся ко времени крестового похода, проявила себя в герцогском титуле Барбароссы, который он впервые принял между 1146 и 1147 годами.

⁷⁹ Об избрании Барбароссы см.: *Engels O.* Beitrage. S. 399 ff.; и последнюю работу: *Schmidt U.* Op. cit. S. 123 ff.

⁸⁰ BOM 61.

⁸¹ BOM 62; о Вибальде см.: *Stephan-Kühn F.* Wibald als Abt von Stablo und Corvey und im Dienste Konrads III.: Phil. Diss. Köln, 1973.

⁸² BOM 63.

⁸³ *Engels O.* Beiträge. S. 412 ff.

⁸⁴ См. об этом: *Schmidt U.* Op. cit. S. 123 ff.

⁸⁵ BOM 73.

⁸⁶ *Gesta Friderici IV*, 86 // *Bischof Otto*. S. 708 ff; о внешнем облике Штауфена см., в первую очередь: *Grundmann H.* Der Cappenberger Barbarossakopf und die Anfänge des Stiftes Cappenberg. Köln; Graz, 1959. (Münstersche Forschungen; 12); *Willemsen C. A.* Die Bildnisse des Staufer: Versuch einer Bestandaufnahme // *Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst*. Bd. 4. Göppingen, 1977. S. 10 ff, 14 ff.

⁸⁷ Документальное подтверждение одной такой лихорадки относится уже к 1154 году (BOM 229). Как кажется, речь идет об инфекции, которую Штауфен подхватил во время крестового похода Конрада III. Вероятно, по этой причине во время страшной эпидемии малярии, разразившейся в 1167 году под стенами Рима, он оказался невосприимчив к этому поветрию; об этой эпидемии см. ниже с. 122–123.

⁸⁸ Это в высшей степени интересное указание на популярность соколиной охоты уже во времена Барбароссы позволяет дополнить свидетельство диплома, выданного в пользу Арнольда Дорштадтского в 1167 году (MGH. DF. I. 522), который ввиду пожалованного ему в феоде права сбора годовых платежей зерном обязан был ежегодно поставлять соколов для охоты.

Уже первый Штауфен был приверженцем этой страсти, которая в столь наглядной и великолепной форме нашла свое отражение в образцовом труде, составленном его внуком, императором Фридрихом II, — «Об искусстве птичьей охоты» (*De arte venandi cum avibus*).

⁸⁹ О пожертвованиях в пользу церкви см.: *Opfl F. Amator ecclesiarum*. S. 72 ff.

⁹⁰ О строительной деятельности императора см., напр.: *Hotz W. Pfalzen und Burgen der Stauferzeit: Geschichte und Gestalt*. Darmstadt, 1981; *Arens F. Die staufischen Königspfalzen // Die Zeit der Staufer*. Bd. 3. S. 129–142.

⁹¹ *Acerbus Morena // Italische Quellen über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I.* / Übers. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1986. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17a). S. 186 ff.

⁹² Об этом см.: *Appelt H. Die Kaiseridee Friedrich Barbarossas // Friedrich Babarossa / Hrsg. von G. Wolf*. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 208–244.

⁹³ Об этом см., в первую очередь: *Schmid K. De regia stirpe Waiblingensium: Bemerkungen zum Selbstverständnis der Staufer // Schmid K. Gebetsgedenken und Selbstverständnis im Mittelalter: Festgabe zu seinem Geburtstag*. Sigmaringen, 1983. S. 454 ff.

⁹⁴ BOM 316.

⁹⁵ Об этом см.: *Engels O. Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert: Festgabe zu seinem 60. Geburtstag*. Sigmaringen, 1988. S. 8 ff, 225 ff.

⁹⁶ Об этом см.: *Koch G. Auf dem Wege zum Sacrum Imperium*. Berlin, 1972. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte; 20); *Appelt H. Op. cit.* S. 243.

⁹⁷ Приступая к описанию царствования Фридриха Барбароссы, выдержанному в хронологическом порядке, следует еще раз (см. выше, с. 11 и далее) кратко указать на использованные в работе источники и степень их разработки. Для изложения первых шести годов царствования в нашем распоряжении имеются не только анналы, обработанные Симонсфельдом, но и новая обработка Бёмером «*Regesta Imperii*» (цитируются по

изданию ВОМ). Для освещения периода с 1158 года можно по-прежнему обращаться к труду В. фон Гизебрехта и, соответственно, Гизебрехта и Симсона (*Giesebrrecht W. von. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Bd. 5. Leipzig, 1880; Bd. 6 / Hrsg. und fortgesetzt von B. von Simpson. Leipzig, 1895*). Правда, для 1158–1168 годов у меня была также возможность использовать новый том «Regesta Imperii», еще не готовый к выпуску, обработкой которого я занимаюсь. Дипломы Штауфена до 1180 года уже находятся в печати (MGH. DDF. I.); четвертый и заключительный том, посвященный последнему десятилетию царствования Барбароссы, сверстан. При работе я также пользовался версткой. В целом при чтении дальнейшего текста можно сверяться с главами 1–5 второго раздела этой книги, содержательно связанными с ним во многих отношениях, а по вопросам, касающимся императорских итинерариев, советую обращаться к моей соответствующей работе.

⁹⁸ Об этом см. с. 45 и прим. 79.

⁹⁹ Об этом см.: *Claude D. Geschichte des Erzbistums Magdeburg bis in das 12. Jahrhundert. Köln, Wien: Böhlau, 1972–1975. Teil 2. S. 71 ff.*

¹⁰⁰ ВОМ 94. См.: Heinemann H. Untersuchungen zur Geschichte der Zähringer in Burgund: Teil. 1 // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1983. Bd. 29. S. 155 ff.

¹⁰¹ О баварском вопросе см.: *Jordan K. Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979. S. 48 ff.* и *Lechner K. Die Babenberger: Markgrafen und Herzoge von Österreich 976–1246. Wien; Köln; Graz, 1976. (Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung; 23). S. 151 ff.*

¹⁰² О нем см.: *Feldmann K. Herzog Welf VI. und sein Sohn: Das Ende des süddeutschen Welfenhauses (mit Regesten): Diss. Tübingen, 1971.*

¹⁰³ Об этом в целом см.: *Gernhuber J. Die Landfriedensbewegung in Deutschland bis zum Mainzer Reichslandfrieden von 1235. Bonn, 1952.*

¹⁰⁴ О первом вмешательстве короля в итальянские дела, произошедшем в области Комо, то есть в зоне территориальных интересов Милана, см.: *Maurer H. Chiavenna und die «Ehre» des Herzogtums Schwaben: Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte des 12.*

Jahrhunderts // Festschrift Friedrich Hausmann / Hrsg. von H. Ebner. Graz, 1977. S. 339 ff.

¹⁰⁵ Об этом см. прежде всего: *Engels O.* Zum Konstanzer Vertrag von 1153 // *Deus qui mutat tempora: Menschen und Institutionen im Wandel des Mittelalters: Festschrift für A. Becker zu seinem 65. Geburtstag* / Hrsg. von E.-D. Hehl. Sigmaringen, 1987. S. 235 ff. с критическим обзором предшествующей литературы.

¹⁰⁶ Об этом см. ниже, с. 343 и далее.

¹⁰⁷ См.: *Oppl F.* Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi: Stadtentwicklung im Spannungsfeld zwischen Reich und Städtebündnis // *Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich* / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987 (Vorträge und Forschungen; 33). S. 70 ff.

¹⁰⁸ MGH.DF.I.80 (=BOM 223).

¹⁰⁹ В норманьском королевстве Сицилии, против которого был направлен итальянский поход (см.: BOM 135), после смерти Рожера II, наступившей 26 февраля 1154 года, престол унаследовал его сын Вильгельм I, см.: *Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2. P. 166.

¹¹⁰ Об образе имперской Италии, созданном Оттоном, см.: с. 215 и далее, а также следующую работу: *Haverkamp A.* Das Zentralitätsgefüge Mailands im hohen Mittelalter // *Zentralität als Problem der mittelalterlichen Stadtgeschichtsforschung*. Hrsg. von E. Meynen. Köln; Weimar; Wien, 1979. S. 48 ff.

¹¹¹ Об этом см.: *Oppl F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6). S. 528, Anm. 32.

¹¹² *Brühl C., Kölzer Th.* Das Tafelgüterverzeichnis des römischen Königs (Ms. Bonn S. 1559). Köln; Wien, 1979. S. 24 ff.

¹¹³ *Heinemann H.* Op. cit. Bd. I. S. 170 ff.

¹¹⁴ О значении альпийских перевалов в политике ранних Штауфенов см: *Büttner H.* Die Alpenpaßpolitik Friedrich Barbarossas bis zum Jahre 1164/65 // *Grundfragen der alemannischen Geschichte*. Sigmaringen, 1952. (Vorträge und Forschungen; 1). (Переиздание: Stuttgart, 1962). S. 243–276. и *Schaller N.* Die Alpenpässe in der Politik der Staufer: Ungedr. phil. Diss. Wien, 1968.

¹¹⁵ В ранний период правления Барбароссы клирики часто выступали посредниками между городом и империей; об этом см. также: *Opfl F. Stadt und Reich*. S. 286 (Губбио), 435 (Сполето) и 466 (Верона).

¹¹⁶ *Otto Morena // Italische Quellen über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I. / Übers. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1986. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe; 17 a). S. 56 ff.*

¹¹⁷ BOM 300.

¹¹⁸ Фридрих не пожелал держать стремя папы, пока тот спешивается. — *Прим. пер.*

¹¹⁹ Показательно, например, подчинение города Тиволи папе, при том что император настаивал на правах империи, *MGH.DE.I.113 (=BOM 327)*. О соответствующей формулировке в императорских дипломах см.: *Appelt H. Der Vorbehalt kaiserlicher Rechte in den Diplomen Friedrich Barbarossas // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975 (Wege und Forschung; 390). S. 33 ff.*

¹²⁰ Из письма легатов Райнальда фон Дасселя и Отто фон Виттельсбаха, посланных весной 1158 года в Италию для подготовки второго итальянского похода, мы узнаем, что император во время пребывания в Анконе летом 1155 года купался в море вместе с пфальцграфом Баварским, см.: BOM 341 и 546.

¹²¹ Об этом см.: *Zeillinger K. Friedrich I. Barbarossa, Manuel I. Komnenos und Süditalien in den Jahren 1155/1156 // Römische Historische Mitteilungen. 1985. Bd.27. S. 53 ff.*

¹²² См.: *Opfl F. Verona e l'Impero all'epoca di Federico Barbarossa, Verona dalla caduta dei Carolingi al libero Comune // Verona dalla caduta dei Carolingi al libero Comune. Convegno del 24–25 maggio 1985: Atti. Verona, 1987. P. 37 sqq.*

¹²³ См.: *Büttner H. Das politische Handeln Friedrich Barbarossas im Jahre 1156 // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1970. Jg. 106. S. 54 ff.*

¹²⁴ См.: *Heinemann H. Op. cit. Bd. I. S. 184 ff.*

¹²⁵ Согласно Ассману (*Assmann E. Friedrich Barbarossas Kinder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Jg. 33. S. 461–462*), существует вероятность, что в этом сватов-

стве принимал участие прежде всего маркграф Вильгельм Монферратский, приходившийся свойственником Штауфену по своей супруге Юдифи, урожденной Бабенберг, и родственником Беатрисе по своему деду, Вильгельму I Бургундскому, а также зять Барбароссы герцог Маттиас Лотарингский, сестра которого Агата была матерью Беатрисы, и архиепископ Гумберт Безансонский.

¹²⁶ См.: *Chalandon F.* Op. cit. Vol. 2. P. 231 sqq. è *Classen P.* La politica di Manuele Comneno tra Federico Barbarossa e le città italiane // *Popolo e stato in Italia nell'età di Federico Barbarossa: Alessandria e la Lega lombarda. Relazioni e comunicazioni al XXXIII congresso storico subalpino per la celebrazione dell'VIII centenario della fondazione di Alessandria.* Torino, 1970. P. 267.

¹²⁷ BOM 424. --- Хайнеман (*Heinemann H.* Op. cit. Bd. I. S. 184 ff.) полагает, что это соглашение было заключено еще до свадьбы в Вюрцбурге.

¹²⁸ *Brinken B.* Die Politik Konrads von Staufen in der Tradition der Rheinischen Pfalzgrafschaft: der Widerstand gegen die Verdrängung der Pfalzgrafschaft aus dem Rheinland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts. Bonn, 1974. (Rheinisches Archiv; 92). S. 38 ff.

¹²⁹ См.: *Opf F.* Stadt und Reich. S. 325–326.

¹³⁰ Правда, принимать меры против этого движения Фридрих был вынужден еще в 1161 году, см.: *Opf F.* Stadt und Reich. S. 162–163.

¹³¹ В целом об этом см.: *Fried J.* Die Wirtschaftspolitik Friedrich Barbarossas in Deutschland // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* 1984. Jg. 120. S. 195 ff.

¹³² Поляк, правда, не выполнил этого обязательства, об этом см. также на с. 351.

¹³³ Об этом см.: *Heinemeyer W.* Beneficium — non feudum, sed bonum factum: Der Streit aus dem Reichstag zu Besançon 1157 // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde.* 1969. Bd. 15. S. 155–156.

¹³⁴ Об этом см. также с. 66.

¹³⁵ Разумеется, это понятие нельзя воспринимать в нынешнем, всеобъемлющем смысле.

¹³⁶ Об этом см. ниже, с. 243 и далее.

¹³⁷ О такой встрече — правда, при совсем других обстоятельствах — договорились только в 1162 году (см. ниже, с. 103 и далее). Фактически Фридрих и Людовик встретятся лично всего один-единственный раз, в феврале 1171 года, см. ниже, с. 134.

¹³⁸ *Opfl F. Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi*. S. 75–76.

¹³⁹ Об этом см.: *Heinemeyer W. Beneficium — non feudum...*

¹⁴⁰ Об этом см.: *Opfl F. Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi: Stadtentwicklung im Spannungsfeld zwischen Reich und Städtebündnis // Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich. / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987 (Vorträge und Forschungen; 33). S. 65 ff.*

¹⁴¹ *MGH.DF.1.224*, об этом см.: *Opfl F. Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190)*. Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. *Regesta Imperii*; 6). S. 327 ff.

¹⁴² Об этом см.: *Haverkamp A. Das Zentralitätsgefüge Mailands im hohen Mittelalter // Zentralität als Problem der mittelalterlichen Stadtgeschichtsforschung. / Hrsg. von E. Meynen. Köln; Weimar, Wien, 1979. S. 48 ff.*

¹⁴³ Об этом см.: *Appelt H. Friedrich Barbarossa und die italienischen Kommunen // Friedrich Barbarossa. / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 83 ff.è *Opfl F. Stadt und Reich...* S. 327 ff., а также 529.*

¹⁴⁴ *Opfl F. Stadt und Reich...* S. 279–280.

¹⁴⁵ Об отношениях между *imperium* и *sacerdotium* в 1150-е годы см.: *Maccarrone M. Papato e Impero: dalla elezione di Federico I alla morte di Adriano IV (1152–1159)*. Roma, 1959 (Lateranum. Nova Series. An. 25. N. 1–4).

¹⁴⁶ О ситуации в Пьяченце, сложившейся весной 1159 года, см.: *Opfl F. «Potestates Placentie»: Ein Beitrag zur Geschichte der staufischen Reichsherrschaft in der Lombardei // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1985. Bd. 93. S. 31 ff.*

¹⁴⁷ *Rahewin. Gesta IV, 43 // Bischof Otto von Freising und Rahewin. Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica, übers. von Adolf Schmid / Hrsg. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1974. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17). S. 598.*

¹⁴⁸ Об этом см.: *Ohnsorge W.* Die Byzanzpolitik Friedrich Barbarossas und der «Landesverrat» Heinrichs des Löwen // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1943. Jg. 6. S. 125.

¹⁴⁹ Об этом городе см.: *Opll F.* Stadt und Reich... S. 242 ff.

¹⁵⁰ Об этом см.: *Petersohn J.* Rahewin IV 49: «Seu de recipiendo prefecto»: Zur Rolle der Präfektur bei den kaiserlich-römischen Verhandlungen von 1159 // Geschichtsschreibung und geistiges Leben im Mittelalter: Festschrift für H. Löwe zum 65. Geburtstag / Hrsg. von K. Hauck und H. Mordek. Köln; Wien, 1978. S. 397 ff.

¹⁵¹ См.: *Madertoncr W.* Die zwiespältige Papstwahl des Jahres 1159. Wien, 1978. (Dissertationen der Universität Wien; 136).

¹⁵² ВОРМ 86. О проштауфеновской группе в коллегии кардиналов см. также: *Zeillinger K.* Zwei Diplome Barbarossas für seine römischen Parteigänger (1159) // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1964. Jg. 20 S. 568 ff.

¹⁵³ См.: *Opll F.* Das kaiserliche Mandat im 12. Jahrhundert (1125–1190) // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1976. Bd. 84. S. 315–316, Anm. 197.

¹⁵⁴ См.: *Ohnsorge W.* Die Legaten Alexanders III. im ersten Jahrzehnt seines Pontifikats (1159–1169). Berlin, 1928. (Historische Studien; 175). S. 13–14.

¹⁵⁵ Об этом см. ниже, с. 113 и 347.

¹⁵⁶ См.: *Hödl G.* Das Erzstift Salzburg und das Reich unter Kaiser Friedrich Barbarossa // Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde. 1974 / 1975. Bd. 114. S. 37 ff., а также: Geschichte Salzburgs: Stadt und Land / Hrsg. von H. Dopsch. Salzburg, 1983. Bd. 1, Teil I. S. 278 ff.

¹⁵⁷ Об этом см.: *Brühl C., Kölzer Th.* Das Tafelgüterverzeichnis des römischen Königs. (Ms. Bonn, S. 1559). Köln; Wien, 1979. S. 24 ff.

¹⁵⁸ Об этом см. ниже, с. 265 и далее.

¹⁵⁹ MGH.DF.I.322.

¹⁶⁰ *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7). S. 167 ff.

¹⁶¹ Об этом см. ниже, с. 367.

¹⁶² Об этом см.: *Brinken B.* Die Politik Konrads von Staufeu in der Tradition der Rheinischen Pfalzgrafschaft: Der Widerstand gegen die

Verdrängung der Pfalzgrafschaft aus dem Rheinland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts. Bonn, 1974. (Rheinisches Archiv; 92). S. 53 è 176 ff.

¹⁶³ *Opfl F* Stadt und Reich... S. 162–163.

¹⁶⁴ См.: *Güterbock F*. Le lettere del notaio imperiale Burcardo intorno alla politica del Barbarossa nello scisma ed alla distruzione di Milano / / *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. 1949. Vol. 61. P. 1–65.

¹⁶⁵ О дальнейшем см.: *Herkenrath R. M.* Miscellen zu den Diplomen Friedrichs I. // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 1982. Bd. 28. S. 251 ff.

¹⁶⁶ Об этом см.: *Opfl F* Stadt und Reich... S. 333 (со списком дополнительной литературы).

¹⁶⁷ Об этих городах см.: *Opfl F* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer *Regesta Imperii*; 6). S. 274 ff. è 384 ff.

¹⁶⁸ О нем см.: *Feldmann K.* Herzog Welf VI. und sein Sohn: Das Ende des süddeutschen Welfenhauses (mit Regesten): Diss. Tübingen, 1971.

¹⁶⁹ См.: *Herkenrath R. M.* Miscellen zu den Diplomen Friedrichs I. / / *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 1982. Bd. 28. S. 252 ff.

¹⁷⁰ Например, в 1158 году районы Сеприо и Мартезана к северо-западу от Милана были подчинены Госвину фон Хайнсбергу, см. выше, с. 81–82.

¹⁷¹ Об этом см.: *Opfl F* Stadt und Reich... S. 80 ff.

¹⁷² Об этих переговорах см.: *Heinemeyer W.* Die Verhandlungen an der Sâone im Jahre 1162 // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1964. Jg. 20. S. 155 ff., *Schmale F.-J.* Friedrich I. und Ludwig VII. im Sommer des Jahres 1162 // *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte*. 1968. Bd. 31. S. 315 ff. è *Kienast W.* Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270): *Weltkaiser und Einzelkönige*. Stuttgart, 1974. Bd. 1. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 9 / 1). S. 203 ff.

¹⁷³ См.: MGH.DFI.363 и 365; см. также MGH.DFI.364, письмо герцогу Маттиасу Лотарингскому.

¹⁷⁴ MGH.DFI.367, ni.: *Opfl F* Stadt und Reich. S. 280–281.

¹⁷⁵ См.: *Herkenrath R. M.* Reinald von Dassel: Reichskanzler und Erzbischof von Köln: Ungedr. phil. Diss. Graz, 1962. S. 212 ff.; *Hägermann D.* Die Urkunden Erzbischof Christians I. von Mainz als Reichslegat Friedrich Barbarossas in Italien // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1968. Bd. 14. S. 202 ff.

¹⁷⁶ О назначенном сюда епископе Германе Верденском см.: *Wurst O.* Bischof Hermann von Verden 1148–1167: Eine Persönlichkeit aus dem Kreise um Kaiser Friedrich I. Barbarossa. Hildesheim, 1972 (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens; 79). — О Данииле Пражском см.: *Hilsch P.* Die Bischöfe von Prag in der frühen Stauferzeit: Ihre Stellung zwischen Reichs- und Landesgewalt von Daniel I. (1148–1167) bis Heinrich (1182–1197). München, 1969. (Veröffentlichungen des Collegium Carolinum; 22). 24 ff., особенно 83 ff.

¹⁷⁷ *Opff F.* Stadt und Reich... S. 313.

¹⁷⁸ См.: *Güterbock F.* Piacenzas Beziehungen zu Barbarossa auf Grund des Rechtsstreits um den Besitz des Poübergangs // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1932/33. Bd. 24. S. 83 ff.; *Opff F.* Stadt und Reich... S. 181.

¹⁷⁹ См.: MGH.DF.I.388 для Женевского епископства с самым пространством списком свидетелей из всех дипломов Фридриха Барбароссы.

¹⁸⁰ См. об этом знаменитое высказывание Иоанна Солсберийского (сделанное, правда, еще в 1160 году в связи с собором в Павии): «Кто назначил немцев судьями над народами?» (The Letters of John of Salisbury. Vol. 1 / Ed. by W. J. Millor and H. E. Butler; rev. by C. N. L. Brooke. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Toronto; New York, 1955. Nr. 124).

¹⁸¹ См.: *Kupper J.-L.* Raoul de Zähringen évêque de Liège 1167–1191: Contribution à l'histoire de la politique impériale sur la Meuse moyenne. Bruxelles, 1974. P. 31 ss.; *Heinemann H.* Untersuchungen zur Geschichte der Zähringer in Burgund: Teil 2 // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1984. Bd. 30. S. 163 ff. и 175.

¹⁸² Об этом см. ниже, с. 368–369.

¹⁸³ См.: *Mariotte J.-Y.* Le schisme de 1159, la légation de Roger de Vico Pisano et leurs traces diplomatiques à Clairefontaine // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1972. Bd. 18. S. 305–306.

¹⁸⁴ The Letters of John of Salisbury. Nr. 168.

¹⁸⁵ *Jordan K.* Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979. S. 74–75.

¹⁸⁶ *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 120.

¹⁸⁷ Об этом см. ниже, с. 346–347.

¹⁸⁸ См.: *Feldmann K.* Op. cit. S. 64; *Jordan K.* Op. cit. S. 114–115; *Heinemann H.* Op. cit. Teil. 2. S. 177 ff.

¹⁸⁹ О позиции Капетингов см. также: *Jordan K.* Staufer und Kapetinger im 12. Jahrhundert // Francia. 1974. Bd. 2. S. 146.

¹⁹⁰ *Opfl F.* Verona e l'Impero all'epoca di Federico Barbarossa, Verona dalla caduta dei Carolingi al libero Comune // Verona dalla caduta dei Carolingi al libero Comune. Convegno del 24–25 maggio 1985: Atti. Verona, 1987. P. 42–43.

¹⁹¹ *Opfl F.* Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi: Stadtentwicklung im Spannungsfeld zwischen Reich und Städtebündnis // Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 81.

¹⁹² О тогдашних отношениях с Генуей см.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 282.

¹⁹³ *Opfl F.* Verona e l'Impero all'epoca... P. 43 sqq.

¹⁹⁴ MGH.DF.I.455, см.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 373–374.

¹⁹⁵ *Assmann E.* Friedrich Barbarossas Kinder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Jg. 33. S. 446 и 459 (здесь ошибочно указано 18 июля 1164 года).

¹⁹⁶ MGH.DF.I.465. О политике Барбароссы в отношении альпийских перевалов см.: *Büttner H.* Die Alpenpaßpolitik Friedrich Barbarossas bis zum Jahre 1164/65 // Grundfragen der alemannischen Geschichte. Sigmaringen, 1952. (Vorträge und Forschungen; 1). (Nachdruck: Stuttgart, 1962). S. 243 ff.; *Schaller N.* Die Alpenpässe in der Politik der Staufer: Ungedr. phil. Diss. Wien, 1968.

¹⁹⁷ См.: Geschichte Salzburgs: Stadt und Land / Hrsg. von H. Dopsch. Bd. 1, Teil 1. Salzburg, 1981. S. 284 ff.

¹⁹⁸ О сложившейся в то время ситуации в Германии см.: *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 113–114; *Brinken B.* Die Politik Konrads von Staufen in der Tradition der Rheinischen Pfalzgrafschaft: Der Widerstand gegen die Verdrängung der Pfalzgrafschaft aus dem

Rheinland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts. Bonn, 1974. (Rheinisches Archiv; 92). S. 167 ff. (о Рейнекской распре); *Feldmann K.* Op. cit. S. 65 ff. (о Тюбингенской распре).

¹⁹⁹ Об этом см. ниже, с. 360–361. О позиции Англии в отношении схизмы см. прежде всего *Reuter T. A.* The Papal Schism, the Empire and the West, 1159–1169: Diss. Oxford, 1975.

²⁰⁰ Об этом см. также ниже, с. 360–361.

²⁰¹ См. об этом: *Rill G.* Zur Geschichte der Würzburger Eide von 1165 // Würzburger Diözesangesichtsblätter. 1960. Bd. 22. S. 7 ff. и в целом: *Petersohn J.* Saint-Denis — Westminster — Aachen: Die Karls-Translatio von 1165 und ihre Vorbilder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1975. Jg. 31. S. 420 ff.

²⁰² Об этом см.: *Reuter T.* Das Edikt Friedrich Barbarossas gegen die Zisterzienser // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1976. Bd. 84. S. 328 ff.

²⁰³ Генуэзцы заплатили за это в 1164 году 4 тысячи марок, а по сомнительному свидетельству Пизанских анналов даже 15 тысяч фунтов, пизанцы же внесли в 1165 году 13 тысяч фунтов (5416,6 марки), см.: *Oppl F.* Stadt und Reich... S. 562, а также 282, Anm. 70.

²⁰⁴ *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7). S. 170–171.

²⁰⁵ *Assmann E.* Op. cit. S. 438.

²⁰⁶ О дальнейшем см.: *Petersohn J.* Saint-Denis — Westminster — Aachen.

²⁰⁷ Об этом названии, которое ни в коем случае не следует толковать как «столица», см.: *Oppl F.* Stadt und Reich... S. 28, 94 é 497–498.

²⁰⁸ Об этом см.: *Geschichte Salzburgs.* Bd. 1, Teil 1. S. 285.

²⁰⁹ О Тюбингенской распре см.: *Feldmann K.* Op. cit. S. 65 ff.

²¹⁰ *Geschichte Salzburgs.* Bd. 1, Teil 1. S. 287.

²¹¹ См.: *Büttner H.* Friedrich Barbarossa und Burgund: Studien zur Politik der Staufer während des 12. Jahrhunderts // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 104.

²¹² *Brinken B.* Op. cit. S. 189 ff.

²¹³ Об этом см. уже выше, с. 111.

²¹⁴ О позиции Кремоны см.: *Opfl F. Stadt und Reich...* S. 256.

²¹⁵ Об этом см., напр.: *Güterbock F. Zum Schisma unter Alexander III: Die Überlieferung des Tolosanus und die Stellungnahme der Romagna und Emilia // Papsttum und Kaisertum: Forschungen zur politischen Geschichte und Geisteskultur des Mittelalters: Paul Kehr zum 65. Geburtstag dargebracht / Hrsg. von A. Brackmann. München, 1926. S. 376 ff.; Opfl F. Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi. S. 86–87.*

²¹⁶ *Opfl F. Stadt und Reich...* S. 283–284 и 395–396.

²¹⁷ *Baaken G. Die Altersfolge der Söhne Friedrich Barbarossas und die Königserhebung Heinrichs VI. // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1968. Jg. 24. S. 60–61.*

²¹⁸ *Opfl F. Stadt und Reich...* S. 396.

²¹⁹ О дальнейшем см.: *Leonhard J.-F. Die Seestadt Ancona im Spätmittelalter: Politik und Handel. Tübingen, 1983 (Bibliothek des Deutschen Historisches Instituts in Rom; 55). S. 63 ff.*

²²⁰ О ней в целом, наряду с классическим трудом *Vignati C. Storia diplomatica della Lega lombarda. Torino, 1975 (первое издание: Milano, 1866), см. прежде всего: Fasoli G. La Lega Lombarda: antecedenti, formazione, struttura // Probleme des 12. Jahrhunderts. S. 143–160.*

²²¹ *Opfl F. Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1). S. 40–41.*

²²² MGH.DFI.533. См.: *Petersohn J. Der Vertrag des Römischen Senats mit Papst Clemens III. (1188) und das Pactum Friedrich Barbarossas mit den Römern (1167) // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1974. Bd. 82. S. 289 ff.*

²²³ Об этом см. выше, с. 110 (о 1164 году), а также BOM 229 (о 1154 году).

²²⁴ Об отступлении из Рима см. из последних работ: *Opfl F. Barbarossa in Bedrängnis: Zur uneinheitlichen Datierung eines Diploms aus dem Spätsommer 1167 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1987. Jg. 43. S. 194–201.*

²²⁵ Об этом перевале см.: *Opfl F. L'attenzione del potere per un grande transito sovraregionale: il Monte Bardone nel XII secolo // Quaderni Storici. 1986. Nuova serie. V. 61. P. 57 ff.*

²²⁶ *Oppl F. Itinerar...* S. 42–43.

²²⁷ См.: *Jordan K. Heinrich der Löwe...* Op. cit. S. 117–118.

²²⁸ В заключении этого пакта свою роль в очередной раз сыграли византийские деньги, см.: *Classen P. La politica di Manuele Comneno tra Federico Barbarossa e le città italiane // Popolo e stato in Italia nell'età di Federico Barbarossa: Alessandria e la Lega lombarda: Relazioni e comunicazioni al XXXIII congresso storico subalpino per la celebrazione dell'VIII centenario della fondazione di Alessandria. Torino, 1970. P. 271.*

²²⁹ Об этом см.: *Görich K. Ein Kartäuser im Dienst Friedrich Barbarossas: Dietrich von Silvebénite (c. 1145–1205). Salzburg, 1987 (Analecta Cartusiana; 53). S. 35 ff.*

²³⁰ *Hellmann S. Die Grafen von Savoyen und das Reich bis zum Ende der staufischen Periode. Innsbruck, 1900. S. 50–51.*

²³¹ О критике сообщения Оттона Санкт-Блазинского см.: *Oppl F. Itinerar...* S. 45, Anm. 62.

²³² В связи с этим небезынтересно сообщение Хелльмана: *Hellmann S. Op. cit. S. 52.*: епископ Ардуций Женевский, верный сторонник императора, с 1165 года искал сближения с Александром III. При датировке одной грамоты за 1167 год он упомянул и Штауфена, и Александра. О значении таких упоминаний в формулах датировок см., в частности, интересные высказывания Шайбельрайтера: *Scheibelreiter G. Der deutsche Thronstreit 1198–1208 im Spiegel der Datierung von Privaturkunden: Teil I // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1976. Bd. 84. S. 337–377; Teil II // Ibid. 1977. Bd. 85. S. 36–76.*

²³³ О нем см. подробную работу: *Kupper J.-L. Op. cit. О территориально-политических замыслах императора, связанных с его назначением, см. также: Engels O. Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert: Festgabe zu seinem 60. Geburtstag. Sigmaringen, 1988. S. 189.*

²³⁴ Об этом см.: *Mariotte J.-Y. Le Comté de Bourgogne sous les Hohenstaufen: 1156–1208. Paris, 1963. (Cahiers d'études comtoises; 4). P. 117–118.*

²³⁵ О них см.: *Jordan K. Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979. S. 116 ff. и 170 ff.*

²³⁶ О территориальной политике императора с 1168 года см.: *Büttner H.* Staufische Territorialpolitik im 12. Jahrhundert // *Württembergisch Franken*. 1963. Bd. 47 (Neue Folge: Bd. 37). S. 21 ff.; *Vollmer F. X.* Reichs- und Territorialpolitik Kaiser Friedrichs I.: Ungedr. phil. Diss. Freiburg i. Br., 1951. S. 124 ff.

²³⁷ *Schmid K.* Graf Rudolf von Pfullendorf und Kaiser Friedrich I. Freiburg i. Br., 1954 (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte; 1). S. 169 ff.

²³⁸ О Вельфе см.: *Feldmann K.* Herzog Welf VI. und sein Sohn: Das Ende des süddeutschen Welfenhauses (mit Regesten): Diss. Tübingen, 1971.

²³⁹ См.: *Kienast W.* Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270): Weltkaiser und Einzelkönige. Stuttgart, 1974. Bd. 1 (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 9 / 1). S. 222–223; *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 172.

²⁴⁰ Брак старшего сына императора, Фридриха, с Элеонорой Английской, о котором тоже договорились в 1165 году, не состоялся из-за смерти штауфеновского принца — вероятно, в 1168 или 1169 году, см.: *Assmann E.* Friedrich Barbarossas Kinder // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1977. Jg. 33. S. 455. Потом, в 1170 году, Элеонору выдали за короля Альфонса VIII Кастильского, см. *Rassow P.* Der Prinzgemahl: Ein Pactum matrimoniale aus dem Jahre 1188. Weimar, 1950 (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit; 7 / 1). S. 54–55, а также: *Assmann E.* Op. cit.

²⁴¹ Об этих переговорах см.: *Holtzmann W.* Quellen und Forschungen zur Geschichte Friedrich Barbarossas (Englischen Analekten 1) // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*. 1930. Bd. 48. S. 400 ff.; *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987 (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7).

²⁴² После смерти старшего сына императора, случившейся между сентябрем 1168 года и октябрем-ноябрем 1169 года, главное имя в династии Штауфенов (Фридрих) получил третий сын Конрад, родившийся в феврале 1167 года в Модильяне (под Фаэнцией). Объяснением этой ситуации, долго сбивавшей с толку исследователей, мы обязаны Баакену: *Baaken G.* Die Altersfolge der Söhne Friedrich

Barbarossas und die Königserhebung Heinrichs VI. // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1968. Bd. 24. S. 46 ff.; об этом см. также: *Assmann E.* Op. cit., прежде всего S. 454–455. До самой смерти в Святой земле, наступившей в начале 1191 года, Конрад-Фридрих оставался герцогом Швабским, а то имя, которое он носил с рождения, получил младший брат, родившийся в феврале-марте 1172 года, позднее герцог фон Ротенбург (с 1188 года), а с 1191 года герцог Швабский, см.: *Assmann E.* Op. cit. S. 458–459.

²⁴³ Ср. из последних работ: *Schmidt U.* Op. cit. S. 173 ff.

²⁴⁴ Об этом см.: *Geschichte Salzburgs: Stadt und Land* / Hrsg. von H. Dopsch. Bd. 1, Teil 1. Salzburg, 1981. S. 288 ff.

²⁴⁵ Наряду с более давней работой Г. Вольфрама (*Wolfram G.* Friedrich I. und das Wormser Concordat. Marburg, 1883. S. 101 ff.), см.: *Patze H.* Kaiser Friedrich Barbarossa und der Osten // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968 (Vorträge und Forschungen; 12). S. 366; *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 120–121.

²⁴⁶ *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 122.

²⁴⁷ *Oppl F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986 (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 6). S. 73 ff.

²⁴⁸ О бургундском походе 1170 года см.: *Mariotte J.-Y.* Le Comté de Bourgogne. P. 76–77; *Friedrich J.* Friedrich Barbarossas Krönung in Arles (1178) // Historisches Jahrbuch. 1983. Jg. 103. S. 359–360, 362–363.

²⁴⁹ О дальнейшем см. ниже, с. 348–350.

²⁵⁰ Об этом см. выше, с. 130, прим. 240.

²⁵¹ *Kienast W.* Op. cit. Bd. 1. S. 221 ff. См. также ниже, с. 361–362

²⁵² Например, сделанная в 1171 году попытка как можно прочнее привязать к Империи веронские земли осталась тщетной, см.: *Oppl F.* Stadt und Reich... S. 470–471.

²⁵³ Об этих переговорах см. ниже, с. 371–372.

²⁵⁴ *Hägermann D.* Beiträge zur Reichslegation Christians von Mainz in Italien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1969. Bd. 49. S. 187 ff.

²⁵⁵ *Pelzer H.* Friedrichs I. von Hohenstaufen Politik gegenüber Dänemark, Polen und Ungarn: Diss. Borna bei Leipzig, 1906. S. 34; *Patze H.* Op. cit. S. 378.

²⁵⁶ Об этом см.: *Op// F. Stadt und Reich...* S. 31–32 (со списком дополнительной литературы).

²⁵⁷ См.: *Op// F. Stadt und Reich...* S. 38; а также: *Op// F. Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190)*. Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1). S. 50.

²⁵⁸ Об этом графском роде см.: *Weis H. Die Grafen von Lenzburg in ihrer Beziehungen zum Reich und zur adligen Umwelt*: Ungedr. phil. Diss. Freiburg im Breisgau, 1959.

²⁵⁹ О тогдашней ситуации в Северной Бургундии см.: *Güterbock F. Zur Geschichte Burgunds im Zeitalter Barbarossas // Zeitschrift für schweizerische Geschichte*. 1937. Jg. 17. S. 194–195; *Mariotte J.-Y. Le schisme de 1159, la légation de Roger de Vico Pisano et leurs traces diplomatiques à Clairefontaine // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 1972. Bd. 18. S. 306–307.

²⁶⁰ MGH.DF.I.598, ср.: *Güterbock F. Op. cit.* S. 149 ff. и 168.

²⁶¹ *Güterbock F. Op. cit.* S. 169 ff.

²⁶² Особого интереса заслуживает, например, то обстоятельство, что император, добиваясь этого, прибегнул к прямой поддержке со стороны города Камбре, в то время как обычно, когда речь шла о епископских городах, на первый план выходила обязанность их епископов идти в поход. См.: *Op// F. Stadt und Reich...* S. 60.

²⁶³ *Feldmann K. Op. cit.* S. 73 ff.

²⁶⁴ Об этом см.: *Patze H. Op. cit.* S. 386.

²⁶⁵ MGH.DF.I.624 è 625, ср.: *Klebel E. Die Grafen von Sulzbach als Hauptvögte des Bistums Bamberg // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1926. Bd. 41. S. 108 ff.

²⁶⁶ Об этом см. ниже, с. 371.

²⁶⁷ Об этом см.: *Geschichte Salzburgs*. Bd. 1, Teil 1. S. 293.

²⁶⁸ К дальнейшему см.: *Fasoli G. La Lega Lombarda: antecedenti, formazione, struttura // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967*. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 143 ff.; *Fasoli G. Aspirazioni cittadine e volontà imperiale // Federico Barbarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania / A cura di R. Manselli e J. Riedmann*. Bologna, 1982 (Annali dell'Istituto storico italo-germanico; 10). P. 131 sqq.

²⁶⁹ Об основании Александрии см.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 183 ff. (со списком дополнительной литературы).

²⁷⁰ См. также, напр.: *Güterbock F.* Die Rektoren des Lombardenbundes in einer Urkunde für Chiaravalle // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 18. 1926. S. 1–29.

²⁷¹ См.: *Haverkamp A.* La Lega lombarda sotto la guida di Milano (1175–1183) // La pace di Costanza (1183): un difficile equilibrio di poteri fra societa italiana ed impero. Atti del Convegno Internazionale Milano-Piacenza, 27–30 aprile 1983. Bologna, 1984. (Studi e testi di storia medioevale; 8). P. 159–178.

²⁷² Об этом см. выше, прим. 254.

²⁷³ См.: *Leonhard J.-F.* Die Seestadt Ancona im Spätmittelalter: Politik und Handel. Tübingen, 1983. S. 72 ff.

²⁷⁴ Об этом см.: *Lilie R.-J.* Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi (1081–1204). Amsterdam, 1984. S. 496–497.

²⁷⁵ *Ohnsorge W.* Päpstliche und gegenpäpstliche Legaten in Deutschland und Skandinavien 1159–1181. Berlin, 1929. S. 34 ff. (о Франции). Об остальных брачных переговорах см. ниже, с. 364 и 371.

²⁷⁶ См.: *Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2. P. 374–375; а также: *Assmann E.* Op. cit. S. 447 ff.; Wolter H. Die Verlobung Heinrichs VI. mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch. 1985. Jg. 105. S. 33, Anm. 11 (об имени дочери императора).

²⁷⁷ См.: MGH.DFI.636.

²⁷⁸ Об этом см.: *Heinemeyer W.* Der Friede von Montebello: 1175 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1954. Jg. 11. S. 101–139.

²⁷⁹ Ibid. S. 122–123.

²⁸⁰ Ibid. S. 132–133.

²⁸¹ Об этом см.: *Opfl F.* Divide et impera. Federico Barbarossa, Alessandria/Cesarea, Genova e Tortona // Il Barbarossa e i suoi alleati liguri-piemontesi. Atti del Convegno storico internazionale / A cura di G. Bergaglio. Gavi, 1987. P. 85 ff.

²⁸² Об этом см.: *Güterbock F.* Tortonas Abfall vom Lombardenbund: eine diplomatische Untersuchung // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde.* 1924. Bd. 45. S. 306–359; *Oppl F.* Stadt und Reich... S. 442–443.

²⁸³ Ф. Гютербок отстаивает мнение, что этой встречи вообще не было (*Güterbock F.* Die Gelnhäuser Urkunde und der Prozeß Heinrichs des Löwen: neue diplomatische und quellenkritische Forschungen zur Rechtsgeschichte und politischen Geschichte der Stauferzeit. Hildesheim, 1920. S. 166 и 177). Тем не менее, сегодня общепризнано, что она имела место, см.: *Oppl F.* Das Itinerar... S. 63–64; *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 188 ff.

²⁸⁴ Например, в августе 1161 года при Каркано в Брианце, см. выше, с. 92.

²⁸⁵ См.: *Oppl F.* Stadt und Reich... S. 336.

²⁸⁶ Так написано в «*Vita Alexandri III*» кардинала Бозона, см.: *Oppl F.* Das Itinerar... S. 65, Anm. 33.

²⁸⁷ *Heinemeyer W.* Op. cit. S. 133 ff.

²⁸⁸ Об этом см.: *Görlich K.* Ein Kartäuser im Dienst Friedrich Barbarossas: Dietrich von Silvebénite (с. 1145–1205). Salzburg, 1987. (*Analecta Cartusiana*; 53). S. 54 ff.

²⁸⁹ MGH.DFI.658; о предварительном мире в Ананьи см.: *Kehr P. F.* Der Vertrag von Anagni im Jahre 1176 // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde.* Bd. 13. 1888. S. 75 ff; отдельное исследование посвятил этой теме Шмале в своем собрании некоторых раннештауфеновских источников, в издании памяти барона фон Штейна (Вступление, 2).

²⁹⁰ *Oppl F.* Stadt und Reich. S. 258.

²⁹¹ Итальянцы дали этому человеку характерное прозвище Москаинчервелло (*Musca in cerebro*, Муха в мозгу), о нем и о его роде см.: *Schubring K.* Die Herren von Lützelhardt: Beiträge zur Bestimmung ihrer Herkunft // *Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte.* 1981. Jg. 40. S. 262 ff.

²⁹² Об этом см.: *Güterbock F.* Kaiser, Papst und Lombardenbund nach dem Frieden von Venedig // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken.* 25 (1933–1934). S. 163, а также работы Шубринга: *Schubring K.* Die Herzoge von Urslingen:

Studien zu ihrer Besitz-, Sozial- und Familiengeschichte mit Regesten. Stuttgart, 1974; Schubring K. Die Herren von Lützelhardt...

²⁹³ *Opfl F. Das Itinerar...* S. 67, Anm. 48.

²⁹⁴ Об этом см. также: *Thomson R. M. An English Eyewitness of the Peace of Venice, 1177 // Speculum. 1975. Vol. 50. P. 21–32.*

²⁹⁵ MGH.DF.I. 687, 689 è 694.

²⁹⁶ Норманн, с которым в 1173 году вели переговоры о его браке с дочерью Барбароссы, 13 февраля 1177 года женился на Иоанне Английской, см.: *Chalandon F. Op. cit. Vol. 2. P. 377.*

²⁹⁷ См.: *Opfl F. Das Itinerar...* S. 67–68.

²⁹⁸ Об этом см. выше, прим. 292.

²⁹⁹ MGH.DF.I. 725, см.: *Opfl F. Das Itinerar...* S. 69.

³⁰⁰ *Opfl F. Stadt und Reich....* S. 284–285 и 397.

³⁰¹ О развитии событий в Арелате см. прежде всего: *Fried J. Die Wirtschaftspolitik Friedrich Barbarossas in Deutschland // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1984. Jg. 120. S. 347 ff.*

³⁰² Об этом см.: *Güterbock F. Kaiser...* S. 158 ff.

³⁰³ О ситуации см.: *Haverkamp A. Herrschaftsformen der Frühstaufer in Reichsitalien. 2 Bd. Stuttgart, 1970–1971. S. 390, Anm. 86; Opfl F. Stadt und Reich...* S. 189–190.

³⁰⁴ См.: *Fried J. Op. cit. S. 347 ff. è Opfl F. Stadt und Reich...* S. 497–498.

³⁰⁵ Цитируется в: *Opfl F. Das Itinerar....* S. 71–72.

³⁰⁶ О саксонских противниках Вельфа в то время см.: *Jordan K. Heinrich der Löwe: eine Biographie. 2., durchgesehene Auflage: München, 1980. S. 194 ff.*

³⁰⁷ См.: *Feldmann K. Herzog Welf VI. und sein Sohn: Das Ende des süddeutschen Welfenhauses (mit Regesten): Diss. Tübingen, 1971. S. 76 ff.*

³⁰⁸ *Ibid. S. 86 ff.*

³⁰⁹ О процессе и низложении Генриха Льва существует много работ. Наряду с исследованием Гютербока, которое сегодня во многом нуждается в исправлениях (*Güterbock F. Die Gelnhäuser Urkunde und der Prozeß Heinrichs des Löwen: neue diplomatische und quellenkritische Forschungen zur Rechtsgeschichte und politischen Geschichte der Stauferzeit. Hildesheim, 1920*), см.: *Jordan K. Op. cit. S. 197 ff.*; сборник, изданный Морманом и, прежде всего, содержащиеся в нем исследования:

Theuerkauf G. Der Prozeß gegen Heinrich den Löwen: über Landrecht und Lehnrecht im hohen Mittelalter // Heinrich der Löwe / Hrsg. von Wolf-Dieter Mohrmann. Göttingen, 1980. S. 217–248; *Droege G.* Das kölnische Herzogtum Westfalen // Ibid. S. 275–307; *Heinemeyer K.* Der Prozeß Heinrichs des Löwen // *Blätter für deutsche Landesgeschichte*. 1981. Jg. 117. S. 1–60.

³¹⁰ MGH.DF.I. 774.

³¹¹ Здесь, видимо, надо учитывать также стремление императора снова усилить свое влияние в землях, через которые пролегал путь в Италию через Бреннер, — со времени возникновения в 1164 году Веронской лиги оно постоянно уменьшалось.

³¹² Об этом см.: *Jordan K.* Op. cit. S. 200 ff.

³¹³ О положении города Регенсбурга см.: *Opll F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert: (1125–1190). Wien, 1986. S. 135 ff. (с дополнительной литературой).

³¹⁴ MGH.DF.I. 795.

³¹⁵ Об этом см.: *Patze H.* Kaiser Friedrich Barbarossa und der Osten // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 397–398.

³¹⁶ Об этом см. ниже, с. 353 (Дания) и 361 (Англия).

³¹⁷ См.: *Trautz F.* Die Könige von England und das Reich 1272–1377: Mit einem Rückblick auf ihr Verhältnis zu den Staufern. Heidelberg: Winter, 1961. S. 74–75; *Kienast W.* Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit: (900–1270). Weltkaiser und Einzelkönige. Stuttgart, 1974–1975. Bd. 1. S. 225 ff.

³¹⁸ См.: *Jordan K.* Op. cit. S. 204–205.

³¹⁹ См.: *Kraus A.* Das Herzogtum der Wittelsbacher: Die Grundlegung des Landes Bayern // Wittelsbach und Bayern. Bd. I/1: Die Zeit der frühen Herzöge: Von Otto I. zu Ludwig dem Bayern / Hrsg. von H. Glaser. München, 1980. (Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1180–1350). S. 165.

³²⁰ См.: *Appelt H.* Die Erhebung zum Herzogtum // Das Werden der Steiermark. Die Zeit der Traungauer / Hrsg. von G. Pferschy. Graz; Wien; Köln, 1980. (Veröffentlichungen des Steiermärkischen Landesarchives; 10). S. 63–74.

³²¹ *Patze H.* Op. cit. S. 399. — В перечень этих действий императора, видимо, надо включать и превращение Фриуля в самостоятельное герцогство в 1180 году. См.: *Patze H.* Op. cit. S. 400.

³²² *Schmid K.* Graf Rudolf von Pfullendorf und Kaiser Friedrich I. Freiburg i. Br., 1954. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte; 1). S. 201 ff.; см. также: *Favreau-Lilie M. L.* Zur Pilgerfahrt des Grafen Rudolf von Pfullendorf: ein unbeachteter Originalbrief aus dem Jahre 1180 // *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins.* 123 (1975). S. 31–47.

³²³ *Büttner H.* Staufische Territorialpolitik im 12. Jahrhundert // *Württembergisch Franken.* 1963. Bd. 47 (Neue Folge: Bd. 37). S. 25.

³²⁴ *Maurer H.* Der Herzog von Schwaben: Grundlagen, Wirkungen und Wesen seiner Herrschaft in ottonischer, salischer und staufischer Zeit. Sigmaringen, 1980. S. 291.

³²⁵ О ее грамотах см. из последних работ: *Appelt H.* Kaiserin Beatrix und das Erbe der Grafen von Burgund // *Aus Kirche und Reich: Studien zu Theologie, Politik und Recht im Mittelalter: Festschrift für Friedrich Kempf zu seinem 75. Geburtstag und 50jährigen Doktorjubiläum / Hrsg. von H. Mordek.* Sigmaringen, 1983. S. 275–283.

³²⁶ См. также: *Munz P.* Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics. London, 1969. P. 146 sqq.

³²⁷ О Рудольфе см.: *Kupper J.-L.* Raoul de Zähringen évêque de Liège 1167–1191: Contribution à l'histoire de la politique impériale sur la Meuse moyenne. Bruxelles, 1974.

³²⁸ См.: *Patze H.* Op. cit. S. 405.

³²⁹ Об этом см. ниже, с. 353.

³³⁰ О Любеке см.: *Opfl F.* Op. cit. S. 105 ff. (с дополнительной литературой).

³³¹ *Engels O.* Zur Entmachtung Heinrichs des Löwen // *Festschrift für Andreas Kraus zum 60. Geburtstag / Hrsg. von P. Fried und W. Ziegler.* Kallmünz/Opf., 1982. (Münchener Historische Studien: Abteilung Bayerische Geschichte; 10). S. 45–59.

³³² См.: *Patze H.* Op. cit. S. 399.

³³³ О дальнейшем см. ниже, с. 360 и далее.

³³⁴ *MGH.DF.I.778*, об этом см.: *Opfl F.* Op. cit. S. 337–338, где ясно показано: здесь инициативы императора не было, Барбаросса реагировал на пожелание монахов.

³³⁵ *MGH.DF.I.823*, об этом см.: *Opfl F.* Op. cit. S. 472 ff.

³³⁶ Об этом см.: *Ambrosioni A.* Le città italiane fra Papato e Impero dalla pace di Venezia alla pace di Costanza // *La pace di Costanza 1183: Un difficile*

equilibrio di poteri fra società italiana et Impero. Milano–Piacenza, 27–30 aprile, 1983. Bologna, 1984. (Studi e testi di storia medioevale; 8). P. 35 sqq.

³³⁷ О дальнейшем см.: *Hägermann D.* Beiträge zur Reichslegation Christians von Mainz in Italien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1969. Bd. 49. S. 218 ff.

³³⁸ Эти интересы хорошо заметны, например, в отношении Монферратов к своим правам на Поджибонси (между Флоренцией и Сиеной), который в 1177 году перешел от графа Гвидо III Гуэрры к маркграфам в качестве имперского лена. 6 мая 1178 года они, не посчитавшись с запретом на отчуждение ленов (см. MGH.DF.I.91 = BOM 255), продали свои права на этот лен комунам Сиены и Флоренции. Эту сделку император аннулировал — самое позднее во время пребывания в Поджибонси в августе 1185 года, о чем см.: *Nahmer D. von der.* Die Reichsverwaltung in Toscana unter Friedrich I. und Heinrich VI.: Diss. Freiburg i. B., 1965. S. 123–124; *Haverkamp A.* Friedrich I. und der hohe italienische Adel // Beiträge zur Geschichte Italiens im 12. Jahrhundert. Sigmaringen, 1971. (Vorträge und Forschungen; Sonderbd. 9). S. 70, 86; *Oppl F.* Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1). S. 119.

³³⁹ Цитируется по: *Oppl F.* Das Itinerar... S. 80, Anm. 72.

³⁴⁰ См.: *Kienast W.* Op. cit. Bd. I. S. 229.

³⁴¹ Об этом см. ниже, с. 313 и далее.

³⁴² *Patze H.* Op. cit. S. 400.

³⁴³ См.: *Oppl F.* Divide et impera. Federico Barbarossa, Alessandria/ Cesarea, Genova e Tortona // Il Barbarossa e i suoi alleati liguri-piemontesi. Atti del Convegno storico internazionale / A cura di G. Bergaglio. Gavi, 1987. P. 85 sqq.

³⁴⁴ *Patze H.* Op. cit. S. 398.

³⁴⁵ См.: *Oppl F.* Stadt und Reich... S. 190–191.

³⁴⁶ О Констанцском мире см.: *Haverkamp A.* Der Konstanzer Friede zwischen Kaiser und Lombardenbund (1183) // Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 11–44 (подробнее см. ниже, с. 331, прим. 641).

³⁴⁷ Об этом см.: Baaken G. *Unio regni ad imperium: Die Verhandlungen von Verona 1184 und die Eheabredung zwischen König Heinrich VI. und Konstanze von Sizilien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken.* 1972. Bd. 52. S. 222 ff.

³⁴⁸ MGH.DF.I. 851.

³⁴⁹ MGH. Constitutiones. V. I. P. 420. Nr. 296.

³⁵⁰ Об этом см.: Heyen F.-J. *Über die Trierer Doppelwahlen von 1183 und 1242 // Archiv für mittelrheinische Kirchengeschichte.* 1969. Bd. 21. S. 21–33 (правда, с некоторыми ошибками, вводящими в заблуждение).

³⁵¹ Об этом см. также ниже, с. 354.

³⁵² Об этом см. также: Fleckenstein J. *Friedrich Barbarossa und das Rittertum: Zur Bedeutung der großen Mainzer Hoftage von 1184 und 1188 // Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971. Göttingen, 1972. Bd. 2. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 36 / II).* S. 1023–1041.

³⁵³ Из последних работ см.: Engels O. *Op. cit.* S. 56–57.

³⁵⁴ Правда, в территориально-политическом плане напряженность в отношениях между Кёльном и Империей возникла давно, см., например: Engels O. *Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert: Festgabe zu seinem 60. Geburtstag. Sigmaringen, 1988.* S. 190 ff.

³⁵⁵ См.: Op// F. *Beiträge zur Auswertung der jüngeren Hildesheimer Briefsammlung // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1977. Jg. 33. S. 486.

³⁵⁶ Об этом см. ниже, с. 352.

³⁵⁷ См.: Kienast W. *Op. cit.* Bd. I. S. 232.

³⁵⁸ Об этом см. ниже, с. 349–350.

³⁵⁹ Из последних работ об этом см.: Wolter H. *Die Verlobung Heinrichs VI. mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch.* 1985. Jg. 105. S. 30 ff.

³⁶⁰ См.: Trautz F. *Op. cit.* S. 75–76; Kienast W. *Op. cit.* Bd. I. S. 229; Jordan K. *Op. cit.* S. 216.

³⁶¹ То, что при этом имелась в виду не Агнесса, а неизвестная по имени дочь императора, доказал Ассман: Assmann E. *Friedrich Barbarossas Kinder // Deutsches Archiv für Erforschung des*

Mittelalters. 1977. Jg. 33. S. 451 ff.; в подтверждение см.: *Wolter H.* Op. cit. S. 46, Anm. 55.

³⁶² Подробно о переговорах с курией см.: *Baaken G.* Unio regni ad imperium: Die Verhandlungen von Verona 1184 und die Eheabredung zwischen König Heinrich VI. und Konstanze von Sizilien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1972. Bd. 52. S. 219–297, а также – с учетом некоторых поправок: *Wolter H.* Die Verlobung Heinrichs VI mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch. 1985. Jg. 105. S. 30–51.

³⁶³ См об этом до сих пор актуальные работы: *Lenel W.* Der Konstanzer Frieden von 1183 und die italienische Politik Friedrichs I. // Historische Zeitschrift. 1923. Bd. 128. S. 189–261 è *Kauffmann H.* Die italienische Politik Kaiser Friedrichs I. nach dem Frieden von Constanz (1183–1189): Beiträge zur Geschichte der Reichspolitik und Reichsverwaltung der Staufer in Italien. Greifswald, 1933. (Greifswalder Abhandlungen zur Geschichte des Mittelalters; 3).

³⁶⁴ Они должны были добиться посредничества папы в том, чтобы расположить императора в пользу Генриха Льва.

³⁶⁵ Ср.: *Engels O.* Zur Entmachtung Heinrichs des Löwen // Festschrift für Andreas Kraus zum 60. Geburtstag / Hrsg. von P. Fried und W. Ziegler. Kallmünz/Opf., 1982. (Münchener Historische Studien: Abteilung Bayerische Geschichte; 10). S. 53.

³⁶⁶ О встрече в Вероне см. особенно: *Baaken G.* Unio regni ad imperium...

³⁶⁷ *Möhring H.* Saladin und der Dritte Kreuzzug. Wiesbaden, 1980. (Frankfurter historische Abhandlungen; 21). S. 136.

³⁶⁸ *Jordan K.* Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979. S. 216; *Engels O.* Zur Entmachtung Heinrichs des Löwen. S. 45 ff.

³⁶⁹ См. об этом: *Wolter H.* Die Verlobung Heinrichs VI mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch. 1985. Jg. 105. S. 37 ff. è 43 ff.

³⁷⁰ *Heyen F.-J.* Über die Trierer Doppelwahlen von 1183 und 1242 // Archiv für mittelhheinische Kirchengeschichte. 1969. Bd. 21. S. 27.

³⁷¹ *Zerbi P.* Un inedito dell'archivio Vaticano e il convegno di Verona (a. 1184) // Aevum. 1954. Vol. 28. P. 470 sqq.; *Opfl F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen

und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. *Regesta Imperii*; 6). S. 272–273.

³⁷² *Assmann E.* Friedrich Barbarossas Kinder // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1977. Bd. 33. S. 451 ff., а также (о Беатриче): *Giesebrecht W. von.* Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Bd. 6 / Hrsg. und fortgesetzt von B. von Simpson. Leipzig, 1895. S. 625–626 и (в общем плане): *Keszycka F. von.* Kaiserin Beatrix: Gemahlin Friedrichs I. Barbarossa: Phil. Diss. / Freiburg in der Schweiz. Poznan, 1923.

³⁷³ MGH.DF.I.895, ср.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 247, 259.

³⁷⁴ MGH.DF.I.896, ср.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 339–340.

³⁷⁵ *Opfl F.* Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer *Regesta Imperii*; 1). S. 84.

³⁷⁶ MGH.DF.I.899, ср.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 316.

³⁷⁷ *Nahmer D. von der.* Die Reichsverwaltung in Toscana unter Friedrich I. und Heinrich VI.: Diss. Freiburg i. Br., 1965. S. 69–70.

³⁷⁸ *Hellmann S.* Die Grafen von Savoyen und das Reich bis zum Ende der staufischen Periode. Innsbruck, 1900. S. 62 ff.

³⁷⁹ *Opfl F.* Das Itinerar... S. 85; *Idem.* Stadt und Reich... S. 248.

³⁸⁰ *Hellmann S.* Op. cit. S. 65–66.

³⁸¹ См.: *Baaken G.* Unio regni ad imperium... S. 274 ff., а также: *Wolter H.* Die Verlobung Heinrichs VI... S. 39–40, Anm. 32.

³⁸² MGH.DF.I.911; о перевале см.: *Opfl F.* L'attenzione del potere per un grande transito sovraregionale: il Monte Bardone nel XII secolo // *Quaderni Storici*. 1986. Nuova serie. 61. P. 57–75.

³⁸³ *Opfl F.* Das Itinerar... S. 85–86; *Idem.* Stadt und Reich... S. 533.

³⁸⁴ См. об этом выше, с. 166, прим. 338.

³⁸⁵ *Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2. P. 386–387.

³⁸⁶ *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 436 ff.

³⁸⁷ *Ibid.* S. 264–265.

³⁸⁸ См. об этом материалы конгресса, организованного по случаю 800-летней годовщины посещения императором Гави (цитируются в работе: *Opfl F.* Divide et impera: Federico Barbarossa, Alessandria / Cesarea, Genova e Tortona // *Il Barbarossa e i suoi alleati liguri-piemontesi: Atti del Convegno storico internazionale / A cura di G. Bergaglio.* Gavi, 1987. P. 85 sqq.).

³⁸⁹ См. об этом: *Kienast W.* Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270): Weltkaiser und Einzelkönige. Stuttgart, 1974. Bd. 1. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 9/1). S. 229 ff.; *Opfl F.* Beiträge zur historischen Auswertung der jüngeren Hildesheimer Briefsammlung // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Bd. 33. S. 486–487; *Engels O.* Zur Entmachtung Heinrichs des Löwen. S. 56.

³⁹⁰ *Chalandon F.* Op. cit. P. 387; *Baaken G.* Unio regni ad imperium... S. 261.

³⁹¹ Наряду с работой Г. Вольфа (*Wolf G.* Imperator und Caesar – zu den Anfängen des staufischen Erbreichgedankens // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung, 390). S. 367 ff.) среди более новых в первую очередь см. также: *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7). S. 195 ff.

³⁹² Таким образом, я придерживаюсь точки зрения, уже указанной мной ранее, ср.: *Opfl F.* Das Itinerar... S. 87.

³⁹³ См. по этому поводу: *Engels O.* Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert: Festgabe zu seinem 60. Geburtstag. Sigmaringen, 1988. S. 195–196, Anm. 86.

³⁹⁴ *Nahmer D. von der.* Die Reichsverwaltung in Toscana... S. 71 ff.

³⁹⁵ Об этом см. все еще превосходную по своим качествам работу: *Scheffer-Boichorst P.* Kaiser Friedrich I. letzter Streit mit der Kurie. Berlin, 1866.

³⁹⁶ См. об этом: *Heinemann H.* Untersuchungen zur Geschichte der Zähringer in Burgund // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1984. Bd. 30. S. 194–195 ff.

³⁹⁷ MGH.DF.I.938, ср.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 488.

³⁹⁸ К дальнейшему изложению см.: *Opfl F.* Stadt und Reich... S. 259–260.

³⁹⁹ *Heyen F.-J.* Op. cit. S. 27 (ошибочно отнесено к 1185 году!).

⁴⁰⁰ См.: *Heinemann H.* Untersuchungen zur Geschichte der Zähringer in Burgund // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1984. Bd. 30. S. 180 ff.

⁴⁰¹ *Opfl F.* Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte

des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1). S. 90; *Assmann E.* Friedrich Barbarossas Kinder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Bd. 33. S. 451 ff.

⁴⁰² *Heyen F.-J.* Über die Trierer Doppelwahlen von 1183 und 1242 // Archiv für mittelrheinische Kirchengeschichte. 1969. Bd. 21. S. 27; *Kienast W.* Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270): Weltkaiser und Einzelkönige. Stuttgart, 1974. Bd. 1. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 9/1). S. 236 ff.

⁴⁰³ *Lechner K.* Die Babenberger: Markgrafen und Herzoge von Österreich 976–1246. Wien; Köln; Graz, 1976. (Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung; 23). S. 174–175.

⁴⁰⁴ *Opfl F.* Die Winterquater im Leben Friedrich Barbarossas // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1977. Bd. 85. S. 332 ff.

⁴⁰⁵ *Opfl F.* Amator ecclesiarum: Studien zur religiösen Haltung Friedrich Barbarossas // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1980. Bd. 88. S. 70–93. См. также ниже, с. 272 слл.

⁴⁰⁶ *Opfl F.* Das Itinerar... S. 91.

⁴⁰⁷ *Kienast W.* Op. Cit. Bd. 1. S. 236–237.

⁴⁰⁸ Ibid. S. 237.

⁴⁰⁹ См. об этом: *Eickhoff E.* Friedrich Barbarossa im Orient: Kreuzzug und Tod Friedrichs I. Tübingen, 1977. (Istanbuler Mitteilungen; Beiheft 17). S. 3 ff.

⁴¹⁰ Die Regesten der Erzbischöfe von Köln im Mittelalter. Bd. 2: 1100–1250 / Bearb. von R. Knipping. Bonn, 1901. (Publikationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde; XXI/2). 817.

⁴¹¹ См. об этом выше, стр. 175 с прим. 367.

⁴¹² Так у Ф. Мунца: *Munz F.* Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics. London, 1969. P. 371 sqq.

⁴¹³ См. об этом ниже, стр. 371–372.

⁴¹⁴ См.: *Appelt H.* Die Kaiseridee Friedrich Barbarossas // Friedrich Babarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 235 ff.; *Engels O.* Die Staufer. 3. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1984. (Urban-Taschenbücher; 154). S. 107.

⁴¹⁵ О встрече см.: *Kienast W.* Op. cit. Bd. 1. S. 238.

⁴¹⁶ *Opfl F.* Das Itinerar... S. 93.

⁴¹⁷ *Oppl F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6). S. 101.

⁴¹⁸ *Oppl F.* Das Itinerar. S. 93 f., Anm. 38.

⁴¹⁹ Об этом см.: *Rassow P.* Der Prinzgemahl: Ein Pactum matrimoniale aus dem Jahre 1188. Weimar, 1950. (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit; 7/1); а также ниже, с. 370.

⁴²⁰ *Jordan K.* Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979. S. 220 ff.

⁴²¹ MGH. DF. I. 988.

⁴²² См. об этом: *Eickhoff E.* Op. cit. S. 37 ff.

⁴²³ *Möhring H.* Saladin und der Dritte Kreuzzug. Wiesbaden, 1980. (Frankfurter historische Abhandlungen; 21). S. 98 ff.

⁴²⁴ *Oppl F.* Das Itinerar. S. 95 f.

⁴²⁵ *Güterbock F.* Zur Geschichte Burgunds im Zeitalter Barbarossas / Zeitschrift für schweizerische Geschichte. 1937. Jg. 17. S. 151 ff.

⁴²⁶ См.: *Hellmann S.* Die Grafen von Savoyen und das Reich bis zum Ende der staufischen Periode. Innsbruck, 1900. S. 66 f; *Güterbock F.* Op. cit. S. 150 f.

⁴²⁷ *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7). S. 222 f.

⁴²⁸ Цит. по.: *Oppl F.* Das Itinerar. S. 96.

⁴²⁹ О событиях крестового похода см. прежде всего работу Э. Айкхоффа, всемерно учитывающую источники и литературу: *Eickhoff E.* Op. cit.

⁴³⁰ MGH. DF. I. 222.

⁴³¹ Император тогда смог также поспособствовать освобождению брата короля Белы, Гезы, который в 1177 году оказался в руках князя Собеслава Богемского, разгневавшегося на Венгрию, ср.: *Pelzer H.* Friedrichs I. von Hohenstaufen Politik gegenüber Dänemark, Polen und Ungarn: Diss. Borna bei Leipzig, 1906. S. 51–52.

⁴³² О политической ситуации на Балканах, помимо постоянно привлекаемой здесь вышеуказанной работы Айкхоффа, см. также: *Oppl F.* Der Dritte Kreuzzug (1189–1190) und die Bulgaren //

Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich. 1988. Nr. 2.VIII.1986. S. 83 ff.

⁴³³ MGH. DF. I. 1009.

⁴³⁴ *Opfl F.* Der Dritte Kreuzzug... S. 87.

⁴³⁵ В одном источнике (в хронике Тагенона) по поводу захвата Икония, главного города Сельджукского султаната (18 мая 1190 года), сказано, что император, «как лев», набрасывался на неприятеля («ut leo irruit in hostes»), цит. по: *Opfl F.* Das Itinerar... S. 107, Anm. 34.

⁴³⁶ См. источники, цитируемые в: *Opfl F.* Das Itinerar... S. 107, Anm. 33.

⁴³⁷ Ср.: *Eickhoff E.* Op. cit. S. 158 ff.; *Opfl F.* Das Itinerar... S. 108–109.

⁴³⁸ О дальнейших событиях см.: *Eickhoff E.* Op. cit. S. 161 ff, 180 ff.

⁴³⁹ См.: *Eickhoff E.* Op. cit. S. 168; *Opfl F.* Das Itinerar... S. 109, Anm. 46.

⁴⁴⁰ *Otto von Freising.* Gesta Friderici II, 13 — 15 // Bischof Otto von Freising und Rahewin. Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica / Übers. von A. Schmidt, hrsg. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1974. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17). S. 304 ff.

⁴⁴¹ Вопреки цитируемому здесь переводу Шмале (см. прим. 1), который в этом месте говорит о «власти государства», здесь однозначно должно быть исправлено на «власть города» (дословно по-латыни: «qui civitatis sue non sequator imperium»).

⁴⁴² *Otto von Freising.* Gesta Friderici II, 16 // Bischof Otto. S. 312 ff.

⁴⁴³ О форуме (Fodrum) см.: *Brühl C.* Fodrum, Gistum, Servitium Regis. Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums im Frankenreich und in den fränkischen Nachfolgestaaten Deutschland, Frankreich und Italien vom 6. bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. Köln; Graz, 1968. (Kölner historische Abhandlungen; 14/1, 14/2), а также *Haverkamp A.* Die Regalien-, Schutz- und Steuerpolitik in Italien unter Friedrich Barbarossa bis zur Entstehung des Lombardenbundes // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. 1966. Bd. 29. S. 60 ff. и его же *Haverkamp A.* Herrschaftsformen der Frühstaufer in Reichsitalien. 2 Bde. Stuttgart, 1970–1971. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 1–2). S. 669 ff.

⁴⁴⁴ Ср.: *Haverkamp A.* Herrschaftsformen. (по этому поводу также: *Nahmer D. von der.* Zur Herrschaft Friedrich Barbarossa in Italien //

Studi medievali. 1974. Anno 15/2. Serie 3. P. 587–703); *Nahmer D. von der.* Die Reichsverwaltung in Toscana unter Friedrich I. und Heinrich VI.: Diss. Freiburg i. Br., 1965; и — к характеристике ситуации в Ломбардии: *Arbinger N.* Komitat, Adel und städtische Kommune in der Lombardei während des 11. und 12. Jahrhunderts. Studien zur historischen Geografie der Lombardei im Hochmittelalter: Ungedr. phil. Diss. Wien, 1967.

⁴⁴⁵ В оригинале используется несколько отличный по коннотации термин «geografisch-herrschaftlich», которому затруднительно найти грамматически корректное соответствие в русском языке. — *Прим. перев.*

⁴⁴⁶ См. об этом выше: С. 148–149.

⁴⁴⁷ См. по этому поводу: *Overmann A.* Gräfin Mathilde von Tuscien. Ihre Besitzungen: Geschichte ihres Gutes von 1115–1230 und ihre Regesten. Innsbruck, 1895.

⁴⁴⁸ См.: *Opfl F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6). S. 459–460.

⁴⁴⁹ О правлении антикороля Конрада III см.: *Giese W.* Das Gegenkönigtum des Staufers Konrad 1127–1135 // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanische Abteilung.* 1978. Bd. 95. S. 202 ff.; о связях Штауфена с Миланом см.: *Opfl F.* Op. cit. S. 320–321.

⁴⁵⁰ *Opfl F.* Op. cit. S. 311.

⁴⁵¹ Ibid.

⁴⁵² Ср.: ВОР 458.

⁴⁵³ См. источники у Р. Книппинга: Die Regesten der Erzbischöfe von Köln im Mittelalter. Bd. 2: 1100–1250 / Bearb. von R. Knipping. Bonn, 1901. (Publikationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde; XXI/2). См. о нем: *Herkenrath R. M.* Reinald von Dassel: Reichskanzler und Erzbischof von Köln: Ungedr. phil. Diss. Graz, 1962.

⁴⁵⁴ О его легатской грамоте см.: *Hägerrmann D.* Die Urkunden Erzbischof Christians I. von Mainz als Reichslegat Friedrich Barbarossas in Italien // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde.* 1968. Bd. 14. S. 202–301. О его сочинениях см.: *Schöntag*

W. Untersuchungen zur Geschichte des Erzbistums Mainz unter den Erzbischöfen Arnold und Christian I. (1153–1183). Darmstadt; Marburg, 1973. (Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte; 22).

⁴⁵⁵ См.: *Nahmer D. von der*. Die Reichsverwaltung. S. 102 ff., 110 ff. и 201 ff.

⁴⁵⁶ MGH. DDF. I. 658 и 687, ср.: *Kehr P. F.* Der Vertrag von Anagni im Jahre 1176 // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde. 1888. Bd. 13. S. 75–118. Шмале в своем издании уведомляет о новом исследовании предварительного мира в Анagni и мира в Венеции (*Italische Quellen über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I.* / Übers. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1986. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17a). S. 2., Anm. 2).

⁴⁵⁷ *Hägerman D.* Beiträge zur Reichslegation Christians von Mainz in Italien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1969. Bd. 49. S. 218.

⁴⁵⁸ См.: *Baaken G.* Unio regni ad imperium: Die Verhandlungen von Verona 1184 und die Eheabredung zwischen König Heinrich VI. und Konstanze von Sizilien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1972. Bd. 52. S. 222 f.

⁴⁵⁹ MGH.DF.I.896, ср.: *Opff F.* Op. cit. S. 339–340.

⁴⁶⁰ См. новейшую работу: *Wolter H.* Die Verlobung Heinrichs VI mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch. 1985. Jg. 105. S. 30 ff.

⁴⁶¹ См.: *Opff F.* Op. cit. S. 417 ff. (с последующим указанием литературы).

⁴⁶² К политическому положению папства между Империей, Византией и Сицилией см. также: *Engels O.* Zum Konstanzer Vertrag von 1153 // *Deus qui mutat tempora: Menschen und Institutionen im Wandel des Mittelalters: Festschrift für A. Becker zu seinem 65. Geburtstag* / Hrsg. von E.-D. Hehl, H. Seibt, F. Staab. Sigmaringen, 1987. S. 235–258; *Niederhorn J. P.* Die Mitgift der Kaiserin Irene: Anmerkungen zur byzantinischen Politik König Konrads III // *Römische historische Mitteilungen*. 1986. Bd. 28. S. 125 ff.

⁴⁶³ См.: BOM. 132, 134.

⁴⁶⁴ BOM. 316.

⁴⁶⁵ См. по этому поводу: *Petersohn J.* Rahewin IV 49: «Seu de recipiendo prefecto»: Zur Rolle der Präfektur bei den kaiserlichrömischen Verhandlungen von 1159 // *Geschichtsschreibung und geistiges Leben im Mittelalter: Festschrift für H. Löwe zum 65. Geburtstag / Hrsg. von K. Hauck und H. Mordek.* Köln; Wien, 1978. S. 397–409.

⁴⁶⁶ *Opil F.* Op. cit. S. 424–425.

⁴⁶⁷ См. об этом до сих пор остающийся классическим труд: *Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2.

⁴⁶⁸ См. также ниже, с. 342 слл.

⁴⁶⁹ MGH. DFI. 694.

⁴⁷⁰ См. об этом: *Baaken G.* Op. cit. S. 219 ff.; *Wolter H.* Die Verlobung Heinrichs VI mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // *Historisches Jahrbuch.* 1985. Jg. 105. S. 30 ff.

⁴⁷¹ См.: *Kretschmayr H.* Geschichte von Venedig. 3 Bde. Neudruck: Aalen, 1964 (Geschichte der europäischen Staaten; 55. Allgemeine Staatengeschichte 1/35); а также: *Rösch G.* Venedig und das Reich: Hande und verkehrspolitische Beziehungen in der deutschen Kaiserzeit. Tübingen, 1982. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom; 53).

⁴⁷² Из современных работ см.: *Lilie R.-J.* Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnen und der Angeli (1081–1204). Amsterdam, 1948.

⁴⁷³ MGH.DFI.94 (= BOM 263). — Прототипом послужила соответствующая грамота Лотаря III.

⁴⁷⁴ См. новейшую работу: *Steindorff L.* Die dalmatischen Städte im 12 Jahrhundert. Köln; Wien, 1984. (Städteforschung / Hrsg. von H. Stoob; A 20).

⁴⁷⁵ *Ohnsorge W.* Die Legaten Alexanders III. im ersten Jahrzehnt seines Pontifikats (1159–1169). Berlin, 1928. (Historische Studien; 175). S. 154 ff.

⁴⁷⁶ *Classen P.* La politica di Manuele Comneno tra Federico Barbarossa e le città italiane // *Popolo e stato in Italia nell'età di Federico Barbarossa: Alessandria e la Lega lombarda: Relazioni e comunicazioni al XXXIII congresso storico subalpino per la celebrazione dell'VIII centenario della fondazione di Alessandria.* Torino, 1970. P. 265 sqq.

⁴⁷⁷ См. об этом также ниже, с. 347 слл.

⁴⁷⁸ См.: *Leonhard J.-F.* Die Seestadt Ancona im Spätmittelalter: Politik und Handel. Tübingen, 1983. (Bibliothek des Deutschen Historisches Instituts in Rom; 55). S. 72 ff.

⁴⁷⁹ Об этом также см.: *Opfl F.* Studien zur frühen Wiener Handelsgeschichte // *Wiener Geschichtsblätter*. 1980. Jg. 35. S. 49 ff.

⁴⁸⁰ Ср. работы П. Дармштедтера, К. Шрода и Г. Баура: *Darmstädter P.* Das Reichsgut in der Lombardei und Piemont: 568–1250. Straßburg, 1896; *Schrod K.* Reichstraßen und Reichsverwaltung im Königreich Italien (754–1197). Stuttgart, 1974. (Beihefte zur Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte; 25); *Baur H.* Das Reichsgut in Venetien: Ungedr. phil. Diss. Frankfurt a. M., 1922.

⁴⁸¹ *Brühl C., Kölzer Th.* Das Tafelgüterverzeichnis des römischen Königs. (Ms. Bonn, S. 1559). Köln; Wien, 1979.

⁴⁸² См. об этом: *Haverkamp A.* Das Zentralitätsgefüge Mailands im hohen Mittelalter // *Zentralität als Problem der mittelalterlichen Stadtgeschichtsforschung* / Hrsg. von E. Meynen. Köln; Weimar; Wien, 1979. S. 48–78.

⁴⁸³ Об отношении Барбароссы к итальянским коммунам см.: *Opfl F.* Stadt und Reich. S. 178 ff. è 528 ff.

⁴⁸⁴ См.: *Haverkamp A.* Friedrich I. und der hohe italienische Adel // *Beiträge zur Geschichte Italiens im 12. Jahrhundert*. Sigmaringen, 1971. (Vorträge und Forschungen; Sonderbd. 9). S. 53–92; *Strachwitz M.* Die Privilegierungen des italienischen Adels durch Kaiser Friedrich I.: Ungedr. Staatsprüfungsarbeit am Institut für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1968; *Brezzi P.* Gli alleati italiani di Federico Babarossa (feodatars e città) // *Federico Babarossa nel dibattito storiografico in Italia e in Germania* / A cura di R. Manselli e J. Riedmann. Bologna, 1982. (Annali dell'Istituto storico italo-germanico; 10). P. 157–197.

⁴⁸⁵ О городской социальной структуре Милана как особенно типичном примере см.: *Violante C.* La società milanese nell'età precomunale. 2 Aufl.: Roma; Bari, 1974. (Universale Laterza, 284); *Keller H.* Adels Herrschaft und städtische Gesellschaft in Oberitalien 9. bis 12. Jahrhundert. Tübingen, 1979. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom; 52).

⁴⁸⁶ Примеры см.: *Opfl F.* Stadt und Reich. S. 289 ff. (Имола) или 457 ff. (Верона).

⁴⁸⁷ См. о них: *Guagnini G.* I Malaspina: Origine, fasti, tramonte di una dinastia. Milano, 1973; *Haverkamp A.* Friedrich I. S. 63 ff.

⁴⁸⁸ О нем см.: *Haverkamp A.* Friedrich I. S. 81 ff.; *Hägermann D.* Beiträge. S. 222. Анн. 185.

⁴⁸⁹ См. об этом: *Hägermann D.* Beiträge. S. 218 ff.

⁴⁹⁰ Об этих графах см.: *Haverkamp A.* Friedrich I. S. 64 ff.; *Brezzi P.* Op. cit. P. 163. Анн. 6.

⁴⁹¹ Ср. выше прим. 486.

⁴⁹² К вопросу о развитии коммун см.: *Dilcher G.* Die Entstehung der lombardischen Stadtkommune: Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. Aalen, 1967 (Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte; N. F. 7). Важные рассуждения Келлера в различных его работах теперь собраны в издании: *Keller H.* Op. cit.; см. также собрание источников: *Bordone R.* La società urbana nell'Italia comunale (secoli XI–XIV). Torino, 1984. (Documenti della Storia; 40). О тех же вопросах см. ниже, с. 318 слл.

⁴⁹³ См.: *Opfl F.* Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1).

⁴⁹⁴ См.: *Riedmann J.* Die Beurkundung der Verträge Friedrich Barbarossas mit italienischen Städten: Studien zur diplomatischen Form von Vertragsurkunden im 12. Jahrhundert. Wien, 1973. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse. Sitzungsberichte; 291/3).

⁴⁹⁵ См. об этом: *Haverkamp A.* Herrschaftsformen; *Nahmer D.* von der. Die Reichsverwaltung.

⁴⁹⁶ См. выше, с. 13, прим. 22.

⁴⁹⁷ См. о нем: *Wurst O.* Bischof Hermann von Verden 1148–1167: Eine Persönlichkeit aus dem Kreise um Kaiser Friedrich I. Barbarossa. Hildesheim, 1972. (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens; 79).

⁴⁹⁸ См.: *Ludwig Ch.* Untersuchungen über die frühesten 'Podestaten' italienischer Städte. Wien, 1973. (Dissertationen der Universität Wien; 90); *Opfl F.* Stadt und Reich. S. 529. Анн. 35 а.

⁴⁹⁹ Ср.: *Brühl C.* Die Finanzpolitik Friedrich Barbarossas in Italien / / Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 213. S. 29 ff.

⁵⁰⁰ По поводу этих соображений см. работу К. Брюля (см. предыдущее примечание). О Вельфе IV см.: Feldmann K. Herzog Welf VI. und sein Sohn: Das Ende des süddeutschen Welfenhauses (mit Regesten): Diss. Tübingen, 1971. S. 73 ff.

⁵⁰¹ Ср.: *Kiener F.* Verfassungsgeschichte der Provence seit der Ostgotenherrschaft bis zur Errichtung der Konsulate (510–1200). Leipzig, 1900; *Güterbock F.* Zur Geschichte Burgunds im Zeitalter Barbarossas / *Zeitschrift für schweizerische Geschichte.* 1937. Jg. 17. S. 145–229; Büttner H. Friedrich Barbarossa und Burgund. Studien zur Politik der Staufer während des 12. Jahrhunderts // Probleme des 12. Jahrhunderts. Reichenau-Vorträge 1965–1967 / Hrsg. von Th. Mayer. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 79–120; Mariotte J.-Y. Le Comté de Bourgogne sous les Hohenstaufen: 1156–1208. Paris, 1963. (Cahiers d'études comtoises; 4). О бургундских городах см.: *Opfl F.* Stadt und Reich. S. 481 ff., 534 ff.

⁵⁰² См.: *Heinemann H.* Untersuchungen zur Geschichte der Zähringer in Burgund // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1983. Bd. 29. S. 42–192. 1984. Bd. 30. S. 97–257.

⁵⁰³ Ср.: *Hoke R.* Die Freigrafschaft Burgund, Savoyen und die Reichsstadt Besançon im Verbands des mittelalterlichen deutschen Reiches // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanische Abteilung. 1962. Bd. 79. S. 148 ff; *Mariotte J.-Y.* Op. cit. S. 115 ff.

⁵⁰⁴ *Munz F.* Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics. London, 1969. S. 146 ff.

⁵⁰⁵ См.: *Kiener F.* Op. cit.; *Engelmann E.* Zur städtischen Volksbewegung in Südfrankreich: Kommunefreiheit und Gesellschaft. Arles, 1200–1250. Berlin, 1959. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte; 4); *Fried J.* Friedrich Barbarossas Krönung in Arles (1178) // Historisches Jahrbuch. 1983. Jg. 103. S. 347–371.

⁵⁰⁶ См.: *Opfl F.* Stadt und Reich. S. 491 ff.

⁵⁰⁷ См. об этом: *Fried J.* Op. cit. S. 347 ff.

⁵⁰⁸ *Opfl F.* Stadt und Reich. S. 488–489.

⁵⁰⁹ См. по этому поводу: *Schmale F.-J.* Lothar III und Friedrich I als Könige und Kaiser // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 121 ff.; а также: *Hausmann F.* Die Anfänge des staufischen Zeitalters unter Konrad III. // Probleme

des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 53–79.

⁵¹⁰ См. о возвышении Вихмана Магдебургского: ВОР 88, 103, 127 и 211.

⁵¹¹ Впрочем, и сам Фридрих не оставался совершенно равнодушным к этим происходившим в Риме процессам, ср. об этом выше, с. 44–45.

⁵¹² Историческая оценка Констанцкого договора была обоснована прежде всего в труде П. Рассова: *Rassow P. Honor Imperii: Die neue Politik Friedrich Barbarossas 1152–1159*. 2 Aufl.: Darmstadt, 1961. Впрочем, его точка зрения уже вскоре подверглась критике (*Grundmann H. Rezension von: Peter Rassow, Honor Imperii // Friedrich Barbarossa*. S. 26 ff.). Из новейшей литературы по этому кругу вопросов см.: *Engels O. Zum Konstanzer Vertrag von 1153 // Deus qui mutat tempora: Menschen und Institutionen im Wandel des Mittelalters: Festschrift für A. Becker zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. von E.-D. Hehl, H. Seibt, F. Staab. Sigmaringen, 1987. S. 235–258.*

⁵¹³ ВОР. 314 и 315.

⁵¹⁴ Одобрение первого итальянского похода Барбароссы в октябре 1152 года принесенной в Вюрцбурге присягой князей (ВОР 135) последовало, Впрочем, после жалоб нескольких изгнанных со своей родины апулийцев.

⁵¹⁵ По поводу литературы о папских легатах этой эпохи см.: *Brackmann. Legation.*; *Janssen W. Die päpstlichen Legaten in Frankreich vom Schisma Anaklets II. bis zum Tode Coelestins III. (1130–1198)*. Köln; Graz, 1961; *Ohnsorge W. Die Legaten Alexanders III. im ersten Jahrzehnt seines Pontifikats (1159–1169)*. Berlin, 1928. (Historische Studien; 175); и *его же: Päpstliche und gegenpäpstliche Legaten in Deutschland und Skandinavien, 1159–1181*. Berlin, 1929. (Historische Studien; 188).

⁵¹⁶ См.: Heinemeyer W. «Beneficium — non feudum, sed bonum factum»: Der Streit aus dem Reichstag zu Besançon 1157 // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 1969. Bd. 15. S. 155 ff

⁵¹⁷ См.: ВОР 495 (с перечислением исследующей проблему литературы).

⁵¹⁸ См. об этом: Rahewin. *Gesta IV, 21 // Bischof Otto von Freising und Rahewin. Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica / Übers. von*

A. Schmidt, hrsg. von F.-J. Schmale. Darmstadt, 1974. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 17). S. 556 ff.

⁵¹⁹ См.: *Zeillinger K.* Zwei Diplome Barbarossas für seine römischen Parteigänger (1159) // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1964. Jg. 20. S. 568 ff.

⁵²⁰ Оттавиано еще в 1152 году, при Евгении III, сделал ставку на Барбароссу.

⁵²¹ См.: *Madertoner W.* Die zwiespältige Papstwahl des Jahres 1159. Wien, 1978. (Dissertationen der Universität Wien; 136).

⁵²² Император выразил это уже в своих пригласительных посланиях, вызывавших на церковное собрание в Павию, см.: *Op// F.* Das kaiserliche Mandat im 12. Jahrhundert (1125–1190) // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.* 1976. Bd. 84. S. 315–316, с прим. (Anm. 197).

⁵²³ См. об этом: *Heinemeyer W.* Die Verhandlungen an der Sâone im Jahre 1162 // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1964. Jg. 20. S. 155 ff.; *Schmale F.-J.* Friedrich I. und Ludwig VII. im Sommer des Jahres 1162 // *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte.* 1968. Bd. 31. S. 315 ff.; *Kienast W.* Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270): Weltkaiser und Einzelkönige. Stuttgart, 1974–1975. Bd. 1. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 9/1). S. 203 ff.

⁵²⁴ *The Letters of John of Salisbury.* Vol. II / Ed. by W. J. Millor, H. E. Butler and C. N. L. Brooke. Oxford, 1959. (Oxford Medieval Texts). Nr. 168.

⁵²⁵ Показательно для этого времени прежде всего его отношение к Герхоху Райхерсбергскому и Гартману Бриксенскому, см.: *Classen P.* Gerhoch von Reichersberg: Eine Biographie. Wiesbaden, 1960. S. 211–212; *Op// F.* Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1). S. 33 с прим. (Anm. 2).

⁵²⁶ См. об этом ниже, с. 360–361.

⁵²⁷ См.: *Rill G.* Zur Geschichte der Würzburger Eide von 1165 // *Würzburger Diözesangeschichtsblätter.* 1960. Bd. 22. S. 7–19. S. 7 ff.

⁵²⁸ Из последней литературы о них см.: *Görlich K.* Ein Kartäuser im Dienst Friedrich Barbarossas: Dietrich von Silvebénite (с. 1145–1205). Salzburg, 1987. (Analecta Cartusiana; 53). S. 35 ff.

⁵²⁹ См.: *Ibid.* S. 54 ff.

⁵³⁰ О Конраде фон Урслингене, новом герцоге Сполето, и его роде см.: *Schubring K.* Die Herzoge von Urslingen: Studien zu ihrer Besitz-, Sozial- und Familiengeschichte mit Regesten. Stuttgart, 1974. (Veröffentlichungen der Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg; B 67).

⁵³¹ Ср.: *Baaken G.* Unio regni ad imperium: Die Verhandlungen von Verona 1184 und die Eheabredung zwischen König Heinrich VI. und Konstanze von Sizilien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1972. Bd. 52. S. 222 ff.

⁵³² См.: *Heyen F.-J.* Über die Trierer Doppelwahlen von 1183 und 1242 // Archiv für mittelrheinische Kirchengeschichte. 1969. Bd. 21. S. 21–33.

⁵³³ Об этом наименовании см.: *Opff F.* Das Itinerar. S. 94. Anm. 38.

⁵³⁴ См.: *Opff F.* Amator ecclesiarum: Studien zur religiösen Haltung Friedrich Barbarossas // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1980. Bd. 88. S. 71.

⁵³⁵ См. о ней: *Gattermann G.* Die deutschen Fürsten auf der Reichsheerfahrt: Studien zur Reichskriegsverfassung der Stauferzeit: Ungedr. phil. Diss. Frankfurt a. M., 1956.

⁵³⁶ См. *Opff F.* Das Itinerar.

⁵³⁷ MGH. DF. I. 239.

⁵³⁸ *Opff F.* Das Itinerar. S. 118.

⁵³⁹ Краткий обзор см.: *Büttner H.* Das Erzstift Mainz und das Reich im 12. Jahrhundert // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 1959. Bd. 9. S. 18–36. Ср. также: *Opff F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6). S. 115 ff. (с более подробной библиографией).

⁵⁴⁰ См.: *Büttner H.* Staufische Territorialpolitik im 12. Jahrhundert / Württembergisch Franken. 1963. Bd. 47 (Neue Folge: Bd. 37). S. 14–15; *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7). S. 134 ff.

⁵⁴¹ *Schöntag W.* Untersuchungen zur Geschichte des Erzbistums Mainz unter den Erzbischöfen Arnold und Christian I. (1153–1183).

Darmstadt; Marburg, 1973. (Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte; 22).

⁵⁴² См. о нем: *Oehring S.* Erzbischof Konrad I. von Mainz im Spiegel seiner Urkunden und Briefe (1161–1200). Darmstadt; Marburg, 1973. (Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte; 25).

⁵⁴³ Его грамоты, изданные от имени имперского легата, опубликованы Д. Хегерманом: *Hägermann D.* Die Urkunden Erzbischof Christians I. von Mainz als Reichslegat Friedrich Barbarossas in Italien // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1968. Bd. 14. S. 202–301. S. 202 ff. Ср. также: *Schöntag W.* Op. cit.

⁵⁴⁴ См.: *Opll F.* Stadt und Reich. S. 74 ff.

⁵⁴⁵ О *terra imperii* эпохи Барбароссы из новейших работ см.: *Fried J.* Die Wirtschaftspolitik Friedrich Barbarossas in Deutschland // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1984. Jg. 120. S. 195–239. S. 213 ff.

⁵⁴⁶ См. о нем: *Wendehorst A.* Eberhardt von Bamberg // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1987. Bd. 3. S. 1519–1520.

⁵⁴⁷ Диктат разосланных тогда циркулярных писем, очень вероятно, задан Эберхардом, см.: MGH. DF. I. 186 (= BOM 492).

⁵⁴⁸ *Opll F.* Amator ecclesiarum. S. 80–81.

⁵⁴⁹ MGH. DF. I. 851.

⁵⁵⁰ См.: *Opll F.* Stadt und Reich. S. 331.

⁵⁵¹ Об Альберике см.: *Opll F.* Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi: Stadtentwicklung im Spannungsfeld zwischen Reich und Städtebündnis // Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 86–87.

⁵⁵² Об отношениях таких имперских аббатств с Империей см.: *Wehlt H.-P.* Reichsabtei und König, dargestellt am Beispiel der Abtei Lorsch mit Ausblicken auf Hersfeld, Stablo und Fulda. Göttingen, 1970. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 28).

⁵⁵³ *Engels O.* Die Staufer. 3. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1984. (Urban-Taschenbücher; 154). S. 15.

⁵⁵⁴ Ср.: *Büttner H.* Staufische Territorialpolitik. S. 25; *Schmid K.* Graf Rudolf von Pfullendorf und Kaiser Friedrich I. Freiburg i. Br., 1954. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte; 1). S. 194 ff.

⁵⁵⁵ MGH. DF. I. 479. Ср. об этом: *Reuter T.* Das Edikt Friedrich Barbarossas gegen die Zisterzienser // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1976. Bd. 84. S. 328–336.

⁵⁵⁶ См.: *Görich K.* Op. cit. S. 47 ff.

⁵⁵⁷ MGH. DF. I. 690.

⁵⁵⁸ См об этом: *Opff F.* Amator ecclesiarum. S. 70 ff.

⁵⁵⁹ *Rahewin.* Gesta IV. 86 // Bischof Otto. S. 708 ff.

⁵⁶⁰ *Classen P.* Op. cit. S. 211–212; *Opff F.* Amator ecclesiarum. S. 81–82.

⁵⁶¹ BOM 340, ср.: *Opff F.* Amator ecclesiarum. S. 81–82.

⁵⁶² Ср.: *Schaller H. M.* Der heilige Tag als Termin mittelalterlicher Staatsakte // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1974. Jg. 30. S. 1–24.

⁵⁶³ *Hofmann H.* Die Heiligen Drei Könige: Zur Heiligenverehrung im kirchlichen, gesellschaftlichen und politischen Leben des Mittelalters. Bonn, 1975. (Rheinisches Archiv; 94).

⁵⁶⁴ Примеры см.: *Opff F.* Amator ecclesiarum. S. 82 ff.

⁵⁶⁵ По поводу этих проблем специально в отношении эпохи Штауфенов см.: *Patze H.* Friedrich Barbarossa und die deutschen Fürsten // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 5: Supplement: Vorträge und Forschungen / Hrsg. R. Haussherr und Ch. Väterlein. S. 35–76; *Heinemeyer K.* König und Reichsfürsten in der späten Salier- und frühen Stauferzeit // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1986. Jg. 122. S. 1–40

⁵⁶⁶ Ср.: *Kottje R.* Zur Bedeutung der Bischofsstädte für Heinrich IV // Historisches Jahrbuch. 1978. Bd. 97/98. S. 131–157; а также: *Bosl K.* Die Reichsministerialität der Salier und Staufer. Stuttgart, 1950–1951. T. 1–2 (Schriftenreihe der Monumenta Germaniae historica; 10/1, 10/2).

⁵⁶⁷ Непременное условие (буквально «условие, без которого нет») (лат.). — *Прим. перев.*

⁵⁶⁸ См. об этом: *Schmidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1987. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 7).

⁵⁶⁹ См. по поводу этих аспектов: *Gattermann G.* Die deutschen Fürsten auf der Reichsheerfahrt: Studien zur Reichskriegsverfassung der Stauferzeit. Ungedr. phil. Diss. Frankfurt a. M., 1956.

⁵⁷⁰ *Grundmann H.* Rotten und Brabanzonen: Söldner-Heere im 12. Jahrhundert // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1942. Bd. 5. S. 419 ff.

⁵⁷¹ В деталях о ней см.: *Vollmer F. X.* Reichs- und Territorialpolitik Kaiser Friedrichs I. Ungedr. phil. Diss. (Freiburg i. Br., 1951).

⁵⁷² См. также, напр.: *Engels O.* Die Staufer. 3. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1984. (Urban-Taschenbücher; 154). S. 46 ff.

⁵⁷³ *Regesta Imperii.* 427 è 433.

⁵⁷⁴ См.: *Feldmann K.* Herzog Welf VI. und sein Sohn: Das Ende des süddeutschen Welfenhauses (mit Regesten): Diss. Tübingen, 1971. S. 65 ff.

⁵⁷⁵ О Конраде см.: *Brinken B.* Die Politik Konrads von Staufen in der Tradition der Rheinischen Pfalzgrafschaft: Der Widerstand gegen die Verdrängung der Pfalzgrafschaft aus dem Rheinland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts. Bonn, 1974. (Rheinisches Archiv; 92).

⁵⁷⁶ Это хорошо прослеживается прежде всего в связи с *coniuratio* в Трире (1157/1161 годы) и «Рейнекской распрей» между Конрадом и Райнальдом фон Дасселем, см.: *Brinken.* Op. cit. S. 53 ff., 109 ff. и 188 ff.

⁵⁷⁷ MGH.DF.I.546. Ср.: *Büttner H.* Staufische Territorialpolitik im 12. Jahrhundert // Württembergisch Franken. 1963. Bd. 47 (Neue Folge: Bd. 37). S. 22.

⁵⁷⁸ MGH.DF.I.624 и 625. См. об этом: *Klebel E.* Die Grafen von Sulzbach als Hauptvögte des Bistums Bamberg // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1926. Bd. 41. 108 ff.

⁵⁷⁹ Ср.: *Büttner H.* Staufer und Zähringer im politischen Kräftespiel zwischen Bodensee und Genfer See während des 12. Jahrhunderts // Schwaben und Schweiz im frühen und Hohen Mittelalter / Hrsg. von H. Patze. Sigmaringen, 1972. (Vorträge und Forschungen; 15). S. 437–530; Heinemann H. Untersuchungen zur Geschichte der Zähringer in Burgund: Teil 1 // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1983. Bd. 29. S. 42 ff., Teil 2 // Ibid. 1984. Bd. 30. S. 97 ff.; см. также статьи в изданиях: *Die Zähringer: Eine Tradition und ihre Erforschung* / hrsg. von K. Schmid Sigmaringen, 1986. (Veröffentlichungen zur Zähringer-Ausstellung; 1); *Die Zähringer: Anstoß und Wirkung* / hrsg. von H. Schadek und K. Schmid.

Sigmaringen, 1986. (Veröffentlichungen zur Zähringer-Ausstellung; 2).

⁵⁸⁰ См. об этом: *Maurer H.* Der Herzog von Schwaben. Sigmaringen, 1978. S. 291.

⁵⁸¹ Так полагает Ф. Мунц: *Munz F.* Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics. London, 1969. S. 146 ff.

⁵⁸² Ср.: *Schmid K.* Graf Rudolf von Pfullendorf und Kaiser Friedrich I. Freiburg i. Br., 1954. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte; 1). S. 64 ff.

⁵⁸³ См.: *Weis H.* Die Grafen von Lenzburg in ihrer Beziehungen zum Reich und zur adligen Umwelt: Ungedr. phil. Diss. Freiburg i. Br., 1959; *Opll F.* Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer Regesta Imperii; 1). S. 56 f.

⁵⁸⁴ *Feldmann K.* Herzog Welf VI. und sein Sohn. S. 73 ff. è 86 ff.

⁵⁸⁵ *Opll F.* Barbarossa in Bedrängnis: Zur uneinheitlichen Datierung eines Diploms aus dem Spätsommer 1167 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1987. Bd. 43. S. 199.

⁵⁸⁶ См. выше прим. 581.

⁵⁸⁷ Ср.: *Jordan K.* Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979. S. 197 ff.; *Heinemeyer K.* Der Prozeß Heinrichs des Löwen // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1981. Jg. 117. S. 1–60.

⁵⁸⁸ См. общую характеристику в: *Patze H.* Kaiser Friedrich Barbarossa und der Osten // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968 (Vorträge und Forschungen; 12). S. 337–409.

⁵⁸⁹ См.: *Ohnsorge W.* Die Byzanzpolitik Friedrich Barbarossas und der «Landesverrat» Heinrichs des Löwen // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1943. Bd. 6. S. 118 ff.; *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 180–181.

⁵⁹⁰ См.: *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 188 ff.

⁵⁹¹ Ср.: *Patze H.* Kaiser Friedrich Barbarossa und der Osten. S. 399.

⁵⁹² См. об этом: *Heinemeyer K.* König und Reichsfürsten in der späten Salier- und frühen Stauferzeit // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1986. Jg. 122. S. 4 ff.

⁵⁹³ См. генеалогические реестры, приводимые Деккер-Хауффом в издании (которые, правда, содержат ошибки и отчасти

данные, вряд ли заслуживающие доверия): *Decker-Hauff H.* Das Staufische Haus // Die Zeit der Stauer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 339 ff.

⁵⁹⁴ См.: *Assmann E.* Friedrich Barbarossas Kinder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Bd. 33. S. 435 ff. Деккер-Хауфф (см. ссылку в предыдущем примечании, S. 357) намеревался приписать Штауфену — без достаточных оснований — внебрачного сына по имени Ульрих. К. Гёрих считает родственного императору конверса-картезианца Дитриха Сильв-Бенитского его сыном (см.: *Görich K.* Ein Kartäuser im Dienst Friedrich Barbarossas: Dietrich von Silvebénite (c. 1145–1205). Salzburg, 1987. (Analecta Cartusiana; 53). S. 24 ff), в то время как другие относят его к дому герцогов Лотарингских (Ibid. S. 28).

⁵⁹⁵ Assman E. Op. cit. S. 447–448. (Правда, относимая здесь к 1174 году осада Анконы имела место в 1173 году!).

⁵⁹⁶ Ibid. S. 448; *Möhring H.* Saladin und der Dritte Kreuzzug. Wiesbaden, 1980. (Frankfurter historische Abhandlungen; 21). S. 125 ff.

⁵⁹⁷ Assman E. Op. cit. S. 451–452.

⁵⁹⁸ Ср.: *Wolter H.* Die Verlobung Heinrichs VI mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch. 1985. Jg. 105. S. 30–51.

⁵⁹⁹ *Pelzer H.* Friedrichs I. von Hohenstaufen Politik gegenüber Dänemark, Polen und Ungarn. Diss. Borna; Leipzig, 1906. S. 38 ff.; *Rassow P.* Der Prinzgemahl: Ein Pactum matrimoniale aus dem Jahre 1188. Weimar, 1950. (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit; 7/1). S. 55–56, 72 ff. Рассов в своей работе рассматривает договор о браке между Конрадом фон Ротенбургом и Беренгарией Кастильской от 1188 года.

⁶⁰⁰ *Eickhoff E.* Friedrich Barbarossa im Orient: Kreuzzug und Tod Friedrichs I. Tübingen, 1977 (Istanbuler Mitteilungen; Beiheft 17). S. 58.

⁶⁰¹ См. его биографию: *Jordan K.* Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979.

⁶⁰² См.: *Schmid K.* Op. cit.

⁶⁰³ См. уже сказанное об этом выше, на стр. 230 слл.

⁶⁰⁴ См. также выше, стр. 232 с прим. 488.

⁶⁰⁵ Эта женитьба в то самое время, когда отношения Барбароссы с Восточной Римской империей достигли критической

точки, проливает существенный свет на ухудшение монферратско-штауфеновских отношений, столь гармоничных на протяжении целых десятилетий.

⁶⁰⁶ См. об этом: *Hägermann D.* Beiträge zur Reichslegation Christians von Mainz in Italien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1969. Bd. 49. S. 186–238.

⁶⁰⁷ См.: *Opf F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6). S. 189 ff. По поводу засвидетельствованной только в XVIII веке женитьбы Вильгельма Монферратского — вероятно, дяди носившего то же имя многолетнего соратника Барбароссы по оружию — на мнимой дочери императора по имени София в 1186 году см. из новой литературы работу Ассмана: *Assmann E.* Op. cit. S. 467 ff.

⁶⁰⁸ См. особенно: *Haverkamp A.* Friedrich I. und der hohe italienische Adel // Beiträge zur Geschichte Italiens im 12. Jahrhundert. Sigmaringen, 1971. (Vorträge und Forschungen; Sonderbd. 9). S. 53–92.

⁶⁰⁹ См. об этом выше, на стр. 219 и 221.

⁶¹⁰ Ср. о нем в первую очередь: *Bos/ K.* Op. cit., а также замечания у Т. Майера и Й. Флекенштайна: *Mayer Th.* Die Ausbildung der Grundlagen des modernen deutschen Staates im hohen Mittelalter // Historische Zeitschrift. 1939. Bd. 159. S. 475; *Fleckenstein J.* Friedrich Barbarossa und das Rittertum: Zur Bedeutung der großen Mainzer Hofage von 1184 und 1188 // Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971. Göttingen, 1972. Bd. 2. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 36 / II). S. 1030.

⁶¹¹ О сеньорах фон Боланден см. статью О. Энгельса в: *Lexikon des Mittelalters.* Bd. I. München; Zürich, 1980. S. 356f.

⁶¹² Укажем, между прочим, на то, что уже в Констанцском договоре от 1153 года было предусмотрено подтверждение этого соглашения с папой со стороны императора посредством присяги, приносимой имперским министериалом, см.: *BOM* 164, 169. О феномене принесения присяги заместителем ср.: *Goetz W.* «...iuravit in anima regis»: Hochmittelalterliche Beschränkungen königlicher Eidesleistung // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1986. Bd. 42. S. 517–554, особенно S. 528.

⁶¹³ Этот раздел составляет тему моей опубликованной несколько лет назад докторской диссертации (*Op// F. Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190)*. Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. *Regesta Imperii*; 6).), так что я позволю себе в общем и целом сослаться на нее и ограничиться в этой главе более узкими данными. Подробные толкования остаются за ее пределами, в машинописном варианте моей диссертации, который перерабатывается для печати.

⁶¹⁴ *Kottje R. Zur Bedeutung der Bischofsstädte für Heinrich IV // Historisches Jahrbuch*. 1978. Bd. 97/98. S. 131–157.

⁶¹⁵ О научной полемике между Вальтером Шлезингером и Бернхардом Дистелькампом по поводу раннего периода истории этого города см.: *Keller H. Über den Charakter Freiburgs in der Frühzeit der Stadt // Festschrift für B. Schwineköper zu seinem 70 Geburtstag / Hrsg. von H. Maurer und H. Patze. Sigmaringen*, 1982. S. 249 ff.

⁶¹⁶ В 1116 году герцог Фридрих II Швабский вместе с братом Конрадом были назначены временными правителями в германских землях их дядей, императором Генрихом V, отправившимся в свой второй итальянский поход. — *Прим. ред.*

⁶¹⁷ См. об этом: *Op// F. Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190)*. Wien; Köln; Graz, 1978. (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters: Beihefte zu J. F. Böhmer *Regesta Imperii*; 1); а также: *Op// F. Stadt und Reich*. S. 541 ff.

⁶¹⁸ О понятиях «Pfalz-» или «Reichslandstädte» см.: *Stoob H. Formen und Wandel staufischen Verhaltens zum Städtewesen // Stoob H. Forschungen zum Städtewesen in Europa*. Köln; Wien, 1970. Bd. I. S. 62; об их значении уже при Конраде III ср.: *Schlesinger W. Bischofssitze, Pfalzen und Städte im deutschen Itinerar Friedrich Barbarossas // Aus Stadt- und Wirtschaftsgeschichte Südwestdeutschlands: Festschrift für E. Maschke zum 75 Geburtstag*. Stuttgart, 1975. (Veröffentlichungen der Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg; B 85). S. 49.

⁶¹⁹ Историческое название области в бассейне реки Плайсе. — *Прим. ред.*

⁶²⁰ См. об этом: *Op// F. Stadt und Reich*. S. 85 ff. (к Хагенау).

⁶²¹ MGH. DF. I. 566; *Opfl F. Stadt und Reich*. S. 38.

⁶²² *Opfl F. Stadt und Reich*. S. 157 ff.

⁶²³ См., напр.: *Schultz K. Zensualität und Stadtentwicklung im 11./12. Jahrhundert // Beiträge zum hochmittelalterlichen Städtewese*. Köln; Wien, 1982. (Städteforschung / Hrsg. von H. Stooß; A 11). S. 73 ff.

⁶²⁴ См. об этом: *Schultz K. Die Ministerialität als Problem der Stadtgeschichte: Einige allgemeine Bemerkungen, erläutert am Beispiel der Stadt Worms // Rheinische Vierteljahrsblätter*. 1968. Jg. 32. S. 184–219.

⁶²⁵ Необходимо, впрочем, отметить, что участие министералов в практическом осуществлении господства в Италии при Барбароссе было еще относительно скромным, и более отчетливо этот процесс проявляется только в поздний период его правления или в эпоху его сына.

⁶²⁶ MGH. DF. I. 503; *Opfl F. Stadt und Reich*. S. 556.

⁶²⁷ Ср.: *Opfl F. Stadt und Reich*. S. 178 ff., 526 ff.

⁶²⁸ Конрад посетил Италию лишь в качестве антикороля (1128–1130 годы) и — кратковременно — во время своего возвращения из крестового похода.

⁶²⁹ См.: *Opfl F. Friedrich Barbarossa und die Stadt Lodi: Stadtentwicklung im Spannungsfeld zwischen Reich und Städtebündnis // Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 70 ff.*

⁶³⁰ Об отношениях Барбароссы с Вероной см.: *Opfl F. Verona e l'Impero all'epoca di Federico Barbarossa: La formazione del Comune e le vicende relative all'Impero // Verona dalla caduta dei Carolingi al libero Comune. Convegno del 24–25 maggio 1985: Atti. Verona, 1987. P. 29 sqq.*

⁶³¹ Болеслав, впрочем, позднее не сдержал своих обещаний, см.: BOM 510.

⁶³² MGH. DF. I. 237.

⁶³³ MGH. DF. I. 238–240.

⁶³⁴ Об аспектах финансовой политики императора см. особенно: *Brühl C. Die Finanzpolitik Friedrich Barbarossas in Italien // Historische Zeitschrift*. 1971. Bd. 213. S. 13 ff.

⁶³⁵ В 1093 году Кремона, Лоди, Милан, Пьяченца и Матильда Каносская заключили первый городской союз против Империи, ср.: *Fasoli G. La Lega Lombarda: antecedenti, formazione, struttura*

// Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 143.

⁶³⁶ Об этом аспекте политики Штауфена см.: *Opf F. Divide et impera: Federico Barbarossa, Alessandria / Cesarea, Genova e Tortona / Il Barbarossa e i suoi alleati liguri-piemontesi. Atti del Convegno storico internazionale / A cura di G. Bergaglio. Gavi, 1987. P. 85 sqq.*

⁶³⁷ См. об этом: *Ambrosioni A. Le città italiane fra Papato e Impero dalla pace di Venezia alla pace di Costanza // La pace di Costanza 1183: Un difficile equilibrio di poteri fra società italiana et Impero. Milano–Piacenza, 27–30 aprile, 1983. Bologna, 1984. (Studi e testi di storia medioevale; 8). P. 35–57.*

⁶³⁸ *Opf F. Divide et impera. S. 85 ff.*

⁶³⁹ Названию этому, впрочем, не суждено было добиться признания, см.: *Opf F. Stadt und Reich. S. 191 f.* — с прим. (Анн. 69).

⁶⁴⁰ Фактически летом 1183 года должно было заканчиваться перемирие, заключенное на шесть лет в 1177 году.

⁶⁴¹ В этом смысле верна формулировка в недавно появившейся работе А. Хаферкампа о мирном договоре: *Haverkamp A. Der Konstanzer Friede zwischen Kaiser und Lombardenbund (1183) // Kommunale Bündnisse Oberitaliens und Oberdeutschlands im Vergleich / Hrsg. von H. Maurer. Sigmaringen, 1987. (Vorträge und Forschungen; 33). S. 42.* Подробнее см. о *пах* в статьях из сборников: *La pace di Constanza 1183: Un difficile equilibrio di poteri fra società italiana ed impero. Bologna, 1984. (Studi e testi di storia medioevale; 8); Studi sulla Pace di Constanza. Milano, 1984. (Deputazione di Storia patria per le province Parmensi. Sezione di Piacenza).*

⁶⁴² О размере штрафных платежей, цензов с регалий и других итоговых цифрах имперских доходов с итальянских городов см.: *Opf F. Stadt und Reich. S. 562 ff.*

⁶⁴³ О городах Бургундии см.: *Opf F. Stadt und Reich. S. 481 ff, 534 ff.*

⁶⁴⁴ *Opf F. Das Itinerar. S. 159;* о событиях 1170 года см.: *Fried J. Friedrich Barbarossas Krönung in Arles (1178) // Historisches Jahrbuch. 1983. Jg. 103. S. 359 ff.*

⁶⁴⁵ См. об этом прежде всего: *Fried J. Op. cit. S. 347 ff.*

⁶⁴⁶ См. по этому поводу: *MGH. DF. I. 752 (о Валансе); см. об этом также: Opf F. Stadt und Reich. S. 514.*

⁶⁴⁷ По этому поводу см. более давнюю работу Р. Хольцмана (*Holtzmann R. Der Weltherrschaftsgedanke des mittelalterlichen Kaisertums und die Souveränität der europäischen Staaten // Historische Zeitschrift. 1939. Bd. 159. S. 251 ff*), а также интересные, дифференцирующие эту тематику замечания Майера о письме Генриха II Английского к Барбароссе от 1157 года: *Mayer H.-E. Staufische Weltherrschaft? Zum Brief Heinrichs II. von England an Friedrich Barbarossa von 1157 // Friedrich Babarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 190 ff. Ср. также: Kirfel H. J. Weltherrschaftsidee und Bündnispolitik: Untersuchungen zur auswärtigen Politik der Stauer. Bonn, 1959. (Bonner historische Forschungen; 12); Appelt H. Die Kaiseridee Friedrich Barbarossas // Ibid. Friedrich Babarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 232.*

⁶⁴⁸ *Hageneder O. Weltherrschaft im Mittelalter // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1985. Bd. 93. S. 257 ff.*

⁶⁴⁹ Ср.: *The Letters of John of Salisbury. Vol. I / Ed. by W. J. Millor and H. E. Butler, revised by C. N. L. Brooke. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Toronto; New York, 1955. (Nelson Medieval Texts). Nr. 124; Engels O. Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Stauer im 12. Jahrhundert: Festgabe zu seinem 60. Geburtstag. Sigmaringen, 1988. S. 236 f.*

⁶⁵⁰ См.: *Hageneder O. Op. cit.*; интересные соображения по вопросу о штауфеновском «мировом господстве» обнаруживаются также у О. Энгельса: *Engels O. Op. cit. S. 231 ff.*

⁶⁵¹ См. прежде всего работу: *Ohnsorge W. Die Bedeutung der deutsch-byzantinischen Beziehungen im 12. Jahrhundert für den deutschen Osten // Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung. 1941. Bd. 5. S. 249 ff.*, а также обширный труд: *Lamma P. Comneni e Stauer: Ricerche sui rapporti fra Bisanzio e l'Occidente nel secolo XII. Roma, 1955–1957. T. 1–2. (Istituto Storico Italiano per il Medio Evo. Studi storici, Fasc. 14–18, 23–25).*

⁶⁵² См.: *Vollrath H. Konrad III. und Byzanz // Archiv für Kulturgeschichte. 1977. Jg. 59. S. 321–365.*

⁶⁵³ См. также: *Herkenrath R. M. Regnum und Imperium in den Diplomen der ersten Regierungsjahre Friedrichs I. // Friedrich Barbarossa / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975 (Wege der Forschung; 390). S. 323 ff.*

⁶⁵⁴ См. об этом новейшую работу: *Engels O. Zum Konstanzer Vertrag von 1153 // Deus qui mutat tempora: Menschen und Institutionen*

im Wandel des Mittelalters: Festschrift für A. Becker zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. von E.-D. Hehl, H. Seibt, F. Staab. Sigmaringen, 1987. S. 246 ff.; а также: *Niederkorn J. P.* Die Mitgift der Kaiserin Irene: Anmerkungen zur byzantinischen Politik König Konrads III // *Römische historische Mitteilungen*. 1986. Bd. 28. S. 125 ff.

⁶⁵⁵ *Engels O.* Zum Konstanzer Vertrag. S. 235 ff.; Idem. Die Staufer. S. 49 ff.

⁶⁵⁶ Так у П. Рассова: *Rassow P.* Honor Imperii: Die neue Politik Friedrich Barbarossas 1152–1159. 2 Aufl.: Darmstadt, 1961; см. об этом рецензию Г. Грундманна на его работу: *Grundmann H.* Rezension von: Peter Rassow, Honor Imperii // *Friedrich Barbarossa* / Hrsg. von G. Wolf. Darmstadt, 1975. (Wege der Forschung; 390). S. 26–32; и затем у О. Энгельса: *Engels O.* Zum Konstanzer Vertrag. S. 235 ff.

⁶⁵⁷ Ср.: *Engels O.* Zum Konstanzer Vertrag. S. 235 ff.

⁶⁵⁸ См. об этом: *Zeillinger K.* Friedrich I. Barbarossa, Manuel I. Komnenos und Süditalien in den Jahren 1155/1156 // *Römische Historische Mitteilungen*. 1985. Bd. 27. S. 53 ff.

⁶⁵⁹ BOM 510, 517, 518.

⁶⁶⁰ *Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Vol. 2. P. 231.

⁶⁶¹ *Ohnsorge W.* Die Byzanzpolitik Friedrich Barbarossas und der «Landesverrat» Heinrichs des Löwen // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1943. Bd. 6. S. 125.

⁶⁶² *Leonhard J.-F.* Die Seestadt Ancona im Spätmittelalter: Politik und Handel. Tübingen, 1983. (Bibliothek des Deutschen Historisches Instituts in Rom; 55). S. 53 ff.

⁶⁶³ *Kap-Herr H. von.* Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. Straßburg, 1881. S. 74 ff.; *Chalandon F.* Op. cit. P. 300; *Ohnsorge W.* Die Legaten Alexanders III. im ersten Jahrzehnt seines Pontifikats (1159–1169). Berlin, 1928. (Historische Studien; 175). S. 125 ff.

⁶⁶⁴ BOM 471; о Венгрии см. также: *Pelzer H.* Friedrichs I. von Hohenstaufen Politik gegenüber Dänemark, Polen und Ungarn: Diss. Borna bei Leipzig, 1906.

⁶⁶⁵ См. об этом: *Holtzmann W.* Papst Alexander III. und Ungarn // *Ungarische Jahrbücher*. 1927. Bd. 6. S. 397 ff., так же как и соответствующие разделы в работах: *Kap-Herr H. von.* Op. cit.; *Pelzer H.* Op. cit.

⁶⁶⁶ Classen P. La politica di Manuele Comneno tra Federico Barbarossa e le città italiane // *Popolo e stato in Italia nell'età di Federico Barbarossa: Alessandria e la Lega lombarda: Relazioni e comunicazioni al XXXIII congresso storico subalpino per la celebrazione dell'VIII centenario della fondazione di Alessandria*. Torino, 1970. P. 265 sqq.

⁶⁶⁷ См. об этом подробно в работе: *Lilie R.-J. Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnen und der Angeloi (1081–1204)*. Amsterdam, 1948.

⁶⁶⁸ См. об этом: *Kap-Herr H. von*. Op. cit. S. 85 ff.; *Ohnsorge W. Die Legaten*. S. 146 ff.; *Classen P.* Op. cit. P. 268, nota 12.

⁶⁶⁹ См. об этом: *Ohnsorge W. Die Byzanzpolitik*. S. 120 ff.; о политическом окружении см. также: *Lilie R.-J.* Op. cit. S. 479 ff.

⁶⁷⁰ Эта перемена в немалой степени также была обусловлена уже упомянутым расхождением между Мануилом и Венецией, см.: *Chalandon F.* Op. cit. P. 371; *Lilie R.-J.* Op. cit. S. 490.

⁶⁷¹ *Kap-Herr H. von*. Op. cit. S. 100 ff.; *Chalandon F.* Op. cit. P. 371 sqq.; *Ohnsorge W. Die Byzanzpolitik*. S. 121 ff.

⁶⁷² См. об этом: *Assmann E. Friedrich Barbarossas Kinder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1977. Bd. 33. S. 447 f. (правда, осада Анконы неверно отнесена там к 1174 году, тогда как правильная дата — 1173 год).

⁶⁷³ Впоследствии, 13 февраля 1177 года, Вильгельм заключил брак с Иоанной Английской, дочерью короля Генриха II, см.: *Chalandon F.* Op. cit. P. 377.

⁶⁷⁴ См.: *Eickhoff E. Friedrich Barbarossa im Orient: Kreuzzug und Tod Friedrichs I.* Tübingen, 1977. (Istanbuler Mitteilungen; Beiheft 17). S. 38 ff.

⁶⁷⁵ См. об этом все еще сохраняющую значение работу Г. Пельцера: *Pelzer H.* Op. cit., а также выводы, сделанные Г. Патце: *Patze H. Kaiser Friedrich Barbarossa und der Osten // Probleme des 12. Jahrhunderts: Reichenau-Vorträge 1965–1967*. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 337 ff.

⁶⁷⁶ *Patze H.* Op. cit. S. 378.

⁶⁷⁷ *Pelzer H.* Op. cit. S. 34; *Patze H.* Op. cit. S. 378.

⁶⁷⁸ Пельцер, во всяком случае, это предполагает: *Pelzer H.* Op. cit. S. 49.

⁶⁷⁹ *Pelzer H.* Op. cit. S. 49 f.

⁶⁸⁰ *Giesebrecht W. von.* Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Bd. 5. Leipzig, 1880. S. 475; Bd. 6 / Hrsg. und fortgesetzt von B. von Simpson. Leipzig, 1895. S. 446.

⁶⁸¹ *Patze H.* Op. cit. S. 406.

⁶⁸² См. о них прежде всего: *Pelzer H.* Op. cit.

⁶⁸³ *Jordan K.* Heinrich der Löwe: Eine Biographie. München, 1979. S. 96.

⁶⁸⁴ См.: *Pelzer H.* Op. cit. S. 38 ff.; *Rassow P.* Der Prinzgemahl: Ein Pactum matrimoniale aus dem Jahre 1188. Weimar, 1950. (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit; 7/1). S. 55 f., 72 ff.

⁶⁸⁵ Ср. по этому поводу: *Kienast W.* Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270): Weltkaiser und Einzelkönige. Stuttgart, 1974. Bd. 1. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; 9/1). S. 198 ff.; *Jordan K.* Staufer und Kapetinger im 12. Jahrhundert // *Francia.* 1974/75. Bd. 2. S. 136 ff.; *Trautz F.* Die Könige von England und das Reich 1272–1377: Mit einem Rückblick auf ihr Verhältnis zu den Staufern. Heidelberg, 1961. S. 60 ff.

⁶⁸⁶ Значение имеет прежде всего то обстоятельство, что Генрих не проявил готовности пойти навстречу личной просьбе императора — требованию вернуть мощи святого Иакова, увезенные императрицей Матильдой из имперской сокровищницы на свою английскую родину, см. об этом: *Mayer H.-E.* Op. cit. S. 190 ff.

⁶⁸⁷ ВОР 486.

⁶⁸⁸ ВОР 508, 509.

⁶⁸⁹ См.: *Cheney M. G.* The Recognition of Pope Alexander III: Some Neglected Evidence // *English Historical Review.* 1969. Vol. 84. P. 474 sqq., особенно P. 480 sqq.; а также: *Classen P.* Das Konzil von Toulouse 1160: eine Fiktion // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1973. Bd. 29. S. 220 ff.

⁶⁹⁰ Этот упрек, впрочем, заслуживает оговорок: Фридрих, очевидно, был столь непреклонно убежден в правильности своей позиции, что никогда не сомневался в своем праве недвусмысленно приглашать имперских князей на Сону «для утверждения папы Виктора».

⁶⁹¹ О событиях у Сен-Жан-де-Лон см.: *Heinemeyer W* Die Verhandlungen an der Sâone im Jahre 1162 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1964. Bd. 20. S. 155 ff.; *Schmale F.-J.* Friedrich I. und Ludwig VII. im Sommer des Jahres 1162 // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. 1968. Bd. 31. S. 315 ff.; *Kienast W* Op. cit. S. 203 ff.

⁶⁹² The Letters of John of Salisbury. Vol. II / Ed. by W. J. Millor, H. E. Butler and C. N. L. Brooke. Oxford, 1959 (Oxford Medieval Texts). Nr. 168.

⁶⁹³ Об этом уже говорилось выше, см.: с. 349, с прим. 673.

⁶⁹⁴ В то время как брак Вельфа был заключен 1 февраля 1168 года в Миндене, брак Штауфена не состоялся — он умер, вероятно, в 1169 году (см.: *Assmann E.* Op. cit. S. 455). Элеонора в 1170 году вышла замуж за короля Альфонса VIII Кастильского, см.: *Rassow P.* Der Prinzgemahl. S. 54–55.

⁶⁹⁵ Ср.: *Petersohn J.* Saint-Denis — Westminster — Aachen: Die Karls-Translatio von 1165 und ihre Vorbilder // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1975. Bd. 31. S. 420 ff.

⁶⁹⁶ См.: *Kienast W* Op. cit. S. 222.

⁶⁹⁷ См. к последующему изложению: *Kienast W* Op. cit. S. 225 ff.; *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 208 ff.; *Engels O.* Zur Entmachtung Heinrichs des Löwen // Festschrift für Andreas Kraus zum 60. Geburtstag / Hrsg. von P. Fried und W. Ziegler. Kallmünz/Opf., 1982. (Münchener Historische Studien: Abteilung Bayerische Geschichte; 10). S. 45 ff.

⁶⁹⁸ См. об этом: *Jordan K.* Heinrich der Löwe. S. 216; *Engels O.* Zur Entmachtung. S. 53. В противоположность представленному в этих работах мнению, что под императорской дочерью в этом случае подразумевалась Агнесса, младшая дочь императора, необходимо, однако, согласиться с Ассманом (*Assmann E.* Op. cit. S. 451 ff.) в том, что имени этой принцессы мы не знаем (в момент своей смерти осенью 1184 года Агнесса была помолвлена с Эммерихом Венгерским), ср. по этому поводу также аналогичное мнение в: *Wolter H.* Die Verlobung Heinrichs VI mit Konstanze von Sizilien im Jahre 1184 // Historisches Jahrbuch. 1985. Jg. 105. S. 46, Anm. 55.

⁶⁹⁹ *Engels O.* Zur Entmachtung. S. 53.

⁷⁰⁰ *Kienast W* Op. cit. S. 233 ff.

⁷⁰¹ См. об этом: *Oedinger F. W.* Das Bistum Köln von den Anfängen bis zum Ende des 12. Jahrhunderts // Geschichte des Erzbistums Köln. Bd.

1 / Hrsg. von E. Hegel. 2 Aufl. Köln, 1972. S. 161 ff.; *Op// F* Beiträge zur historischen Auswertung der jüngeren Hildesheimer Briefsammlung // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1977. Bd. 33. S. 479 f.

⁷⁰² Из-за Фольмара же тогда вновь почти дошли до разрыва отношения между императором и папством, ср.: *Heyen F.-J.* Über die Trierer Doppelwahlen von 1183 und 1242 // Archiv für mittelrheinische Kirchengeschichte. 1969. Bd. 21. S. 27 f.

⁷⁰³ Сам договор не сохранился, см.: *Kienast W.* Op. cit. 236 f.

⁷⁰⁴ См. обзор О. Энгельса: *Engels O.* Die Iberische Halbinsel von der Auflösung des Kalifats bis zur politischen Einigung // Europa im Hoch- und Spätmittelalter / Hrsg. von F. Seibt. Stuttgart, 1987. (Handbuch der Europäischen Geschichte; 2). S. 918 ff.

⁷⁰⁵ По поводу ее родства со Штауфеном можно сказать следующее: она родилась от брака князя Владислава II Польского и Агнессы из рода Бабенбергов, дочери Леопольда III Святого и Агнессы из рода Салиев, то есть являлась дочерью тетки Фридриха Барбароссы.

⁷⁰⁶ ВОМ 131, с необходимой поправкой «Альфонс VII» вместо «Альфонс II».

⁷⁰⁷ См. к последующему изложению: *Fried J.* Friedrich Barbarossas Krönung in Arles (1178) // Historisches Jahrbuch. 1983. Jg. 103. S. 347 ff.; а также *Op// F* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln; Graz, 1986. (Forschungen und Beiträge zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu Böhmer J. F. Regesta Imperii; 6). S. 495.

⁷⁰⁸ *Büttner H.* Friedrich Barbarossa und Burgund. Studien zur Politik der Staufer während des 12. Jahrhunderts // Probleme des 12. Jahrhunderts. Reichenau-Vorträge 1965–1967 / Hrsg. von Th. Mayer. Konstanz; Stuttgart, 1968. (Vorträge und Forschungen; 12). S. 110; *Fried J.* Op. cit. S. 361 f.

⁷⁰⁹ См.: *Hellmann S.* Die Grafen von Savoyen und das Reich bis zum Ende der staufischen Periode. Innsbruck, 1900. S. 49 f.

⁷¹⁰ Ibid. S. 48 f.

⁷¹¹ *Fried J.* Op. cit. S. 356 f., 362.

⁷¹² *Fried J.* Op. cit. S. 359 ff.

⁷¹³ Предшествующая историография за неимением ясных указаний в источниках была не в состоянии прояснить вопрос, какая из двух сторон проявила инициативу относительно этих

переговоров о заключении брака. Однако упоминание *nuncius domini imperatoris et illustrem filiam regis Castelle* в одной из грамот Альфонса VIII и его супруги королевы Леоноры (Элеоноры), датированной 21 мая 1187 года и выданной в Сан-Эстебанае, в Гормасе, по случаю придворного съезда, дает вполне отчетливое указание на усилия Штауфена, направленные на осуществление этого брака. См. об этом: Hernández F. J. *Los cartularios de Toledo. Catálogo documental*. Madrid, 1985. (*Monumenta ecclesiae Toletanae historica. Series I: Regesta et inventaria historica*; 1). P. 203, N. 218.

⁷¹⁴ См. об этом: *Rassow P. Der Prinzgemahl*.

⁷¹⁵ См. к последующему изложению: *Möhring H. Saladin und der Dritte Kreuzzug*. Wiesbaden, 1980. (*Frankfurter historische Abhandlungen*; 21). S. 125.

⁷¹⁶ *Ibid.*

⁷¹⁷ См. обобщающую работу: *Eickhoff E. Op. cit.*

⁷¹⁸ По поводу рассуждений в этой главе см.: *Eickhoff E. Friedrich Barbarossa im Orient: Kreuzzug und Tod Friedrichs I. Tübingen, 1977. (Istanbuler Mitteilungen; Beiheft 17). S. 170 ff.*; *Munz F. Frederick Barbarossa: A Study in Medieval Politics. London, 1969. S. 3 ff.*; а также статьи К. Шрайнера, В. Мигге, К. Лёхера, Х.-Г. Хофакера, Т. Бруне и Б. Баумунка: *Schreiner K. Die Staufer in Sage, Legende und Prophetie // Die Zeit der Staufer: Geschichte — Kunst — Kultur: Katalog der Ausstellung. Stuttgart, 1977. Bd. 3: Aufsätze. S. 249–262*; *Migge W. Die Staufer in der deutschen Literatur seit dem 18. Jahrhundert // Ibid. S. 275–290*; *Löcher K. Die Staufer in der bildenden Kunst // Ibid. S. 291–310*; *Schreiner K., Hofacker H.-G. Spätmittelalterliche und neuzeitliche Staufer-Überlieferungen in Schwaben und Württemberg // Ibid. S. 311–326*; *Brune Th., Baumunk B. Wege der Popularisierung // Ibid. S. 327–338*; *Schreiner K. Friedrich Barbarossa, Herr der Welt // Ibid. Bd. 5: Supplement: Vorträge und Forschungen / Hrsg. R. Haussherr und Ch. Väterlein. S. 521–580.*

⁷¹⁹ См.: *Eickhoff E. Op. cit. S. 171.*

⁷²⁰ *Schreiner K. Die Staufer in Sage. S. 259 f.*

⁷²¹ Перевод И. Ермаченко.

⁷²² *Munz F. Op. cit. S. 3.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Примечание автора: Указатель охватывает все имена собственные (топографические обозначения, личные имена), но не имена авторов цитируемых работ (см. библиографию в конце книги) и не специальные термины. Из названий трех основных частей средневековой Империи вследствие частоты словоупотребления опущены указания на Германию и Италию, указывается лишь Бургундия.

Абу Шама 210

Аванш 140

Авиньон 75, 94, 242

Австрия 70, 158

Агата, мать императрицы Беатрисы, сестра Матиаса Верхнелотарингского 429

Агнесса фон Саарбрюкен, вторая жена герцога Фридриха II Швабского, мачеха Барбароссы 41

Агнесса, дочь императора Генриха IV, супруга Фридриха I Швабского, затем маркграфа Леопольда III Австрийского, бабушка Барбароссы 30, 31, 35, 232, 295, 301

Агнесса, дочь Леопольда III Австрийского, супруга Владислава II Польского 351, 477

Агнесса, младшая дочь Барбароссы 177, 191, 297, 476, 447

Адальберт, архиепископ Майнцский 35

Адальберт III, архиепископ Зальцбургский 131, 135, 139, 140

Адам, аббат Эбраха 55, 251, 271

Адда, река 80, 86, 98, 109, 276, 322

Адела фон Фобург, первая жена Фридриха I Барбароссы 44, 60, 284, 295, 344

Адельберг, монастырь 193

Адидже (Эч), река 176

Адмонт 418

Адольф III, граф Голштинский 160

Адриан IV, папа – см. также Николас Брейкспис 64, 67, 70, 74,

- 77, 78, 79, 84, 86, 87, 225, 252, 253, 322, 325, 346
Адрианополь (ныне Эдирне) 205, 206
Адриатическое море 228, 349
Адриатическое побережье 67, 219, 322, 346
Аймон, архиепископ Мутье-ан-Тарантез 187
Айхштетт 61, 266
Аквилея, патриархат 176
Акка (Аккон, Акра) 195, 210
Александр III, папа, см. также Роландо (Роланд) Бандинелли
13, 16, 52, 88, 89, 90, 94, 96, 100, 103, 105, 106, 107, 108, 110,
112, 113, 114, 118, 121, 122, 130, 132, 133, 134, 137, 140, 141,
142, 144, 148, 166, 169, 170, 190, 222, 223, 228, 229, 255, 256,
257, 258, 259, 260, 267, 268, 271, 282, 314, 325, 327, 328, 329,
335, 347, 348, 349, 357, 358, 360, 363, 381, 382, 437
Александр, аббат Сито 125, 130, 259
Александр, епископ Льежский (Люттихский) 122
Алессандрия (Чезария) 141, 143, 144, 145, 147, 150, 168, 232,
302, 328, 330, 382, 441
Альбенга 84
Альберик, епископ Лоди 270
Альберик, сын Раймунда V Тулузского 368
Альберон, архиепископ Трирский 38
Альберт, епископ Фрейзингенский 114
Альбрехт III, граф Габсбургский 137
Альбрехт Медведь, маркграф Бранденбургский 39, 56, 91, 124,
131, 134
Альдерих, магистр, канцлер Людовика VII Французского 357
Альпы, горы 64, 71, 76, 79, 91, 93, 112, 115, 125, 127, 140, 142,
162, 189, 216, 217, 222, 229, 230, 234, 240, 241, 254, 256, 261,
267, 270, 281, 285, 292, 301, 304, 308, 318, 326, 329, 382, 383, 385
Альтенбург 136, 161
Альтебург, монастырь 46
Альфонс, король Арагона 133, 246, 368, 369
Альфонс VI, король Кастилии 367
Альфонс VII, король Кастилии 94, 367, 369
Альфонс VIII, король Кастилии 134, 198, 369, 370, 476, 478

- Альфонс IX, король Леона 370
Амбрён 242
Анаклет, папа 226
Ананьи 147, 149, 260, 442, 455
Анастасий IV, папа 61
Анатолия 206
Англия 14, 21, 52, 73, 89, 90, 117, 133, 134, 159, 171, 173, 175, 184, 193, 194, 199, 240, 272, 341, 354, 355, 356, 365, 366, 381, 435
Андекс, графы 161
Анкона 67, 69, 77, 81, 120, 121, 142, 149, 166, 205, 219, 229, 267, 322, 345, 346, 428, 467, 474
Анри (Генрих), граф Шампани (Труа) 359
Ансельм, епископ Астийский 64, 84
Ансельм, епископ Хафельбергский, затем архиепископ Равеннский 80, 251, 321
Антиохия (ныне Антакья) 210
Апеннины, горы 110, 120, 124, 142, 145, 178, 180, 182, 216, 220, 303, 304, 326
Апт 242
Апулия 67, 69, 72, 121, 226, 345, 346
Арагон 367, 368
Ардуций, епископ Женевский 437
Арелат 61, 133, 150, 241, 245, 308, 334, 369
Арль 94, 151, 242, 245, 246, 336, 337
Армения 208
Арнебург 154
Арно, река 123, 222
Арнольд Брешианский 58, 59, 66, 224, 250
Арнольд Любекский 16, 164, 198
Арнольд фон Дорштадт (прозванный Барбавария), подеста Пьяченцы 105, 237, 306, 424
Арнольд фон Зелехофен, канцлер, затем архиепископ Майнцский 61, 68, 91, 107, 264, 266
Арнольд, архиепископ Кёльнский 38, 46, 54, 94, 311
Аскании, род 39, 56, 131, 138, 139, 293
Асколи-Пичено 81

- Ассизи 150, 223
Асти 63, 64, 92, 143, 232, 301, 319, 320
Аугсбург 78, 84, 119, 128, 136, 156, 172, 175, 192, 254, 262, 263, 308, 313, 353
Ахен 54, 55, 56, 116, 117, 131, 140, 276, 280, 296, 311, 318, 361
Аццо, подеста в Парме 102
Ачербо Морена 18, 48, 50
Ашано 150
Ашаффенбург 72
Бабенберги, род 15, 31, 32, 39, 56, 57, 61, 68, 70, 71, 202, 232, 345, 422
Бавария 31, 39, 42, 56, 57, 62, 114, 157, 158, 160, 289, 290, 345
Баден-Вюртемберг 10
Базель 126, 137
Базилий, приор Гран-Шартреза 125, 260
Балдуин, граф Геннегау 184, 193, 364
Балдуин, капеллан 71
Балдуин, пробст собора в Хальберштадте, затем архиепископ Гамбург-Бременский 131, 154
Бальцхаузен-Швабегг фон, род 136
Бамберг 38, 45, 72, 130, 131
Бараделло, замок близ Комо 92
Барбавария – см. Арнольд фон Дорштадт
Бардовик 162
Барезо ди Арборея, судья, король Сардинии 109, 111
Барселона 367, 368
Беатриса Бургундская, императрица, вторая жена императора Фридриха I Барбароссы 69, 70, 122, 137, 177, 186, 243, 289, 296, 334, 345, 357, 384, 415, 429
Беатриса, дочь Барбароссы 142
Безансон 59, 74, 75, 77, 127, 253, 336, 353, 378
Бейрут 195
Бела II, король Венгрии 342
Бела III, король Венгрии 177, 202, 297
Белград 202, 203
Белле 242

- Беллинцона 189
Беневент 122, 322, 346
Бергамо 102, 119, 121, 237, 326
Беренгария Кастильская, невеста Конрада Ротенбургского 198, 370, 467
Бернар Клервоский, аббат 42, 271
Бернард Тевтонец 229
Бернардо Марагоне 19
Бернардо, кардинал Сан-Клементе 74
Бернхард, герцог Саксонский 158, 162, 163
Берое (ныне Стара Загора) 205
Беромюнстер 286
Берта фон Зульцбах (греч. имя Ирина), супруга византийского императора Мануила I, свояченица Конрада III 60, 73, 343, 346
Берта Швабская, супруга Маттиаса Верхнелотарингского, сестра Барбароссы 295
Бертиноро, западнее Чезены 149
Бертольд II фон Церинген, герцог 30
Бертольд III фон Церинген, герцог 34
Бертольд IV фон Церинген, герцог 56, 106, 108, 190, 191, 242, 267
Бертольд фон Пфуллендорф, граф 128
Бертольд фон Хокёнигсбург, граф 184, 206, 306
Бертольд, герцог Андекс-Меранский 203
Биберах фон, сеньоры 286
Блуа, род 358
Бо, сеньоры 242, 245, 247, 336, 368
Бове 357
Богемия 89, 138, 139, 167, 345
Богислав, князь Поморский 172, 352
Боденское озеро 132, 162, 169, 271, 300
Бозон, кардинал 19
Болеслав III, князь Польский 351
Болеслав IV, князь Польский 73, 75, 108, 322, 470
Болеслав Высокий, князь Польский 136, 351
Болонья 65, 82, 85, 104, 143, 180, 183, 320, 379
Большой Сен-Бернар, перевал 78

- Борго Сан Далмаццо 104
Борис Венгерский 342
Боско, маркграфы 92
Боэмунд III, князь Антиохийский 210
Брабант 119
Браничево (ныне Костолак) 203
Брауншвейг 160, 162, 163, 199
Брегенц 299
Бремен 287, 315
Бреннер, перевал 62, 78, 79, 108, 119, 137, 444
Бреслау (Вроцлав) 351
Брешиа 71, 79, 80, 85, 86, 91, 94, 96, 97, 101, 102, 105, 119, 120, 121, 125, 168, 177, 237, 254, 301, 320, 325
Брианца, местность к югу от озера Комо 92
Бриксен 173
Бриндизи 70
Бруно, аббат Кьяравалле 64
Буджиана, сеньоры 289
Буккон, епископ Вормсский 38
Булгар, правовед из Болоньи 82
Булгария, графство близ Милана 179
Бургундия 37, 56, 58, 59, 61, 64, 69, 73, 74, 75, 94, 103, 105, 107, 118, 127, 132, 133, 137, 151, 152, 162, 187, 196, 201, 241, 243, 244, 246, 247, 249, 253, 285, 296, 308, 334, 337, 338, 356, 357, 368, 440, 471
Бургундско-Маконские графы 241
Бурхард, императорский нотариус 96
Бурхард Урсбергский 17
Бусто, маркграфы 232
Бьяндрате, графы 81, 233, 302
Вайсенбург, монастырь 31, 155
Вайсензее, к северу от Эрфурта 160
Валанс 75, 242, 337, 338
Валльхаузен, пфальц 130
Вальдемар, король Дании 106, 163, 298, 353, 354
Вальдзассен, монастырь 276

- Вальтер, архиепископ Безансонский 335
Вартхаузен фон, сеньоры 286
Василица – см. Ворота Траяна
Васто, маркграфы 92
Везеле, монастырь 21
Везер, река 266, 283
Вельф IV, герцог 220
Вельф VI, герцог 39, 41, 43, 44, 46, 57, 58, 82, 87, 101, 104, 109, 115, 129, 138, 148, 154, 221, 241, 261, 281, 288, 293, 300, 303, 324, 326, 376
Вельф VII, герцог 112, 117, 122
Вельфы, род 9, 18, 31, 32, 33, 34, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 47, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 68, 70, 71, 221, 279, 283, 293, 295, 298, 308, 319, 343, 356, 376
Вена 114, 201, 352
Венгрия 20, 59, 73, 89, 90, 96, 199, 202, 322, 341, 347, 351, 352, 354, 356, 452, 473
Венеция 16, 20, 52, 119, 125, 142, 148, 168, 205, 219, 222, 226, 228, 229, 272, 282, 315, 327, 329, 336, 342, 347, 348, 349, 354, 455, 474
Вентимилья 84
Веринген фон, графы 155
Верла 160
Вернер фон Боланден 305, 468
Верона 68, 79, 82, 110, 111, 119, 174, 175, 176, 189, 195, 237, 365, 448, 470
Веронская лига 110, 111, 119, 121, 125, 444
Версилия 180, 304
Верчелли 64, 92, 124, 125
Вестфалия 154, 158, 365
Вецель 225
Вецлар 312
Вешенбойрен близ Гёппингена 28
Виа Эмилия 67, 82, 85, 104, 109, 180, 184, 237, 303, 306
Вибальд, аббат Ставло и Корвея 14, 27, 38, 40, 41, 45, 48, 55, 58, 343, 376, 424
Византия 14, 20, 43, 52, 60, 69, 73, 86, 113, 119, 133, 135, 140,

- 142, 199, 202, 203, 205, 206, 226, 228, 342, 344, 345, 346, 348, 349, 350, 354, 356, 360, 371, 376, 421, 455, 467
- Виктор IV, папа – см. также Оттавиано ди Монтичелли 89, 90, 94, 96, 103, 106, 107, 108, 110, 112, 147, 255, 256, 257, 258, 276, 325, 341, 353, 357, 367, 418, 475
- Вильгельм (Гильом), граф Женевский 187, 190, 201
- Вильгельм Монферратский, дядя (и тезка) маркграфа Вильгельма Монферратского 64, 80, 124, 125, 300, 429
- Вильгельм I, король Пруссии, германский император 375
- Вильгельм I, король Сицилии 65, 70, 79, 427
- Вильгельм II, король Сицилии 118, 135, 142, 149, 172, 181, 262, 297, 348, 349, 474
- Вильгельм, граф Маконский 59, 69, 243
- Вильгельм, маркграф Монферратский 111, 140, 143, 151, 232, 301, 468
- Вильгельм, сын Барбароссы 296
- Вильгельм, фон Ахен, граф Сиены 222, 306
- Вимпфен 316
- Винценбург фон, графы 55, 56, 58
- Винцент Пражский 16
- Витербо 81, 121, 123
- Вихман, епископ Наумбург-Цейцкий, затем архиепископ Магдебургский 56, 58, 157, 163, 460
- Виченца 110, 327
- Владимир Галицкий, князь 352
- Владислав, князь, затем король Богемии 70, 73, 75, 78, 80, 131, 139, 288, 322
- Владислав II, князь Польский 351, 477
- Вогезы, горы 241
- Вокулёр близ Туля 134, 362
- Вормс 40, 61, 115, 118, 154, 155, 194, 265, 315, 355
- Ворота Траяна (современная Василица) 204
- Восточная Римская империя (Восточный Рим) – см. Византия
- Вроцлав – см. Бреслау
- Вроцлавское епископство 73
- Вьенн 75, 151, 242, 243, 338

- Вюрцбург 40, 58, 62, 69, 70, 71, 73, 114, 128, 136, 157, 265, 346, 357, 367, 460
- Гави 184, 449
- Гави, маркграфы 232, 449
- Галле 73
- Галлиполи 206
- Гамбург 287, 315
- Гап 242
- Гарда, замок 82
- Гарда, озеро 174
- Гарсидоний, епископ Мантуанский 270, 325
- Гарстен под Штайром 132
- Гартман Бриксенский, епископ 259, 461
- Гарфаньяна 180, 304
- Гарц, горы 76, 160, 283, 293
- Гарцабан из Вероны 68
- Гвиго, дофин Вьеннский 64
- Гвидо III Гуэрра, граф 120, 251, 302, 446
- Гвидо да Крема, кардинал, затем папа Пасхалий III 110
- Гвидо ди Бьяндрате, граф 84, 143, 251
- Гвидо ди Бьяндрате Младший, архиепископ Равеннский 84, 87, 92, 97, 124, 254
- Гехард, епископ Вюрцбургский 45, 46
- Гехард фон Лойхтенберг, граф 306
- Геза II, король Венгрии 73, 107, 342, 347, 452
- Гёксу, река – см. Салеф
- Геллеспонт 200, 206
- Гельмольд из Босова 16, 21
- Гельнхаузен 132, 158, 159, 191, 268, 312, 317
- Геннегау, графы 17
- Генрих I, король Англии 355
- Генрих II, император 28, 113, 356
- Генрих II, король Англии 73, 129, 133, 159, 360, 472
- Генрих IV, император 29, 30, 31, 220, 249, 279, 308, 354
- Генрих V, император 31, 32, 34, 35, 36, 73, 249, 354, 355, 376, 469, 475

- Генрих (VI), король 42, 44
- Генрих VI, король, второй сын Барбароссы 26, 116, 140, 165, 167, 170, 171, 172, 175, 182, 184, 185, 186, 196, 200, 201, 205, 208, 210, 223, 227, 262, 297, 332, 342, 348, 352, 364, 373
- Генрих, аббат Лорша 118
- Генрих, архиепископ Майнцский 46, 47, 61, 266
- Генрих, епископ Льежский (Люттихский), подеста в Милане 102, 238, 306
- Генрих, сын Генриха Льва 199
- Генрих (Анри), граф Шампани (Труа) 103, 358
- Генрих Гордый, герцог Баварский и Саксонский, дядя Барбароссы 37, 38, 39, 58, 221, 376
- Генрих Лев, герцог Баварский и Саксонский 9, 26, 39, 42, 44, 46, 47, 55, 58, 61, 62, 64, 68, 70, 76, 87, 93, 107, 108, 113, 124, 125, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 137, 145, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 163, 164, 165, 166, 171, 173, 184, 198, 271, 281, 282, 283, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 298, 300, 315, 318, 324, 330, 348, 351, 353, 354, 361, 363, 364, 365, 368, 370, 371, 383, 385, 443, 448, 477
- Генрих фон Берхтесгаден, архиепископ Зальцбурга 141
- Генрих фон Диц, граф 306
- Генрих фон Фельдеке 171
- Генрих Черный, герцог Баварский, дед Барбароссы 34, 41
- Генрих Язомирготт, пфальцграф Рейнский, затем герцог Баварский, затем герцог Австрийский 31, 39, 46, 56, 58, 62, 68, 114, 295
- Генуя 81, 83, 100, 101, 103, 109, 136, 145, 150, 184, 205, 231, 257, 319, 320, 326, 329, 347, 369, 371
- Георгенберг, гора возле реки Энс 192
- Герард, епископ Болонский 94
- Герман, герцог Каринтийский 96, 164
- Герман, епископ Верденский 71, 121, 122, 236, 433
- Герман, епископ Констанцкий 251
- Герман, маркграф Баденский 210
- Герман фон Шталек, пфальцграф Рейнский 46, 68, 70, 266, 284, 295
- Герон, епископ Хальберштадтский 153
- Гертруда фон Зульцбах, супруга Конрада III 139

- Гертруда, дочь Генриха Льва, супруга Фридриха IV Ротенбург-Швабского, затем Кнуда VI Датского 159, 353
- Гертруда, дочь Лотаря III, супруга Генриха Гордого, затем Генриха Язомирготта 37, 39, 376
- Гертруда, супруга Германа фон Шталека, сестра Конрада III 295
- Герхох Райхерсбергский, пробст 33, 273, 462
- Гильельмо (Вильгельм) ди Пароди, маркграф 180
- Гислеберт Монсский 17, 46, 47, 201
- Гитлер, Адольф 9
- Глогау (Глогов) 73
- Гнезен (Гнезно) 172, 352
- Гогенштауфен, замок 29, 162, 193
- Гормас 370, 479
- Госвин фон Хайнсберг, граф, наместник областей Сеприо и Мартезана 82, 238, 432
- Гослар 68, 75, 76, 132, 134, 146, 159, 198
- Готфрид из Витербо 52, 385
- Готфрид, граф Анжуйский 355
- Готфрид, епископ Вюрцбургский 200, 210
- Готфрид, епископ Оксерский 259
- Готфрид, епископ Шпайерский 122
- Готфрид, канцлер 181
- Готфрид фон Кальв, пфальцграф Лотарингский 32, 219
- Гоше III де Сален 132
- Гран (ныне Эстергом) 202
- Грасс 369
- Грассано 66
- Гратехайде, местность 353
- Гренобль 94, 242
- Григорий VII, папа 29, 220
- Григорий VIII, папа 29, 194, 195, 201
- Гуасталла 179
- Губбио 273
- Гуго, аббат Боннево 147, 260
- Гуго, аббат Ключи 360
- Гуго, герцог Бургундский 365

- Гуго, епископ Суассона, канцлер Людовика VIII Французского
Гуго, пфальцграф Тюрингенский 112, 117
Гуго из Пуатье 21
Гуго Прованский, король Италии 241
Гумберт, архиепископ Безансонский 106, 429
Гумберт III, граф Савойский 125, 140, 180, 181, 187, 189, 201, 260, 335, 368
Гунтер, епископ Шпайерский 46
Дагсбург фон, графы 107
Далмация 294, 348
Дамаск 195
Даниил, епископ Пражский 73, 122
Даниил, клирик, легат в Бургундии
Дания 21, 73, 78, 89, 170, 341, 350, 351, 352, 353, 354, 356
Дегенхард фон Хелленштайн 162, 285
Дергано 98
Дижон 105
Дизентис 111
Дизибоденберг 263
Дипольд фон Фобург, маркграф 44
Дитрих Сильв-Бенитский, конверс-картезианец, родственник Барбароссы 147, 259, 260, 468
Дитрих, граф Фландрский 58
Дитрих, маркграф Лаузицкий 156
Донаувёрт 134
Дортмунд 311
Ду, река 74, 335
Дуйсбург 311, 317
Дульчия, дочь Раймунда Беренгара III Барселонского и Прованского 368, 369
Дунай 114, 167, 201, 202, 203
Дье 242
Дюранс, река 151, 242, 368
Евгений III, папа 40, 48, 55, 57, 59, 61, 87, 225, 251, 266, 271, 344, 376, 461
Египет 195

- Женева 70, 126, 243, 289
Жерар, граф Макон-Вьеннский 133
Живор (южнее Лиона) 133
Зальцбург 112, 118, 131, 132, 256, 418
Зальцбургхофен (ныне Фрайлассинг) 131
Зелигенштадт 198, 370
Зельц 108
Зигфрид, избранный на архиепископскую кафедру в Бремене, затем епископ Бранденбургский, затем архиепископ Гамбург-Бременский 131, 159
Зинциг 54, 159
Зиттен (Сьон) 70, 243
Золотая долина 290, 374
Иван Асень, болгарский князь 203
Ивуа близ Музона 196, 366
Иерусалим 195, 209, 210, 263, 386
Изабелла Геннегау, супруга Филиппа II Августа, короля Франции 363
Изео 92
Изер, река 242
Изола Комачина 85, 323
Иконий (ныне Конья) 199, 206, 372, 453
Имола 120, 143, 176, 183
Иннокентий II, папа 221, 224, 226
Иннокентий III, папа 227
Иоанн из Ананьи, кардинал 90
Иоанн Киннам 20
Иоанн Комнин, византийский император 342, 343
Иоанн Солсберийский 14, 21, 107, 341, 359, 433
Иоанн, епископ Гренобльский 368
Иоанн, епископ Падуанский 94
Иоанн, кардинал-священник церкви Сан-Марко 169
Иоанна Английская, супруга Вильгельма II Сицилийского 172, 474, 443
Ираклий, архиепископ Лионский 106
Ирина, императрица, супруга византийского императора Ману-

- ила I Комнина – см. Берта фон Зульцбах
Исаак из Вероны 68
Исаак II Ангел, византийский император 199, 206, 350
Испания 73, 89, 356, 367
Истрийские маркграфы 161
Истрия 294
Иштван III Венгерский 107
Иштван IV Венгерский 107
Кавалькаконте 149
Казале Монферрато 84
Казимир, великий князь Польский 352
Кайзерсверт 311
Кайзерслаутерн 77
Кайна 156
Калабрия 226
Каликст II, папа 249
Каликст III, папа 131, 148, 166
Камбре 58, 116, 164, 316, 440
Камерино 166
Каносса 29, 220
Капетинги, династия 124, 192, 354, 356, 357, 360, 363, 434
Капуя 226
Каринтия 96
Каркано, замок в Брианце 92, 442
Карл Великий 116, 117, 196, 215, 228, 274, 276, 361, 362
Кастелларано на Секкии 180
Кастеллеоне (Каструм Манфреды) 189, 190
Кастилия 367, 369
Каффаро 19
Кведлинбург 163
Кёльн 55, 113, 116, 129, 134, 175, 196, 197, 447
Кентербери 173
Кжишков 73
Киффхаузен, замок 139
Киффхойзер, горы 374, 375
Клеменция фон Церинген, супруга Генриха Льва, затем

- Гумберта III Савойского 44, 76, 125, 291, 298, 361, 368
Клерво, монастырь 88
Климент III, папа 201
Кнуд (Канут, Кнут) VI, король Дании 159, 170, 202, 353, 354
Кобленц 38
Кольмар 59
Комнины, династия 20, 342
Комо 64, 72, 76, 81, 82, 85, 92, 102, 110, 142, 145, 168, 189, 217, 238, 301, 319, 320, 321, 323, 426
Комо, озеро 76, 78, 92
Конрад, герцог Ротенбургский, затем Швабский, пятый сын Барбароссы 193, 370, 439, 467
Конрад, епископ Аугсбургский 122
Конрад, епископ: Вормсский 135, 348
Конрад, епископ Пассауский, затем архиепископ Зальцбургский 31, 256, 295
Конрад, маркграф Монферратский 166, 183, 232, 302
Конрад, пфальцграф Рейнский, сводный брат Барбароссы 70, 95, 118, 311, 423, 465
Конрад, третий сын Барбароссы, получивший впоследствии имя старшего сына (Фридрих) – см. Фридрих V, герцог Швабский 197, 438
Конрад III, герцог Франконский, затем император 14, 15, 25, 32, 33, 36, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 55, 60, 63, 123, 130, 139, 158, 195, 196, 200, 221, 225, 227, 241, 245, 250, 251, 259, 279, 283, 284, 290, 308, 312, 319, 336, 342, 344, 353, 356, 376, 424, 469, 470
Конрад фон Балльхаузен, подеста в Ферраре 102
Конрад фон Виттельсбах, архиепископ Майнцский, затем кардинал Сабини, затем архиепископ Зальцбургский, затем вновь архиепископ Майнцский 94, 111, 114, 115, 117, 118, 122, 157, 170, 176, 202, 259, 267, 268
Конрад фон Лютцельхардт, по прозвищу Москаинчервелло, маркграф Анконы 148, 149, 442
Конрад фон Урслинген, герцог Сполето 148, 149, 150, 183, 462
Конрад Ота (Конрад-Отто), маркграф Моравский 167

- Константин Великий, римский император 219
Константинополь 204, 205, 206
Констанц 26, 40, 59, 61, 107, 156, 165, 168, 169, 189, 251, 274, 282, 319, 331
Констанция Сицилийская, супруга Генриха VI 175, 181, 184, 185, 186, 223, 227, 262, 332, 350, 385
Констанция, первая жена Раймунда V Тулузского, сестра Людовика VII Французского 369
Конья – см. Иконий
Корвей, монастырь 42, 305
Корсика 83
Костолак – см. Браничево
Крема 84, 86, 87, 88, 89, 90, 102, 179, 180, 181, 188, 237, 254, 255, 270, 301, 320, 323, 324, 325, 331
Кремона 67, 72, 83, 84, 96, 102, 110, 119, 121, 124, 144, 147, 168, 175, 177, 178, 181, 187, 188, 236, 238, 301, 324, 326, 328, 329, 331, 332, 382, 436, 470
Кристиан фон Бух, пробст Мерзебургский, затем канцлер, затем архиепископ Майнцкий 94, 115, 124, 129, 133, 135, 142, 143, 148, 166, 222, 229, 236, 267, 302, 327, 348, 349, 361, 418
Кроация (Хорватия) 294
Кур 128, 313
Кутбеддин, сельджукский султан Икония 206
Кылыч-Арслан II, сельджукский султан Икония 199, 206, 371, 372
Кьери 63, 64, 320
Кьоджа 148
Кьявенна 76, 78, 145, 153, 292
Лазурный берег 242, 369
Лайбниц 132
Лайне, река 266
Ламберт фон Нимвеген 237
Ламбрате 98
Ламбро, река 80, 276, 322
Ландриано 95
Лаодикия 206
Ласло II Венгерский 107

Лауфен 118

Левон II Рубенид, правитель Армении 208

Ленцбург фон, графы 136, 146

Ленцбург 137, 200

Леньяно 146, 147, 165, 260, 329

Леон 367

Леопольд III, маркграф Австрийский 31, 35

Леопольд IV, маркграф Австрийский 31, 39

Леопольд V, маркграф Австрийский 164, 192, 200

Лехское поле (Лехфельд) под Аугсбургом

Леччо 179

Лигурийские Апеннины 180, 231

Лигурийское побережье 223

Лион 75, 133, 242, 360

Леди 18, 19, 48, 50, 61, 72, 77, 80, 81, 83, 85, 86, 89, 90, 93, 96, 98, 102, 108, 109, 110, 119, 120, 123, 124, 178, 217, 236, 238, 257, 265, 276, 301, 319, 321, 322, 323, 324, 326, 330, 470

Лозанна 70, 243

Ломбардия 18, 90, 99, 100, 101, 110, 119, 121, 123, 126, 127, 143, 147, 150, 180, 183, 187, 244, 261, 285, 301, 319, 326, 327, 347

Ломбардская лига 11, 13, 26, 121, 123, 125, 137, 140, 141, 143, 144, 145, 150, 153, 382, 385

Лорх, монастырь 27, 29, 34, 40

Лорш, монастырь 118, 270, 284

Лотарь III, герцог Саксонский, затем император 35, 36, 37, 38, 39, 58, 63, 66, 74, 220, 221, 224, 226, 250, 279, 285, 303, 311, 319, 320, 324, 342, 376, 456

Лукка 81, 104, 110, 123, 221, 304, 332

Лукоманьо, перевал 146

Луни 81, 259

Луццара 179

Льеж (Люттих) 185

Любек 163, 287, 290, 293, 315, 354

Людвиг, граф Саарверденский, легат в Бургундии 244

Людвиг II, ландграф Тюрингский, зять Барбароссы 93, 136, 295

Людвиг III, ландграф Тюрингский, племянник Барбароссы 139, 159

- Людовик VI, король Франции 355
Людовик VII, король Франции 21, 75, 103, 105, 106, 108, 113, 134, 164, 257, 346, 355, 356, 357, 358, 362, 367, 369, 380, 430
Люнебург 160, 163
Люттих – см. Льеж
Люций III, папа 169, 174, 175, 176, 177, 186, 195, 261, 262, 365
Маас, река 162
Магдебург 75, 128, 156, 158, 263
Майн, река 45, 46, 72, 74, 128, 132
Майнц 38, 40, 61, 72, 91, 107, 115, 166, 170, 171, 173, 196, 197, 263, 267, 268, 311, 363, 364
Македония 205
Маласпина, маркграфы 231, 232
Малая Азия 350
Мантуя 111, 121, 220, 328
Мануил I Комнин, византийский император 43, 135, 166, 228, 291, 343, 346, 371, 372, 474
Манфредо Фанто, подеста Кремоны 188
Маона, сеньоры 289
Марвелло Маласпина, маркграф 143
Маргарита, супруга короля Венгрии Белы III 202
Маренго 64, 85
Мария Антиохийская, вторая жена византийского императора
Мануила I 346
Мария, дочь византийского императора Мануила I 166, 302, 348
Мария, племянница византийского императора Мануила I 344
Мария-Лаах, монастырь 40
Марквард, аббат Фульды 115
Марквард фон Аннвайлер 206
Марквард фон Грумбах 102, 108, 237, 306
Марквард фон Нойнбург 206
Маркезе 88
Марсель 242
Мартезана, область к северо-западу от Милана 81, 179, 238, 432
Мартин Гозия, правовед из Болоньи 82

- Мартин, епископ Майсенский 210
Матильда Тосканская (Каносская) 36, 38, 58, 175, 219, 220, 221, 222, 223, 229, 261, 288, 303, 470
Матильда, дочь Генриха I Английского, супруга Генриха V (императрица), затем Готфрида Анжуйского 34, 73, 355, 475
Матильда, дочь Генриха II Английского, супруга Генриха Льва 113, 129, 159, 291, 298, 361, 383
Маттиас, герцог Верхнелотарингский, зять Барбароссы 295, 429, 432
Мекленбург 61, 62
Мемминген 44
Мендерес, река 206
Мерания 294
Мерзебург 55, 56, 115, 136, 167
Мец 355
Мешко III, великий князь Польский 136, 171, 172, 351, 352
Милан 16, 19, 21, 25, 26, 36, 63, 64, 65, 67, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 100, 102, 108, 118, 124, 127, 142, 146, 165, 174, 177, 179, 180, 181, 185, 188, 217, 227, 230, 233, 237, 238, 254, 274, 276, 288, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 331, 332, 333, 347, 357, 365, 368, 380, 385, 426, 454, 457, 470
Милон Туринский, епископ 180, 181
Минден 61, 130, 266, 298, 476
Мириокефал 350
Модена 77, 78, 220, 304
Модильяна, замок близ Фаэнцы 120, 296
Мональдески, графы Фолиньо 183
Мон-Женевр 151, 246
Мон-Сени 143
Монте-Амиата 123
Монте-Бардоне (ныне перевал Ла-Чиза) 123, 182, 231
Монтебелло близ Вогеры 143, 144, 328
Монте-Марио, возвышенность 122
Монтефалько 183
Монферрат, маркграфы 231, 301, 302, 446, 458
Монферрато, область в восточном Пьемонте 168

- Монца 36, 81, 82, 109
Морава, река 203
Моравское маркграфство 167
Морена – см. Ачербо Морена, Оттоне Морена
Москаинчервелло – см. Конрад фон Лютцельхардт
Музон 196
Муссон-Монбельяр (Муссон-Мёмпельгард), род 28
Мутье-ан-Тарантез 75, 242
Мюльхаузен 190
Намюр-Люксембург, графы 170
Наполеон I, император 374
Неронови луга близ Рима 66
Нижнерейнская область 77
Никита Хониат 20
Никлот из Верле, князь ободритов 163
Николас Брейкспир – см. Адриан IV 252
Нимвеген 116, 296
Ницца 369
Ниш 203, 205
Новара 64, 72, 92, 110, 124, 125, 233, 325, 326
Нозедо 98
Нойштадт (близ Ротенфельса) 72
Нордальбингия 163
Нормандия 355
Нуреддин 195
Нюрнберг 117, 136, 139, 167, 168, 199, 200, 273
Оберт, архиепископ Миланский 88, 94, 270
Обиццо Маласпина, маркграф 80, 92, 124, 143
Одер, река 73
Озимо, местность 150
Ольденбург 61
Ольтрепо Павезе, местность 65
Оранж 242, 247, 338
Орвьето 188
Отакар IV, маркграф, затем герцог Штирии 161, 192
Отберт, избранный на кафедру архиепископа Бременского 131

- Оттавиано ди Монтичелли, кардинал, затем папа Виктор IV 87, 88, 255, 461
- Отто, граф, затем пробст в Каппенберге, крестный отец Барбароссы 40
- Отто фон Виттельсбах, пфальцграф, затем герцог Баварский 68, 77, 78, 79, 87, 120, 161, 322, 428
- Отто, маркграф Бранденбургский 158
- Оттобойрен 167
- Оттон, граф Ленцбургский, затем пфальцграф Бургундии, сын Барбароссы 137, 193, 201, 245, 334
- Оттон, епископ Фрейзингенский, дядя Барбароссы 15, 16, 27, 29, 31, 32, 33, 46, 47, 48, 52, 63, 72, 216, 224, 226, 229, 230, 234, 241, 295, 419, 427
- Оттон I Великий, император 215
- Оттон Санкт-Блазинский 17, 126, 372, 437
- Оттоне Морена 18
- Оччимиано 84
- Павия 64, 65, 72, 83, 88, 89, 92, 93, 98, 100, 101, 102, 103, 109, 110, 111, 119, 121, 124, 125, 144, 145, 146, 147, 150, 168, 175, 179, 180, 185, 187, 188, 238, 255, 256, 259, 265, 296, 301, 321, 324, 325, 326, 340, 341, 357, 358, 359, 361, 367, 433, 461
- Паган, магистр, подеста в графстве Комо 102
- Падуя 110, 119, 228, 327
- Палермо 226
- Парма 109, 110, 111, 120, 265
- Пассау 114, 131
- Пасхалий III, папа – см. также Гвидо да Крема 110, 112, 113, 115, 116, 119, 121, 122, 129, 147, 258, 260
- Патримоний Святого Петра 219
- Пегау 312
- Пентаполис 346
- Перуджа 81, 332
- Петерсхаузен, монастырь близ Констанца 221
- Петр, епископ Лунийский 169, 182, 259
- Петр, епископ Павии 125, 259
- Петр, епископ Тульский 193

- Петр Асень, болгарский князь 203, 205
Пиза 81, 101, 103, 119, 123, 136, 145, 150, 182, 183, 205, 223, 320, 325, 326, 329, 332, 347
Пильгрим, патриарх Аквилейский 80
Пиренеи (название, использованное для обозначения Альп) 216
Пистойя 182, 183, 332
Плайн фон, графы 118
Плайсе, река 290
Плантагенеты, династия 171, 173, 258, 355, 358, 361
Плайсенланд, местность 136, 199, 312
Пловдив – см. Филиппополь
По, река 62, 65, 71, 82, 84, 90, 92, 105, 116, 151, 179, 188, 216, 231, 232
Поджибонси 182, 446
Познанское епископство 73
Польша 21, 73, 108, 136, 171, 288, 341, 350, 351, 352, 353
Понтий, аббат Клерво 130
Понтий, епископ Клермонский 260
Понтремоли 123
Порретта 65
Порта Комаска, район Милана 98
Порта Тичинезе, район Милана 98
Пресбург 202
Прованс 94, 133, 150, 243, 245, 246, 367, 369
Пруссия 9
Пуату, граф (см. Ричард Львиное Сердце)
Пьемонт 63, 84, 90, 143, 187, 232, 301
Пьетро Циани, сын венецианского дожа Себастьяно Циани 148
Пьяченца 62, 71, 77, 82, 83, 85, 86, 92, 94, 96, 97, 101, 102, 104, 116, 124, 168, 179, 231, 236, 237, 254, 301, 319, 320, 322, 324, 325, 331, 430, 470
Равенна 67, 77, 120, 147, 148, 219, 233, 322
Рагевин 15, 48, 50, 86
Раймунд Беренгар III, граф Барселонский и Прованский 94, 104, 133, 245, 246, 367, 368
Раймунд Беренгар IV, граф Барселонский и Прованский 94, 104, 368

- Раймунд V Тулузский 368, 369
Райнальд фон Дассель, канцлер, затем архиепископ Кёльнский 69, 74, 77, 78, 79, 84, 87, 91, 93, 95, 97, 103, 104, 105, 107, 108, 110, 112, 113, 116, 120, 124, 195, 222, 236, 253, 257, 258, 259, 267, 276, 322, 327, 336, 357, 359, 360, 381, 418, 428, 465
Райнальд, сын Барбароссы 296
Райнау 286, 287
Райнер, маркграф Монферратский 166, 302
Райхенау 271
Рамсберг 299
Рацебург 62
Регенсбург 56, 59, 68, 70, 75, 140, 141, 158, 160, 167, 173, 192, 194, 197, 201, 322, 444
Реджо (Эмилия) 179, 180, 181, 304, 331
Рейн, река 28, 30, 34, 36, 37, 55, 56, 115, 116, 134, 166, 170, 194
Рено, река 65, 104
Ремс, река 29
Ривароло Канавезе 64
Риволи 79
Риети 183
Рим 44, 52, 58, 59, 65, 66, 74, 81, 86, 87, 88, 89, 96, 115, 119, 121, 122, 123, 124, 126, 128, 129, 136, 138, 153, 166, 178, 201, 221, 223, 224, 225, 226, 241, 251, 252, 255, 259, 261, 267, 280, 286, 289, 296, 313, 320, 321, 328, 348, 359, 380, 381, 424, 436, 460
Римини 81, 120
Рихенца, императрица, супруга Лотаря III 39
Рихильда, дочь Владислава II Польского, кузина Барбароссы, супруга Альфонса VII Кастильского, затем Раймунда Беренгара III, графа Барселонского, затем Раймунда V Тулузского 104, 133, 245, 367, 368, 369
Ричард Львиное Сердце, сын Генриха II Английского, граф Пуату 173, 177, 193, 365, 366
Роберт, король Франции 366
Родопы, горы 205
Рожер, епископ Лозаннский 190
Рожер II, король Сицилии 43, 58, 59, 118, 181, 226, 227, 342,

356, 427

Ройтте в Тироле 38

Роландо Бандинелли, кардинал Сан-Марко, канцлер Адриана IV, затем папа Александр III 74, 87, 89, 255

Романья 184

Ромуальд, архиепископ Салернский 20

Рона, река 151, 242, 246, 360

Ронкалья 62, 63, 68, 76, 81, 83, 235, 264, 320, 323, 326

Ронсберг, графы (маркграфы) 167

Руан 113, 195, 360, 361, 362

Рудольф III, король Бургундии 241

Рудольф фон Вид, пробст, затем архиепископ Трирский 169, 176, 189

Рудольф фон Пфуллендорф, граф 128, 129, 137, 161, 271, 286

Рудольф фон Райнфельден, герцог Швабии, затем король 29, 278

Рудольф фон Церинген, избранный на кафедру архиепископа Майнцского, затем епископ Льежский (Люттихский) 94, 115, 162, 171, 267, 289, 445

Руперт, епископ Пассау 114

Савона 84

Савона, маркграфы 232

Саксон Грамматик 21

Саксония 38, 39, 55, 58, 75, 76, 128, 132, 134, 154, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 167, 199, 289, 290, 295

Саладин (Салах ад-Дин), султан 140, 142, 195, 200, 204, 297, 371, 372, 386

Салеф (ныне Гёксу), река 208, 209

Сан Бенедетто По 67

Санкт-Галлен 271, 286

Сан-Марко, площадь в Венеции 149

Сан-Микеле в Павии 65

Сан-Миньято на Арно 182

Сан-Николо на Лидо в Венеции 149

Сан-Пьетро, монастырь в Старом Лоди 330

Сан-Сальваторе близ Павии 265

- Санта-Джулия, монастырь в Брешиа 71, 109, 116
Санта-Мария в Турри, в Риме 122
Санта-Мария-ди-Помпоза, аббатство 148
Сант-Амброджо, монастырь в Милане 99, 332
Сантьяго-де-Компостела 74, 163
Санчо III, король Кастилии 369
Сардиния 58, 83, 109, 111, 115, 119, 138, 221, 326
Свен, король Дании 41, 353
Святая земля 36, 135, 137, 194, 195, 202, 210, 263, 291, 299, 374
Себастьяно Циани, венецианский дож 148
Селевкия (ныне Силифке) 208, 209
Сен-Дени 354
Сен-Жан-де-Лон на Соне 21, 103, 106, 476
Сен-Жиль в Камарге 151
Сеприо, область к северо-западу от Милана 81, 179, 238, 323, 432
Сидон 195
Сиена 81, 182, 223, 306, 446
Сикард Кремонский, епископ 174
Силезия 351
Силифк – см. Селевкия
Сирия 373
Сито, монастырь 88
Сицилия 19, 20, 43, 67, 72, 86, 93, 102, 103, 109, 113, 148, 149, 175, 181, 227, 240, 250, 251, 253, 327, 332, 343, 346, 349, 354, 360, 382, 385, 427, 455
Собеслав I, князь Богемии 139
Собеслав II, князь Богемии 139, 452
Сона, река 105, 113, 241, 358, 359, 475
Сончино 188
София 204
София, дочь Белы II Венгерского, невеста Генриха (VI) 342
София, мнимая дочь Барбароссы 468
София, супруга Бертольда III фон Церингена 34
Сполето 58, 67, 138, 149, 166, 183, 219, 221, 261, 273, 288, 321, 329
Средиземноморье 19

- Стара Загора – см. Берое
Стациона 179
Стефан Блуасский, король Англии 355
Стефан Неманя, великий жупан Сербский 199, 203
Страсбург 40, 194
Суассон 357
Суза 126, 143
Сутри 66, 248
Сьон – см. Зиттен
Танаро, местность 145, 328
Танкред, граф Леччейский 181
Тарсус (Тарс) 210
Теобальд, епископ Веронский 270
Теобальд, епископ Губбио 274
Теодерих (Теодорих) 48
Тибр, река 224, 226
Тиволи 81, 428
Тир 210
Тирренское море 216
Тичино, река 65, 92, 320
Толедо 370
Томас Бекет, канцлер Генриха II Английского, затем архиепископ Кентерберийский 113, 134, 173, 272, 362
Тонале, перевал 119
Тортонна 65, 67, 98, 124, 145, 177, 231, 301, 320, 329, 382
Тоскана 38, 58, 65, 104, 138, 182, 183, 219, 220, 221, 222, 289, 303, 329
Тревизо 111, 228
Треццо 80
Триент 173, 316
Триполи 210
Трир 58, 71, 169, 196, 465
Тронто 121
Туль 193, 196, 366
Туризендо из Вероны 82
Турин 84, 104, 105, 143, 150, 151, 181, 185

- Тускул 121, 166
Убальд, епископ Губбийский 273
Уго ди Порто Равенната, правовед из Болоньи 82
Удальрих II, патриарх Аквилейский 96
Ульм 37, 40, 57, 71, 72, 76, 112, 117, 118, 155, 157
Ульрих, епископ Хальберштадтский 62, 68, 154, 157
Ульрих, мнимый внебрачный сын Барбароссы 467
Ульрих II, герцог Каринтийский 164
Ульрих IV, граф Ленцбургский 59, 136, 225, 251
Ульрих фон Аттемс, маркграф Тосканы 221
Ульриха и Афры Свв. монастырская церковь, в Аугсбурге
Умберто, архиепископ Миланский, затем папа Урбан III 186
Умбрия 183
Унтерсберг близ Зальцбурга 374
Урбан III, папа – см. также Умберто, архиепископ Миланский
187, 191, 194, 262, 263
Урсберг 17
Утрехт 56, 116, 263
Фано 81, 148
Фарфа, монастырь 65
Фаэнца 120, 183, 184
Фердинанд I, король Кастилии 367
Фердинанд II, король Кастилии 370
Фермо 81
Феррара 102, 111, 121, 148, 150, 176, 228, 328
Фессалоники 43, 343
Филипп, граф Фландрский 159, 164, 167, 171, 172, 184, 185
Филипп, пробст в Ахене, затем герцог Тосканский и Швабский
и с 1198 года король, младший сын Барбароссы 170
Филипп I, король Франции 354
Филипп II Август, король Франции 159, 164, 184, 193, 196,
202, 363, 366
Филипп фон Хайнсберг, канцлер, затем архиепископ Кёльн-
ский 129, 146, 154, 158, 162, 171, 173, 175, 184, 189, 191, 193,
198, 262, 361, 364, 365, 366
Филиппополь (ныне Пловдив) 204

- Филлах 96
Фландрия 116, 171, 363, 364
Флоренс, граф Голландский 210
Флоренция 81, 182, 446
Флохберг 44
Фогтланд 290
Фолиньо 81, 183
Фольмар фон Карден, архидиакон, затем архиепископ Трирский 169, 189, 191, 193, 366, 477
Фондако деи Тедески 229
Форкалькье, графы 150, 242, 336
Форххайм 29
Фрайбург-ин-Брайсгау 33
Фрайлассинг – см. Зальцбургхофен
Фракия 205
Франкония 33, 284
Франкфурт 45, 46, 47, 54, 72, 312
Франция 13, 14, 21, 43, 52, 73, 89, 90, 96, 100, 113, 118, 129, 130, 142, 171, 185, 191, 193, 247, 341, 346, 354, 355, 356, 360, 362, 364, 365, 366, 381
Франшевель 138
Фрежюс 369
Фридрих, князь Богемии 167
Фридрих, старший сын Барбароссы 361, 438
Фридрих I, герцог Австрийский 6, 25
Фридрих I Штауфен, герцог Швабский, дед Барбароссы 27, 30, 31, 29, 33, 136
Фридрих II Одноглазый, герцог Швабский, отец Барбароссы 32, 33, 34, 35, 37, 376
Фридрих IV, герцог Ротенбург-Швабский, двоюродный брат Барбароссы 73, 76, 93, 128, 159, 259, 283
Фридрих V, герцог Швабский, третий сын Барбароссы (первоначальное имя Конрад) 93, 170, 193, 200, 297, 313, 438, 439
Фридрих фон Бюрен, прадед Барбароссы 28
Фридрих фон Виттельсбах, пфальцграф 116
Фризах 132

- Фульда, монастырь 71, 132, 171
Хагенау 32, 201, 308, 311, 317
Хальберштадт 157
Хальденслебен 156
Ханбах на Фильсе 200
Хартвиг, архиепископ Гамбург-Бременский 62, 68, 76
Хартман, епископ Бриксенский 78
Хартман фон Зибенайх 126
Хаттин 263
Хериберт, проbst в Ахене, затем архиепископ Безансонский 87, 127, 335
Хиллин, архиепископ Трирский 46, 55, 114, 251, 254
Хильвартсхаузен, монастырь 69
Хильдегарда фон Шлеттштадт, супруга Фридриха фон Бюрена, прабабка Барбароссы 28
Хильдесхайм 61, 266
Хойран, озеро в Анатолийском нагорье 206
Хорватия – см. Кроация
Церингены, род 29, 30, 31, 32, 37, 42, 44, 56, 58, 59, 64, 70, 106, 107, 112, 126, 162, 187, 191, 242, 243, 285, 309, 334, 368
Цоллерн фон, графы 155
Цюрих 30
Чезария (имперское название Алессандрии) 168, 330
Чезена 149
Чивидале 176
Шаленги-Каччаконти, графы 150
Швабегг фон, сеньоры 286
Швабия 27, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 40, 41, 42, 44, 45, 57, 76, 134, 136, 154, 155, 156, 161, 242, 243, 244, 271, 283, 284, 285, 286, 287
Швайнсхут 299
Швайнхаузен фон, сеньоры 286
Швеция 253
Шенис 286
Шо, клюнийский приорат 137
Шпайер 31, 155, 191, 265, 315, 367
Шпайергау 37

- Штаде 163
Штирийские маркграфы 108, 294
Штирия 161
Штутгарт 10
Эберхард, архиепископ Безансонский 137, 335
Эберхард, архиепископ Зальцбургский 96, 97, 100, 111, 256
Эберхард, епископ Бамбергский 45, 55, 86, 114, 130, 251, 259, 463
Эберхард, епископ Регенсбургский 122
Эгенольф фон Урслинген, подеста Пьяченцы 102, 105
Эгер, река 284
Эдирне – см. Адрианополь
Элеонора (Алиенора) Аквитанская, супруга короля Людовика VII Французского, затем Генриха II Английского 355, 361
Элеонора Английская, невеста Фридриха, старшего сына Барбароссы, затем супруга Альфонса VIII Кастильского 113, 133, 134, 198, 370, 438, 476, 478
Эльба, река 62, 288
Эльзас 28, 31, 34, 37, 42, 58, 76, 107, 141, 152, 170, 191, 201, 271, 283, 308, 312
— Верхний 37
— Нижний 37
Эммерих (Имре) Венгерский 177, 476
Энгерн 158
Энрико, кардинал-епископ Альбано 194
Эрлунг, епископ Вюрцбурга 33, 34
Эрфурт 91, 132, 139, 161, 164
Эскиль, архиепископ Лундский 74, 76, 253
Эстергом – см. Гран
Эч (Адидже), река 270
Юдифь, дочь Генриха Черного Баварского, супруга Фридриха II Швабского, мать Барбароссы 33, 34, 295, 376
Юдифь, дочь Леопольда III Австрийского, супруга Вильгельма Монферратского 232, 301, 429
Юдифь, супруга Людвиг II Тюрингского, сводная сестра Барбароссы 295, 423
Яков, правед из Болоньи 82

Оглавление

Предисловие автора	5
Предисловие к третьему изданию	7
Вводные замечания. Фундамент нашего знания	8
I. ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ ФРИДРИХА БАРБАРОССЫ	23
1. Семья, юность и личность	27
2. Консолидация и новые проблемы (1152–1158)	54
3. Борьба с Миланом и первые годы схизмы (1158–1162)	79
4. От триумфа над Миланом до краха имперской власти в Верхней Италии (1162–1168)	100
5. Поворот в штауфеновской политике (1168–1178)	127
6. От столкновений с Генрихом Львом до Майнцской Троицы (1178–1184)	153
7. Последний итальянский поход Штауфена (1184–1186)	174
8. Кульминация «мирового признания» штауфеновской власти (1186–1190 годы)	190
II. СТРУКТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ	211
1. Две негерманские части империи — Италия и Бургундия	215
2. Фридрих Барбаросса, папство и клир	248
3. Фридрих Барбаросса, князья, знать и министерялитет	278
4. Фридрих Барбаросса и города	308
5. Положение империи в христианском мире	340
Заключительные замечания	373
Указатель источников и литературы	387
Список сокращений	413
Примечания	414
Указатель имен собственных	481

Научное издание

Фердинанд Опль

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

Директор издательства *Чубарь В. В.*

Главный редактор *Трофимов В. Ю.*

Верстка *Кирюковой Ю. С.*

Корректор *Чебыкина М. В.*

Подготовка указателя *Кирюкова Ю. С.*

Подписано в печать 21.01.2010. Формат 84×108 ¹/₃₂
Усл. печ. л. 26,88. Гарнитура «Antiqua». Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 11.

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86,
пом. 106, тел. (812)320-57-74,
<http://www.eurasiabooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86
тел. (812) 322-68-43.

Монография современного австрийского историка Фердинанда Опля посвящена одной из самых известных личностей XII столетия и всего европейского Средневековья — правителю Священной Римской империи Фридриху I Барбароссе. Труд, первое издание которого было приурочено к 800-летней годовщине со дня смерти монарха, сочетает в себе яркое и подробное изложение биографии императора (первая часть книги) с комплексным описанием своеобразия его политической деятельности, взаимодействия с разными сословиями и институтами средневекового общества (второй раздел). Барбаросса представлен как политик мирного времени и военный организатор, в борьбе за власть и на вершине своего могущества, на фоне разнообразных событий в немецких землях и во время шести походов в Италию, во главе III крестового похода, принесшего ему гибель, и как мифологизированный образ многовековой исторической памяти.

ISBN 978-591852014-7

9 785918 520147